

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

366/5 5 • 2017

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

80 лет Иркутской области

- Сергей Левченко**, Губернатор Иркутской области
«Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала...»3
- Ольга Стасюлевич**, министр культуры и архивов Иркутской области
Время открытий21
- Юрий Баранов**, председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей
России. Иркутская литература: вчера и сегодня24

Поэзия

- Анатолий Горбунов**. Огонёк родного дома27
- Геннадий Гайда**. Ангелом светлым по жизни ведомый...43
- Ростислав Филиппов**. Если я когда-нибудь воскресну...87
- Василий Козлов**. Стихи разных лет102
- Михаил Рябиков**. Святая дума о простом народе111
- Владимир Горчаков**. Весною сорок пятого119

Проза

- Гавриил Кунгуров**. Путь в Китай. Отрывок из повести «Албазинская крепость»36
- Алексей Зверев**. Гарусный платок. Повесть51
- Глеб Пакулов**. Из Байкал-моря к Иркутскому острожку.
Сказ из повествования о протопопе Аввакуме.....96

Сквозь призму истории

- Юрий Похабов**. Яков Иванович Похабов, енисейский сын боярский123
- Людмила Третьякова**. Наследие графа Амурского132
- Наталья Гаврилова**. Купеческий род Сибиряковых143

Роденица

- К 80-летию со дня рождения поэта Ростислава Филиппова
Василий Козлов. Он всегда и во всем был поэтом150
- К 75-летию со дня рождения поэта Анатолия Горбунова
Анатолий Байбородин. «Землю и небо любили...»157
- К 70-летию со дня рождения поэта Геннадия Гайды
Владимир Скиф. «Когда мы были молодые...»172

Публицистика

К столетию двух русских революций

Валентина Семенова. Испытание историей182

Критика

Валерий Хайрюзов. Время, судьбы и произведения192

Лит. мир

К 75-летию со дня рождения выдающего сибирского учёного-фольклориста В.П. Зиновьева

Валерий Зиновьев. «Соловей кукушку подговаривал...»

Сказки, мифы, песни Восточной Сибири224

(Предисловие: В. Распутин; послесловие: Н. Новикова)

Вернисаж

85-летие Иркутского отделения Союза художников России

Татьяна Ларёва. Прибайкальские художники прошлого и нынешнего веков243

К 60-летию со дня рождения художника Юрия Карнаухова

Любовь Сухаревская. Музыка живописи254

Сулочка к другу

«Хлестали поэтические мысли...» Литературные пародии257

Книжная лавка264

Поздравления264

Главный редактор А.Г. БАЙБОРОДИН

Директор редакции Ю.И. БАРАНОВ

Заведующий отделом поэзии В.П. СКИФ

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь С.В. ЗУБАКОВА

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.Г. Байборodin, Ю.И. Баранов, В.В. Воронов,

И.И. Козлов, Р.Г. Михеева, М.П. Попова, А.И. Сальников, С.В. Шеребаева

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Л.Н. Заступова.

На 1-й странице обложки: А. Авдеев. Граф Муравьев-Амурский и Иннокентий Вениаминов. Хабаровск. 2008. X., м. 95x119.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 253. каб. 304. Адрес учредителя: 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 253. каб. 303.

Телефон редакции: 48-66-80, добавочный: 300. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru

Подписано в печать 31.10.2017 г. Выход в свет: 10.11.2017 г. Формат 70x108/16.

Усл-печ. л. 22. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ООО «Принт Лайн», 664006, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, оф. 21. Тел. 8 (3952) 48-66-00.

Е-mail: info@printline.ru Сайт: http://www.printline.ru

Отпечатано в типографии: ООО «Принт Лайн», 664006, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, оф. 21. Тел. 8 (3952) 48-66-00.

Р/сч. № 40702810608030001744

к/с 30101810200000000777 Банк получателя ФЛ ПАО Банк ВТБ в г. Красноярск

Сч. № 301018102000000000777

БИК 040407777

ИНН/ КПП 3808086540/381201001

ОКПО 13623582

ОКПО 13623582

80 лет Иркутской области

СЕРГЕЙ ЛЕВЧЕНКО

ГУБЕРНАТОР ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

«Я люблю тебя, жизнь, и хочу,
чтобы лучше ты стала...»

А. Донских: Здравствуйте, Сергей Георгиевич! Спасибо, что нашли время встретиться и поговорить. Последний раз журнал «Сибирь» помещал интервью с Губернатором Иркутской области лет шестнадцать назад. Тогда наш выдающийся писатель Валентин Григорьевич Распутин, 80-летие которого Россия отмечает в этом году, беседовал с губернатором Борисом Александровичем Говориным — о власти, о добре, о справедливости. Эти, что называется,

вечные темы, несомненно, остаются востребованными и в настоящее время.

Валентин Григорьевич оценивал СССР с точки зрения преемственности «великого государства, имеющего тысячелетнюю историю», и уточнял в беседах с журналистом В. Кожемяко, что советская государственность — «органичное проявление национальной силы». Как Вы думаете, происходит ли сейчас, по выражению В.Г. Распутина, «возвращение национальной и исторической России»? Может быть, мы строим нечто новое, или, так скажем, некорневое, или даже вовсе случайное, навязанное нам со стороны, например Западом, а проявление различного рода историчности, «исторической России», в нашей нынешней жизни, как порой слышишь от людей либеральных умонастроений, «всего лишь бутафорицина», «стремление выдать желаемое за действительное»? Что для Вас «национальная и историческая» Россия? Как порой отличить ложное от подлинного, корневое от наносного, народное от ряженого? Кстати, Вы ощущаете ностальгию по Советскому Союзу?

С. Левченко: Ну, начну с последнего. Я не могу назвать это ностальгией в чистом виде, но мне жаль, мне обидно, что на переломе 80–90-х годов был «оборван полёт», я бы так сказал. Потому что, наверное, каждый из нас, особенно те, кто жил в то время, могут привести очень много примеров, когда на их глазах какой-то объект, какое-то предприятие, какой-то даже целый город, вообще, как сегодня принято называть, «проект», активно развивался, но неожиданно был остановлен.

Ложь от правды очень трудно бывает отличить, даже в случае, когда это касается, скажем, какого-то конкретного человека. Не всегда можно разобрать, на-

сколько человек правдив, когда ты с ним общаешься. Если оценивать в сфере всего государства, насколько сейчас наличествует бутафория, что-то наносное, насколько какие-то моменты жизни не соответствуют нашим корням, то следует сказать, что сегодняшнее время характерно как раз способностью вмещать в себя многое что. Возвращаются какие-то понятия, верования, традиции, возвращаются целые пласты культуры, которые по каким-то причинам были незаслуженно забыты.

В то же время либерализм, особенно в экономике, который нам пытались привить в последние десятилетия, не проявился и не укоренился. И впредь, думаю, не проявится и не укоренится в нашей огромной стране, в которой традиционно, исторически большую созидательную роль играло и играет государство, в отличие, скажем, от какой-нибудь маленькой страны, которая живёт в более-менее комфортных географических, климатических и другого рода условиях. Как иногда принято говорить, «либерализм у нас не летает». Пусть, к примеру, пойдёт какой-нибудь бизнес, какое-нибудь предпринимательство, какой-нибудь частник развивать Север. Не идёт и не пойдёт! Бизнес ищет, где для него выгоднее. И такой вариант он всегда найдёт. А Север, какие-то крупные объекты, обширные территории, что называется, ему не по зубам. У нас страна в миллионы квадратных километров, две трети России в такой непростой ситуации находится.

Да, в отдельных случаях, там, где более-менее всё сложилось, какие-то отдельные предприятия, отдельные проекты работают, в какой-то мере даже лучше, чем, скажем, в советское время. Но, во-первых, это как раз исключения, которые подтверждают правила по количеству и по масштабу. Во-вторых, ещё неизвестно, как бы мы жили, если бы тридцать последних лет продолжали развиваться, как развивались в советские времена. Может быть, стали бы жить намного лучше. История, однако, сослагательного наклонения не терпит. Но, тем не менее, нужно учитывать, что мы до сих пор по многим видам промышленности отстаём от уровня Советского Союза. А ведь почти тридцать лет новой России!

Я по первой профессии строитель, и мы в 89-м году полтора миллиона квадратных метров жилья и других объектов возвели. В нынешнем году Иркутская область планирует выйти на миллион квадратных метров, что составит две третьих от объёмов 89-го. К слову, я принял в 2015 году в качестве губернатора вообще выполненных строительных работ всего на одну треть от того, что произошло в памятном 89-м.

Лихие наши 90-е и начало 2000-х проходили под лозунгом «Обогащайся любым способом!» Обогатился какой-нибудь человек, урвал свой лакомый кусок — и, думает, хорошо, и молодец я! Помните Лёню Голубкова? Ты, как говорится, в шоколаде, жизнь удалась и так далее. Подобного рода пропаганда в наши дни, слава богу, затихла. Азарт лёгкой наживы стал не характерен для людей. Стало активно повсеместно проявляться в жизни то, что у нас на самом деле внутри. Посмотрите, какое сейчас большое количество добровольцев, волонтеров! Несомненно, в человеке крепнет наш российский, русский менталитет. Вот это я реально вижу. Подвижки, преобразования в нашей жизни меня вдохновляют, по крайней мере, на позитив настраивают, какие-то надежды дают.

А. Донских: Однажды, в уже далёком августе 1991 года, я пришёл к Вам на приём. А Вы только что были избраны первым секретарём Ангарского горкома партии. Я увидел перед собой по-военному подтянутого молодого человека со строгостью, но и задором в глазах — Вам сорока тогда ещё не было, а сам я, можно сказать, и вовсе был мальчишкой, правда, работал в Иркутском

областном институте усовершенствования учителей старшим методистом. С ходу говорю Вам: «Хочу создать в Ангарске студию учебно-просветительского телевидения для школьников и молодёжи. Будем готовить программы по истории, культуре и природе Сибири и транслировать их, для начала, по Ангарскому кабельному телевидению. Материалов, тем, идей, сценариев — море разливанное. Областная студия кинохроники готова делиться своими сокровищами. Надо нашими, сибирскими, материалами мало-помалу ладить заслон перед засильем киноразвлекаловки!..» Вы, не зная меня, тоже с ходу говорите: «Добро! Помогу. Пиши бумагу — через неделю жду».

Прихожу с ворохом бумаг, в которых изложен проект такой студии, расписаны, даже уже с раскадровкой, три-четыре сценария, в том числе по творчеству А. Вампилова, а двери горкома опечатаны, рядом позёвывает милиционер — президент Б.Н. Ельцин своим Указом приостановил деятельность КПСС.

Минуло с той поры 26 лет, говоря высоким слогом, более четверти века, а Вы по-прежнему душевно молоды, подтянуты, а также приглядчивы и чутки к свежим идеям и новинкам. Я об этом частенько слышу от людей. Но и сам был свидетелем и участником весьма и весьма показательного случая. В апреле прошлого года ваш советник по культуре, поэт и общественный деятель Владимир Скиф организовал первую — и не последнюю, как потом оказалось! — встречу писателей с Вами, где я, в частности, спросил у Вас: «Возможно ли с 2017 года возобновить издание журнала «Сибирь» в прежнем объёме — 6 номеров в год, как нередко бывало раньше и как издавна прописано в уставе журнала?» Оговорюсь для читателей: денег ежегодно хватало едва на три-четыре номера, а бывали годы — ни одного не выходило, или один-два. А запрос на «Сибирь» не мал! Знаем, что казна областная в сентябре 2015 года досталась вам в скромных объёмах, потому и попросил Вас о содействии к 2017 году, когда, были уверены писатели (и не ошиблись!), начнутся в области серьёзные промышленные и экономические подвижки, о которых со дня вашего избрания часто слышали. В ответ прозвучало не без этакой молодецкой задиристости: «А почему в 17-м, а не сейчас?» Я, признаться, подрастерялся. Сколько мы, литераторы, направляли писем в прежнюю областную администрацию... откликом зачастую бывала таинственная тишина или отписка. А тут вновь — с ходу!

И проблема, сообщу нашим читателям, решилась благополучно: журнал стал выходить в полном объёме, а с 2018 года, прошёл слух, государство в лице министерства культуры и архивов области возьмёт под своё крыло, и редакция, соответственно, будет работать на профессиональной основе. Такое же, к слову, благодатное преобразование когда-то случилось и с журналом «Сибирячок».

Простите за длинное — надеюсь, не утомительное — вступление к вопросу.

Сергей Георгиевич, хочется узнать о Вас побольше: чует сердце и уже соглашается ум, что именно Вам, взявшемуся за гуж, вытянуть Иркутскую область, что именно Вы тот человек, которого мы, граждане, избиратели, долго и терпеливо ждали. Начнём издалёка: что было Ваше детство, юность, молодость? Что Вы взяли от своих старших родственников — дедушек, бабушек, отца, матери? Ведь известны слова, которые по всему миру подчас приводят как весомый довод: «Все мы родом из детства». А вы родом из какого детства, из какой юности?

С. Левченко: Наверное, я бы тоже сначала вспомнил 91-й год. Вы говорите, что я Вас тогда не знал, но с ходу согласился? Дело в том, что ваши планы и мысли совпадали с моими планами и мыслями. Вы помните, средства массовой

информации в те годы любили называть себя «четвёртой властью», и надо признать, что именно СМИ сыграли немалую роль в том, что произошло с Советским Союзом и всеми нами. Я уже тогда был серьёзно озабочен тем, чтобы СМИ несли в народ доброе-вечное, и занимался студиями телевидения. В частности, при «Стальконструкции», где я работал, была организована студия, она просуществовала до 2000 года. И ангарскую студию «Свет» я создавал, будучи первым секретарём горкома партии. У нас там был талантливый, опытный главный редактор — журналист Бобряков Леонид, и мы всей нашей дружной командой целенаправленно работали по привитию патриотических чувств у зрителей, воспитывали, так сказать, нормальное поколение, которому можно было бы передать страну, если говорить высоким штилем.

Что касается моего детства, юности, то, наверное, трудно спорить с утверждением, что все мы родом из детства, хотя, конечно же, всю жизнь нас чему-нибудь учат, а потому какие-то новые нюансы привносятся в характер, в образ мыслей и устремлений. Моё детство было похоже на детство многих моих сверстников. Я родился в 1953 году, восемь лет прошло после войны, и жили мы тогда ещё непросто, много чего не хватало. Отца я не знал, воспитывался мамой и бабушкой и был единственным мужчиной в семье, а потому особо-то не приходилось выбирать, чем заниматься. Старался быть помощником и защитником моим дорогим женщинам. Это первое. Второе, моя фамилия, как вы понимаете, украинская — семья моего деда и бабушки переехала по Столыпинской реформе из Киевской губернии в Новониколаевск, ныне Новосибирск. Им дали по 15 десятин на каждого члена семьи, и они корчевали тайгу, обрабатывали землю, одним словом, крестьянствовали и промышляли. Люди они были закалённые, трудолюбивые, понимали, что достичь чего-то в жизни можно только трудом. Негласно господствовало правило: большего хочешь успеха — больше трудись. И в моём роду Левченко была основательно заложена традиция — должен трудиться, и трудиться хорошо. Мама моя отдала всю себя мне. Занималась только мною, и прекрасно понимала, что женщине одной мужчину воспитать очень трудно. Старалась применять все меры для того, чтобы у меня не было свободного времени нисколько. Водила меня по театрам, по выставкам и так далее, старалась, чтобы я вырос человеком образованным, культурным. Я серьёзно занимался спортом, десятиборьем, с третьего класса, — и у мамы, и моего тренера в этом вопросе было полное понимание. Одновременно — музыкальная школа. Жили мы сначала в деревянном доме на берегу Оби. Когда же начали строить мост, то дом наш снесли, а нам на троих дали однокомнатную квартиру. Где ж на двадцати квадратных метрах парня приучишь к труду?! Ничего, мама с бабушкой находили для меня работёнку! Труд и учёба были то здесь, то там. Всё пошло на пользу!

А. Донских: *Конфуций говорил: «Когда ошибается благородный муж, то это как затмение солнца и луны. Он делает ошибку — и все это замечают; он исправляет её — и все устремляют к нему взоры». Скажите, пожалуйста, почему наши современные государственные «благородные мужи» не очень-то охочи исправлять свои ошибки, признаваться в своих промахах, упущениях? Уже упомянутый в нашей беседе Б.Н. Ельцин, правда, однажды во время телетрансляции смахнул покаянную слезу, очень впечатлило. А Вам приходилось выходить на лобное место? К слову, с лобного места в Москве царь Иван Васильевич просил прощения у земли Русской и обещал быть судьёй и обороной своих подданных. Известно, ошибаются все. А если всё же не ошибается человек, значит, бытует мнение в народе, ничего не делает. Сачкует, извините за стиль.*

И в развитие темы покаяния, прощения — позволительно ли «ломать» народ? Может быть, выбрать тактику «общественного договора», многочисленных референдумов, съездов, пленумов, собраний? В Ветхом Завете повстречались и накрепко запомнились слова: «При множестве совещаний вас ждёт успех...» Как-то по-современному звучит! Знаете, Сергей Георгиевич, как важно, чтобы люди «устремили» на своего лидера «взоры»!

С. Левченко: Я не могу утверждать, что можно выработать какое-то единственно правильное решение и, главное, достаточно оперативно и быстро сделать это с помощью большого количества совещаний. Я весьма часто сталкиваюсь с такой проблемой: люди, зачастую руководители каких-нибудь общественных организаций, говорят: «Я выступаю от имени народа!» Или так могут сказать: «Я пришёл к вам и говорю от имени всех иркутян, жителей Иркутска!» Или, от жителей Саянска, Черемхово, других населённых пунктов. Случается, заявляют: «Вам звонит Братск!» Та-а-ак, интересно! Я спрашиваю у звонящего: «Весь, что ли? Все 300 тысяч жителей Братска?» Видимо, некоторые деятели хотят себе статус поднять. Я постоянно сталкиваюсь с тем, что количество всевозможных сборов, собраний не всегда приводит к тому, что будет услышано мнение каждого или даже большинства. У нас очень часто народ отмалчивается. Даже когда в зале находятся сотни людей, и сколько бы часов встреча ни длилась, — два, три, четыре человека всё время будут вставать, выступать, задавать вопросы. Все остальные безмолвствуют. Как же, спрашивается, посоветоваться, посоветоваться, выработать некое коллективное мнение, принять какое-то конкретное решение?

Что в стране получилось на переломе 80–90-х годов? Мы все помним прекрасно: митинги, всевозможные собрания случались бессчётно. Люди собирались, смотрели-глазели на это всё, а с трибун ораторствовали одни и те же личности; им даже аплодировали, реагируя на забористое, резкое словцо. И создавалось впечатление, что народ взаправду поддерживает выступающих. Я на такие дела всегда смотрел и смотрю трезво. Ангарск меня много чему научил! Митингов в городе в те непростые годы проходило много, в основном, по проблемам экологии, вредных для здоровья химических выбросов местных комбинатов. И я хорошо знал ораторов, которые из одного митинга в другой ходили и одно по-одному талдычили. Это были ещё те деятели, ещё те трибуны! Один из них сидел за воровство, второй был уволен из двух мест работы за пьянки по 33-й статье, третий был с поражением лобной доли головного мозга и состоял на учёте у психиатра. Порой создавалось впечатление, что они говорят от имени всех ангарчан. Эти 500 или даже 1000 митингующих принимали какие-то коллективные решения, вроде как выражая волю всего города. Решения сплошь были недальновидными, скороспелыми, да попросту глупыми.

Если заглянем поглубже в историю человечества, то мы увидим: *demos* — это не народ, а те граждане, которые в Афинах пользовались правом голосования. А таковых насчитывалось примерно 5% от всего населения полиса. И у них, к слову, были механизмы отзыва голоса. То есть не существовало и не существует такого, условно говоря, демократического механизма, который бы на все сто процентов всегда гарантировал, что принятое решение — абсолютная воля большинства. Даже если посмотреть на выборы в нашей стране сегодняшнего периода, то совершенно очевидно — они всех замучили. Каждый год выборы — туда-сюда, туда-сюда! Будто качели раскачиваем, услаждаемся. И приходит на выборные участки всё меньше и меньше граждан. То есть решения принимаются меньшинством.

В Иркутске в сентябре нынешнего года знаете, сколько процентов граждан пришло на довыборы в городскую Думу? Десять процентов! И мнения девяноста процентов избирателей мы знать не знаем. Можно ведь подумать, что они против всех кандидатов, против, возможно, вообще выборов. Они не встали в воскресенье с дивана, не проголосовали, однако депутаты избраны и считают себя представителями всего народа, всех горожан. Поэтому я достаточно спокойно реагирую, когда слышу от пришедшего ко мне на приём депутата: «Я к вам по поручению народа, избирателей...» Я ему говорю: «Ты присядь, успокойся. За меня всё равно проголосовало больше, чем за тебя, поэтому нам сейчас с тобой меряться негоже. Если ты пришёл по делу, то слушаю тебя внимательно...»

Знаете, в истории любого государства, когда возникает непростая ситуация, то, я полагаю, такой, что ли, коллективизм вреден. Представьте, к примеру, во время войны проводился бы референдум. В сложные, критические исторические периоды должна быть большая централизация власти, народных сил. И сейчас незавидная ситуация в стране: не война, конечно, но мы обложены со всех сторон санкциями наших «партнёров» с Запада, отношение к нам, мягко говоря, не дружественное, а мы с вами увлечёмся митингами, собраниями, референдумами. Нет, такое дело не подходит!

А. Донских: *А о лобном месте, об ошибке «благородного мужа» что скажете? В вашей жизни случалось, что нужно было людям сказать: «Извините, ошибся»?*

С. Левченко: Были, были случаи... Были ошибки, когда работал руководителем предприятия «Стальконструкция». Ставил производственные задачи: куда поехать, где возводить объекты и так далее, но потом оказывалось, что я не всё учёл. Надо было перенацеливать, собирать управленцев и инженеров, объясняться. Бывало, ошибался в людях. Ну, в такой ситуации перед кем выходить на лобное место? Только сам себе говоришь слова упрёка. Пока крупных ошибок не совершал, чтобы был повод для покаяния. Но извиняться приходится. За некоторые слова, за некоторые действия. Жизнь есть жизнь...

А. Донских: *Каких результатов Вы ждёте от выборов президента России в 2018 году? Каким, на ваш взгляд, взгляд человека, искушённого в политике, в идеологической борьбе, житейски умудрённого, должен быть главный посыл народу России от кандидата в президенты? Хочется также узнать ваше мнение о том, каким должен быть современный законодатель — депутат и регионального, и федерального парламентов: как отче наш знать законы или почаще включать главный ресурс порядочного человека — свою совесть, которой, замечено, не очень-то уютно среди установлений и постановлений, статей законов и правил инструкций? Может быть, эпоха трибунов, бунтарей закончилась? Скажите, Вам тяжело с депутатами, всегда ли с первого раза удаётся договориться с ними, являющимися, как мы уже говорили выше, представителями народа?*

С. Левченко: Я уже говорил, что для депутатов любого уровня у меня всегда есть что сказать. Повторюсь, за меня проголосовало больше, чем за любого из них. Им не стоит, думаю, бравировать и кичиться, что за них проголосовал народ, и поэтому они, якобы, могут требовать и говорить всё, что им вздумается.

Каким человеком должен быть депутат? Если выбирать, должен ли он знать все законы или быть порядочным человеком, я бы, конечно, выбрал порядочного человека. И добавил бы, он должен быть опытным. Выбирать в депутаты можно с 21 года, но я полагаю, что в таком возрасте довольно трудно грамотно, профес-

сионально, квалифицированно заниматься вопросами законодательства. Каждый в силу своего жизненного опыта должен быть на своём месте. Если говорить о юридической части работы депутата, то существует целый аппарат консультантов, и консультант обязан объяснить депутату, что ты, скажем, зря бьёшься лбом: эта дверь давно уже открыта. Но вот если у депутата нет порядочности и опыта, то тут, что называется, не займёшь.

Что касается выборов президента страны, то, думаю, ещё рано говорить о кандидатах, потому что их нет: никого не выдвинули. А главное, о чём стоит говорить, — об отсутствии на сегодняшний день конкретности в делах и нечётко очерченных целях развития страны. Я имею в виду даже не идеологию — либерализм или государственный патриотизм. Конкретность!.. Конкретность у нас ушла. Постановка целей в советское время была чрезвычайно конкретная. Я, работая в Ангарске, отчётливо понимал, за два года моим предприятием должно быть, к примеру, построено 3 школы. И эти 3 школы к сроку, а то и с перевыполнением графика, были построены. У нас там в очереди на жильё стояло 22 тысячи семей. Была разработана программа «Жильё-2000 — каждому», и она неукоснительно выполнялась. Что-то делалось с помощью жителей — создавались молодёжно-жилищные кооперативы. Людей отпускали на время из их коллективов, и они строили себе жильё. Вот это конкретика, вот это государственный подход! В те же годы в Ангарске мы провели инвентаризацию земель, договорились с банком — многодетные семьи начали строить себе коттеджи со всеми удобствами. Я даже дополнительно приглашал строителей в Иркутске, и они возвели нам несколько домов. И таким образом помаленьку я набирал то количество жилья, которое должно было к 2000 году решить в городе проблему с жильём. Не буду говорить за всю страну, но в Ангарске мы застарелую российскую беду — квартирный вопрос решили бы: темп был набран приличный. Но!.. Но грянули перемены.

Нам настойчиво говорили последние, примерно, тридцать лет: «Всё приватизируем — будет счастье». Сейчас, последние, может быть, десять лет, нам говорят: «Вот если придёт к вам ответственный собственник, то у вас дела пойдут». Но это всё не конкретно. А человек, который живёт на земле, в квартире, на любой улице любого населённого пункта, должен понимать, *что* именно у него произойдёт через определённое число месяцев, лет. Нынче же никто перспектив с точки зрения конкретных дел и свершений не знает. Более того, сегодняшняя система целеполагания не предусматривает конкретики. Вот такой либеральный подход — рынок-де всё сам обустроит! Приватизировали 90% всего, что было в советское время экономикой, — и что? Не «летает»! Не работает, скрипит! Задачи, цели, слова, термины, которыми пользуются многие во власти, увы, не несут конкретики, значит, не имеют за собой ответственности, ответственного отношения к делу.

Люди в нашей стране исторически привыкли к какому подходу при обустройстве государства, вообще жизни? К примеру, царь-батюшка указ подписал — построить железную дорогу. Всё — построили! В советское время были конкретные, чёткие планы по развитию страны и регионов. Решено было построить города Ангарск, Братск, Усть-Илимск, Шелехов, гидроэлектростанции, предприятия, жильё, школы и так далее — сделано! Я как председатель райисполкома и как в последующем секретарь горкома знал, сколько через пять лет надо будет построить школ! А сейчас кто и что знает?

А. Донских: *Позвольте задать несколько, что ли, провокационный вопрос: народ всегда прав?*

С. Левченко: Я уже говорил, что нет, к сожалению, гарантированного механизма выяснить, а что же хочет народ. Или что народ по этому или по другому поводу думает. Не спору, информацию о мыслях народа дают некоторые опросы. Но между мыслями и конкретным мнением или конкретным решением людей пролегает весьма и весьма большая дистанция. Вот я вчера побывал на так называемом форсайте: 4 дня у нас на Байкале, на Мандархане, на турбазе «Боярд» проходил сбор, так сказать, активных людей, очень, к слову, молодых, их там было человек 400, а может, и больше, и они разрабатывали разные проекты, высказывали предложения по развитию Иркутской области. Они предложили на рассмотрение «Программу развития Иркутской области до 2035 года». Что меня поразило в этой программе? А то, что более 50% молодых людей хотят заниматься бизнесом, который напрямую касается здоровья — экологически чистых продуктов, лекарственных растений, курортологии, медицины и тому подобного. Почему так? У нас с вами возраст близкий, и я не знаю, как Вы, но я что-то не припоминаю, чтобы я в столь юном возрасте задумывался о своём здоровье. Я об этом вообще не думал, у меня был ворох других дел и интересов. Почему же такая однобокость в интересах молодых людей, в понимании вопросов развития Иркутской области, почему ни слова не было в их программах и проектах о промышленности, о сельском хозяйстве, о науке? Молодые такие, а мечты о долгожительстве, странно! Я им задаю вопрос: «Друзья мои, а за счёт чего мы будем жить-то? Ну, можно, конечно, на курорт поехать, отдохнуть, подлечиться, можно на досуге лекарственные травы собирать, фиточая попить, но кушать что-то надо, в доме надо жить, на машине нужно ездить и так далее и тому подобное...» Вывод какой? А такой, что для разных видов общества характерно то, что люди могут то в одну сторону уйти или отшатнуться, то в другую. Сегодня одна будет господствовать правда у общества, а завтра, глядишь, другая, послезавтра — третья... Народ можно сбить с пути истинного. Знаете, как Черчилль говорил? «Можно одного человека обманывать сколько угодно долго, можно весь народ обманывать короткое время, но нельзя весь народ обманывать долгое время». Да, обманывать можно. К сожалению!

А. Донских: *В эти дни мы отмечаем 80-летний юбилей нашей области, кто-то сказал: чтобы понять своё будущее, надо присмотреться к прошлому. 80 лет назад здесь и в целом по СССР наблюдался невиданный в мире для тех лет экономический подъём. В 50–60-е и частично в 70-е годы Иркутская область совершила просто рывок в своём развитии. Мы знаем, что Вы оцениваете положительно советский опыт развития нашей территории и государства в целом. Но тем не менее, хотя экономически страна как-то и развивалась вплоть до конца 80-х годов, однако итог — пустые полки в магазинах, жуткая инфляция, постыдное и обидное отставание от стран капиталистического блока; ещё чуть дальше — развал и промышленности, и страны. Как думаете, не плановая ли экономика привела нас всех к печальному результату? Или виноваты отдельные, так сказать, нехорошие личности?*

С. Левченко: Я думаю, что не плановая экономика. Здесь много факторов. Сейчас у нас не плановая экономика, лет 25–26 уже, но если провести простое сравнение с точки зрения объёмов промышленности, то выводы будут не в пользу сегодняшнего времени. Поэтому вряд ли плановость или плановая экономика может быть виной негативных явлений конца 80-х годов. Плановость, к слову, наличествует во многих государствах, и они подают нам пример экономического роста. Возьмём Китай — он рос 20 лет кряду по 7-8% в год, был рекордсменом

в мире. Не так давно первенство перехватил Вьетнам, обогнав Китай по темпам роста, там тоже плановая экономика. И это не простые страны, не абы какие-то: в одной 1,5 миллиарда населения, в другой — 100 миллионов. То есть и мировой опыт говорит, и наш опыт доказывает, что за планированием будущее. И ещё два аргумента. Нам всё время пытались внушить, что в так называемых рыночных странах никакого плана нет. Это далеко не так. Только сейчас, когда уже, так сказать, обманывать стало невозможно, мы воочию увидели, как планируют крупные корпорации свою работу, свою перспективу. Там, где работают сотни тысяч, миллионы людей, планируют выпуск продукции во всём: все затраты подсчитывают, куда и как будут продавать, зарплату до грошика учитывают, всё-всё планируют и считают. А нам внушили: рынок создадим — и всё будет хорошо у нас. Очередной обман! Но, тем не менее, факты отрицать нельзя — у нас действительно были пустые полки магазинов...

Я думаю, здесь много факторов, в том числе, конечно, и неумелое, порой безрассудное, управление страной. Мы с Вами только что говорили о послевоенном времени, когда родились. Вот и давайте вспомним, за какой короткий период восстановилась наша страна по сравнению с другими. Мы карточки раньше всех отменили, хотя любая другая страна пострадала меньше, чем мы: по нам пришёлся основной удар гитлеровской Германии. И это тоже была плановая экономика, плановость с жёсткими государственными задачами. А вы посмотрите, как мы тогда выросли, поднялись по всем направлениям и какие совершили рекорды в разных сферах жизни и экономики! А перед войной — индустриализация, план ГОЭЛРО! А какие пятилетки! Мы же показывали пример всему миру, на нас смотрели, к нам ехали учиться. Почему в США начались социальные преобразования в 30-е годы, когда у нас развернулись пятилетки, а они завязли в кризисе 29-го, 30-го и 31-го годов? Они же видели, как мощно наша страна развивалась. В Соединённых Штатах поняли тогда, что нужны социальные преобразования, и преобразования как раз с точки зрения плановости. У них в те годы повсюду вспыхивали голодные бунты, на Вашингтон шли толпы разгневанных людей. И Рузвельт тогда сообразил, что нужно воспользоваться опытом Советского Союза.

В 80-е годы против нас капитально поработал Запад, но, конечно же, имели место ошибки на государственном уровне. Мы помним, как нас с вами шарахало в те годы: то виноградники вырубали, то объявляли сухие законы, то социализм с человеческим лицом придумывали, то создавали какое-то новое мышление. А делом не занимались, страной не руководили, слушали всякий бред: будет хорошо, будет хорошо, осталось-де всего ничего потерпеть. Многое что утратили тогда — и по сей день не можем восстановиться. Где ж оно «хорошо»?.. Ну, некоторым и стало хорошо, даже очень хорошо.

А. Донских: *Сергей Георгиевич, что сегодня наша область? Статистика говорит: не удалось остановить отток населения в другие регионы страны. Явление временное? Хочется верить в добрый поворот в наших делах. Как думаете, экономического чуда — рывка, что ли — следует ожидать?*

С. Левченко: Александр Сергеевич, я уверен, что временное. Наши сегодняшние результаты экономического развития говорят отчётливо, что мы перешли от антикризисного управления в самом начале, когда я вступил в должность, это, напомним, конец 15-го года, к масштабным планам развития. Мы потихоньку, но уверенно становимся территорией развития. Я уже ставлю задачу в своём ежегодном Послании, и уже дважды ставил такую задачу, — задачу именно развития. Не

выживать, не как-то пережидать время и трудности, не как-то переморгаться или перетерпеть в уголочке, а развиваться и развиваться! Я ставлю задачу очень серьёзного увеличения по всем направлениям. И вот за прошлый год рост составил 5,7%. По стране, к слову, рост порядка 2-3%. У нас за первое полугодие 2017 года рост уже 9,5%. Вкладываем своим трудом и достижениями и в развитие страны, потому что мы не маленькая область. Но другое дело, что сейчас проявляются точно такие же «ножницы», как и в советское время: неплохо тогда работала промышленность, особенно тяжёлая, стратегические отрасли развивались, однако до простого человека результаты этих достижений не доходили так, как надо было, или не сразу доходили. И нынче для того чтобы добиться конкретного и существенного улучшения жизни, попридержаться у себя в области людей, особенно молодёжь, необходимо сделать ещё очень и очень многое. Нужно время!

Мы увеличили в 2 раза строительство по сравнению с прошлым годом. А в прошлом году увеличили по сравнению с позапрошлым... Всех видов строительства в комплексе: и школы, и детсады, и больницы. В следующем году мы закончим все долгострой, которые висят в области по 15–20 и более лет, в особенности школы и больницы, заложенные чёрт его знает когда ещё. Мы это сделаем! У нас неплохие подвижки. И результаты будут видны, в том числе молодым людям, если не сегодня, то завтра. Отток людей из области уменьшается.

А. Донских: *Какой Вам видится Иркутская область, к примеру, через двадцать, тридцать лет? Нам уже с Вами будет по девяносто, по сто лет. Пожалуйста, немножко помечтайте! Помню, в советское время была популярна присказка: мечтать не вредно, вредно не мечтать.*

С. Левченко: Кстати, чтобы уже закончить предыдущий вопрос. На меня обижаются руководители некоторых субъектов Федерации, которые находятся за Байкалом, что оттуда к нам люди переезжают. А почему? Потому что уровень жизни у нас объективно выше.

Помечтать, говорите, что будет через тридцать лет? Что бы я хотел увидеть через тридцать лет? Я хочу, чтобы наша область перестала быть по преимуществу сырьевой территорией. Чтобы мы здесь, у себя дома, перерабатывали наше сырьё в конечную, конкурентоспособную продукцию.

Я хочу, чтобы у нас создавалось много разных самолётов, маленьких, больших, а также — вертолёт, беспилотников, экранопланов, которые мы сейчас разрабатываем, может быть, дирижабли, ещё какая-нибудь летательная техника. Машиностроение должно развиваться. Транспортные сети, надеюсь, станут такими, что не только в любую точку Иркутской области или страны можно будет попасть без проблем, с комфортом и относительно быстро и дёшево, но и в любую точку мира. Это было бы, знаете, так, как сел в трамвай и остановку проехал. Мы находимся в центре азиатского региона, в Москву лететь 6 часов, в Пекин — 2. Мы должны быть коммуникативно теснее связаны со своей страной. По области хочется более активно перемещаться. У нас раньше было 23 аэропорта, а сейчас осталось 9, да и те на последнем издыхании.

Теперь что касается Байкала. Я хочу, чтобы и воды, и берег нашего славного моря были всегда чистыми. Сколько мусора сейчас оставляют на его берегах! Это какое-то варварство! Нужны современные очистные сооружения в населённых пунктах по Байкалу и его притокам. Нужно, чтобы было так: зачерпнул кружкой воды из озера — и выпил. Хочется, чтобы Байкал остался в своём первозданном, что ли, виде.

Кстати, через три дня в Иркутске будет создана Всемирная ассоциация озёрных регионов. Приедут представители из десятков стран. И у них, и у нас схожие проблемы, потому что одно дело море — не знаешь, где оно заканчивается и где начинается, а другое дело озеро — закрытый водоём. Если люди допустили какой-нибудь загрязняющий сток в озеро, в любое озеро, хоть в Байкал, хоть в Мичиган, хоть в Великие озёра, — проблемы наступают те же: порой необратимое изменение биохимического состава воды, уничтожение флоры и фауны. Нам нужно научиться жить вместе с Байкалом, относиться к нему бережно, уважительно.

А. Донских: *В коммунизм верите? Как думаете, может появиться шанс у коллективных хозяйств (колхозов), в которых все работники несут в той или иной мере ответственность за итоговый результат деятельности всего коллектива?*

С. Левченко: Ну, тут всё-таки два вопроса: собственно о коммунизме и о народных предприятиях или о коллективных хозяйствах. Конечно, я считаю, что у коллективных хозяйств есть будущее. Мало того, мы их активно создаём по разным направлениям деятельности — в коммунальной сфере, в агропромышленной, в пищевом производстве и так далее. Есть определённые секторы экономики, в которых коллективные хозяйства очень эффективны, и мы занимаемся ими ответственно.

Спрашиваете, верю ли я в коммунизм? Конечно, верю, иначе я коммунистом не был бы.

А. Донских: *Может быть, как-то по-особенному верите? Ленин, Карл Маркс писали о коммунизме одно, другие исследователи и политики что-то другое говорили, иначе, порой по-своему интерпретировали. А поэтому хочется узнать: в вашем восприятии и понимании этой идеи общественного устройства произошли ли с годами какие-нибудь изменения?*

С. Левченко: Конечно, коммунизм был достаточно отдалённым будущим во времена и Карла Маркса, и даже Ленина. Какие-то чёткие, что ли, характеристики коммунизма мне, я думаю, было бы не совсем правильно обозначать: я не теоретик. Если основываться на произведениях Карла Маркса и Ленина, то можно заметить, что у них некоторые положения и выводы по-разному звучат и выглядят. Карл Маркс — чистый теоретик, учёный, в 1848 году он писал образно, художественно, что «призрак коммунизма бродит по Европе». У Владимира Ильича, который на практике двигался к коммунизму и столкнулся с конкретными проблемами строительства и управления народившимся государством, мы уже больше находим практического материала по теме «коммунизм». Вы знаете, что поначалу молодому пролетарскому государству нужно было просто выжить. Оно испытало на себе гражданскую войну, интервенцию, продразвёрстку, военный коммунизм, далее — нэп. Потом стало чуть полегче — пятилетки, строительство социализма. Всё это было продвижением к коммунизму. И, основываясь на моём личном опыте, коммунизм я вижу просто как справедливое общество — с точки зрения вложения труда, с точки зрения распределения благ, с точки зрения ответственности, с точки зрения заботы о каждом члене общества. Кстати, буквально вчера, на турбазе «Боярд», на форсайте, я с молодыми людьми на эти темы беседовал. Они мне сказали: «Давайте нового человека воспитывать!» Представляете, через какое время у молодых людей возникают такие мысли! Я им сказал: «Согласен! Но давайте с этой минуты начнём, и первое, что мы сделаем, — наведём порядок на берегу Байкала». Ну, вроде бы все согласились.

А. Донских: *Политика, экономика... А ещё политическая экономия и экономическая политика... Я же, позвольте, скажу проще: без труда не вынешь и рыбку из пруда. Согласны? Что в вашей жизни труд? Как Вы своих детей, внуков приучаете к труду? Любите ли Вы ручной труд, что-нибудь, к примеру, смастерить, отремонтировать, вскопать огород? Вы долгие годы возглавляли в Ангарске предприятие, имевшее дело со стальными конструкциями, с их монтажом, а сами Вы ползали по верхам, ноги не тряслись? Почему спрашиваю? Потому что сам работал монтажником стальных и железобетонных конструкций и навсегда запомнились мне ощущения первых недель пребывания на высоте. Итак, труд!*

С. Левченко: Да, Вы правы! Человек, человек нормальный, боится высоты. Мне с лихвой довелось ползать по конструкциям начиная со студенческой скамьи. Я выбрал себе профессию не просто строителя, а именно строителя металлоконструкций, у меня была специализация, и во время практики мне пришлось участвовать в сооружении крупных объектов. Первые дни ты себя порой через силу заставляешь подняться наверх и пройти по прогону. Потом берёшь себя в руки — работать же надо! Я монтажник 4-го разряда, овладел сваркой и всеми приёмами, которые касаются технологии монтажа. Прошёл школу рабочего, мастера, прораба, начальника участка. Многого что умею и других учил. Ручной труд люблю. Приучал детей, у меня сын и дочери выросли на стройке. В те годы выходных у меня практически не было, и как только сын и дочери стали понимать что-то, я их стал брать на объекты. Тракторы, краны, подъёмники и всё остальное они знали с детства. С объекта придёшь, бывало, в контору, видишь — а их там кормят, поят, угощают сладостями и дарят — металлические игрушки. Сын умеет всё, что связано с металлом и деревом. Мастеровитый человек. Мы с ним на пару построили на садовом участке под Ангарском сначала летний домик, потом разохотились — поставили дом: первый этаж, второй, третий; следом появилась баня. Сварили ворота на славу. В общем, что я умею, то и он умеет. Дочери, понятно, в женских делах мастерицы. Внуков тоже пытаюсь приучить к труду, чтобы они понимали, как всё достаётся.

А. Донских: *Давайте вернёмся к вопросам культуры. На мой взгляд, именно культура, общение с книгой, с живописным полотном, вообще приобщение к высотам духа и мысли, поддерживает в человеке высокую и непременно благородную мотивацию к внутренним и внешним переменам. Культура — это смазка всей жизни. Без неё и экономика скрипит-колесит, и между людьми ржавь нарастает, отчуждённость. Помнится ещё одна встреча с Вами у ангарской писательницы, автора великолепного романа «Ингода» Любови Ивановны Щедровой, которая, смертельно больная, мужественно доживала свои последние деньки. Вы с нами, литераторами, приехали её навестить, поддержать, вручить какие-то лекарства. А Вы, к слову, тогда были депутатом Государственной Думы, лидером КПРФ в Приангарье, забот, понятно, через край, область жила в те годы аврально, безденежно. Я, надо заметить, ни до ни после не слышал у нас в писательском Союзе более ни об одном депутате, любого уровня, который бы проявлял чуткость и заботу о писателе. Тогда за столом мы, люди пишущие, много говорили с Вами о литературе, о социальной справедливости, об ответственности власти перед народом. Как думаете, наступят ли такие времена, когда наша страна станет если не самой читающей в мире, что, к слову, признавалось ЮНЕСКО в пору СССР, то хотя бы просто читающей, уважающей книгу, тянущейся к поэзии, прозе, драматургии? Также хочется узнать о ваших предпочтениях в литературе. Есть ли у Вас любимый писатель, поэт, драматург,*

философ, оратор? А последняя прочитанная Вами книга? Что в ней тронуло или, напротив, возмутило? Расскажите, пожалуйста, немного о своей домашней библиотеке, о любимой книге юности — с Вами ли она и теперь?

С. Левченко: Спасибо, что Любовь Щедрову вспомнили. Мы с ней друг друга очень даже неплохо понимали. Она в Ангарске руководила литературным объединением, воспитывала молодые дарования. Понятно, что не все стали писателями, но люди к ней тянулись. Она была цельным, убеждённым человеком, к ней порой приходили просто поговорить, услышать её мнение, понять её позицию. Мне нравилось с ней общаться. В последние годы она сильно болела, и хотя ей уже было трудно ходить, двигаться, но она не жаловалась никогда и не давала повода жалеть себя. Чем мог, помогал ей.

Так сложилось, что я часто и охотно общаюсь с писателями, дружу с ними, поддерживаю контакты в целом с Союзом писателей России. Добрые отношения у меня сложились и с Валентином Распутиным. Он мне как-то раз сказал: «Я иногда чувствую себя больше коммунистом, чем члены партии». Думаю, просто он был честным, ответственным, совестливым человеком, поэтому, может быть, и чувствовал себя отчасти коммунистом.

Что касается книг, чтения, то могу сказать, что я с детства много, очень много читал. «Войну и мир», кажется, уже в четвёртом классе прочитал, следом — «Анну Каренину», другие великие романы русской и мировой литературы. Эти и другие книги были в нашей домашней библиотеке. Читала мама их — и я читал. Чрезвычайно важен пример взрослого. Когда стал немножко постарше, в пятом-шестом классе учился, то каждое воскресенье неизменно шёл в библиотеку и набирал на целую неделю вот такую стопку книг! Но первое время мне не давали помногу: наверно, не доверяли. А потом ничего, вошёл в доверие, брал, сколько хотел. По крайней мере по 7–8 книг приносил домой, и за неделю я их, как говорится, просто проглатывал. Возможностей тогда купить любую книгу, и сколько хочешь, ещё не было, жили-то скромно. Детскую энциклопедию в 10 томах прочёл, жутко было интересно. Это прочтение было важным этапом в моей жизни. Вообще сам процесс чтения, постижения фактов, познания, узнавания захватывал полностью, очаровывал даже. Но чтобы полюбились мне одна, две книги или сколько-то ещё... нет, как-то не сложилось. Любовь к книге, к чтению — да!

Не мало писателей, книги которых мне нравятся. К примеру, люблю творчество нашего Валентина Григорьевича Распутина. Нравится весь Леонид Леонов, причём начал я его читать ещё в ранней юности, с «Русского леса» — произведения многопланового, философски глубокого, ёмкого. Анатолия Иванова люблю, у Александра Черкасова «Хмель» понравился. Было время, когда я увлекался зарубежными писателями, и многое что прочитал. Тут и Драйзер, и Хейли, и Хемингуэй, и Лондон и много, много кто ещё. Из Хейли я прочитал всё, что переведено, увлекательное, полезное чтение.

После прочтения «Тени исчезают в полдень» Анатолия Иванова осталось ощущение горечи: не хотелось бы, чтобы всё там описанное было правдой. В романе представлены герои, которые уже изначально плохие, таковыми и остаются на протяжении всего действия. Изображены там борцы, которых то в одну сторону заносит, то в другую, такой расклад мне не очень-то понятен. Главное, хорошие, талантливо сделанные книги заставляют серьёзно задуматься о явлениях жизни... А последнее время увлёкся политической, мемуарной литературой, всплеск интереса во мне какой-то произошёл. Десятка два книг ждут своей очереди на прочтение.

Особенно нравится та литература, в которой даются оценки сегодняшнему состоянию общества, каким-то, что ли, политическим проявлениям и нюансам, оценки нынешним руководителям государства, вчерашним, например, Горбачёву, Ельцину... Ищу ответы. Или сверяю, может быть, свои оценки. В любом случае, многое из того, что нам, по всей видимости, предстоит ещё пережить, заложено в прошлом. Причины где-то там! Я руковожу такой большой областью и у меня, знаете ли, нет времени изобретать велосипед, я хочу знать и понимать опыт прошлого. У меня, конечно же, есть мои оценки всего того, что происходило в стране и мире, однако другой взгляд, как бы со стороны, под другим углом, тоже весьма важен. Понятно, что любой человек, в том числе и я, может заблуждаться, неверно оценивать что-то. А мне сейчас нужна объективная оценка! Я член Государственного совета, участвую в принятии судьбоносных для России решений, постоянно, ежедневно нахожусь на связи со всеми федеральными министрами, с правительством страны, с администрацией президента, я должен, обязан понимать происходящее, в том числе учитывая другую точку зрения. Ну а в отношении художественной литературы я пока, похоже, отстаю! Может быть, когда-нибудь наверстаю упущенное.

А. Донских: *Сергей Георгиевич, как приобщить современных детей, молодёжь к чтению? Как думаете, переход к ЕГЭ не отобьёт ли окончательно интерес у молодёжи к книге? Ведь подготовка к сдаче ЕГЭ превращается, извините за выражение, в «натаскивание» по предмету, во «вбивание» в головы учеников различного рода фактожа, а о живом чтении художественного, исторического, культурологического текста забывают и дети, и учителя. А родители «скромно» помалкивают, потому что «экзамен нужно сдать любой ценой». Слышал, что в Париже в 3 раза больше книжных магазинов, чем в Москве. Раньше, и в дворянской России, и в советской книжные лавки бытовали даже в деревнях, теперь порой и в городах не сыщешь книжного магазина (магазинчика). Люди выбрасывают на помойки целые библиотеки, скопленные старшими членами их семьи. Знаете, как-то жутковато становится, когда представишь себе человека, не прочитавшего во взрослой жизни — в детстве всё же заставят! — ни одной книги. Что, мрачные антиутопии в духе Рэя Бредбери с его «451 градусом по Фаренгейту» начинают сбываться? Как думаете?*

С. Левченко: Меня, конечно, тоже сильно трогает, что выбрасывают книги. Долго переживаешь, когда такое безобразие встретишь. У меня был один интересный случай года 3–4 назад, в Москве. Мы как-то раз шли с женой по городу и видим: люди тащат связки книг. Заинтересовались, проследовали за людьми. Они зашли в сарайчик из профнастила, оказалось, что-то вроде пункта приёма макулатуры. Мы заглянули в сарайчик — и обомлели: сколько там было книг! Прекраснейших книг классиков, и книги продавали на вес. Я не смог просто так оттуда уйти: перекупил книг килограммов на 300, не меньше, если руководствоваться их критериями... Можно сказать, что целую библиотеку приобрёл.

Что касается ЕГЭ и чтения вообще, скажу прямо, я не поддерживаю ЕГЭ и думаю, что это не лучший способ проверить знания у молодого человека. Мне кажется, что экзамен должен быть шире, чем просто проверка знаний, а подготовка к нему — это как подготовка к большой жизни. Экзамен, прежде всего, проверка на зрелость. Непросто раньше аттестат об окончании школы называли аттестатом зрелости.

Молодой человек должен интересоваться чтением, и читать книги не только из школьной программы. Школе, родителям, обществу в целом нужно неустанно работать в этом направлении. Но главное, в семье должен установиться культ

книги. Я сам, как уже говорил, заядлый книголюб с молодых ногтей, приучал к чтению моих детей, а сейчас стараюсь заинтересовать книгой внуков. Работать всем нам есть над чем. И подходы к ЕГЭ нужно менять, не резко, а взвешенно. И определённые подвижки в этом направлении со стороны государства уже имеются — радует и обнадеживает, что вернулось в школу сочинение в качестве допуска к экзамену по русскому языку.

А. Донских: *От темы чтения логично перейти к философии. Лев Толстой говорил, что человек, который ни разу за день не подумал о смерти, день прожил зря. А Вы как часто задумываетесь о непреходящем и бренном?*

С. Левченко: Одно дело задумываться о смерти, а другое дело думать о вечном, нетленном или бренном. Тут, полагаю, немножко разные всё же вещи. Мне, в отличие, к примеру, от Льва Толстого, наверное, просто некогда задумываться о вопросах смерти. Не много возможностей, к сожалению, так вот просто посидеть и поразмышлять. А может быть, у меня тип характера такой — постоянно мне движение требуется.

Но что относится к каким-то вопросам о вечном или, может быть, не совсем вечном, к вопросам истины или к каким-нибудь другим важным вещам, вот здесь, конечно, частенько приходится в практической плоскости этим всем заниматься. Почему? А потому, что любое, даже мало-мальски принципиальное решение, вольно или невольно, но ты оцениваешь с позиции... ну, может быть, не вечности, но какой-то временной протяжённости и полезности для людей. Может быть, я выражаюсь как-то упрощённо, но тем не менее...

Полагаю, что любой человек должен понимать, как его действия, его шаги, такие в основном шаги серьёзные, принципиальные, соответствуют, что ли, вечным истинам. Наверное, подсознательно, как-то невольно, но я всегда задумываюсь, насколько моё решение правильное, целесообразное, полезное. Понимаете, ведь принимаешь на себя ответственность не только перед людьми, с которыми ныне живёшь вместе, но и перед теми, кому предстоит в ближайшем или отдалённом будущем жить и трудиться на этой земле. Необходимо чётко осознавать финансовые, производственные, временные и иного рода возможности и потенциалы, чтобы дело пошло как надо и приносило людям реальную пользу. Ежедневно от людей поступает огромное количество просьб, предложений, различных инициатив, и ты должен выбирать и опять-таки задумываться о пользе, о реализации задуманного во времени, учитывать много, очень много параметров. Каждый день приходится что-то выбирать и, к сожалению, остаётся в среднем примерно 10% от того, что было предложено мне для принятия решения. И ежедневно, ежечасно сравниваешь, что выгоднее, полезнее для людей, для региона. Вот тут иногда и задумываешься глубоко о непреходящем и бренном.

А. Донских: *Сколько, Сергей Георгиевич, чудесных песен кануло в Лету! А на смену — чепуха и кривляния невзрастеничных персон. Помните песню из советских времён композитора Э. Колмановского на слова К. Ванишенкина «Я люблю тебя, жизнь...»?*

<i>Я люблю тебя, жизнь,</i>	<i>Вот уж окна зажглись,</i>
<i>Что само по себе и не ново,</i>	<i>Я шагаю с работы устало.</i>
<i>Я люблю тебя, жизнь,</i>	<i>Я люблю тебя, жизнь,</i>
<i>Я люблю тебя снова и снова.</i>	<i>И хочу, чтобы лучше ты стала...</i>

А за что Вы любите жизнь? Любовь взаимная?

С. Левченко: ...Вспоминается конец 90-х годов. Сложная была ситуация, Вы сами, наверное, помните, задержки по зарплатам, пенсиям, неработающая промышленность, разгул преступности и тому подобное. Мы, коммунисты, однажды организовали перед Серым домом большой митинг, вышел к нам губернатор Юрий Абрамович Ножилов, пригласил делегацию к себе в кабинет на разговор. Мы пришли и выдвинули перед ним 10 требований, одно из которых было, чтобы я получил 5 минут в неделю для выступления по областному радио. И я с семи утра один раз в неделю в течение года выступал с пятиминутной речью. А перед моим выступлением звучала музыкальная заставка — мелодия песни «Я люблю тебя, жизнь...». Выбрал её я. Думаю, что она одна из тех песен, которую можно брать в качестве девиза на всю жизнь.

Взаимно ли, спрашиваете? Думаю, что да.

Хотя, если посмотреть объективно и строго, мало кто по жизни получал столько ударов и шишек, как лидер оппозиции, за не просто годы, а за десятилетия борьбы. Но я прекрасно понимал, за что и от кого получаю. И такие обороты судьбы меня ни в какую-либо грусть-тоску, в негатив, в обиды совсем не склоняли и не бросали. Я понимал, что должен бороться. Понимал, что должен неустанно отстаивать свою позицию. И словом и делом. Я всегда готов был показать и показываю людям, что именно намеревался и намереваюсь осуществить. Был таковым и в депутатском моём статусе, и ныне в губернаторском. Песня действительно моя, и любовь взаимная! Вот так, если, конечно, коротко говорить.

А. Донских: *Ещё один вопрос о жизни, но уже с оттенком грусти, отчасти даже безысходности, вопрос вопросов современности для нас, да и уверен, для человечества всего: о Байкале. Выше мы о нём уже говорили, но сейчас о том, выживет ли? Мы все о нём думаем, переживаем за него. Хотя он и богатырь, витязь земли Русской и планеты всей, однако нас много — как навалились на него скопом в середине 20-го века, так и заскрипел, заохал старичина под нашими ту-маками. А мы — и туда ему пхнём, и сюда. Раззадорились, раззудились, пигмеи! Извините, с советских времён началось глумление над Байкалом, не ослабили мы своё ухарство и спесь и поныне, хотя БЦБК — крематорий, пусть и медленного, но постоянного огня для Байкала, наконец-то, прихлопнули. Как Вы уже отметили, берега нашего «славного моря, священного Байкала» загаживаются и туристами, и местными жителями. Законодательство о водоохранной зоне сплошь нарушается, леса вокруг озера бесконтрольно варварски вырубались и не восстанавливались так называемыми «хозяйствующими субъектами». Омуля и другой рыбы, ворчат рыбаки-промысловики, снова нет как нет. Не первый год говорят СМИ и учёные о обмелении озера, изменении качества воды. Ко всем этим и другим напастям неожиданно добавилась зловещая весть из Монголии — в верховьях Селенги собираются строить гидроэлектростанции, аж целый каскад. Это будет целое войско, похлеще чингисханового, призванное подкосить и добить нашего богатыря. Байкалу будет грозить уже катастрофическое обмеление. Учёные говорят, что он превратится в заурядное озеро, поросшее тиной, с закисающей мутной водой. Вроде Великих американских озёр, а их мало-помалу, но верно добивают города. Наши братья монголы невозмутимо говорят: однако мы тоже хотим развиваться, нам тоже нужна дешёвая электроэнергия. Понятно, монголов подзуживает хитромудрый братан Запад, чтобы в очередной раз нагадить России, а также чтобы задарма выкачивать природные ресурсы из Монголии. Сергей Георгиевич, что делать, как быть? Брезжит ли впереди хотя бы слабенький огонёк надежды?*

С. Левченко: Да, конечно, обязательно! Я думаю, что мы эту проблему решим. Я капитально, крепко-накрепко уверен, что решим!

Вы правильно говорите, что в этой истории замешан Запад, стратегический антагонист России. Международная банковская система посулила руководству Монголии, что будет профинансирован этот проект. Но надо в то же время признать, что в Монголии энергетический потенциал, который был создан в советское время с помощью наших специалистов, и в первую очередь иркутских, уже, к сожалению, исчерпал себя. И наш братский сосед находится перед выбором — где взять электроэнергию на развитие. Да, войти в их положение нужно.

Как классик говорил: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Может быть, грубовато звучит в отношении государства, но мы действительно долгое время помогали Монголии, приручили её. И было бы в высшей степени неприлично поступить как-нибудь этак: «Знаете, ребята, решайте свои проблемы сами, вы уже не маленькие». Они, ясное дело, и будут решать свои проблемы, но с подсказки разного рода наших недоброжелателей. А способов, как реально помочь Монголии и одновременно Байкалу, миллион. Просто надо сесть за стол переговоров и выбрать взаимоприемлемый и для нас, и для них вариант. Я как губернатор недавно встречался с премьер-министром, с председателем Великого Народного Хурала Монголии, с мэром Улан-Батора, и мы обсуждали в том числе проблемы энергетики. Никто из них не заявил мне, даже не намекнул: «Мы решили и будем строить — и всё тут!» Нет, они спокойно говорят, что им нужна электроэнергия по оптимальной для них стоимости и они готовы искать вариант, в том числе вместе с нами. Также встречался я с Президиумом монгольской Академии наук. Кстати, весь Президиум говорит по-русски: они, в том числе, в Иркутске. Мы договорились, что наш Иркутский научный Центр и Академия наук Монголии создадут рабочую группу, чтобы для правительства Монголии были подготовлены реальные, выверенные наукой предложения. Вот с чего надо начинать! А то какие-то банкиры чего-то предложили — и загрохотала стройка, что ли? Не-е-ет!

А почему я говорю «миллион вариантов»? Всё очень просто: мы электроэнергию можем туда продавать за приемлемую цену, у нас профицит её, она дешёвая. Она, может быть, будет обходиться им куда как дешевле, чем когда построят ГЭС, — надо будет выплачивать по кредитам, а проценты не маленькие. Ещё один аспект: в Монголии находится одно из лучших, крупнейших в мире месторождений угля с высокой калорийностью и малосернистостью. И спрашивается, а почему бы не продолжить строить тепловые электростанции, мы у них в советское время не одну возвели. Более скажу: а почему бы не построить атомную станцию? У России в этом направлении опыт колоссальный. Вьетнам, к примеру, серьёзно задумался об атомной энергетике. Одной станции хватило бы на всю Монголию. У меня, к слову, сегодня был чрезвычайный и полномочный посол Индонезии, тоже самое — мы у них прорабатываем вариант строительства атомной станции. Есть варианты, есть!

Недавно я попросил министра природных ресурсов Сергея Ефимовича Донского, а он является сопредседателем межправительственной комиссии России — Монголии, чтобы было проведено заседание этой комиссии у нас здесь, в Иркутске. Смею думать, недалёк тот день, когда мы сможем договориться с нашими братьями монголами.

А. Донских: *Сергей Георгиевич, и, наконец, последний вопрос: когда на Руси станет жить хорошо? Один мой не очень весёлый знакомый ответил так: когда*

рак на горе свистнет. Отиутитесь и Вы? Или поделитесь своими предчувствиями, соображениями?

С. Левченко: Вы спросили «на Руси»? Ну что ж, если такого масштаба, то я попытаюсь максимально точно и всесторонне ответить. Люди, думаю, в ближайшие годы всё же получают надежду на улучшения. Жизнь во все времена не сразу становилась лучше после потрясений, порой положительные изменения происходили через поколение, другое. Но мы, прежде всего, должны пережить нынешнюю непростую эпоху перемен и неопределённости. Мы должны осознать, что необходимо рассчитывать на собственные силы и возможности. Нам не мешало бы создавать, конструировать самим своё видение будущего, а не так что кто-то посторонний придёт и расскажет, как да что нам делать в собственном доме. У нас всё есть, чтобы чувствовать себя уверенно.

В Иркутске недавно прошла конференция по развитию производительных сил «Образ будущего». Вышел к трибуне один японский товарищ и сказал: «Как известно, природных ресурсов не хватает...» Да, действительно, у них, у японцев, не хватает, а у нас их, в частности в Иркутской области, в Сибири, столько, что нам даже много. Поэтому мы живём совсем с другим ощущением, чем японцы. Нам здорово повезло, что у нас такая большая и богатая страна. Она богата в том числе и на людей — талантливых, трудолюбивых, терпеливых, энергичных. У нас много граждан, которые хотят и, полагаю, могут изменить жизнь нашу общую в лучшую сторону. У них окрепло желание верстать свою собственную политику, модернизировать экономические подходы, бороться за то, чтобы всё необходимое мы делали сами, а не заглядывали бы в чужой двор и огород, не ждали бы каких-нибудь милостей издалёка. И вот когда мы полно осознаем свою, что называется, самость, силу, то появится и уверенность. Помните, наверное, что в советское время было в нас ощущение того, что завтра будет лучше! И жизнь действительно по многим параметрам становилась лучше, не хуже, это точно. Мы когда-нибудь будем себе говорить, погладив ребёнка по голове: всё нормально, государство крепкое, надёжное, у меня есть работа, неплохое жильё и всё такое прочее. Вот только чтобы у него всё было хорошо. Именно ощущение уверенности, надёжности, реальной перспективы, думаю, даже само по себе создаст такую психологическую, моральную атмосферу, такое задаст настроение всему ходу нашей жизни, что какие-нибудь внезапные трудности и препятствия не будут рождать мрачных мыслей и ощущений о твоей и твоих близких судьбе, любые трудности будешь считать временными, а то и пустяками, как банальная простуда. Нам нужна надежда, нам нужна уверенность. И нам, знаете, ещё глубже бы понять, чего же на самом деле нужно каждому в отдельности из нас и стране в целом. И, несомненно, мы ещё готовы потерпеть и подождать.

11 сентября 2017 год

Беседу записал и подготовил для публикации
член Союза писателей России Александр Донских

ОЛЬГА СТАСЮЛЕВИЧ

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ И АРХИВОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Время открытий

Дорогие друзья! Дорогие земляки!

От всей души поздравляю вас с 80-летием образования Иркутской области! Это важнейшая и знаменательная дата в истории России, могущество и сила которой всегда прирастали Сибирью.

Во все времена Сибирь поражала богатством ресурсов, многообразием и уникальностью природы, героизмом и красотой души людей. В Иркутской об-

ласти многие столетия успешно развивается традиционная, самобытная, уникальная и многогранная культура региона. Народное творчество, профессиональное искусство, социально ориентированные некоммерческие организации, образование в сфере культуры, творческие, неординарные и неравнодушные люди. Всё это является надёжным фундаментом для сохранения традиционной и развития новейшей культуры.

В Приангарье живут удивительные люди — чуткие, внимательные, профессиональные, чей интерес к культуре очень высок. В наших музеях, театрах, библиотеках, культурных центрах и организациях всегда полно посетителей. А это лучший показатель того, что общественная и культурная деятельность в регионе не стоит на месте, живёт активной и насыщенной жизнью.

В России и далеко за её пределами известно творчество наших земляков. В 2017 году с юбилеем Иркутской области замечательным образом совпало 80-летие выдающегося писателя современности Валентина Распутина и всемирно известного драматурга Александра Вампилова. Регион торжественно отметил эти даты 15 марта и 19 августа 2017 года. Центральным событием стало открытие Музея Валентина Григорьевича Распутина — уникального научно-исследовательского центра в России по изучению жизни и творчества писателя.

В череде круглых дат 2017 года и 220-летие со дня рождения Святителя Иннокентия (Вениаминова). Юбилей нашего земляка, великого подвижника сибирской земли, просветителя, учёного, митрополита Московского и Коломенского Святителя Иннокентия (Вениаминова) ознаменован открытием Свято-Иннокентьевской церкви и культурно-просветительского центра имени Святителя Иннокентия. Самое крупное строительство последних лет велось в селе Анга Качугского района.

Особую неповторимость нашей культуре придаёт объект Всемирного наследия — озеро Байкал — источник вдохновения и зона притяжения для творцов со всего света. Именно магия Байкала объясняет такое внимание кинематографистов с мировым именем к ежегодному Байкальскому Международному кинофестивалю «Человек и природа». А в 2017 году Байкал был провозглашён «Территорией свободного творчества». В Иркутской области впервые прошёл Международный

культурный форум «Байкал-Тотем», призванный превратить Байкал в центр мировых искусств, национальных культур, центр творческого созидания, экологического и культурного туризма.

2017 год — это поистине время новых открытий и достижений. В юбилейный для Иркутской области год у нас впервые состоится одно из основных государственных мероприятий в области культуры — Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, призванный объединить русскоязычное литературное пространство. А в 2016 году Иркутская область впервые стала полноправным участником Санкт-Петербургского Международного культурного форума. На деловой площадке был подписан ряд межрегиональных соглашений о сотрудничестве в области культуры и искусства, а на сцене Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга выступил Губернаторский симфонический оркестр под управлением заслуженного деятеля искусств России Илмара Лапиньша.

В Иркутской области невероятно насыщена фестивальная жизнь — это мероприятия для разных зрительских аудиторий и разной культурной направленности. Международный фестиваль академической музыки «Звёзды на Байкале», Международный фестиваль «Джаз на Байкале», Международный фестиваль оперной музыки «Дыхание Байкала», Международный театральный фестиваль современной драматургии им. Александра Вампилова, Всероссийский фестиваль народной музыки «Байкальские струны», Международный этнокультурный фестиваль «Ёрдынские игры», Литературные вечера «Этим летом в Иркутске». Каждый проект становится ярким культурным событием, доброй традицией и настоящим праздником!

Отличительной чертой культуры нашей области является опора на академизм, под которым в данном случае понимается деятельность высокообразованных людей искусства, обладающих классическими навыками создания произведений высокого технического уровня в различных жанрах. В этом смысле оплотом успешного развития Приангарья являются государственные и муниципальные учреждения. На территории региона насчитывается более 1200 таких организаций.

Поддержка культуры является одним из приоритетов работы Правительства Иркутской области. Мы не снижаем объёмы финансирования сферы культуры, которое в 2017 году увеличилось на 40%. Мы стремимся не только сохранить культурный уровень, но и сделать всё возможное для его дальнейшего развития. Поддержка оказывается не только государственным и муниципальным учреждениям, но и негосударственным организациям, преимущественно в форме субсидий на культурные проекты.

В год 80-летия Иркутской области беспрецедентная сумма направлена на строительство и ремонт учреждений культуры. Ремонт идёт в 27 государственных областных учреждениях культуры из 29. В четырёх районах ведётся строительство домов культуры — посёлках Железнодорожный Усольского района, Забитуй Аларского района, Андрюшино — Куйтунского, посёлке Залари. В Большом Луге Шелеховского района стройку планируют начать в декабре. В Тулуне реконструируется детская художественная школа. В Черемхово ведут капитальный ремонт в Доме культуры им. Горького, в ближайшем будущем начнётся ремонт кинотеатра «Шахтёр». Дома культуры приводят в порядок также в Нижнеудинске и посёлке Грановщина Иркутского района. В 2016 году было завершено строительство Дома культуры в городе Киренске.

Благодаря совместным усилиям государства, бизнеса, негосударственных организаций, творческих людей реализуются уникальные проекты. В частности,

проект «100 модельных домов культуры» работает только на территории Иркутской области с 2011 года. Его участниками стали уже 200 учреждений культуры, они смогли приобрести новые музыкальные инструменты, кресла для зрительного зала, мебель, оргтехнику, сценические костюмы и обувь.

Мы не живём одним днём, думаем о будущем. Поэтому одним из наших приоритетов является поддержка одарённых детей и талантливой молодёжи. Ежегодно 60 молодых людей получают стипендию Губернатора за достижения в области культуры и искусства. Дети принимают участие в общероссийских конкурсах, а также конкурсных прослушиваниях и мастер-классах в рамках крупных музыкальных фестивалей.

Иркутская область укрепляет и межрегиональное сотрудничество. За последние два года государственные театры гастролировали и выступали в Республике Крым и Алтайском крае, Москве и Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Рязани, Хабаровске и Владивостоке, а также в Турции и Китае. Областные музеи представляли свои выставки в Пскове, Москве, Южно-Сахалинске и других городах и регионах страны. В январе 2018 года Губернаторский симфонический оркестр Иркутской областной филармонии отправится на гастроли в Австрию. Концерты пройдут в городах Линце и Вене.

В течение многих лет Иркутская область последовательно реализовывала крупные культурные проекты международного и межрегионального уровня, собирала деятелей культуры и искусства на Байкальской земле для сотворчества, демонстрации своего искусства, обмена опытом. Иркутская область живёт полнокровной культурной жизнью: в мастерских, за рабочим столом, на сценических площадках продолжают творить художники, литераторы, артисты, музыканты, чтобы остаться в истории своими книгами, картинами, памятниками, спектаклями.

В год 80-летия Иркутской области от всей души хочется пожелать всем нам дальнейшего развития, творческих успехов, вдохновения, реализации всех задуманных планов!

ЮРИЙ БАРАНОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИРКУТСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Иркутская литература: вчера и сегодня

Вероятно, не одно поколение иркутян задумывалось над странным феноменом: ни один из российских регионов не может похвастаться таким обилием литературных талантов. Даже перечисление имён известных писателей, составляющих славу Прибайкалья, заняло бы очень много времени. Конечно же, в первую очередь вспоминаются имена всемирно известных земляков наших: Валентина Распутина, Александра Вампилова, Георгия Маркова, Константина Седых, Павла Маляревского,

Франца Таурина, Бориса Костюковского. Не забываем мы и первопроходцев литературной «нивы»: Ивана Калашникова, Владимира Зазубрина, Николая Белоголового, Игоря Славнина.

Не забываем мы и певцов революции, большевистских поэтов Джека Алтаузина, Иосифа Уткина. Велик вклад в развитие довоенной иркутской литературы поэта и писательского руководителя Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского. В те же годы сочно и колоритно были написаны произведения первых советских писателей земли Иркутской: Г. Кунгурова, П. Петрова, А. Ольхона, П. Нилина, Г. Куклина, И. Луговского, И. Гольдберга.

Невозможно в коротком вступительном номере журнала, посвященного юбилею Иркутской области, поведать всю величественную историю литературы Восточной Сибири с её драматическими поворотами и трагическими страницами.

И всё же... Отчего земля наша так щедра на таланты? Быть может, близость Байкала мистическим образом влияет на людей, пробуждая в них скрытые способности? А может, Господь Бог, возлюбивший Прибайкалье, дарит нам милость свою, награждая талантами многих людей, берегущих и обживающих эту землю.

В послевоенные годы возникает целая плеяда талантливых литераторов-фронтовиков, которые весь жар своих сердец, боль от ран и горечь военных потерь изливают на страницы романов и повестей. Книги Алексея Зверева, Владимира Козловского, Льва Кукуева, Леонида Огневского, Марка Сергеева, Дмитрия Сергеева, Иннокентия Черемных, Елены Жилкиной давно стали классикой литературы Прибайкалья.

В особом ряду стоит легендарная «иркутская стенка». Этот литературный термин ввёл в оборот Геннадий Машкин после знаменитого семинара молодых писателей в Чите в 1965 году. Напомним, что Читинский литературный семинар открыл для России ныне всемирно прославленных авторов Валентина Распутина, Александра Вампилова, которые и стали знаменем «иркутской стенки», куда вошли и другие талантливые писатели: Глеб Пакулов, Геннадий Машкин,

Вячеслав Шугаев, Евгений Суворов, Михаил Трофимов, Пётр Реутский, Станислав Китайский, Виктор Соколов, Владимир Жемчужников, Альберт Гурулёв и другие.

В семидесятые — восьмидесятые годы прошедшего столетия в иркутскую литературу вошла плеяда послевоенных писателей, таких как Анатолий Горбунов, Валентина Сидоренко, Владимир Скиф, Геннадий Гайда, Василий Забелло, Василий Козлов, Валерий Хайрюзов и другие. Их произведения отличает пристальное неравнодушное внимание к социальным проблемам общества, любовь к родной земле и людям, живущим в этом суровом краю. С шестидесятых по девяностые годы плодотворно работают известные иркутские критики Павел Забедин и Надежда Тендитник.

После бурь и штормов, постигших нашу страну в начале девяностых годов, для творческой интеллигенции настали сложные времена. В наиболее трудном положении оказались писатели. В одночасье из «инженеров человеческих душ», облаканных государством, они превратились в изгоев. Объявив строительство безыдеологического государства, лукавые вожди враз сняли с себя ответственность за воспитание патриота и гражданина своей страны. А кто, как не словесник, несёт в люди пламя души своей, облакая мысли в яркие образы, способствующие росту национального самосознания! Но даже в эти годы безвременья продолжали работу над рукописями наши писатели. Среди изданий тех лет: поэтические сборники Ростислава Филиппова, книга «За стенами острога» Дмитрия Сергеева, книга о войне Иннокентия Черемных «Однополчане», роман Глеба Пакулова «Гарь», романы Кима Балкова, повести и рассказы Альберта Гурулёва, сборники поэзии и прозы Анатолия Горбунова, Валентины Сидоренко, Василия Забелло, поэтические сборники Владимира Скифа, Анатолия Змиевского, Татьяны Суровой, повести и рассказы Анатолия Байбородина, Андрея Антипина и другие.

Сложная общественно-политическая и экономическая ситуация девяностых годов во многом изменила подходы к литературному труду, разорвала привычные связи. Произошёл раскол единого Союза писателей СССР на Союз писателей России и Союз российских писателей. Позже в Иркутске появляется и Областная писательская организация. К сожалению, далеко не всегда создание новой творческой общественной организации было обусловлено объективными причинами. В некоторых случаях явно просматривались узкоместнические и личные амбиции. Выжившие в ту пору издательства стали ориентироваться на коммерческий успех, снижая, естественно, качество издаваемых книг. Практически перестали выпускать книги наших писателей в Москве. Не регулярно выходит журнал «Сибирь», который из-за недостатка финансирования вынужден был менять свой формат. И даже в это время продолжают работать над рукописями и не прекращают просветительской работы иркутские писатели.

Активно выступают в школах Владимир Скиф, Василий Забелло, Анатолий Байбородин, Альберт Гурулёв, Владимир Максимов, Андрей Румянцев, Василий Козлов, Александр Никифоров.

В Доме литераторов проходят литературные вечера, работает литературное объединение, воспитывающее молодую поросль.

Одним из главных культурных событий становится новый праздник: Дни Русской духовности и культуры «Сияние России». Инициаторами праздника, в котором так нуждалось общество, были Валентин Распутин, Борис Говорин, в ту пору мэр города Иркутска, епископ Иркутский и Ангарский Вадим. Иногда мож-

но слышать, как ошибочно праздник этот называют фестивалем. Валентин Григорьевич Распутин до конца дней своих настаивал на абсолютно русском названии, исключая иностранное слово «фестиваль». С тех пор ежегодно в последнюю неделю золотого сентября собирает Иркутск поэтов, прозаиков, публицистов и артистов, связующих разорванные нити культуры и духовности российской жизни. Выступают гости в различных аудиториях, проходят выставки художников и народных мастеров. Праздник Русской духовности и культуры не только указал выход из нравственного и духовного тупика, но и сумел явить иркутянам лучшие литературные силы страны. За четверть века гостями праздника в разные годы были: Юрий Кузнецов, Игорь Шафаревич, Владимир Личутин, Александр Проханов, Юрий Павлов, Анатолий Заболоцкий, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Валерий Ганичев, Валерий Хайрюзов и многие другие известные литераторы.

Неблагодарное дело перечислять все взлёты и падения, ухабы и колдобины на подвижническом пути иркутских писателей. Нелёгкая ноша выпала на долю руководителей союза. Отдельное спасибо за многотерпение и труд Александру Лаптеву, Василию Козлову, Василию Забелло, Владимиру Скифу. В памяти нашей останутся все: и те, кто разбрасывал камни, и те, кто собирал. Просто, мы должны делать выводы из того, что происходило с нами, и бережнее относиться друг к другу.

В 2010 году в Иркутске было создано Областное государственное автономное учреждение «Иркутский Дом литераторов», которым мне довелось руководить. Поскольку государство перестало финансировать творческие союзы, создание подобного учреждения было единственным способом спасения писателей через систему заданий. Правда, государство в лице некоторых разбойных чиновников тут же попыталось отнять у писателей особняк, в котором располагался Дом литераторов. Громадную роль в спасении писательского прибежища сыграл Валентин Григорьевич Распутин, а также принципиальная позиция Веры Ивановны Кутищевой, в ту пору министра культуры и архивов. К счастью, всё завершилось благополучно.

В настоящее время, несмотря на многие сложности, забота о писателях в Иркутской области приобрела системный характер. Благодаря постоянному вниманию губернатора области Сергея Георгиевича Левченко к нашим нуждам, впервые в текущем году мы получили финансирование шести номеров журнала «Сибирь», а также восемнадцати книг наших авторов.

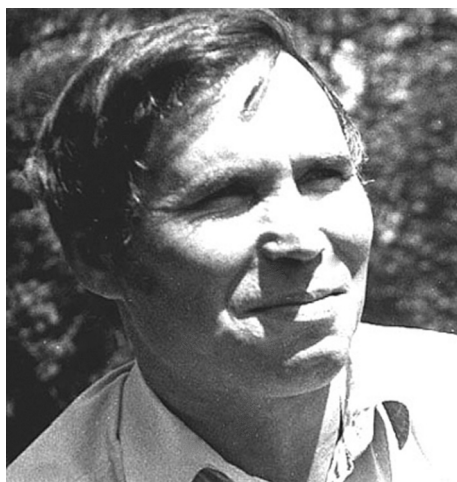
За последние годы появилось много интересных, талантливых прозаиков и поэтов, ярко заявивших о себе: Андрей Антипин, Елена Анохина, Виктор Балыков, Михаил Базилевский, Елизавета Оводнева, Светлана Анина. Получили признание книги Валентины Сидоренко, Василия Забелло, Александра Донских, Андрея Мирошникова, Сергея Корбута.

Многие из наших писателей стали лауреатами премии Губернатора в области литературы и искусства. Это Владимир Скиф, Михаил Трофимов, Анатолий Горбунов, Иван Козлов, Виктор Бронштейн, Татьяна Миронова, Василий Забелло, Анатолий Байбородин, Олег Слободчиков, Валерий Нефедьев, Татьяна Суровцева, Ростислав Филиппов, Светлана Волкова, Глеб Пакулов. Лауреатами всероссийских и международных премий неоднократно становились в последние годы: Владимир Скиф, Анатолий Байбородин, Василий Забелло, Александр Обухов, Владимир Корнилов, Александр Лаптев, Валентина Сидоренко, Анатолий Змиевский, Анатолий Горбунов, Михаил Трофимов, Андрей Антипин.

В год 80-летия Иркутской области мы с оптимизмом смотрим в будущее, в надежде на то, что Иркутская Литература и далее будет преумножать свою славу в борьбе за сердца и души молодых людей, идущих за нами.

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

Огонёк родного дома

Заря

В потоке дней летящих, где
Всплеснулась утренняя рыбка,
Скользнула грустно по воде
Природы мудрая улыбка.
Прядёт Виллой туманы лет,
По гальке катятся клубочки...
Заворожённо смотрит вслед
Девчонка в огненном платочке:
Как будто это не река,
А сам Господь ей улыбнулся,
Росистой веткой тальника
К судьбе грядущей прикоснулся!

ГОРБУНОВ Анатолий Константинович родился в 1942 г. в приленской деревне Мутино Киренского района Иркутской области. В юности пастушил, пилил лес, плавал на парохе кочегаром, несколько лет проработал в авиации. Стихи и прозу печатал в сибирских и московских журналах, в коллективных сборниках. Автор книг: *Чудница*: стихи (М., 1975); *Осенцы*: стихи (Иркутск, 1980); *Тайга и люди*: очерки, рассказы (Иркутск, 1982); *Звонница*: стихи (Иркутск, 1985); *Перекаты*: стихи (Иркутск, 1988); *Журчинки*: стихи для детей (Иркутск, 2000); *Речная сторона*: стихи (Иркутск, 2004). Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н.Островского; сибирского конкурса им. Х.К. Андерсена; награждён медалью Министерства Российской Федерации за вклад в русскую культуру. Член Союза писателей России. Жил в городе Иркутске. Скончался 29 ноября 2016 г.

Посевная

Даль родная, полевая...	В срок посеянные зёрна
Небо — жаворонки сплошь.	Урожай дадут большой.
Древний праздник — посевная:	Лучший хлеб в России — чёрный,
Золотой отборный дождь.	Деревенский, аржаной!

Зелёная отчизна

Писателю Анатолию Байбородину

Ослепший дом. На брёвнах накопъ солнца,
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.
Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих.
Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.
Скорбит река о празднично идущих
По вечному по Млечному Пути...
В заоблачных далёких райских куцах
Милей лугов, чем эти, не найти!
Прости живых, зелёная отчизна,
За то, что мы собой не дорожим,
За то, что мы на самом склоне жизни
Даём оценку радостям земным.
Ослепший дом. На бревнах накопъ солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.

На Ичёре

Кап да кап росинки в речку,
Плачут кустики везде —
Расплываются колечки
По сверкающей воде.

Не дерите, кукши, глотку,
Мирных гнёзд не разорю!
Знай себе, таскаю в лодку
Окуневую зарю.

Плёс уловистый надыбал.
Лапти — любо поглядеть!
Смотрит с завистью на рыбу
Из-за дерева медведь.

Сельская дорога

Протоки обезлюдели,
И сгнили наши лодки.
Где рыбу в детстве удили —
Вороньи осерёдки.
Потрескался искрящийся
Речной плитняк от зноя.
Ветра, подобно ящерам,
Ползут по травостоям.
Не вьётся дым над избами.
Отцы врагами были.
Страна воспрянет, лишь бы мы
Их путь не повторили.
В чужом краю ли, дома ли, —
И в слабости, и в силе —
Не забывали, помнили
О пройденном России.
О чём жарки на холмиках
Лепечут златоусто?

Еловники-духовники
Кому грехи отпускают
За всё, что было сделано
С крестьянскими дворами
И красными и белыми —
Горячими отцами?
Слезами вдов просолена
У каждого могила.
Земля отцов поссорила,
Земля же помирила.
Ей счастье, если ты
При жизни веришь в Бога...
О мир вам, лес и омуты,
И сельская дорога!
Страна берёз великая —
То луг, то ключ, то волок,
То поле с перекликами
Забавных перепёлок.

Журавель

Ненаглядный ты наш водолей,
Мы в обиду тебя не давали
И в своих двойников не плевали,
Родовых не мutilовали ключей.
Воздавая добром за добро,
Ты дарил нам небесные блики,
Так протяжно и скорбно курлыкал,
Что слезилось над срубом ведро.
И гордился, и кланялся нам,
Утолял сенокосную жажду,
Окликая крылатых сограждан,
Устремлялся к седым облакам.
Обручал женихов и невест,
Привечал балалайку с баяном...
Сшиблись русичи — белый с багряным, —
Содрогнулись деревни окрест.

Хлеб — и тот превратился в песок.
Голосили бездомные лайки.
И оплакал баян балалайку
У твоих окровавленных ног.
Кто украсит колосьями Русь?
Кто обмоет народные раны?
Поредели кормильцы Иваны,
В теремах не осталось Марусь.
В ясной памяти чуткой воды
Сколько их отражений хранится...
Задыхается небо в темнице,
И на солнце рассохлись лады.
Ненаглядный ты наш водолей,
Встрепенись над забытым колодцем —
Колокольная высь отзовётся
Перезвоном седых журавлей!

У солдатской могилы

Налилась берёза силой —
Белая вдова.
Над солдатскою могилой
Шелестит трава.

Слышу жаворонка пенье,
Говорок ручья.
Вечность, я — твоё мгновенье,
Искорка твоя.

В этом кратком промежутке,
Что дано прожить,
Я хотел бы к забвению
Голову склонить.

Братья, землю берегите,
Свет родных небес...
Здесь вы травы не косите,
Не рубите лес.

Я хотел склонить бы к милой
Голову свою,
А склоняю над могилой
Павшего в бою.

Сок берёзовый не пейте —
Слёзы матерей.
И по ветру не развейте
Памяти своей.

Самоеды

На бугре поруганная церковь.
Хлам. Погадки. Ангелы без крыл.
Злобный век нам судьбы исковеркал,
Ясный ум антихрист замутил.
По ночам с разбитой колокольни
Станный звон разносится вокруг...
Отсекли родительские корни —
Вот и счастье выпало из рук.
Мытари. Пропойцы. Самоеды.
Проливая собственную кровь,
Мы чужие празднуем победы,
Мы чужую пестуем любовь.

Грозные потомки Коловрата,
Гордые российские орлы,
Присягнули кривде супостата,
Родину обули в кандалы.
Нам вскружили головы химеры,
Получили должное взамен.
Без креста, без голоса, без веры
Падший не поднимется с колен.
От грехов отмоемся не скоро...
Плачет о распятом звонаре
Колокол державного позора —
Брошенная церковь на бугре.

На Байкальских сорах

Стрекочет пернатый июнь.
С ондатровой хатки
Лениво поднявшийся лунь
Наводит порядки.
Крылами взмахнёт и замрёт
Над пропастью мира.
Трепещут обрывки теней
На стеблях аира.
Туманный от горестных дум,
У паводы синей
Мерещится поп Аввакум —
Страдалец России.

Сбылось, что предсказывал он,
Мятежный раскольник.
Мерещится в мареве звон
Пустых колоколен.
Посолье. Без маковки храм.
И берег безлесый.
Страну по рукам и ногам
Опутали бесы.
Лишь вольный катается лунь
По горкам воздушным.
Стрекочет пернатый июнь,
От испари душно.

* * *

Над заброшенным просёлком
Всплески голубей.
Отчий край, бурьяном колким
По лицу не бей.

Заросли поля оглоблей,
Горем заросли...
Кто-то хитрый и недобрый
Хохотнул вдали.

Подпольщики

Растлители солнечных рас,	Они безнадежно больны
Верней, мировые страдалцы,	Бубонной чумой революций.
Из пепла поднявшихся нас	Гуманность беспомощна тут,
Опять обвели вокруг пальца.	Их вылечишь этим едва ли...
Бегут из горящей страны,	Им нужен физический труд,
Бегут, чтобы снова вернуться:	Прописка на лесоповале!

Нелюдь

Справедливость? Равенство? Свобода?	— Натe, дорогие, россияне,
Произвол — куда ни поглядишь!	Заморите, что ли, червячка...
С облучка хвостатый воевода	С пьяни сами посадили в сани —
Тычет окровавленный кукиш:	И никак не сбросишь с облучка.

«Демократ!»

*Мировой пожар раздует,
Всех разденет и разует...*

Лишил детей народной речи,	Интеллигенцию, рабочих
Лишил крестьян полей родных —	На цепь к корыту приковал
Ведь без земли, конечно, легче	И заливаeтся хохочет:
Держать в зависимости их.	— Даёшь Интернационал!

Старый большевик

Не доспав, утром рано	Клёкот рвётся из глотки:
Выполз дед на крыльцо.	— Перестройку даёшь!
Сыплет лозунги рьяно	Хлипкий, кости да кожа,
Репродуктор в лицо:	Но ухватист и лют.
— Мы одержим победу...	— Бабка, радуйся, дожил
Счастье брызнет ключом...	До счастливых минут!
Даже хворому деду	Топну — мир содрогнётся,
Стало всё нипочём.	Всех возьму в оборот...
Передёрнуло зябко,	От восторга трясётся,
Со ступеньки орёт:	Скособенило рот.
— Поднимайся-ка, бабка,	Гегемон революций.
В бой «Гренада» зовёт!	Большевик. Пустобай.
Хоть и статью невидкий,	Руки-ноги не гнутся,
Есть что вспомнить ему:	А врагов — подавай.
Бил сельчан под микитки,	Сдвинув шапку на ухо,
Рушил девок во тьму.	Он разбойно глядит.
Без идейной работки	Вышла с дрыном старуха:
Ненароком помрёшь,	— Зам-м-молчи, паразит!..

Осень 1993 года

От пятнадцати зим	Всех мы предали, всех,
И за семьдесят два —	Чтоб себя уберечь!
Опрокинулись в дым,	На побоище — смех,
Полегли, как трава.	Чужеземная речь.
Не осталось в живых,	Чёрный ветер Москвы —
Кто Россию любил:	И позор наш, и стыд...
Лики, лики святых	Слёзы русской вдовы
У подножий могил...	Прожигают гранит.

На развалинах

Здесь была когда-то школа,	Что-то есть в ней от погоста...
К ней тропа вела —	Книжки топчет скот.
Тень великого раскола	Лес, оставшись без подроста,
Поперёк легла.	Долго не живёт.
Вот и детство изручилось,	И боярышник — игольчат,
Сентябри черны.	Красен и высок...
Сколько здесь не доучилось	Брякнул мерин в колокольчик,
Гениев страны!	Будто на урок.

Сельский вечер

Курносые дети полей	А нелюдь за их уже счёт
Катают зарю на салазках,	Шампанское пьёт на Канарах...
Играют в солдат и царей	Но будущий Сталин растёт
И верят в красивые сказки.	И скоро напомним о нарах!

Народ

Праздновал сдуру победу...	Выкроют стынь до окраин,
Врезался в глотку хомут.	Голого швырнут под лёд...
Вот мироеды наедут —	Встань с четверенек, хозяин,
Стойла и те отберут.	Если ещё ты народ!

Ольха

По хрупким веткам лунный свет	Как будто с думой о стране,
В полынный медленно струится...	О вымирающем народе
Живые радостные лица	Стоит она при огороде
Горюнье снятся много лет.	Седой крестьянкой в тишине.

Крестьянин

По ночам снится рожь.	Новый ум — старый квас,
В поле выйдешь — пусто.	Сто долгов на брата...
И ладони сожмёшь	Позапродали нас
В кулаки до хруста.	В рабство горлохваты.
У реки — без воды.	По низам пол метут,
У межи — без хлеба.	По верхам гнездятся.
Скрип сухой лебеды	Кто хозяева тут —
И с овчинку небо.	Время разобраться!
Не моё, не твоё,	День гремучий суля,
Наше и не наше.	Свищет божья птаха...
Продувное житьё.	Побурела земля,
Заварили кашу:	Что от крови плаха.

Славяне

Здоровье да воля,	Надёжная крыша
Да мирное небо,	И верность подруги,
Родник да краюха	Чтоб в доме росли
Насущного хлеба,	Работающие дети —
Весёлые зорьки	Иного нам счастья
Да ярые вьюги,	Не надо на свете!

С промысла

У костра сижу один.	«Отчего, мой славянин,
Ест огонь сухие ветки.	Буйну голову повесил,
В скорбном образе лесин	Не поёшь сердешных песен,
За спиной толпятся предки.	У костра сидишь один?
Будто в чём-то дорогом	Знаю, знаю... на Руси
Их жестоко обманули...	Змей Горыныч поселился,
Зверь тревожит бурелом,	Русской кровушкой упился,
Нарывается на пули.	Хоть чертей на нём паси.
На ночлегах снятся сны	Шестиглавый подлый змей!
О далёком тёплом доме.	Расплодил на вольных кручах
Из таёжной глубины	Он змеёнышей ползучих —
Виден мир как на ладони.	Тварей в облике людей.
Сколько тайн в гольцах постиг —	Подавай им жрать да пить,
И представить невозможно!	Скоморохов и улады.
Что за огненный старик	Расползлись по свету гады,
Из костра поднялся грозно?	Даже некуда ступить.
Пепел сдул с могучих плеч,	Человечий мозг сосут,
Мудро бороду огладил,	В городах разводят скверну.
На меня свирепо глядя,	И шипят, и жалят стервы,
Произнёс такую речь:	И друг с дружкой живут.

Чем сидеть в лесу молчком	Только стоит задремать,
И стеречь ночные звуки,	Русь во всей красе приснится.
Взял бы меч булатный в руки,	Филин ухает в пади,
Отстоял родимый дом.	Дым ползёт по бурелому,
Собирай на битву рать!	И мерцает впереди
Слышь, бубнит призывно птица...»	Огонёк родного дома.

Синие дни

Солнечный волок — дальние дали.
 Струйчатый свет!
 Здесь мы ходили, стёжки топтали,
 Вили свой след.
 Пили горстями поздние грозы —
 Эхо рассох,
 А голубицы сладкие слёзы
 Падали в мох.

Синие звоны, синие блики
 Застили взор,
 И раздавались вещие вскрики
 С дрёмных озёр.
 Нам ворожила счастье гагара —
 Вышел обман,
 Выпала доля, выпала кара —
 Афганистан.

Дальние дали — ягодный морок.
 Синие дни!
 Солнечный волок, солнечный волок,
 Радость верни!
 Милому с милой век бы любиться:
 Канул мой друг,
 Лишь поминальный плач голубицы
 Слышен вокруг.

Солдат

Растоплю под ясным небом	Из Чечни твой сын вернулся,
Летний наш камин	Как старик, седой.
И схожу за свежим хлебом	Мама, мама, не волнуйся,
В дальний магазин.	Видишь, я — живой!
Жаворонушки над нами	По дорогам шёл военным,
Прозвонили высь.	Не дремал в штабах,
Отдохни, родная мама,	Я твоим благословеньем
Мама, улыбнись.	Был храним в боях.

Помню я друзей походных,
Тех, кого уж нет,
Им бы стукнуло сегодня
Всем по двадцать лет.
Самозванцы предавали,
Обирали нас
И посмертные медали
Слали на Кавказ.

Неделимая держава,
Молний круговерть:
Смерть — налево, смерть — направо,
Посерёдке — смерть.
Мама, мама, не волнуйся,
Видишь, я — живой!
Из Чечни твой сын вернулся,
Как старик, седой.

Славянка

Божий лик на стене
Опечален и строг.
И горит на окне
По ночам огонёк.
А давно ли, давно
В луговую росу
Растворяла окно,
Расплетала косу?

Сокол тайно влетал,
Озарял тихий дом
И до зорьки дремал
На оплечье твоём.
Он в далёкой Чечне
Пулей сбит на лету...
Огонёк на окне
Все течёт в темноту.

Раскол

Словно чёрная борзая тройка,
Не давая опомниться нам,
Пронеслась по стране перестройка,
До небес подняла тарарам.

Кто зашёлся от криков победных,
Кто зловеще притих до поры...
Не помирят богатых и бедных
Никакие цари и пиры!

Родная земля

В седом подмареннике берег.
Заречные тропы круты.
Я посохом жизни измерил
Угрюмые эти хребты.
Гружённые хлебушком нарты
К далёким зимовьям тянул,
Гонялся за призрачным фартом —
Горел, замерзал и тонул.
Блуждая под небом огромным,
По звёздам всегда выходил

К полям — терпеливым и скромным,
Где корни мой пращур пустил.
А Лена шугою хрустела,
Из рук вышибала весло...
Зовут в путь-дорожку метели,
Крылами шуршат о стекло.
Зовут на отцовскую землю,
Где ходит винтом снеговой...
И, голосу памяти внемля,
Я рвусь всеми силами к ней!

* * *

Когда уйдёт последний русский,
Восторжествует эра зла,
Треща по швам от перегрузки,
Извергнет молнии Земля.

Сойдёт с накатанной орбиты
И полетит в тартарары...
Остывший прах Земли убитой
Поглотят мёртвые миры.

ГАВРИИЛ КУНГУРОВ

Путь в Китай

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «АЛБАЗИНСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Таял снег, чернели дороги, рушился санный путь. Посольство Спафария после месячного пути прибыло в Тобольский городок. Ожидая конца ледохода на Иртыше, Спафарий задержался в Тобольском городке ненадолго.

В городок ежегодно съезжались купцы из далёкой Бухары, калмыцких степей, остяцких стойбищ. Попадали в Тобольский городок люди даже из Китая.

Спафарий терпеливо расспрашивал бывальцев о коротких путях в Китай, старательно заносил в дорожный дневник их вести.

В начале мая Иртыш очистился ото льда. Спафарий подобрал для посольства провожатых, гребцов и иных, потребных в пути, умелых людей.

Посольство погрузилось на три плоскодонных больших дощаника и поплыло рекой Иртышом. При малых задержках Спафарий плыл около месяца до Енисейского волока. Одолев с большими муками волок, плыл Енисеем до впадения в него Ангары.

КУНГУРОВ Гавриил Филиппович, прозаик, публицист (1903, Забайкалье — 1981, Иркутск). Автор многих книг, в том числе: «Топка» (М.; Иркутск, 1935); «Артамошка Лузин» (Иркутск, 1937); «Путешествие в Китай»: ист. повесть (Иркутск, 1940); То же, перераб. и доп., под загл. «Албазинская крепость» (М., 1959); «Моя Родина непобедима»: рассказы (Иркутск, 1941); «Тыловые рассказы» (Иркутск, 1942); «Золотая степь»: рассказы о Монголии (М., 1946); «Свет не погас»: повесть (Иркутск, 1948); «Бессмертное имя»: рассказы (Иркутск, 1952); «Наташа Брускова»: роман (Иркутск, 1959); «Хозяева тайги»: сказки (Новосибирск, 1962); «Сибирь и литература» (Иркутск, 1965); «Оранжевое солнце»: повесть (М., 1976) и др. Доктор филол. наук. Член Союза писателей СССР (Иркутская писательская организация).

Буйная Ангара принесла множество хлопот и мучений. Спафарий сделал в дневнике пометку: «Август. День седьмой. На левой стороне бык, и в том месте горы высокие и каменя во всю реку. О те каменя воды бьют с безудержной силой и буйством, от того шум и рёв страшный по лесам и горам проносится.

Того же числа приплыли на Шаманский порог. Пристав, выгружали всё на берег, чтобы обойти по горам тот сердитый не в меру порог, иначе дощаники побьёт, порушит, потопит. Тянули дощаники заводом шесть вёрст. Каменя на реке самые крутые, вода бьёт, и волны, будто горы, а от пены белы, словно снегом обильным посыпаны».

Жилых мест не встречалось. Люди посольства срывали с голов шапки, размахисто крестились на частые могильные кресты. Те кресты ставились на могилах погибших и утонувших на переправах через пороги и буйные перекаты.

С большими трудами и помехами одолели многие сердитые пороги Ангары: Пьяный, Гребень, Похмельный, Падун. В сентябре приплыли в Иркутский острог. Оглядели острог: и нов, и крепок, и люден...

Спафарий занёс в дневник: «А острог Иркутский стоит на берегу Ангары, на ровном, удобном месте... Строением зело пригож, обнесён высоким бревенчатым частоколом с деревянными башнями. А жилых казацких и иных дворов боле со-рока, а места окрест острога самые хлебопашные и травные».

В Иркутском остроге чинили побитые дощаники, грузили запасы, собирали снасть и многое иное — готовились к переходу через великий Байкал. Ангарой плыли недолго. Ширилась река гладкой синью и терялась в тумане. Сумрачно вглядывался Спафарий в густой холодный туман. Вышли к Байкалу в яркий день. Синяя зыбь озера тянулась бесконечно, вдаль едва заметным очертанием вырисовывались пики гор. Нехоженые, дикие леса, каменистые утёсы плотно оцепили Байкал. Было озеро заковано в камень. Многие из людей посольства, боясь свирепости Байкала, молили Спафария отпустить их.

— Студёна вода, черно и бездонна, — плакали они, — несёт от неё могилою...

Спафарий отвечал спокойно:

— Над всем всеилен Господь... Молитвами государя минуем угрозу.

Едва дощаники отплыли от берега, с Байкала подул ветер. Волны, взлетая зелёными брызгами, бились о скалы и пенились. Спафарий велел вернуться, ждать доброй погоды и попутного ветра. К вечеру над Байкалом повисли тучи, синие воды стали чёрными. Свирепел, выл, метался ветер. Байкал вздымался огромными горами и бешено рвался из каменных оков. От рокота и гудения воды дрожала земля, люди посольства в страхе смотрели на обезумевший Байкал. Вглядываясь в густую темень, дозорный казак кутался в долгополую шубу и при каждом ударе волн об утёс шептал молитву.

Даже Спафарий, объехавший многие земли, познавший немало чудес и претерпевший тяжкие невзгоды, сидя в корабельной каморе, затеплил лампаду перед иконой Спаса, просил о заступничестве и спасении.

Три дня стояли дощаники, ожидая затишья.

Байкал стих внезапно. Поутру Спафарий и его люди не узнали в нём свирепого буяна. Воды хрустальной чистоты сверкали на солнце, отражались в них голубизна небес и очертания гор. Подул лёгкий попутный ветер. Слегка заморщилась гладкая поверхность. В прозрачной, чуть голубой воде на огромной глубине видны были камни, водоросли, косяки рыб. В заводях беспечно кувыркались утки, купались лебеди. По склонам гор свистели птицы, пахло смолой кедров, сосен, лиственниц. По узкой тропе спускались на водопой горные косули.

Дощаники отплыли от берега, гребцы дружно ударили вёслами и, разрезая водную гладь Байкала, дощаники понеслись вдаль, на противоположный берег, в сторону едва синеющих гор.

Спафарий вышел на помост, дивился красоте и спокойствию Байкала. Однако спокойствие длилось недолго: подул резкий боковой ветер. С востока полнеба охватила тень. Чёрными гребнями волн ошетинился Байкал. Тёмно-синяя пучина заклокотала, запенилась. Дощаники взлетали на громады волн, подобно подбитым чайкам. Гребцы налегли на вёсла, но дощаники относилось в сторону. Бросая по волнам, дощаник Спафария прибило к устью реки Переёмной, едва не разбив его о каменистый берег. Второй отбросило на много вёрст дальше, третий выбросило на берег, выломав борт.

Ночью закрутили вихри, выпал глубокий снег. Буря на Байкале свирепела. Спафарий посылал людей по берегу искать обжитые места, просить подмогу. Посланцы возвращались, не встретив ни жилых мест, ни обитателей. В такой беде посольство находилось неделю. Воспользовавшись затишьем, поспешно погнали дощаники, держась берегов Байкала. Так доплыли до устья реки Селенги, а по ней — до Селенгинского острога. В дальнейший путь Спафарий собирался идти сушей. Разослал гонцов по окрестным эвенкийским стойбищам и бурятским улусам, чтоб закупали верблюдов, лошадей, быков, готовили выюки. Караван в сто двадцать верблюдов растянулся далеко. Шёл левым берегом Селенги. За Селенгой раскинулись бескрайние монгольские степи, а за ними лежало царство китайцев.

Монгольские степи всполошились; огромный караван, а с ним люди в кольчугах, с самопалами и саблями наводили страх и смятение. По монгольским кочевьям разнеслась весть: русские идут в степь войной. На одно из становищ к каравану Спафария из степи прискакало более сотни вооружённых монголов. Они окружили караван, оглядывали русских с любопытством и тревогой. На холме остановил лошадь молодой монгольский хан. Лошадь его вихрила землю, мотала головой, раздувая ноздри. Хан в красном халате, в расшитых войлочных сапогах с загнутыми сверху носками сидел в седле с серебряной чеканной оторочкой, ветер трепал кисточку на меховой, китайского покроя шапке. Хан поднялся на стременах:

— Какие вы люди? Мы таких не видели! Зачем в степь идёте? Не войной ли?!

Спафарий отвечал:

— Только воры идут войной, не сказав о том заранее... Мы же не воры, а царя русского посланцы к китайскому богдыхану.

Монгольский хан кричал:

— Разве с китайским богдыханом говорить пиками и самопалами будешь?

Спафарий прищурил глаза:

— Когда охотник идёт на лисицу, разве не имеет стрелу на волка?

Хан смеялся. Спафарий просил хана дать провожатых, привести верблюдов и лошадей для замены уставших. В обмен обещал русские товары и серебро.

Хан говорил:

— Не видел твоих товаров. Не знаю, какие они есть...

Спафарий послал своих людей; они поднесли хану подарок: отрез сукна жёлтого, горсть серебра да связку табаку. Хан принял подарки, не сходя с коня; остался доволен. Воинов увёл, обещал послу подмогу верблюдами и лошадьми. Спафарий ждал обещанного три дня. Лукавый монгольский хан обещанного не выполнил. Монголы, побросав облюбованные места, сняли юрты и откочевали в

китайскую степь. Шёл караван малым шагом. Терпел большие невзгоды. До Нерчинского острога пути шли по бестравным степям и горным перевалам. Многие верблюды и лошади пали. Спафарий послал вперёд двух казаков, чтоб добрались лёгким ходом до Нерчинского острога, именем царя просили скорую подмогу людьми и скотом. Ударили морозы, льдом сковало Селенгу. Караван пошёл рекой, лёд треснул, несколько верблюдов и лошадей потонуло. Караван вернулся на старую стоянку и ждал, пока окрепнет лёд. К этому времени вернулись посланцы. До Нерчинского острога они не дошли. Острог осадили степные разбойники. Караван вернулся от Селенги к югу. Непроходимые горы и утёсы загородили путь. Караван возвратился на Селенгу и шёл ею неделю, пока не встретил двадцать казаков и сотника Нерчинского острога. Они вырвались из осады, бежали ночью, минуя монгольские засадные ямы.

Спафарий созвал всех людей, велел идти озираясь, с бердышами и самопалами наготове, чтоб бой принять, спастись от разбоя монголов. По ночам велел ставить дозорных вокруг каравана; верблюдов, лошадей, быков держать в табуне подле становища; костров не разжигать, чтоб не открывать монголам места ночной стоянки. Караван двигался, не встречая юрт монголов и бурят. Степь притаилась, притихла... Вблизи Нерчинского острога в стан Спафария приехали пять монголов. Спафарий счёл их за лазутчиков, которые привели монгольскую рать и держат её в потаённом месте.

Монголы отвечали:

— Идём с поклоном. Проведали о великой силе русских, идущих в степь.

Спафарий монголов обласкал, одарил подарками, отпустил в степь, поучая твёрдым словом:

— Идёт рать многолюдна. И тех воров и гребенников, кои шалят по степям и русского царя людей изводят, побьёт, скот и юрты захватит.

Становище Спафария и его людей показалось монголам большой ратью, а угрозы царского посла внушили страх. Осаду Нерчинского острога монголы сняли, поспешно бежали в степь. Осаду держали только монголы разбойного хана Талоя. Но с востока на них напал эвенкийский князь Гантимур. Степных разбойников разогнал, тем оказал славную ратную подмогу острогу и заслужил достойную выслугу и почёт от воеводы.

Посольство Спафария встретил воевода Даршинский с тремя сотнями казаков под двумя знамёнами. Ради встречи русского посла казаки острога и люди посольства стреляли из самопалов. Выстрелы грохотали перебойно, гулко и тонули в степи, нагоняя на перепуганные монгольские кочевья смятение и страх. Боялись монголы: расправится русский царь с ними за их разбойные набеги и воровские дела. Гантимур и его родичи, прослышав о приезде царского посла, раскинули юрты подле Нерчинского острога. Споры между русскими и китайцами о беглом Гантимуре и ратная доблесть князя разжигали любопытство Спафария. Он послал именем царя Гантимуру подарки и позвал его на посольский двор. Гантимур пришёл со своими братьями и сыновьями, бил челом царскому послу, клал перед ним дорогие подарки: кучу соболей, лисиц, куски шёлка китайского, а для каравана посла привёл верблюдов, лошадей, быков.

— Посол русского царя усмирил разбойную степь. Установил мир.

Спафарий удивился, отвечал уклончиво:

— Речи твоей, князец, не пойму, войной не шёл...

Гантимур сказал:

— Разбойные монголы и воровские буряты, прослышав о твоём, царского посла, караване, перепугались, признав твоих людей за воинов.

Спафарий улыбнулся.

Гантимур говорил послу:

— Пути в Китайщину мне ведомы. Пошлю с твоим караваном лучшего вожака. Дай ему потребное жалованье.

Спафарий удивился уму и храбрости Гантимура, в дорожный дневник записал: «Сей князец — муж достойный: и богат, и родовит, и храбр. И хоть веры не христианской, имя царя русского чтит, в изменниках Руси не бывал».

Гантимур и его родичи низко откланялись Спафарию, ускакали в степь.

Караван Спафария готовился к походу: кричали верблюды, мычали быки, скрип арб заглушал людской гам. Кибитка Спафария с запряжёнными в неё десятью быками стояла посередине каравана. Сбоку кибитки за длинный повод был привязан осёдланный гнедой конь; то конь царского посла для скорого объезда длинного каравана в пути. Спафарий подошёл к кибитке, отвязал коня, легко поднялся на седло. От воеводы прибежал гонец. Просил он посла обождать, ибо надобно грамотку важную и скорую разобрать. Спафарий повернул коня и поскакал к острогу. У резного крыльца стоял воевода. Спафарий вошёл в приказную избу.

Воевода сказал:

— Не прогневаю царского посла, коль скажу ему о грамотке, писанной воровскими людишками Албазинского острога? О той грамотке я запомню...

— Молви, какие вести?

— От воров — воровские и вести. Послал грабёжник Ярошка своего дружка, тоже лиходея и грабёжника, Пашку Минина, и с ним добра разного десять возков да полонянку чёрных кровей с дитём.

Спафарий удивился:

— Каким добром хвастают гребенники? Какая причина?

Воевода заторопился:

— Возки туго набиты отборными соболями, лисицами, а сверх того серебром и камнями. Гребенники всё это на Москву царю-батюшке норовят с грамоткой отправить, чтоб возымел пресветлый государь к ним милость и пощаду.

Спафарий оглядел воеводу:

— Какова воля воеводы?

Воевода гордо ответил:

— Именем царя пресветлого того вора — Пашку Минина и его людишек велел я забить в колодки и бросить в тюремную яму. Добро же, которое гребенники нарекли дарами царскими, отобрал.

Лицом Спафарий стал строг, краской запылали щёки, воеводе он сказал сурово:

— Сотворил, воевода, негодное, ложное дело. Те люди стоят на рубежах России крепко. Принимают муки и раны, а многие за те рубежи обрели смерть. Пусть и вперёд на берегах великого Амура русские люди ногой стоят твёрдо.

— То не русские люди, то гребенники...

— Крест на груди носят. Руси землю защищают!

— А прежние разбои и шалости воровские ужели прощены?

— Надобно тех людей, Пашку Минина и иных, отпустить с миром. Оказать ратную подмогу Албазинской крепости. Дары албазинцев с грамотой-отпиской скорым гонцом отправить в Москву. Суд и расправу чинить над ними, коль на то будет воля самого царя пресветлого, не иначе...

Воевода сокрушался. Упрёки царского посла принял, сказанное послом обещал исполнить и, грамоту царю отписав, перед рождеством отправил при надёжном гонце с подарками в Москву. Передал воевода Спафарию и грамоту китайского богдыхана русскому царю. Это была вторичная грамота о беглеце Гантимуре и его происках и набегах казаков на Амуре.

Караван вышел из Нерчинского острога, растянулся длинной вереницей. За острогом, минуя реку Аргунь, раскинулись степи и горы, подвластные Китайскому царству. Две недели шёл караван по людным степям, богатым кормовищами и водой. За Аргунью раскинулись малоснежные, безлюдные степи и горные хребты. Узкая тропка неизвестных кочевников извивалась по пустынным местам. Стояла стужа. Жгучие степные ветры гнали пески. Часто проводник, потеряв тропку, вёл караван по замёрзшим кочковатым болотам, по кромкам горных утёсов. Верблюды и лошади шли короткой ступью, караван двигался тихо. Не дойдя до китайских рубежей, караван впал в нужду: кормовищ для скота и дров для костров нельзя было отыскать. Падали лошади и верблюды. Надвигалась неминуемая гибель. Со многими людьми приключились болезни, многие проморозились и покалечились. Люди зароптали: стали ругать Спафария, обвинив его в нерадении и неудачах.

Спафарий послал к китайским рубежам сына боярского Телешова, а с ним Гантимурова проводника, знающего китайский язык. Наказал Спафарий настрого: просить китайцев оказать посольству скорую помощь скотом и людьми, за услуги обещать щедрые подарки. Китайцы пригнали лошадей, верблюдов, а для охраны каравана прислали воинов.

Ранней весной подошёл караван к пограничному китайскому городку Науну. Русского посла встретил наунский наместник с двумя сотнями конников. У городской стены Науна караван остановили, отвели в сторону, в город не пустили.

Посольство раскинулось становищем. Спафарий поставил на пригорке свою дорожную юрту. На вершине юрты, покрытой белым холстом с узорчатой прошвой, отороченной сукном и атласом, колыхалось русское знамя. В юрту посла никто не приходил.

На восходе второго дня, качаясь на плечах носильщиков, приплыл пёстрый шёлковый паланкин. Наунский наместник сдвинул штору, огляделся, взмахнул рукой. Носильщики опустили паланкин. Наместник вошёл в юрту русского посла, удивился её отменному убранству и роскоши. Юрту пересекала занавеска ярко-жёлтого сукна с парчовой прошвой. На полу лежали дорогие ковры и шкуры медведя; стол стоял резной росписи, а церковный подсвечник с горящими восковыми свечами сиял золотыми отблесками. Над атласной лежанкой посла в золочёной оправе — икона Божьей Матери работы московских иконописцев.

Люди наунского наместника принесли послу утреннюю еду: свиное мясо, горячее вино, чашечку разварного риса. Вместо ложки подали две тонкие палочки, длиной с лебяжье перо, обёрнутые в прозрачную бумагу. Посол палочки отложил, мясо брал руками, рис черпал своей дорожной ложкой.

Наместник учтиво кланялся, справлялся о здоровье посла, тут же с тонким лукавством выпрашивал, что написано в царской грамоте, зачем едет посол в Китай.

Спафарий отговаривался усталостью, на лукавые вопросы отвечал уклончиво, отменно ласково. Наместник и его свита кланялись почтительно, вновь заводили хитрые речи, и вновь Спафарий уклонялся от тех хитрых речей. Китайцы упрямились и русского посла в городок не впускали. Наунский наместник ссылался на многие причины: строгости обычаев, богдыхановы указы и иные помехи.

Спафарий торопил:

— В город богдыханова величества — Пекин надобно идти с великой поспешностью.

Наместник щурил лъстивые глаза:

— В лесах рыщут барсы свирепости невиданной, не обидели бы они русского посла...

— Не страшусь смерти!.. Страшусь прогневить великого государя Руси.

Наместник складывал ладони вместе, поднимал их над головой и, вскинув глаза к небесам, шептал:

— Луна на небе одна, а звёзд неисчислимое количество. Великий богдыхан один, а забот у него не счесть...

Посольство простояло под стенами Науна ещё три недели. Богдыхановы чиновники изменили отношение к послу: держались дерзко, неуступчиво. Наунский наместник подъезжал к юрте Спафария с большой свитой разодетых по-праздничному чиновников, говорил заносчиво:

— Какой ты есть посол, мы не знаем. Имеешь ли грамоту к великому богдыхану?

Спафарий отвечал степенно:

— Коль доеду до величества богдыханова и грамоты не покажу — казни достоин.

Наместник дерзко кричал:

— Что в той грамоте русского царя? Может, в ней обидные слова начертаны?!

Наместник вновь говорил о беглеце Гантимуре, о происках и бесчинствах казаков на Амуре.

Спафарий терпеливо отговаривался, ссылаясь на грамоту: в ней, мол, всё прописано. Упорства Спафария богдыхановы чиновники не сломили, уехали с угрозами, вокруг посольства прибавили караул, подолгу не приносили послу и его людям еду. Каждое утро к юрте русского посла носильщики приносили наунского наместника в цветном паланкине. Не выходя из него, наместник кричал:

— Коль так ты, посол, упрям, грамоту отберу поперёк воли!..

Спафарий, не выходя из юрты, отвечал спокойно:

— При посольстве ратная сила немалая... Грамоту отбивать станут насмерть... На то государя русского указ писан!..

Наместник гневался, угрожая держать посольство до зимы. Служилые люди посольства — многие боярские дети, подъячий Никифор Венюков и иные — упрекали Спафария с неразумным упорстве, понуждали к уступкам. Спафарий вспомнил о грамоте богдыхана русскому царю, ту грамоту вручил послу воевода Нерчинского острога Даршинский. Спафарий позвал в свою юрту наместника и важных его сановников, посадил вокруг стола служилых людей посольства и сказал:

— Сочту за разумное показать славному владыке города Науна грамоту богдыхана, писанную русскому царю...

Спафарий открыл кованный ларчик и вынул красный свиток. По шёлковой бумаге и чёрным иероглифам чиновники признали богдыханов лист, упали на колени и отбили девять поклонов. Наместник и его приближенные ушли гордые и довольные. Спафарий был безмерно рад своей удаче.

К восходу солнца китайцы пригнали Спафарию сто двадцать лошадей и двести верблюдов. Посольство двинулось в сторону Пекина.

В мае караван посольства остановился у пекинских городских ворот. Через три дня посольство впустили в город, отвели на окраине большой двор и ко двору поставили многочисленный караул. Людям посольства, пробывшим в пути более года, отведённый двор показался благодатным местом отдыха и приюта.

ПОЭЗИЯ

ГЕННАДИЙ ГАЙДА

Ангелом светлым по жизни ведомый...

* * *

Плавится золото в тигле заката,
и, остывая, темнеет оно.
Друг мой сердечный и враг мой заклятый,
с вами нам выпало время одно.

Нам в веренице времён бесконечной
время, как мать, выбирать не дано.
Враг мой заклятый и друг мой сердечный,
долю свою нам принять суждено

в связке одной. Эта связь временная
нерасторжима, как кровная связь.
Меркнет закат, свои краски меняя,
неразличимым почти становясь.

1983

ГАЙДА Геннадий Михайлович (1947, Иркутск — 2008, Иркутск), поэт, литературовед, просветитель, идейный вдохновитель установки памятника А.В. Вампилову, автор и проектировщик многих мемориальных досок, посвящённых именитым гражданам Иркутска: адмиралу Г.М. Невельскому, авиаконструктору М.Л. Милю, Константину Седых, Геннадию Машкину, поэту Анатолию Жигулину в Тайшете, прозаику Павлу Нилину в Тулуне, драматургу Александру Вампилову в Черемхово. Автор книг: «На склоне сентября» (1997), «Свет предвечерний» (2001), «Посмертное» (2009). Член Союза писателей России.

* * *

Зная: трелью свой предел ограждают соловьи, в бденьях ты не проглядел чувства добрые свои.	в чистых звуках воплотишь тему собственной души. Но в порыве нотный лист вдруг срывают с поставца соловьиный свист и свист смертоносного свинца.
---	---

1983

* * *

Вскормлённый правдою жестокой,
как судный день, он шёл с востока.
Врагу за всё воздав сторицей,
дошёл до вражеской столицы.

И сам, должно быть, удивился,
когда с врагом пайком делился.
Детей убийц своих детей
спасал как собственных детей.

Не мстил — спасал, великодушием
спасая собственные души.
И вслед за словом «победитель»
из края в край — «освободитель»!

Велик солдат-победоносец,
но во сто крат — свободоносец.

Георгий с дедовских икон
прошёл сквозь пламень и металл,
и наш победный лексикон
миролюбивость обретал.

Так воин правил наш язык
в пути с восхода на закат.
Трудны, но праведны азы
такого языка.

1984

* * *

Я тебя искала долго —
так искала устья Волга,
меж холмов крутых вилась
— далеко ли? близко ли? —
и безудержно влилась
в озеро Каспийское.

Свои силы и красу,
покорясь природе, я,
как река, тебе несу
в пору полноводия.

Русло я сама торила
и, раздвинув твердь плечами,
утолившись, утолила
разом все твои печали.

Я надеялась на милость...
Столько дней и ночек столько
я чутьем к тебе стремилась
изначально, от истока.

Я тебе себя несла,
как река себя несёт.
Мой источник не иссяк,
паводок — высок.

Нас не смогут разлучить
годы и невзгоды,
ведь уже не различить
слившиеся воды.

1984

Сад

Здесь прутья решётки и ветви деревьев
так переплелись, что и не расплести...
Доверившись чувству и счастьем доверив,
ты вверилась жизни, ты шепчешь: «Прости...»

Взаимопризнательность властвует, ибо
нелепо желать, сожалеть и просить...
На выдохе вырвался лепет: «Спасибо...»
И воздуха вдруг не хватило: «Спаси...»

Чудесна безгрешность земного слиянья,
и в чудо поверишь неистово ты.
Откуда ж над брэнною плотью сиянье
ещё не познавшей стыда чистоты?

В нас юная сила и свежесть воскресли —
не знать нам усталости в бденье ночном.
И новая жизнь будет счастлива, если
в счастливом порыве её мы зачнём.

1986

* * *

Татьяне Суровцевой

Критик упрекнул меня
в сентиментальности...

(Из разговора)

Бурьян кладбищенский полёг
под косами морозов.

Сентиментальность не порок —
кресты в бумажных розах.

(А что до умственной возни —
пусть критик доблестно язвит
и торжествует, чёрт возьми,
коль в этом видит прок.)

В снегу родительский порог,
присяду на пороге...
Сентиментальность не порок,
коль горестны итоги.

Сентиментальность не порок.
Ты сжалилась, простив, —
от сердца к сердцу нерв пролёт,
и сердце спазм настиг.

У губ обветренных парок —
едва вздохнула ты —
возник,
сентиментальность не порок...

И в сём предвечного пролог,
молитвы первый стих.
Сентиментальность не порок
для душ открытых и простых.

1992

* * *

Н.И. Омельченко

Чтоб во сне меня смерть не сманила,
чтоб отстал искушающих рой,
напой меня чаем с малиной,
полушубком овчинным укрой.

Позабуду о брате и друге
и, двух мыслей не в силах связать,
я в бреду, я в жару, я в недуге
буду мать, как в младенчестве, звать.

Разделяя полночную муку,
разгребая больничный сугроб,

ты рабочую умную руку
возложи на горячий лоб.

Беспризорность, промозглость осенняя
гонит беженцев, нищих... А мне
ниспослал тебя Бог во спасение.
И во благо — недужной стране.

Я, беспамятства приступ осилив,
должен выжить и столько прожить,
чтобы верой и правдой России
и тебе все долги отслужить.

с 18 на 19 ноября 1995 г.

Стихи, написанные в день рождения

1

Мне ярмо натёрло шею.
До того хомут тяжёл —
я бы самой узкой щелью
не побрезговал — ушёл

2

21 ноября 1995 г.

Свидание с Киевом

Ты, ангелом светлым по жизни ведомый,
опоры в себе до сих пор не нашёл.
А памятный камень у отчего дома
на треть уже в землю, как в воду, ушёл.

И сам в эту землю всё глубже врастая,
признал ты, склоняясь к подножью креста,
что радужный мир на ресницах — растаял,
что жизни основа груба и проста;

ты сердцем прозрел, что раздор не с руки,
что верою живы вражде вопреки;
что звёзды (всему вопреки) — высоки;
что был ты крещён в водах этой реки.

15 января 1996 г.

* * *

Одного батька дити.
(Из уличного разговора)

С этой ласковой зимою, как с сестрою, встречусь. Я снежком лицо умою, остужая ревность.	Что там сводники ни брешут — древность золотая, припаду к тебе я, бреши памяти латая.
--	--

Хлебосолка Украина сына брата третьего ни словцом не укорила — рушниками встретила.	Нам столпы глядят вослед скорбны и сердиты. Кровь усобиц вопиет: «Образумьтесь! Диты!...»
--	--

21 января 1996 г.

* * *

Наполняемо время людьми — красотой, суетой и страданием. Современность, тебе я сродни, а с Россией в родстве стародавнем.	У петровских имперских колонн притупились помпезные ростры. Частной злостью жилец закалён, чтит певцов и пророков сиротства.
--	---

Разбираю славянскую вязь, что железом врезали в скрижали. Глубока кровеносная связь, и объятий века не разжали.	Кровью ближнего сдобрен закат, и не время винить и виниться. И не смея свободы взалкать, льстит мудрец и фальшивит цевница.
--	--

Апрель 1996 г.

Окраина

Перламутровым перистым облаком небосклон живописно горит. Вечереющий город всем обликом о покое мирском говорит.	В этот час в переулках укромных тишина принимает парад. Тополей непроглядные кроны выше крыш неподвижно парят.
---	---

И забытая патриархальность с нами делит янтарный уют. И над ним, хлопотливо порхая, нимфы быта, как пчёлы, снуют.	...И повеет странною иною, и повеет укладом иным в эту брешь между спешкой дневною и разбойным разгулом ночным.
--	--

Август 1996 г.

* * *

Трёхмерной мглы — безмерна целина.
Любовь и дружба, солнце и луна
предвносят свет... Скажи, не потому ли
мы с разумом своим во тьме не потонули?

Не устыдись восславить вновь и вновь
луну и солнце, дружбу и любовь.
Ни ложный свет, ни подлинную тьму
не превозмочь ни сердцу, ни уму

вне их содружества. Вне их союза —
тлетворно творчество и смехотворна муза.
Все отблески, все отсветы лови
луны и солнца, дружбы и любви.

Август 1996 г.

* * *

...нам целый мир чужбина...

А.С. Пушкин

Зачни свои элегии, Овидий,
и сердце над рассудком подними...
Я в детстве за забором, в щель, увидел
не задний двор, а некий райский выдел,
не двор соседний, а соседний мир.

Там лебеда, вся солнцем залитая, —
и не беда, что сад совсем зарос.
Там в узкий луч случайно залетая,
в нём вспыхнет вдруг пылинка золотая...
Я гляну вспять — и загрущу всерьёз.

Зачни свои элегии, Овидий,
и сердце над рассудком подними.
Ни фатум нас, ни Цезарь не обидел —
свинья не съест, поскольку Бог не выдал.
...И Рим любим, когда и Мир не мил.

Ноябрь 1996 г.

* * *

Осветили светёлку свечой,
окропили водой ключевой
и, припомнив ночлег под кустом,
осенили двуперстным крестом.

Настелили у печки сенца.
дали отдых смиренным сердцам,
дали отдых усталым телам,
сон с молитвой смешав пополам.

Но расслышать молитв не могла
из-за ставни притворенной мгла.
Лишь едва завиднелось в щели,
собрались и бесшумно ушли.

И, покуда их след не простыл,
я всех ближних и дальних простил.
И по-детски вдруг понял: пути,
ими знакомого, — не найти.

То, что мне приоткрылось тогда,
подтвердили бесстрастно года.
Чем же я подтверждаю свой рассказ,
кроме простенького образка?

Он, как память, хранился в дому.
Дом наш сгинул в огне и дыму.
Век проходит в дыму и огне...
Призрак утра в вагонном окне.

9 сентября 1996 г.

Образок согревая в горсти,
я взываю: «Спаси и прости...»
От сомнений и розни устав,
я молю: «Укрепи и наставь...»

Отстраняя зеркальную дверь,
«И терпи... и надейся... и верь...» —
заклинаю заснувший вагон.
...Путь начертан сквозь дым и огонь.

* * *

Музыка бьётся в железных тисках,
созданных суетным веком.
Истина светится в тихих стихах,
явленных не человеком.

Выключу звук. И строку запишу:
«Истине смерть не страшна».
Слева стоит нескончаемый шум,
справа стоит тишина.

Слово нарушить и злу не посметь —
крепче за слово держись.
Слева стоит одинокая смерть,
справа — всеобщая жизнь.

Время сквозь пальцы, сквозь мысли течёт,
рвутся нежнейшие нити...
Слева на страже — недремлющий чёрт,
справа — мой Ангел Хранитель.

20 июля 1997 г.

* * *

Сыну Михаилу

Грозный отсвет приметив на юном челе,
ни с того ни с сего я изрёк: «На исходе
две, Христом осеняемых, тысячи лет.
И незримо во всём некий сдвиг происходит».

Произнёс в никуда и осёкся на сём.
И с тех пор я, на пир бытия приглашённый,
просыпаюсь и слышу сквозь веющий сон
из глубин тектонических гул приглушённый.

28 июля 1997 г.

АЛЕКСЕЙ ЗВЕРЕВ

Гарусный платок

ПОВЕСТЬ

Лиде

Гнедко долго служил деду Ефиму Васильевичу. Кроме лесной работы — ореховой, ягодной, дровяной — дед занимался знахарством, и Гнедко знал многие дворы ближних сёл. После, служа Миньке, конь подворачивал к чьёму-нибудь двору, и Минька ворчал:

— Вот беда. Деда и тут ночевал.

Иногда дед брал с собой Миньку, сажая его за седло на потничок, и так они ездили и день и другой. Дед хрипел, сипел от грудной жабы, но курил и выпивал, потому что выпивка была платой за лекарство и травы. Зимой Минька привёз деда под тулупом, уже неживого, и с тех пор Гнедко и дом, и сестра Лидка, и бабка Ольга должны были блюстись новым мужиком в доме — Минькой. Так распорядилась война, что Минька, как помнит себя, готовился стать хозяином. Отца убило в финскую, до памяти его, и дед внушал: «Ты за него хозяином будешь». За полгода до смерти дедовой умерла мать, и опять дед говорил: «Всё идёт к тому, что тебе в доме хозяйничать». Вот она и пришла, пора.

ЗВЕРЕВ Алексей Васильевич, прозаик (1913, с. Усть-Куда Иркутского р-на Иркутской обл. — 1992, Иркутск). Автор книг: *«Далеко в стране Иркутской»*: роман (Иркутск, 1962); *«Дом и поле»*: роман (Иркутск, 1970); *«На Ангаре»*: рассказы (Иркутск, 1972); *«Последняя огневая»*: повести (Иркутск, 1977); *«Лыковцы и лыковские гости»*: повести (Иркутск, 1980: Современная сибирская повесть); *«Выздоровление»*: повести и рассказы (М., 1982); *«Раны»*: повести и рассказы (М., 1983); *«Жили-были учителя»*: повести и рассказы (Иркутск, 1990); *«Как по синему морю»*: повести, рассказы (Иркутск, 1984). Член Союза писателей России.

Миньку прежде всего беспокоил малый зародок сена — хватит ли его на зиму, — и он установил порядок: сеном распоряжаться единолично. Ни бабке, ни Лидке к сену и ногой не ступать, потому что при деде навывкли они подворовывать сена для коровы. Теперь Минька половину времени проводил с Гнедком, и думы разные не покидали его. Когда подходил к главной думе, Минька вздыхал, вздыхал и Гнедко, отдувая круглое желтоватое брюхо и обдавая парнишку тёплым дыханием. Казалось, конь знал всё, о чём думал Минька: что дом, клочок пашни, бабка с Лидкой и забываемая школа — всё зависело теперь от них двоих, от их сытости и здоровья. Когда пришёл сосед просить коня, Минька сказал:

— Так не дам. Неси вязанку сена.

А с тёткой Настей Минька пошумел. Та привыкла по-родственному коня брать не спросясь. Так и теперь — вошла во двор, запрягла коня в сани и распахнула ворота. Не выдержал Минька самовольства и выскочил из избы голоушим.

— Ты куда коня запрягла?

— Куда же, как не за дровами? — ответила тётка.

— А пошто не спрашиваешь?

— У тебя ли, чо ли, спрашивать?

— А хоть у меня. Сена не косишь, а конём распоряжаешься.

Минька захлопнул ворота и взялся за повод. Тётка отталкивала парнишку, даже по щеке зазвездила. Минька помушнел¹ лицом, помутился глазами, не мог слова сказать от волнения и от дрожания губ — страшен, должно быть, был Минька в эту минуту, и тётка отступилась, хлопнув в ужасе руками.

— Экой бесёнок!

На пятый день Минькиного хозяйничания пришла в дом учительница. Она была в пальто с собачьим лохматым воротником. Белый платок столкала к затылку и пригладила смятые, по-девичьи уложенные в косы волосы. Ноги её повисли, когда она присела на скамью. Она обязана была прийти к сироте и не знала по молодости, с чего начать разговор, тревожно разглядывала пустые углы Минькиного дома, метнула обострённый взгляд на бабку, на юбку её растопыренную, задержала взгляд на Лидке, круглой пухлой девчонке, которая с год уже не ходила в школу. Учительница волновалась, не зная, как начать разговор, и с какой-то отчаянностью сказала:

— Вот теперь ты, Миня, остался круглой сиротой.

Сказала и испугалась своих слов, потому что получилось, будто она ждала этих дней. Она покраснела, отвернулась к окну и заплакала. И вслед за ней заорала Лидка, а бабка всплакнула коротко и молча, присушила фартуком глаза, едва повлажневшие, и засовала руками так, будто замахивалась помолиться и раздумывала. Минька удержался от слёз, только вздрагивали тёмные ресницы. За столом сидя, он дернул плечами раз и другой и сказал неторопливо:

— Ладно. Конь есть — не пропадём.

И все разом перестали плакать, а учительница сказала:

— Ты, Миня, не бросал бы школу-то. Так славно учился.

— Что бы ни было, а школу он дотянет, — сказала бабка.

— Колхоз чем-нибудь поможет, — продолжала учительница.

— Поможет, — протянула бабка, и было не понять по тону голоса, верит ли она, что поможет колхоз в самом деле, или что надежду такую надо выкинуть из головы. Была бы семья-то колхозная, а то дед знахарил и о колхозе забыл, а мать

¹Стал белым как мука.

после смерти отца вышла замуж в дальнее село, там и умерла. Да и стыдно обращаться за помощью к колхозу, который от войны сам-то не может оправиться.

— Хоть не каждый день. Хоть через день ли, как ли, — просила учительница Миньку посещать школу, — а я задания приносить буду и объясню что.

— Да чего зимой-то делать? Будет ходить. Там уж весной работа. Сейчас одна забота — дрова, дак и Лидка нарубит, — говорила бабка, а Минька молчал. Он, как дед, привык молчать и вроде соглашаться, а делать потом по-своему. Школу Минька любил, но эти дни он много думал и порешил окончательно: хватит ему и трёх классов, а подрастёт, видно будет. Пока же он один мужик в доме, и хоть понимал, что мал, а дальше так жить, как жил при деде, то есть пить, есть, ходить в школу, играть с ребяташками и потом крепко и беззаботно засыпать — так жить теперь он не сможет. Главное: есть над чем планировать, есть за что ухватиться — есть Гнедко. Не видел Минька всей глубины наступающей жизни, а чуял: она будет связана с конём. Весь мир, весь свет, все думы и волнения Минькины были окрашены в гнедую масть, овеивались чёрной Гнедковой гривой и сладким запахом гнедкового пота.

— Что молчишь, Миня? Я тебе тетрадок побольше давать буду и учебников достану. Кому не дам, а тебе будут учебники. Учиться, Миня, надо. Вон и другие сироты учатся. Правда, у тебя хуже, ну так как-нибудь. Родительский совет соберём и о помощи подумаем, — убеждала учительница.

«Как она не поймёт: учиться мне больше нельзя», — думал Минька, а сказал так:

— Ладно, дело покажет.

Так говаривал дед, так ответил и Минька. На другой день бабку пригласили в сельсовет. Она было юбку свежую достала, но Минька сказал:

— Я сам схожу.

— Сам дак сам. Это ещё лучше, — согласилась бабка. — Только знай, в колхоз приглашать станут, откажись пока.

Минька знал, что такой разговор его ожидает, и потому заранее приготовился к ответу: взрослые едва на прокорм зарабатывают, а что заработают они с Лидкой?! Нет, пока слабы, будут жить одни.

В сельсовете Минька сел перед распахнутой печкой, рядом со сторожем. Сторож не знал всех детишек села и думал, что парнишка катался и забежал погреться. Они наслаждались теплом и молчали; и тогда открылась дверь, и из неё высунилось небритое лицо Спиридона.

— Ты ходил к Осинкиным? — спросил он.

— Ходил, — ответил сторож.

— Что ответили?

— Бабка обещалась.

— Сходи-ка ещё. Недалеко живут.

Спиридон захлопнул дверь, а Минька поднялся от тепла, полушубок застегнул и, опустив руки, сказал:

— Я от Осинкиных.

— Ты? — покосился на него сторож. — Дак как же с тобой говорить будут? Нужен полномочный член семьи.

Минька шапку поправил и пошёл было к выходу. Сторож взял его за рукав и повёл к Спиридону.

— Вот он главный Осинкин и есть.

Спиридон рылся в бумагах, бросая взгляд на парнишку.

— На отца, брат, ты стал здорово смахивать, — сказал Спиридон, разгибаясь и кладя узловатую руку на найденную бумажку. — Такой же курноватый и взглядом — в точности. Он, брат, уж и певун был и плясун. Дак что, парень, делать будем? В детдом пойдёшь? И Лидку, и тебя.

У Миньки и в голове не было, чтобы могли такое придумать. Новость его так озадачила, что он не нашёлся что ответить, отвернулся к стене и заковырял известку.

— Ты, брат, обдумай хорошенько. Детдом — это вопрос сурьёзный. Суровый вопрос. Там тоже ни тяти ни мамы. Ну, а человека сделать могут. Ну и сытые будете.

— В детдом не пойдём, — ответил Минька тихо, но твёрдо.

— Ответ ясный, — сказал Спиридон, — а вот бумаженцию прислали. Как раз два места нашлось.

Минька поднял сердитые глаза на председателя и спросил:

— А бабу? Тоже в детдом?

Спиридон засмеялся.

— На бабу у нас тоже есть решение. Мы её к Настасье, к себе то есть, определим. Родная дочь, куда денешься. Обязана кормить.

— А Гнедко? А дом?

— Этому мы место найдём.

— Из дому никуда не пойду, — решительно ответил Минька.

— Ясный ответ, — почесал затылок Спиридон. — А я, брат, звонил. Думал, детишки старого дружка и родня как-никак. Дай пристрою. Дак чем же вы дома заниматься станете? И в колхозе от вас пользы никакой, наоборот, содержать надо.

— Мы сами себя кормить будем, — ответил Минька.

— Как это вы сообразите?

— Пахать, сеять будем. Орешничать.

Спиридон закрутил головой, глядя на Миньку из-под бровей.

— Единолично, что ли?

— Ага.

— В-о-он как! А я-то думаю, башку ломаю, как их к новой жизни пристроить. Это все дедова работа, плоды Ефима Васильевича. Ране из-за вас круглого процента не получалось, и теперь хотите так. В детдом не хошь, в колхоз не хошь, индивидуальничать хошь, чтоб тебя... Ладно, посмотрим, что получится. Хо! Хо! Хо! Горе мне, Минька, с вами. Тут у меня деньжонки есть. Они по вашей статье. Я вам с Лидкой по костюму хоть куплю.

— По ко-стю-му! — протянул Минька.

— И тут не ладно?

— Нам не костюм надо. Хомут.

— Хому-у-у-т! — удивился Спиридон и откинулся на спинку стула. — Будь ты неладный! Ты и в самом деле хозяйничать собрался. Хомут ему. Хо! Хо! Хо! Ясный ответ. Будет хомут, Минька. Завтра в город поеду.

Глаза Спиридона засверкали умиленно. В коридоре, провожая, показал сторожу на парнишку:

— Вот клоп! Не надо ему костюма, надо хомут. Будет хомут, а иди-ка пока домой, домашничай.

Как вырвалось у Миньки «хомут», он и сам объяснить не мог. Может, потому, что хомут у Гнедка был стар и великоват, а может, потому, что корень-то сбруи не шлея, не седелко — хомут. «Хомут есть — можно ехать, без него, хоть будь всё, не

поедешь», — думал Минька, шагая от председателя. Начал он, Минька, хорошо, с хозяйства, а не с нарядов, пустяков разных. Так помаленьку всё обновить можно. Не вошёл он сразу в избу, а в стайку пошёл и впотьмах её остановился, прислушиваясь к сочному хрумканью, машинально взял лопату и завыгребал побрякивающие конские шевяки, выбросил их за воротцы и оглянулся, услышав тихое миролюбивое ржание. Поманил Миньку зелёно-огнистый блеск глаз. Погладил Миньку подбородок коня, а Гнедко раза два его подтолкнул мордой легко. Толкнул, почесался ухом о Минькино плечо и побряхтел, отдуваясь. Минька пошарил в карманах крошек, щепотку насобирал и на ладонке поднёс коню. Гнедко обнюхал ладонь, похлопал губами и пофыркал. И когда Минька ухватился за его шею и зарылся лицом в гриве, не отшатнулся, не поднял головы, ниже ещё опустил её, порокотал тихо и опять вздохнул.

Дело пошло так, что Минька школы не бросил; но посещал её не всегда и вёл себя в ней совсем по-другому. Он не щёлкал малышей по лбу, не устраивал кучу малу, не носился по школьному двору без шапки. Он стоял в сторонке, оценивая ребячью игру грустным взглядом, и ребятки не теребили его, словно он болел чем. За партой не тянул руки, не вскакивал, а глядел на учительницу, и та по привычке обращалась к нему:

— Ты, Миня, уже решил? Ну-ка отвечай.

Минька спохватывался и краснел, потому что думал о доме, и в голове мешались разные заботы.

— Не решил, значит, Миня?

— Да нет ещё, — отвечал он и склонялся над тетрадкой, и книжная задача казалась ему забавой, и школа, и все дела в ней казались игрой, которая отходила от него по возрасту.

Раз в школу наведалься Спиридон. Он поздоровался с учительницей за руку, спросил об Осинкине и тут же увидел его сам. Он подманил Миньку и шепнул ему на ухо, отчего бороздка на лбу парнишки разгладилась, лицо как-то подменилось, и в глазах появился осторожный интерес.

— Правду говорю, пойдём-ка, — сказал Спиридон.

В сельсовете подле печки стоял новый хомут, каких Минька никогда не видел. В коридоре густо пахло свежей кожей. Сыромятные гужи, как уши, смято повисли, клешни насечены рубчиками под ёлочку и завязаны мягкой жёлтой супонью.

— Не одёванный даже, — похвалил Минька, не отводя взгляда от хомута.

— Из магазина. Какое уж одёванный, — весело поддержал Миньку Спиридон. — Давай-ка, брат, пойдём примерять.

Спиридон нёс на плече хомут и рассказывал, с каким трудом отыскал его в городе.

— Продавец говорит, по заказу делан. Гляди, говорит, как всё пригнано, да, вишь не по коню пришёлся, а тут я как раз подскочил. Хомут легковой, но и тебе не груза возить, сойдёт.

— Сойдёт, — согласился Минька.

Изба сразу наполнилась кислым запахом хомута. Пристегнули к нему старую ошелушившуюся шлею, на которой уцелело две-три бляшки. Потом седелку оглядели, ладную ещё, хотя до чёрствости пропотелую, и вышли во двор.

— Ну, Минька, богато заживёшь, — смеялся Спиридон. — С единоличностью борюсь, а тут самовольно помогаю собственнику. Давай-ка сам хомутай, сам запрягай, а я прикину, как ты можешь хозяйничать.

Лидка с бабкой протаяли стекло и глядели из избы, как Минька забрасывал коню на спину седёлку, как пыжился и изгибался, затягивая подпругу. Потом взялся за хомут.

— Не плохо, не плохо. Так вот его напрокид надевай, — похвалил Спиридон Миньку. — А я это первый-то раз клещами вовнутрь надел. Хозяин надо мной целое лето подтрунивал. И шлею раз спутал так, что и распутать не смог. Эко всё ладно получается у тебя. Да ты, парень, настоящий мужик.

Как уж удалось Миньке — подскакивая, он разметал шлею на коне и под хвост смело её заправил, и тогда Спиридон сунул руку за хомут, обшарил шею с обеих сторон и прищёлкнул пальцами.

— Угадал, парень, как раз пришёлся. Глаз мой ватерпас. Артиллерийский! Ага, — не меньше Миньки радовался Спиридон. — Это мы с отцом твоим ещё в единоличное время запрягли коня и к девкам в другую деревню махнули. А запрягали крадче от родителей и ночью. Гоним коня, а что бы пощупать под хомутом. Утром деда твой Ефим Васильевич пошёл коням сена дать, а Серко припотелый. Глянул на плечи — до крови сбиты. Попало тогда отцу твоему. Надо ой как беречь плечи коня. В плечах весь конь, понял? Давай-ка заводи в оглобли, и я гужи малость поубавлю.

Минька и дугу закладывал по-своему, как позволяли силы: один конец её в землю упёр, другой в гуж заталкивал, затем повернул её в гуже и на другую сторону перекинул. Супонь затянуть для Миньки самое главное в запряжке. Он чумбур к супони привязал и тем самым продлил её, опоясал себя и обеими ногами в клешню упёрся, ведь вся сила в спине.

— Экой ловкий, экой проворный, — похвалил Спиридон, а Минька уж и вожжи «братским узлом» подвязал, подволок козлы дровяные и с них дотянулся до колечка дуги и повод в него продёрнул. Тут и Гнедко помог: голову ниже опустил.

— Миня! — хлопнул руками Спиридон. — Да ведь Гнедко-то нарочно наклонился. Ага. Как по заказу конь тебе достался. А то был у нас ране меринок, всё, холерный, против делал. Ты его стегнёшь, а он останавливается да оглядывается, вроде ждёт ещё, будто не кнута — овса ему дают. Пахать поедешь — в борозду ляжет и, хоть ты убей его, не поднимется. А какой был проворный — ртом паутов ловил. А коли удержать его хочешь — прёт тебя на вожжах, губы издерёшь ему, кровь брызжет, а он прёт, и баста. Мешанку на муке любил, учует, тут уж не сладишь с ним, из бороны прямо к колоде бросается и по-собачьи хватает. Продали непутного. А у тебя Гнедко — молодец. Давай садись в сани да прокатимся.

— А что зря-то кататься, дров привезти надо, — важно сказал Минька.

— И то верно. Клади топор и пилу, — подмигнул Спиридон.

Деревня Минькина таёжная — и хоть сейчас же останавливайся и руби. Но заехали подальше: там нынче после пожара уйма сухостоя. Одну лесину раскряжуешь — воза на два хватит. Последнее время дед всё тоньше и тоньше сухостоины валил, сил не хватало закатывать в сани, хоть малость помогал Минька. С дядей Спиридоном можно и большую свалить.

— Ну, давай выбирай, Иваныч, а я покурю, — как ко взрослому обратился Спиридон.

В лесу твёрдый мартовский снег. По нему осторожно нужно идти, чтобы не провалиться, а уж если провалишься, по уши уйдёшь в снег. Потому Минька и от дороги не уходил. Он стукнул обухом по сушине, и к вершине её улетел многострунный звон. «Выбирай ту сушину, которая звонка, в ней мерзлоты нет», —

вспомнил Минька дедов наказ. Дед ходил от дерева к дереву и подставлял к ним ухо, стуча топором. Затем распоясывался и снимал полушубок. Заламывал голову, примеряясь, куда валить. Он Миньку не заставлял пилить, какой из него пильщик, топором один скорее срубишь.

— Добрую сушину выбрал, молодец, — похвалил Миньку Спиридон и взялся за ручку пилы. — Давай-ка не торопясь, не торопясь. Дыши глубже. Коли мало сил, их сберегать надо. И так всегда, Миня, — чем больше дело, тем медленнее начинай. Ну вот, теперь давай подрубим да с другой стороны начнём. Мы с отцом твоим ране всё на пару в лес ездили. Я сильнее, он ловчее был. Как-то всё так смекнёт, что раньше меня воз накрутит. Если ты в него пойдёшь, знай, что жизнь твоя будет ничего. У него получалось всё как-то играючи. И на матери твоей так же женился. Девки за ним бегало — уйма, а тут новенькая приехала. «Ну, Ванькина будет», — говорим. Так и получилось — хохочет, под ручку с ней прогуливается да заглядывает на неё снизу вверх — она его чуть поболее была. Глядим-поглядим, а девка-то уж у Осинкиных и бельё на речке полощет. Эдак без свадьбы, ровно стряпуху в дом привёл.

Минька дышал ровно и сперва пилу водил редко, но чем больше выдыхался, тем чаще её дергал, наконец, выпустил ручку и повалился в снег. Сердце колотилось, словно просилось выскочить, голова кружилась, и казалось ему, что и верхушки сосен кружатся.

— Я те что говорил — не торопись, — хлопал по плечу парнишку Спиридон. — Так, не торопясь, и втянешься и повезёшь. Работник из тебя только начинается.

Минька отпыхивался, а Спиридон тем временем курил и про отца рассказывал:

— Я тебе, как назад поедem, пень покажу. Сосна там в два обхвата стояла. Отец твой и поспорил свалить её в четверть часа. В ту пору во всей деревне нашей часов ручных не было, так мы будильник в лес принесли. Ты бы видел, Иваныч, какую щепу он отваливал, она знаешь, пимы ему завалила, он крошит и крошит, распарился, раскраснелся, разметал по снегу одежду с себя, гимнастёрка от пота на лопатках почернела — он тогда из Красной Армии только вернулся. Картинка, брат, была. Сам: «кха-кха», топор «дзинь-дзинь». Такую пасть в сосне вырубил! «Сколько осталось?» — спрашивает. «Минута», — говорят. «Ну, значит, выиграл», — крикнул он и плечом-то так не сильно и нажал, ну и ветерок той порой по вершине прошёл. И ахнула сосна. Ить потом старики этот пень глядеть приходили. Вот как ловок батяня твой был. Давай-ка ещё поширкаем.

Два кряжа комлевых навалили они на сани и вершинником их обклали, верёвкой притянули и завёрткой завернули для крепости. Спиридон нарочно воз по всей форме сделал, чтобы поучить Миньку, но тот сказал:

— Надо бы ещё клином расшить.

— Клином?

— Деда так делал.

— Ну, брат, учёного учить только портить.

Отцов пень действительно был велик. Минька добрую сугробину с него свалил и увидел щепки почерневшие, залез на него и расставил широко ноги. С этой вот стороны отец, наверное, стоял, так же вот, как и Минька сейчас, ноги расставлял, и топор, может, тот же у него был, с которым Минька теперь ездил, и звон тот же, и гимнастёрку, и улыбку, которую видел на фотографии отца, Минька пририсовал — и ожил отец в воображении. Минька зародовался, запрывгал на пне.

— Вот это тятя так тятя! Мо-ло-дец!

— Иван-то бы Ефимович да не был молодец! — поддержал его Спиридон.

— Будто живой, будто тут он!

— Это, брат, хорошо. Этого и надо было.

На время исчезла с Минькиного сердца надсада, которая держала в тисках его эти дни. Он будто бы стал таким же, как и все мальчишки. Когда же Минька дал сена коню и лёг спать, к нему прилетели и теснили горло короткие миги счастья. Минька открывал рот и ширил глаза, поднимал голову, словно хотел лучше увидеть и услышать их. Вот перед глазами явился Спиридон, подмигнул ему и вроде лёг рядом, сказав, что и Миньке спать надо. Минька руку на него закинул, и тяжёлая рука Спиридона легла на неё и погладила. И Минька уснул, мягко распустив губы.

Тётка Настя пришла под вечер девятого дня. Поставила на стол поллитру и вынула из столешницы стаканы. Лицо тётки было красным от мороза, обветренным солнцем. В какую пору ни погляди на тётку, она всегда сердится. Губы у неё синие, словно тётка только что ела чернику. Чем больше выпьет тётка, тем сердитее становится. Ловчее её ругаться в деревне нет никого. Драться тётка Настя тоже ловкая, и хорошо усвоила драку по-мужски, с матерщиной, с палками. Мясистые тёмные кулаки она выставляет как бы напоказ. Кость ли она за столом обглаживает, подпирает ли тяжёлый подбородок — прежде увидишь её руки, похожие на чугунные ступы.

— И зачем ты эту холеру притащила? — заворчала бабка Ольга.

— А как же? — подняла тётка маленькие зажиревшие глазки. — Тяте девять дён. Не помянешь — сниться будет. Вас не заставлю, сама выпью.

— Приходила бы со Спиридоном.

— А когда он со мной ходил? У него своя компания. Приезжие да начальство. Вместе-то ещё и подерёмся, а ему стыдно с синяками ходить. Власть.

Ребятишки и бабка боятся тётки. На дедовых похоронах тётка, красная от вина и гнева, орала во всё горло о деньгах, скопленных стариками и где-то припрятанных. Денег не было, тёткина жадность их придумала, с чем же пришла она сегодня? Тётка стакан выпила, поела подсушенную картошку и начала:

— Я о бане поговорить хочу. Зачем вам эта баня? Помыться, так и к нам придёте. И дров, и воды не спрошу с вас. Гнить только попусту она будет. Я бы из чёрной белую сделала. Светло, жарко, чисто — мойся на здоровье.

— На баню не зарься, Настя, — сказала бабка и отвернулась к окну.

— Тебе-то и помолчать бы, — возвысила голос тётка, — ты тут короткая жительница. Скоро ко мне попросишься. Шла бы уж сразу, а их в детдом. Отправляють, так хватались бы. Ещё ломаются. Х-хозяева!

— Помолчи-ка и ты, — тихо, но твёрдо перебила её бабка. — От их никуда не пойду. Умру с емя. Это оставить сирот и уйти! Как же сердце-то на это повернётся. Я их с пелёнок поднимаю. Они мои единокровные.

— Жалей, жалей. Они первые тебя из дому вытурят.

— А пусть, пусть. Туда мне и дорога. А ты на какие муки переманиваешь? У тебя их трое. Не сядут оне на мои руки? Сядут — вот я и нянька, и наймушка. Я никто при двух-то хозяевах. А тут как-никак старшая.

— Старший-то, вон тот зверёныш, — кивнула тётка на Миньку. — Вон как он коня-то отобрал. Мал, да удал. Трахнуть бы его тогда, и полетел бы шаром. Пожалела — сирота. На первый раз пожалела. Слыхано ли, по деревне говорят: Минька коня не дал! Ишь, какой настырный!

Минька у железной печки грел ноги, исподлобья взглядывал на тётку.

— Ишь, какой колючий. Червяк, а туда же, в хозяева.

— Пусть, пусть научается, — сказала бабка. — Я шибко рада, что парнишка сурьёзный.

— Этот сурьёзный по горбу-то и наkostenяет.

— Гав! Гав! Гав! — неожиданно передразнил тётку Минька.

— Это ты кого передразниваешь? Тётку родную? Отцову сестру? Я к ним на девять дён, а они вон как! В детдом, в детдом вас, хулиганов. А баню — не отберу, так высужу. Тятя покойный — и мой отец. Вы-то всего внуки, а я дочь, и мне пай есть. Дом не прошу — баню отдавайте.

— Дом уж лучше, дом возьми, — язвила бабка, — детишек в детдом, а домишко себе, а там и всю постройку. Не об этом думаешь?

Тёткино лицо, рассечённое морщинами, налилось кровью. Она вскочила со скамьи, с кулаками подлетела к Миньке. Парнишка не колыхнулся, лишь руками перехватил коленки и лицо в них положил.

— Тронька его. Я тебе шары-то повыщарапаю. Я в те шарахну чугуном кипячёным. Не тронь сиротства их. Ты беды такой не ведала. Баню, злыдня, увидела. Мало ей лесу кругом. С вашими силами её в два дня сделать можно, лезет на готовенькое-то. А коня — даст Минька — бери, не даст — иди с богом. Самим надо. Ты колхозница, иди в контору, любого дадут коня. Да и мужик вон кто. Тут и просить не надо, хоп за узду — и поехала. Не надо так, Настя, не надо, допей и уходи.

Настя налила стакан и выплеснула в широкий рот.

— Мне тятя единый не только баню обещал. Он и швейную машину, и валенки новые обещал, и тёлку от Красули, если хотите знать.

— Тебе бы сказки сочинять, Настя, — сказала на то бабка.

— Так вот. Если надумаете в детдом, всё это не сдавайте в колхоз, а передайте законно мне, а пока что пользуйтесь.

— Спасибо тебе за милость.

— Тебе и Гнедка, поди, отдать? — не торопясь, чтобы не задохнуться в гневе, спросил Минька.

— Я и так запрягать буду — уж тебя-то на этот раз не испугаюсь.

— Не испугаешься?

— Эко глазами-то пугает! Эко спину-то выгнул, как кот! Испугал ведь! Вишь, как я покраснела, вишь, ноги-то затряслись.

— Ты меня выведешь из терпения, тётка Настя, — как можно басовитее сказал Минька, поднялся от печки и направился в сени. Там звякнуло поволоченное по полу железо, и тётка выскочила следом, едва не сбив в дверях парнишку.

— Это на тётку с топором! — кричала она у ворот.

А Минька уж отвязывал собаку.

— Зверёныш! Ну погоди, погоди! Сунешься за чем-нибудь.

Тётка в ставень поколотила ещё, и, когда всё затихло, бабка сказала:

— Так-то, Миня, не надо бы. И пойдёт опять слава. А силы-то у те мало, чтоб заступиться за себя. Тебя и обвинят.

— А как бы её выжить? — ослабевшим голосом спросил Минька.

— На меня надейся. Я тут — вас не тронут.

Бабка с Лидкой всё же потаскивали сено для коровы, и скоро его осталось совсем мало. За речкой есть ещё малый стожок, который жаль было распочинать. Запрягши коня, Минька вошёл в избу и сказал Лидке:

— Собирайся.

— Куда же ты, Миня? — спросила бабка.

— Сенишко-то всё стравили.

— Да уж там бы, по теплу.

— Собирайся, — повторил Минька, и Лидка засобиравлась. В бабкином полушубке Лидка совсем стала кругла. Минька надел дедову доху и упал мешком в передок. В накинута курмушке бабка проводила их за ворота, наставляя:

— Протопчите, говорю, протопчите снег-то. Увязнете.

Это был первый самостоятельный выезд Миньки, оттого он немного тревожился. Конь, обдав запахом помёта, легко затрусил за деревню. Лидка молчала, замороженная бедой. Она только и могла эти дни думать о замужестве — такая отчаянная мысль пришла ей в голову. Это ей до семнадцати ещё год ждать и мучиться в такой жизни. На семнадцатом году вон сколько девок вышло — они-то и оказались счастливыми. А которые выходили позже, всё с ними как-то не так. Ей бы в чужое село выйти, чтобы не знали о её сиротстве, а в своём выйти трудно: нет отца-матери, значит, ни к чему не приучена, ни шить, ни вязать, ни постирать хорошенько не умеет. Оно если в своём селе, то лучше убёгом, чтобы — вот я ваша невестка, отворачивайтесь, бранитесь; у Лидки своё на уме, не глупа Лидка, она будет приглядливей, она всё переймёт у свекрови, всему научится и работать будет много, и тем по нраву новой семье придётся. От этих дум бабкин дом ей стал чужим, она тут временная птаха, ей только прокормиться, чтобы годочек этот пробежал быстро, как сон, чтобы завтра подняться — и тебе семнадцать лет. Или умереть бы ей на этот год, потом ожить. А такая она ничего не значит. Зимой, как бросила школу, ходила в клуб и сразу поняла, что не значит сейчас она ничего. Избач, толстозадый Гошка, надсмехаясь, подсел к ней и сказал: «Такая малютка пришла в клуб», верно, он же сказал потом: «Девка из тебя выйдет первейшая, только дюжь, берегись шпаны разной, а в клуб бы тебе и вовсе пока не ходить».

А верно ли Лидка знает себя? Верно ли, что мало умеет-то? Она хлеб печь умеет, этому её отчим научил после смерти матери. Она жать и косить умеет, за пчелиными колодами ухаживать. Минька боится пчёл, она не боится, хоть и кусают её. Она готова к перемене жизни, только годов бы ей поболее. А с лица она уже на взрослую походит, у губ — ямочки, а как засмеётся, завлекательность появляется. Эту свою особенность — быть приятнее в улыбке и весёлости — Лидка вовсе недавно заметила, любуясь перед зеркалом.

Раз ухажёр за ней увязался. С мелкотой шёл, балагурил, а у ворот крикнул: «Лидка, погоди!» Это был толстозадый избач, который осторожничать Лидку учил. Велит осторожничать, а сам сыплет за Лидкой, учитель-то. А то ещё в избу Лидкину припорол, правда, не один, с учительницей, но это для отвода глаз. А коли посватался бы, что бы Лидка ответила? Ой, ой, что она говорит, что выдумывает. Да нет, и посватался бы — не пошла за него, за толстозадого хомяка, а за Ильку Сорова, хоть тому и двадцать, пошла бы, только позови. Пусть бы долго он не женился. Пусть бы холостяком в армию ушёл, она росла бы тем временем и дождалась бы его. Да что она опять выдумала — ждать. Ей на роду не написано ждать, так она одинока, так постыла всем, и скорей бы летели годочки мимо нужды, мимо пустых взглядов людских. Все шмутки материны за войну перешиты, перекроены, платьишко одно держится, а как оно свалится, что делать? Есть молоко, есть приварок, мёд есть — кадка полная, да город далёк, а то поменять можно было бы что-нибудь на одежонку. Чем больше думала Лидка об этом, тем

тошнее ей становилось. Мучилась Лидка, толкала её дума от людей, стыд рождала ежедневный, и раз вырвалось из груди такое, что напугала и Миньку, и бабку: «Да что же смертушка-то меня забыла? Что она за мной не идёт!» Бабка глаза на неё выпучила, перекрестилась и сказала вполголоса:

— Вот этого я от тебя ещё не слыхала. Да ты, девка, очумела, или чо ли. Ты как могла такое сказать? Выкинь из башки своей такое, выкинь и выкинь! Заживём и мы, и какого ещё женишка подхватим.

У бабки на смерть деньжонки были припрятаны. Она сунула их соседу, и тот привёз из города ситчику на платье, бязи на рубашку и катанки — враз разбогачила Лидка. Миньке бы надо, хозяину дома, а она всё на Лидку истратила. В этой обновке Лидка и сходила в клуб...

Лидка посмотрела на брата, на маленькую горку шкур собачьих, из которых один нос выглядывал. Такой хозяин этот Минька, что Лидку одну и в клуб не пустил, сел там в уголок и кашлем сухим напоминал о себе. У дома с девчонками не дал постоять.

— Давай иди, а то ворота запру. Давай иди, а то собаку спущу.

Девчонки в клубе всё выталкивали Лидку сплясать, тащили в хоровод, а в хороводе вытолкнули на круг, и всё дивовались: рано, мол, задевичилась. Им рано: мать, отец есть, а Лидка сама за себя ответчица.

Дремал, что ли, Минька в передках саней, не слышно было его. Гнедко припотел, это значит, что скоро и зародик, который Лидка с дедом косила. Калтус проехали и речку, по весне бурную, всё межгорье ею полнится. Вот и релочка — островок калтусный. На ней, не как на болоте, растут стройные сосны, здесь стоял их летний балаган. Гнедко всхрипнул и заржал тихонько, вспомнил, должно быть, что пасся здесь летом с кобылёнкой. Вот и зародик, весь в снегу, почти сровнялся с белой пеленой снега. Как подступиться к селу — с какого края заехать? Минька заворочался вдруг, стряс с себя доху, приплясывая, похлопал рукавичками и просвистел.

— Что, Миня? — спросила Лидка.

— Не видишь?

— Это как же мы добудем его?

— Как-нибудь, — сказал Минька и пошагал к зароду, проваливаясь по пояс в снег.

— Иди за мной, — приказал Минька, и Лидка полезла за ним, падая то в одну, то в другую сторону, взмахивала руками и жалобно повизгивала. Так они пробились к зароду, оставив за собой сизые буруны снега. От зарода другую дорогу пробили и вышли к саям раскрасневшиеся и горячие.

— Давай порожняком по нашему следу проедем, — сказал Минька. Гнедко — как в реку: с храпом вошёл в снег, зачастил ногами, порывая сани, словно знал, что ждали от него хозяева. Так они проехали ещё раз и поставили коня у зарода, промая снег, чтобы сани не шатались.

— Куда ж мне тебя? — поглядел Минька на сестру. — Воз класть будешь?

— Смотри, Миня, — сказала Лидка.

— Я его зачну. Тебе легче будет.

Минька перекинул вожжи через зародик, один конец привязал к оглобле, а по другому стал взбираться на зарод. На него валился снег. Минька кряхтел, отплевывался, одолел-таки подъём и встал на вершине, подбоченившись.

— Поддай-ка вилы, — сказал.

Когда сена было сброшено много, Минька зачал воз, любовно выклат основание.
— Вот так и дальше. Не разваливай, сам развалится под бастриком. Давай лезь на моё место.

Минька указывал, куда класть навильник. Воз подрастал и разлепешивался, накрываясь на сторону.

— Ты вправо поехала, — досадовал Минька. — Ты влево побольше клади. Видишь, конь как стоит, так от коня — это лево.

— Ты показывай мне, — уступчиво говорила Лидка, — где лево-право, я запутаюсь.

— Есть где запутаться. Ты повернись лицом к коню, и вот те право и лево.

Лидка стала класть как велено, воз расплылся ещё больше и теперь грозил свалиться влево.

— Баба, она баба и есть, — ворчал Минька. — Не знаю, как теперь воз выправлять. Давай на середку клади. Как уж ни есть, бастриком придавим.

Лидка стала класть на середину, получилась шишка, которая вздрагивала и шаталась, как живая. Лидка потянулась за навильником, но тут же руки подняла, завизжала, падая в снег и сваливая на себя сено. Едва из-под него выпорхалась, а Минька накинудся на неё с руганью:

— Чучело! Вся работа зазря пошла. Бери вилы, чучело, и подавай. А туда же — по вечеркам.

— Беда, находилась. Раз в жизни, и то с подглядом.

Минька засмеялся, смягчившись:

— Я не подглядывал. Я, Лидка, хотел узнать, как ты в девках выглядишь. В девках ты выглядишь плохо. Плечи как-то сутулишь, а в хороводе покраснела вся. Сунь спичку — и загорисься.

Лидка смолчала, ждала, что ещё скажет брат.

— А этому толстозадому девок старших мало, увязался за тобой? Жени-ш-шок!

— Хватит тебе. Давай воз накладывай! А то Гнедко весь в куржаке.

— А что, и вправду, — подшучивал Минька, залезая на воз. — Образованной будешь. Книжки с ним читать будете.

— Я вот те вилами пырну.

Лидка устала, платок с головы сполз, к припотелой шее липли сенинки и зудили её. Сил не хватало брать сено аккуратно. Она суетно тыкала вилами, поднимала над собой взбитый клок, теряя половину на пути к возу. Минька крикнул и наконец не выдержал:

— Вот работница, так мы с тобой и к ночи не управимся. Давай пластами.

— Какими ещё пластами?

— Ну, сено пластами слежалось, вот и бери их. Городская, что ли?

— А не умею, так сам и подавай.

— Дак я в цирке не работал, чтоб на возу и на земле.

— А мне вовсе никак не надо. Тебе надо, а мне нет. Ты Иваныч.

— Это почему же тебе не надо? Или ты чужая? Или «я работница тому, у кого буду в дому».

— А вот и буду.

— Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. Навильника подать не может, а туда же. Невеста, чучело огородное. С тобой намучаешься до дому.

— Чучело, чучело. Я бабе скажу, как ты...

У Лидки губы задрожали, враз покатались слёзы. Закрыв лицо варежкой,

откинув вилы, она слепо пошагала от воза, сбиваясь с пробитой дороги, громко сморкаясь и плача. Минька виновато поскрёб затылок, сбил труху с шапки и присел на возу, следя, как Лидка, выбравшись на торную дорогу, уходила, уткнувшись лицом в руки и вздрагивая плечами.

— Ну ладно, хватит. Пошутил же, — крикнул Минька, но Лидка не слышала и уж спустилась за релочку, и как мелькнул ещё раз её платок, Минька испуганно вскочил на возу и во всю силу заорал:

— Лидка! Воротись! Я кому говорю!

Лидка ревела уж не над этой обидой. Она ревела над всей бедой, которая охватила её больно, такая боль схватила её, что хотелось упасть в снег, зарыться в нём и больше не вставать. Минька же начинал злиться. Краснея, пуча глаза, взмахивая руками, он орал, пока не почувал холод в горле:

— Лидка, вернись! Лидка, змеишша! Лидка! Змеишша такая!

Когда успокоился, стал думать, как одному воз намять. «Иваныч, значит, — вспомнилось ему прозвище. — Вишь, обозлить меня хотела «Иванычем». А вот Иваныч и есть». И Минька улыбнулся слову. Это потому он Иваныч, что возьмёт сейчас и один воз накладёт. С воза он сполз на круп коня. Погладил, посметал с него куржак. Снизу воз велик, но ещё класть и класть надо. Минька походил вокруг него и взялся за вилы.

— Один накладу. Дуреха психованная.

Клал Минька воз и боялся, как бы конь не дёрнул, потому что продрог и нетерпеливо переступал с ноги на ногу, оглядывался и мотал головой. Бастрик затаскивать — опять пришлось на лошадь забираться. Воз, как и супонь, затягивать одинаково, гирей свесился Минька на перекинутой за бастрик верёвке. Воз осел, хоть и остался живым и жидким. Когда подъезжал к дому, опять Лидкино слово вспомнилось.

— Ну и что такого? Иваныч так Иваныч, оно тоже не плохо.

Бабка Ольга, поджидая, стояла у ворот и, как увидела воз, навстречу ему шагов десяток проковыляла.

— Минька, Минька! Настя-то ведь что наделала. Машину колхозную подогнала и баню-то...

Слёз у бабки не было, она уже давно плакала без слёз, но раза два спрятала лицо в коричневые руки.

— Я говорю: подожди Миньку. С ним по-доброму бы. Как украла! Так торопилась, что углы у бревен посшибала.

Теперь дом вовсе оголился. Баня ему как бы компанию составляла. На отшибе торчали стайка коровья и загончик Гнедков, а вокруг дома хоть хоровод води. И как так получилось, что дом не удержал подле себя всего, что насобиралось годами? Увезли для колхоза скотник и сделали большой, артельный. Увезли амбарушку и сделали тоже один большой амбар. Не для чего стали заборы, их помаленьку на дрова изрезали, одни столбы лиственные торчат. Последний угол держался — банный, теперь и этого не стало.

— Дак ты что же, баба, не пужнула её, — сказал Минька, глядя на рассыпанную каменку, на гнилые половицы, на предбанник, который оказался так ветх, что ковырнули его, и он похилился, держась на одном столбе. В нем шайка валялась перевёрнутая — иди, Минька, мойся. Минька смётывал сено и думал, пойти или не пойти к тётке, хотя бы поругаться. Там дядя Спиридон, он власть сельская, и хоть муж он тётке, но и верный отцов друг. Скажет он слово, и тётка опять машину

возьмёт, опять платит и расходует, и так ей и надо, опять мужиков собирает, бежит в магазин за поллитрами, и вот уж и баня на месте, вот уж два, да что два — пять мужиков крышу кроют и предбанник налаживают; а Минька ходит тут же и показывает, где и как надо сделать, чтобы баня завтра же затопилась. Видит он тётку смирной, пристыженной до крайности, озлобленной от напрасных потрат. «А ну, тётка, ещё захочешь чего взять?» — спрашивает Минька, и тётка молчит. Вот какая сила в Миньке, вот как он всё может поворотить.

Подтощавший Гнедко из оглобел просится, с утра до потёмок в запряжке, в хомуте новом, не обношенном. А Минька и не видит, как конь бьёт копытами, как ржёт нетерпеливо. Спихнулся — что же это он, как он о коне забыл. Вспомнил Минька, как дед, напиваясь, входил в избу и кричал ломливо: «Кто в доме хозяин?» И бабка подбегала к нему, разудалому, доху снимала и говорила щебетливо: «Ты в доме хозяин, ты, Ефим Васильевич». Оттого в деревне деда и звали: «Кто в доме хозяин». Вот Минька, какой же он хозяин — о коне забыл, о самом главном.

— Сейчас, сейчас, Гнедко. Вот последний навильник.

Распрягши, увидел, хоть и было темно, что хомут припотел, но плеч коня не сбил. Клоком сена стёр стылый куржак с коня, с носа сосульки безболно снял и корму задал, потом уж пошёл в избу и застал там дядю Спиридона.

— Как хомут? Впору пришёлся? — спросил он.

— Хомут добрый, — сказал Минька и вроде не вовсе понял вопроса: о Гнедковом хомуте спрошено, о другом ли каком?

— Как раз, значит. Это хорошо. А я насчёт бани.

Только что на возу думал Минька о Спиридоне и о бане, а он уж тут как тут.

— Такое дело, Иваныч, с баней этой. Насте она отходит, такая воля деда твоего. Ну надо же, надо же ей было лезти. Ах ты, боже мой, какая жадность. Ну хоть на паях как-нибудь согласилась бы.

— А как там в книге написано? — спросил Минька.

— Да баня Насте, дом тебе.

— Одному?

— На тебя записан. Видно, дед так рассудил: Лидка замуж выйдет, бабка умрёт. Тебе везти воз хозяйский.

Минька поглядел в окно на остатки исчезнувшей бани и махнул рукой. Дед правду свою, Миньке непонятную, завещал живым. Спасибо ему и за то, что уверовал в Миньку и дом отписал.

— Дом твой, Миня, — продолжал Спиридон. — Как исполнятся года, бери и хоть продавай, хоть хозяйничай. А только я ведь опять к тебе по тому же делу. Звонят из района. Сама завроно заинтересовалась. Как так, говорит, единолично. Я ей: разруха же, абы как прокормиться эти лета. Война же, говорю, такая позади. Никакого, говорит, такого хозяйничания. Словом, она завтра сама явится. А мы с тобой должны заранее договориться, затем и пришёл к тебе.

— Это в детдом, чо ли, опять? — спросил Минька.

— Туда. Речь идёт об одном тебе — Лидку я упросил в колхоз принять. Она хоть маленько на работника похожа. Бабка может и не подавать заявления. Она механически выбывшая по старости. Ведь ты была, бабка, в колхозе-то?

— Отколхозила своё.

— Ну вот, тебе и не надо. Ты живи с Лидкой или Настей. Ну, какое твоё последнее слово, Иваныч?

— Не поеду, — сказал Минька и подпёр подбородок рукой.

— Ясно дело. Я буду твою линию гнуть. Этот детдом мне когда-то шею натёр. Как вспомню, по сердцу боль пойдёт.

— А что же те-то, районные, меня и не спросят? — допытывался Минька.

— Они спросить-то спросят, а гнуть будут своё, взрослое дело, политическое, а нам с тобой политика одна: как в тебе человека сберечь. Этот годик, эти два годика, как помочь тебе пробиться — а там ты колхозник, там сам начнёшь зарабатывать. Вопрос, брат, капитальный, Иваныч. Чтобы тебе при родной бабке-то, пока жива, родное-то чуялось, чтоб меньше боли-то на душу получалось. Ты, брат, от этой, а я от той войны сирота, и мы вроде родня с тобой. Тиф родителей скошил. Была тётка, были дети, старшие братья, а я никому, оказалось, не нужен. Жена братова с подушки начала, подушку у меня отобрала и себе в перину вывалила. Потом и за дверь меня выставила. Старший-то брат после оправдывался: «Я ту перину ножом изрезал и по ветру пустил», да мне-то какая польза от того. Пошёл я по дядьям да по тёткам, и те косятся. Чего-нибудь, правда, нальют, хлеба дадут, скажут: «Ну ладно, ступай». У тебя, Миня, бабка, держись за неё. Это тебе какое счастье, что есть бабка-то. Береги её.

— Да уж они меня берегут, — встала бабка. — Я за ведро — отберут, я за помело — выхватят, я к поленице — опередят меня. Веку бы мне дал Бог, я ведь хвора-хвора, шибко хвора.

— Живи, бабка! Для них. Тебя на том свете в святые поставят! На том и на этом. У меня никто в святых не оказался. Последний-то дядька в другом селе жил. Я в рождественский мороз к нему босиком, за восемь-то вёрст.

— Босиком вовсе? — испуганно спросила Лидка.

— Ну не вовсе, чулки драные на мне были. Потру ноги да дальше. Дядька-то как-то раз мне улыбнулся. Ну, думаю, приютюсь у него. А он покормил и сказал тоже: «Ступай назад». Босой-то назад! А тут у него мужик пригодился — сидит «Пойдёшь, говорит, шевяки убирать ко мне?» Я мотнул головой, пойду, мол. «Айда за мной». И привёл меня к себе, обулки старенькие дал, мы с девчонкой его и убрали шевяки из-под скотины, и чисто убрали, всё под соломой прошупывали, сам хозяин проверял и хвалил нас. И вот тут я вроде зажил. Поставит хозяин на стол кринку молока и калач мёрзлый: «Ешьте». Я даже Богу стал молиться за спасение своё. А тут учитель привязался: «Давай я тебя в приют пошлю. Там койки железные, одеяла и простыни чистые, мыло, баня, хлеб белый». И польстил я на это, и отбухал там пять годков. В тринадцать лет я убежал всё же. Да к тому же хозяину, а там уж перемена. Баба умерла, он на другой женился и стал тряпка тряпкой, мачеха девчонку замордовала, где уж тут мне. А был я уже на ногах, в пастухи подался. Вот такая моя история, Иваныч. А меня, брат, уже поругали за хомут этот. И как быстро всё узнаётся. Два дня ли, что ли, прошло, а уж оттуда звонят: «Это ты кому хомут-то купил?» Да пропади он весь, этот индивидуализм, а тут ведь дело особое. Я при той бабочке районной помалкивать буду, а ты отбивайся руками и ногами. Я молчанием отобьюсь, а ты словами — а линия будет одна. Слышь, за окошком-то не тебя кличут?

— Да каждый вечер вот так, — сказала бабка.

— Это ребятишки, — пояснил Минька, — делать им нечего.

— Они играть его зовут, — объяснила бабка. — Я ему говорю, сходи поиграй — отправить не могу. Скажи им, Миня, сёдни не могу, мол, наигрался с вилами.

Ребятишки не унимались, побрякивали заложкой ставни, и Минька, одевшись, вышел. У ворот его сразу подхватили трое.

— Давай, Миня, покатаемся. Что ты дома да дома? Бери вот эти санки. Да что ты стоишь? Посадить тебя, что ли? Вот так его, ребята. Ремнём привяжем, если не захочешь кататься с нами.

Миньку усадили в санки, сзади подтолкнули, и он покатился под горку, и снова ровесником стал им на эту минуту. Так легко и бездумно стало ему. Он ухал на ухабах, ногой выправлял санки, чтобы на сторону не съехали. Под горой в кучу сбились мальчишки, посваливали друг друга, Минька не противился и оказался под низом.

— Да что, Минька, с тобой? Всех нас борол, а тут рукой не махнёшь!

— Он теперь не Минька. Он Иваныч.

— Эй, Иваныч, бери санки да в гору! Кто вперёд!

Ребятишки, визжа и подпрыгивая, унеслись в гору, а Минька едва поднялся со снега, чувствуя слабость в коленках, потянул руку за санками, а рука плохо гнётся, и слабость охватила всё тело. С трудом он зашёл на гору, толкнул санки мальчишкам и пошагал домой.

— Иваныч накатался.

— Иваныч баиньки отправился.

Минька вяло улыбнулся на их окрики, и санки, и смех рассыпчатый показались ему лишними.

Когда Минька пришёл в сельсовет, городская женщина сидела за столом председателя.

— Этот? — спросила она Спиридона и помялась на сильных локтях, опёртых о стол, устало ссутулилась, будто сделала за утро великое дело и притомилась, а предстоит ей прорва работы. Брови её нахмурены, лицо каменное, губы строго подобраны.

— Он, — сказал Спиридон и незаметно подмигнул, отчего Миньке стало покойнее.

— Отказываешься ехать в детдом?

— Отказываюсь, — ответил Минька, исподлобья поглядывая на женщину.

— Вот это феномен, — сказала женщина непонятное слово, и Минька набрался храбрости.

— Зачем обзываете?

У женщины расширились глаза, руки её подвернулись к бокам, она спросила голосом всполошенной курицы:

— Как это обзываю?

— Феноменом.

— А что это такое?

Видать, в классе понаторела, женщина любила разговаривать вопросами и глядеть навывкл не на собеседника — на плакат военного времени глядела она сейчас.

— Что же это такое?

— Может, матерщина, а может, прозвище какое, — сказал Минька язвительно.

— Да ты у кого это наострился так разговаривать? — удивилась женщина и спросила: — Так что же ты будешь делать, если не поедешь?

— По хозяйству, — спокойно и певуче ответил Минька. — Дома работы по-за глаза.

— Проживёшь?

— Как-нибудь.

— Фе-но-мен! У нас ещё не было случая, чтобы отказывались от детдома, — обратилась женщина к Спиридону: — У нас очередь на места. Очередь! Вот что война понаделала. И тебе советую в детдом. Собирайся, Осинкин, — такая твоя фамилия? Какой ты хозяин, Осинкин! Где-нибудь замёрзнешь, отвечай за тебя. Так или нет?

— Не так, — буркнул Минька.

— Экий грубияннишка. Завтра, председатель, запрягай коня и вези его в город.

— А может, его и правда оставить пока тут, — вставил своё слово Спиридон.

— А вы знаете, как мы добивались этой путёвки? А кто будет потом ездить к нам и вымаливать место? Вы что, хотите новых хлопот для себя?

— А поглядеть можно, какой он такой, детдом-то? — спросил Минька.

— У нас плохих детдомов нет. У нас они хорошие. Ишь ведь как: «поглядеть». Важная птица какая, поеду — не поеду, захочу — не захочу. Нет. У нас такого ещё не бывало.

— Я сперва так съезжу. Хлеба наменяю. Я на белый хлеб, а Лидка с бабкой и чёрного не имеют. Я на Гнедке своём.

— Не говори-ка, парень, пустое, — жёстко заговорила городская. — За сотню-то верст? На Гнедке своём!

— У них верно с хлебом туго, — сказал Спиридон. — А мёд, ягоды есть. Ну, я могу всё увезти на сельсоветском коне. Хлеба купим, Миня. Сходим в детдом, поглядим, а там видно будет.

— Не «видно будет», а точно — определить его в детдом. Бабке выделить из колхоза сколько-нибудь хлеба.

— Она не состоит.

— Единоличница, что ли?

— Да нет. Состояли они. Видите, сын в финскую убит. Ну, семьям погибших в Отечественную помогали как-никак. А их семью забыли. Вроде бы и не пострадали. Мать его вышла за другого, этих на стариков кинула. А они какие работники. Им не мешали как-нибудь прожить. Орешничали, ягодничали, медишко добывали. За шесть-то лет и отрешились от колхоза. Ладно, хоть не просили с него ничего. А тут мать и дед померли, такое дело. А насчёт того, чтобы выделить хлеба старухе, так ладно, пуд-два выделим, а они спасут её? Самое верное бы — оставить парня. Есть конь, есть дом, прожили бы как-нибудь.

— Ты, председатель, все к хомуту своему воротишь. У тебя лозунг: спасайся, как можешь, анархию разводишь.

— Год-два, а там колхозу он во как нужен будет.

— Вы всё с колокольни своей глядите. Колхозу нужен, а государству не нужен. Да кто это там все дверь открывает, поговорить не дадут? Что это за старуха заглядывает?

— Это бабка его и есть, — сказал Спиридон.

Как упомянули бабку, она тотчас и вошла, как спутанная, шурша жёсткой юбкой. Седые виски выбились из-под толстого полушалка. Она увидела упитанную и сердитую женщину и заплакала, то есть завывтирала концами полушалка сухие глаза. За бабкой с какой-то отчаянностью во взгляде вошла тётка Настя. За ней сторож сельсоветский и Лидка.

— Вы-то все зачем пришли, вас не звали? — спросила городская.

— А про Миньку узнать, что с ним будет, — сказала бабка.

— В детдом его отправляем. А тебя либо к дочери, либо в колхоз с внучкой.

— Ай, умные, ай, рассудительные какие, — запела бабка, качая головой. — К дочери я и без вас дорогу знаю. Вот она рядом, скажу «иду» — и не прогонит. А колхозу нынче и без меня тягостно, в дармоеды к нему, что ли? Или в доярки меня? Я бы там отпилась молочком. Ну вот не гожусь никуда, гожусь в распорядители одни.

— В какие распорядители?

— Умом не выжила — Лидка, иди туда, Минька, делай то, и проболтались бы до годочков-то ладных. А я ишо могу, я сидя-то распоряжаюсь. А дочке моей чего надо — ей няньку надо, зыбать новорожденного.

Тут вперёд выскочила Настя и руки в бока подвернула.

— Видать, выжила умом-то. Сиди у окошка и гляди на дорогу — вот и вся твоя работа.

— Не о том ты, Настя, думаешь, не о том, — говорила бабка, промаргиваясь. — Гляжу вот на тебя: на языке одно, на уме другое.

— Это что же на уме моём? — подняла голос Настя.

— Ты мне про что на днях намекала? Про деньги какие-то?

— Это ты чо же, мама, говоришь? — бесстыже уставилась Настя на мать круглыми глазами. — Я ить только прикинула: тятя жил индивидуально. Продавал мёд, ягоду, орехи, знахарил. Это мы чертомелили.

— А на что же мы детишек кормили? — спросила бабка.

— Должны быть деньги, так соображаю, — сказала Настя, уже не скрывая мыслей, а бабка обратилась к городской:

— Вот она и зовёт меня к себе. Дак, если я без денег приду, что же будет со мной? И про Миньку у ей одно на уме — детдом и детдом. Лидку хочет спихнуть за какого-то вдовца дальнего, а ей шестнадцать годков в рождество исполнилось. А дом-то кому? Дом-то себе, а?

— Ты, мама, рассуждаешь, как ярая единоличница, — переходила к политике Настя. — Ты пожила в войну-то не колхозно, язык-то тебе и разъело. Ты только и думаешь о деньгах да о домах.

— Все мы в войну-то огородами жили, — отвечала бабка. — Абы как выжить. Все мы спасались огородом да тайгой. Ты меня не попрекай этим, — задрожал голос бабки.

— Ну, политики, — растянула слово городская. — А ты-то, девочка, зачем тут? — спросила она Лидку, чтобы покончить с прежним разговором.

— Это внучка её, Лидка, — ответил Спиридон.

— А! Ну, ты-то как будешь? Хоть за скотом-то в колхозе ходить сможешь?

Лидка молчала, тоскливо уставившись в промёрзшее окно.

— Чего же ты молчишь?

Лидка вдруг уронила голову на руки и завывала, меж пальцев покатались слезы, и Спиридон не удержался, подошёл к ней и потряс за плечо.

— Да ты чего это, Лидуха? — заворковал он ободряюще. — Вот не ожидал. Такая хозяйка, такая проворная.

— Плакса добрая, — сказала Настя. — Чуть что, так и за слёзы, Минька скажет — плакать, бабка поворчит — плакать.

— У ей вся защита слеза, — заступилась бабка, — шибко слезливая стала, это правда. И подумайте одну оставить. Нет, я в своих стенах помирать буду, и детишек не трожьте, оставьте при мне.

Сторож сельсоветский, старик чуть помоложе бабки, покряхтел, присев на

подоконницу, поцарапал затылок, столкнув шапку с седого, ещё кудрявящегося чуба, и сказал:

— Дела!

И может, ничего больше не добавил бы, если бы Спиридон не спросил его:

— Скажи-ка, Тихон, и ты своё слово.

— Это куда же вы парнишку спроваживаете? — заговорил он порывисто, словно боялся, что перебьют его и не дадут высказаться. — Будь он мой внучок — живи, и никуда. Пока я не издохну. Много ли мне надо, а всё бы ему, всё ему. Это ведь помыслить только — отдать от бабки, какая она ни больная, в чужие руки!

— Теперь, кажется, все высказались, — сказала городская. — Твоё слово, Осинкин.

Во время разговора Минька стоял у печки, приткнувшись к ней плечом, и о нём забыли, отгороженным спинами, а тут отступили, и Минька поглядел на Спиридона сузившимися, словно подремывавшими глазами.

— Поехали, дядя Спиридон, — сказал он, и все зашевелились и уставились на Миньку. И долго в комнате было тихо, и только слышалось с улицы, должно быть, с наличника, воркование голубя с голубкой. Лидка вдруг опять ударилась в слёзы. И так все вышли под громкий Лидкин вой.

На рассвете Спиридон с Минькой выехали в город. Оба они сидели на санях переднего коня, сельсоветского Воронка, а привязанный Гнедко шёл сзади.

— Задачу ты задал заву роно своим словом «поехали», — подмигнул Спиридон Миньке. — Она вроде и обрадовалась и нет. Руки-то важно упёрла в стол, козонками-то как пристукнула, де всё сделано, парнишку в детдом, и баста. Измучилась как она от беседы, зевать принялась. А какую ты продажишку взял?

— Котелок мёду, полмешка ягод и орехов с пуд.

— Торганёшь ладно. Валяй, Минька, торгуй. Таким делам твоим я помощник, — сказал Спиридон и хлопнул Миньку по спине, отчего звякнули ордена и медали под дохой председателя. В деревне он их не носил: все видели, все знают наперечёт. А в городе понадобятся, потому что по Минькиному делу он едет и по своим сельсоветским делам, придётся ходить по учреждениям, и в разговорах награды играют не последнюю роль. Мартовский мороз не цепенит губ, не залазит в варежки и катанки, щёки лишь пощипывает и нос подхолаживает. Солнце видишь только на взлобке, а так всё лес и лес. Жёлтый свет держится у верхушек деревьев, искрами перемигиваясь в осевших снегах.

— Ты бы, дядя Спиридон, о войне рассказал, — просит Минька.

Спиридон сенинку в губы взял и мял её, глядя в пестроту леса.

— Плохой я рассказчик, Миня, — скосил бровями на Миньку. — А живёт она и посейчас в голове кружением каким-то. Вроде отошедшей болезни. Тебе ведь надо что-нибудь геройское, а геройского-то вроде и не было. Работа, Миня, была великая и жестокая. Совестно за человека становится, когда видишь, как война ломает его. Жалостливость запоздалая мучить начинает, Миня. Вот как сейчас вижу: сидим мы в палатке, крутим рацию, ловим немецкий разговор, будто вот они, рядом лопочут. А к нам в палатку заглядывают детишки годков по пять, худенькие, голодные, оборванные и грязные, — и просят хлебца тоненькими голосами. Мы их кашей накормили и в тряпочку им каши завязали, хлеба дали, и пошли детишки по земле войны, без матерей и отцов, куда пошли, кто их там накормит? Я, брат, ой как хочу забыть её, войну-то. Тебе ведь надо «бух» и «трах». А мне глаза этих детишек видятся. Ну, хватит об этом. Ты, Миня, как продашься, давай деньги мне.

Не дай бог потеряешь или городская шпана вытащит. Я ведь знаю, что ты задумал купить.

— Ну-ка, угадай, — оживился Минька.

— Хлеба — это само собой. Лидке на платье, бабке на юбку. Остальные деньги на керосин, на соль и сахар оставишь.

— Почти что угадал, — сказал Минька.

— Ну вот и хорошо, как раз к воскресенью, к барахолке подъедем. А себе что задумал купить?

— Себе косу новую.

— Фу-ты, батюшки! — хлопнул по полам дохи Спиридон, и сдержанным звонком звякнули медали. — Ему — косу! Это что за Минька! А ещё?

— Сот надо подкупить.

— Ну-у, молодец! Ты мир дивить собрался, — восторгался Спиридон, пылливо уставившись на Миньку. — Неужели правда, что ты об этом думаешь? Неужели такого человека ловкого породила та же война окаянная? А вот возьмишь и балалайку купишь. А?

— Балалайку покупать не стану, а как вырасту, гармонь куплю. Глядите, вот я каков, Минька-то Осинкин. Вальсы и танги разные выучу. Вот увидишь, дядя Спиридон.

— Ну, ты в отца пошёл, не в деда. Дед твой дитёй был до старости. И знахарство вроде забавы было для него. Вылечит — зарадуется, не вылечит — загорюнится. Настя зря про деньги говорит. Какие там деньги! У него сроду их не бывало. Они меж пальцев у него утекали, как семя просяное. Да и не из-за денег знахарил — просто любил помочь, любил человека.

— А ты любишь людей, дядя Спиридон? — спросил Минька неожиданно.

— Спросишь же ты, Миня. Как про себя скажешь? А вот было, было время. Не любил людей, да и себя тоже. Я в Москве лет восемнадцати оказался. Ну, знаешь, среди тысячи-то, миллионов-то людей, как в лесу. Орать охота. Мельтешение какое-то, как в пургу. Раз иду по площади, как потерянный, а меня хлоп по руке, я аж развернулся. А это машина меня по руке саданула, не мешай-де, не лезь куда не надо, задавлю. В парнях я былшибко нелюдимым. И мнение имел о себе такое: зачем ты, червяк, выполз из земли? Езжу, кружу по свету, а думаю о себе: зачем выполз? И невзлюбил я эту тайгу людскую. А в войну со мной стряслось обратное. Весь он, этот люд-то, из плащей, из кож, из цигеек и модных туфель, из-под зонтиков разных в шинель залез, а из неё виднее, кто ты есть. Ну вот ты учёный, артист или чёрт те знает кто, а тебя в шинель, тебя сравнивали, давай померяемся теперь, кто мы с тобой и как к этому последнему делу приспособлены. Ага! Я-то и оказался сильнее. Я им башмаки подколачивал, шинели подгонял. Я как-то сразу увидел, что всем нужен. Ага, ты в одну дыру залез, а я всего миру нанюхался, и из гвоздя могу струну вытянуть, и меня нарасхват. Капитан наш приметил меня и говорит: «Универсал, говорит, ты, Спиридон, коренной, говорит, ты, русак, из подковы щи сварить». И почувал я, что любят люди меня. А капитан, так тот говорит: живые останемся, вместе куда-нибудь жить поедем, я, говорит, полюбил тебя, Спиридон, и от себя не отпущу. «Теперь-то, говорю, останемся живые, мы уж по три раза ранены, заморожены мы от смерти, капитан». Верили, ей-богу, верили, что выживем мы. Только капитан-то не дожил, не дожил мужик, не пожили мы вместе. Да. А я в разведке у него был. Это не та, пехотная разведка. Это артрязведка. В бинокль или в стереотрубу поглядывай, занеси все дороги, кусты, дома себе в книжку, измерь и подсчитай. Скажу, натерел здорово я в этом деле. Глаз-ватер-

пас у меня, и за то капитан ценил. «Талант, говорит, ты, Спиридон. Образования бы тебе, ты бы большими делами ворочал». Он в мой глаз лучше верил, чем в артиллерию свою. «Какая, спросит, какая даль вон до той церкви?» Такая, говорю. И точно: как мину пошлём, так она на местечко моё и плюхнется. Держался за меня капитан здорово. А в жизни был вовсе ни к чему не умелый. Начнёт сам погон пришивать, и всё не ладно, порет да шьёт. Я говорю, давай-ка я вам пришью, а он как расхохочется: «Не полагал, Спиридон, не полагал, что в капитанах загуляю». Он любил это слово «полагал», и говорил всё с мечтой как-то, и глаза у него были задумчивые. Я его всё поддразнивал этим словом, «полагал». Он хохочет, и только. Ты не заснул, Минька?

— Нет, нет, рассказывай, — отозвался Минька.

— Это раз такое дело. Спрашивает он меня: «Ты женат, Спиридон?» — «Трое ребятишек, говорю». — «А я, говорит, не успел, и нет у меня никого. Давай я на твою семью свой аттестат запишу». — «Нет, говорю, это будет нехорошо. Так и дружбе нашей конец. Был капитан, был товарищ, а станешь кормильцем, опекуном. Обходились до того, обойдутся и дальше». — «Ладно, говорит, ты в этом прав. Я, говорит, ошибся». А получилось ведь как. В сорок пятом, уж после войны — бац перевод мне, и порядочный. Распорядился: деньги мои на такого-то переведите. В Москве-то я тогда тосковал в людском море и без человека. Вот бы тогда мне наткнуться на него. Не мёрзнешь?

— Маленько, — сказал Минька.

— А у меня грудь пристыла. Я ведь в грудь был первый-то раз ранен. Давай споём, Минька, песней погреемся.

Спиридон запел «Землянку». Начал он песню с помыкивания, с повздоживания, туманясь взором, собирал на лбу морщинки. И потом уже вырвались слова, словно боль какая:

На поленьях смола, как слеза...

Спиридон замолк на минуту и встряхнул головой, словно отогнал тяжелые воспоминания, которые теснили его. Минька ждал — и вот из дохи с паром и вздохом, с привизгом и пристоном вылетело:

И поет...

Опять отчаянно-горькое встряхивание головой. Кажется, в эти паузы Спиридон подыскивал, на какую высоту голоса поднять новое слово песни, находил, улыбаясь, и брал слово извивом высокого чистого голоса:

Мне в землянке гармонь...

— Ты, дядя Спиридон, поёшь не как все, по-своему, — сказал ему Минька после песни.

— Я, Миня, душу в неё вкладываю. Как она у меня постанывает, так и песня выпевается.

За «Землянкой» последовал «Синий платочек», за ним «Вставай, страна огромная». Эту песню пел Спиридон, поталкивая Миньку ногой, — шёл, стало быть, он в этот миг по военным дорогам. Спев песни, он закутался в доху и попросил Миньку:

— Ты, Иваныч, в Кебезени меня растолкай.

Переночевав в Кебезени у товарища, они отправились дальше. Спиридон и в санях спал до полдня, и за это время дорога стала меняться. Отступили кедры, сосны, почувствовав простор, стали присадисты и разлаписты. Начались поля с

ометами соломы. Минька оглядывался назад, словно что уронил позади, и в глаза лезли дом, речка, синие дали леса. Он вспомнил свой огород, где росли два кедра. Бабка нудила деда спилить их, он отшучивался, и деревья продолжали кидать свои густые тени утром на дом, вечером на огород, а днём на речку. Минька любил сидеть на берегу реки и наблюдать, как в тень деревьев заходят тёмноспинные хариусы и немо стоят, наслаждаясь прохладой. За речкой начинались горы, чем дальше, тем выше, — и горам тем, по словам деда, нет конца и краю, и нет счёта зверью разному. Дед ходил в унтах из кабарожьих ножек, в шапке из медвежонка, в дохе из косульих шкур, и она, как живая, шевелилась и дышала на нём. Минька провожал деда до первого увала, и, как ни просился внучек идти с ним дальше, дед поворачивал его обратно, говоря: «Сам-то с собой слажу ли». И Миньке представлялись муки разные, какие испытывал дед. Раз, только разик, довелось Миньке быть в горах, о чём он никогда не забудет. В горах, за ущельем, в которое ложилось спать солнце, было озеро, большое и глубокое, «родной брат Байкала», как говаривал дед. В другой стороне от деревни был город. Минька ждал деда то из гор, то из города. И, увидев, мчался к нему навстречу.

— Тятя приехал! Тятя приехал! — так порой он называл деда, так его и Лидку приучили старики, чтобы меньше чувствовали сиротство.

— Гость наш явился, — напускну сердилась бабка.

Дед неторопливо спускался с самодельного седла, высоколукого, с пропотелой подпругой и с разнофасонными стремянами, снимал его с коня и перевёртывал, дымящееся, на бревна. С солдатским сидором на горбу заходил в избу. Из него вынимал карандаши и тетради, школьные учебники, ножичек перочинный и топорик-маломерок — это Миньке, и бусы жёлтые и лаковый ремешок — это Лидке. Бабке он покупал разные лекарства: хоть и сам знахарил и делал травяные настои, но бабка не верила в них и требовала городских настоящих лекарств. Себе привозил бутылку разливухи — водки, выкладывал из мешка коврижку хлеба или каких-нибудь скоропечных лепешек — и начиналось пиршество. Бабка пробовала лекарства из каждой посуды по чайной ложке, и какое из них горше, тем она и лечиться будет в первую очередь. Дед наполнял стопочку себе и стопочку бабке и подмигивал ей:

— Тяпни, мать.

Бабка обеими руками отмахивалась:

— Без этой холеры никак обойтись не может. Что бы мучки, а то всё её и её. Ух, как дивно хлеба-то подзнахарил!

Дед улыбался и, перед тем как выпить свою и бабкину стопки, целовал внучат, щекоча их серыми усами и бородой.

— Погодите, вот кончится она.

Слово «война» он произносить не хотел — «она», и только. Коврижка хлеба разрезалась на четыре пайки. На столе ворошок печёной картошки — её пока ели вдосталь — да по стакану молока — не каждая семья нынче так питалась. В их лесной деревне многие жили вовсе без хлеба, и дедово знахарство нет-нет да и помогало.

Дед любил помочь человеку в недуге. Он собирал травы и завешивал ими чердак. К нему шли, и он делился с каждым, даже обижался, если кто плату предлагал. В войну жить стало труднее, и дед смекнул: хоть знахарством своим надо кормиться.

— Ты, девка, не веришь мне, — говорил дед, облупливая картошку, девкой он

называл бабу, когда остро чувствовал неверие её или недоброжелательство. — Я ведь помогаю. Вот к Нюрке нынче заехал...

— Она-то чем занедужила, — перебивала его бабка, — вон ведь тёлка какая?

Дед не сразу отвечал, дул на горячую картошку, так и не закусив ею, откладывал в сторону.

— У ей беда пришла.

— Какая беда-то? — всполаживалась бабка.

— Серёга в госпитале помер.

— Ох ты, Господи! У ей ведь трое.

— Нет, девка, четверо. Вот я ей — то и другое — пей, успокой себя. Пей аккуратно, пей неделю-другую. Я ведь знахарь и утешитель. А кто бы сейчас её утешил? Ни кина, ни клуба. А радио-то не шибко утешает. Всё про её да про её. Я как бы самовольно командировочный, и вот мои доходы все тут на столе. Ни с кого не требую, шапку на голову — и пошёл. «Чем, чем я с тобой расплачусь?» — «А не надо ничем». — «Ну, хоть чаю садись попей». — «От этого не откажусь», — говорю, так, для утешения, говорю. Помогаю, девка, я это себе уяснил. Я от сердца людям помогаю. Это как такой доктор-то называется, который от сердца лечит. Я и травой, и словом, и вот тут, — дед стучит в грудь, — тут легче. Я по силе возможности помочь оказываю. А когда ведь не могу, прямо и говорю: «Не могу, доктора зовите». Это тоже помочь, совет-то...

При воспоминании о деде в сердце Миньки разливается доброта. Он протягивает руку и достаёт до губ Гнедка, неторопливо идущего за санями. Может, и конь вспоминает о своём стареньком хозяине. «Вот так, Гнедко, нет теперь деда-то у нас, — печалился в мыслях Минька. — Ведь я говорил ему: «У тебя, деда, одно лекарство, выпивка. Перестал бы». А он что сказал: «Нельзя, Минька, перестать. Как зашабашу, сразу помру». И когда дед слёг и перестал выпивать, Миньке хотелось, чтобы он поднялся вдруг и, ероша волосы и побрякивая, сказал: «Дай, мать, стопочку. Тяпну — и вся хворь пройдёт». Но дед всё тишел, всё похрипывал, а за день до смерти поднялся, обрадовав всех домашних. «К больным съезжу, мать», — сказал он и велел Миньке запрячь Гнедка, велел и ехать с ним. И доехал Минька, куда повелел дед, да только тут же и сани повернул назад: дед, как сидел в передках, согнувшись, так и умер.

И бабка как-то сразу изменилась. До того была подвижна и задириста. Деда на спор вызывала. Если тот уклонялся, улыбаясь снисходительно, бабка торжествовала: вот и сдался, вот и сказать нечего, вот и загнала в угол. Дед хохотал от этих слов, и бабка торкала по широкой его спине, и в торканье этом слышалось тайное сознание того, как дед умён и как высок в своей уступчивости. Когда дед был дома, бабка тем и занята бывала, что ворчала на него. Когда же дед был «в гостях», то есть знахарил, бабка принималась хвалить его перед внучатами.

— Полвека грызу его, а он только усмехается. А делает своё, и получается, что по его-то и лучше, а я помеха ему, дурёха неладная. Умница деда-то ваш. Учитесь у него, приглядывайтесь, пока живой.

Постоянно хворающая и охающая бабка работала так, что и молодой не угнаться. Особенно по весне она входила в работу, когда наступало время посадки, поливки, полотья. Тут она вроде молодела, на щеках появлялся бордовый румянец. Руки её выхватывали из речки ведра, полные воды. Ноги, обутые в старые дедовы ичиги, бойко протапывали дорожки меж гряд. Бойкостью она заражала Миньку с Лидкой, и они, сгибаясь под тяжестью вёдер, таскали и таскали воду к огуречным грядкам, поливая её лунки.

— Кто из вас огурец стоптал? — дознавалась бабка, и детишки переглядывались и хихикали.

— Так было, мама.

— Я вам дам «так было»! Будто осторожнее нельзя.

После трудового дня с лица бабки не сходила улыбка удовольствия. Она приносила соты, полные мёду, и угощала внучат, подолгу глядела, как они, высасывая мёд, жевали мягкие и сладкие вошки.

После смерти деда бабка как-то сдала. Она бросала взгляд за окно и часто бесслёзно плакала.

При этих думах Миньке привиделось, что и бабка лежит в дедовом углу и умирает. Он сожмурил глаза, откинул воротник дохи и вздохнул всей грудью. «Нет, мама, поживи ещё, — запросил Минька в думах своих бабку. — Года три, ну два пожила бы ещё. Как бы это сделать, какого лекарства купить?» И Миньку чуть не прохватила слеза, когда он вспомнил, что первой в его памяти зажила бабка. Бабка водит ему по ладони и наговаривает: «Сорока-ворона гостей ворожила, баню топила, воду носила, тут холодна вода, тут горяча вода, тут кипятток, а тут чик-чикаток». И щекотала Миньку бабка, и он вертелся, подпрыгивал и хохотал от тёплых пальцев-рогатинок, но с коленей не убегал. Потом Лидка лезла к бабке, чтобы та и её пощекотала, но бабка отталкивала её, ворча: «Маленькая, что ли, тебя на руках держать», и Лидка начинала плакать, отворачиваясь к стенке.

— На мокром месте у те глаза, Лидка, — ласково ворчала бабка и привлекала к себе девчонку, прижимала к груди и гладила белые волосы. Лидка смеялась сквозь слёзы — так нужна была ей ласка.

Вот, Лидка, для Миньки ты нынче главная любовь, главная забота, главная печаль его. Жалость тревожная подступала Миньке к сердцу при мысли о Лидке, и виделись ему всегда тоскливые, напуганные и сторожкие её глаза. Они после слёз становились улыбчивы. Робкая улыбка недолго теплилась в них и улетала до новых слёз. Как бы Миньке хотелось, чтобы Лидка всегда улыбалась, всегда была весела и беспечальна. Что бы такое в городе ей купить и развеселить её на неделю или хотя бы на целый день. А купит он ей гарусный платок, такой же, какой был когда-то у матери. Лидка любила надевать его и просила мать оставить, когда та уезжала с отчимом в другое село. Платок этот был Лидке к лицу, шёл к её карим глазам, и бабка, глядя на неё, говорила:

— Личит тебе такой платок. Личит.

Лидка подходила к зеркалу и долго смотрелась в него, то одним, то другим плечом повёртывалась. Розовые цветки на платке походили на розовые Лидкины щёки, розовевшие ещё больше от неожиданного открытия: как она хороша. Но и у матери платок был единственным украшением, и на просьбу бабки отдать платок девчонке отговаривалась:

— Это свадебный подарок мамин.

— Вот и передари его дочери.

— Я куплю ей новый, такой же хороший, — обещала мать, но Лидка знала, что купить ей не удастся: она приняла на руки кучу ребятишек.

Вот удалось бы Миньке купить такой платок, вот хватило бы денег. Хватит ли? Таких платков в продаже нынче нет. Его только с рук можно купить или на барахолке, и то случайно. Миньке хотелось разбудить Спиридона и спросить, какая цена такому платку, но тот храпел вовсю, и будить его Минька не решился. А то, что называлось городом, приближалось и приближалось.

Они уже час ехали по столбовой дороге: высокие столбы справа и слева несли на себе сети проводов, которые ныли и нагнетали тоску. Минька оглядывался, но и там всё слилось с белым снегом, и деревенька укрылась им. Как это люди живут без лесов и гор, без родников и рек? Нет тут ни заячьих следов, ни медвежьих, только собачьи следы испятнали все закрайки дороги...

Гнедко кивал головой, что-то вспоминая. Мягкими губами он тянулся к Миньке и бил копытами о полозья — просил убрать пристывшие к ноздрям сосульки. Кроша в руке лёд, Минька убрал их осторожно, и Гнедко закивал усерднее, словно благодарил. Минька хорошо помнил, с какой поры родилась дружба между ним и конём. Была последняя весна войны, когда дед взял Миньку на весенний сбор орехов.

— Гляди, бабы подались в лес. И чего сидит, чего месит свои травы. Доктор — посконные оборки. Езжай, говорю! — гнала бабка старого в лес.

С привязанными к седлу мешками, пять штук при одной лошади, уходили бабы в сторону сказочного озера, бесстрашные бабы. Деду отсиживаться было неловко и остаться крайность большая — просили его больные приехать то в одно, то в другое село. Дед поразминался, поразминался, позаглядывал в окошко на весеннее солнышко и сказал:

— Собирайся, Минька, и ты.

То был первый случай, когда дед пригласил Миньку в горы.

— Ишь, и пожить там один не хочет. Не отрывай от школы ребёнка, не отрывай, говорю, — ворчала бабка, но Миньку уж ничто не могло остановить. Дед принёс из кладовки старенькие ичижки, наложил на пятки лосиные сырмятины, из сена натеребил овсюга для стелек. До сумерек точили топоры и поклажу немудрёную складывали в сумы, а прохладным утром отправились в лес. Ехали сперва полями. Их сменил обремененный коряжистый лес. Потом они, как в какую пропасть, съезжали так глубоко, что Миньке казалось — назад не выбраться. Потом ехали по неровному льду, намороженному зимой от ключей и ручейков, и скоро выехали на ровную синюю гладь.

— Не провалимся, деда? — спросил Минька.

— Вишь, лужи на льду, — сказал дед, — вот уж их не будет, тогда ездить нельзя.

— Это не то великое море?

— Ух, куда хватил! То море, а это утиная купальня.

Потянулась низина, вся в лозняке, боярышнике и черёмушнике. Низина помалу переходила в гору, и начинался высокий сумрачный, казалось, бредущий в гору лес.

— Слезу-ка я, паря, — сказал дед, — тут коню обоих не взять.

Снега здесь не было, и дед проваливался в зыбкий мох. Миньке казалось, что и мягко ступающий дед, и Гнедко, от которого так сладко, так по-домашнему пахнет, и сойка, по-сорочьи шныряющая меж корней и валежин, и лёгкий ветерок, и лесные звуки — всё рвётся к вершине, к той предполагаемой площадке, с которой откроется взору весь мир. Какая-то песня так и озаряла Миньку изнутри, и не было в ней слов, был только зов — подниматься туда, вверх.

— Вот это гора, деда! — радостно воскликнул Минька.

Дед повернулся, поправил лекарскую лосиную сумку и, стащив с головы шапку, открыл потный скатанный серый чуб. В минуту добрую, ласково попрекая за какой-то давнишний грех, бабка теребила деда за этот чуб, заставляя склоняться

до её плеча, и дед виновато хихикал, глаза его молодо сверкали, он подмигивал Миньке. «Вот как нашего брата». Такие весёлые глаза Минька увидел у деда тогда, помолодевшие глаза, хоть и дышал он тяжело.

— Крутенькая горка, Миня, — улыбнулся дед, обнажая ровные и целые до одного зубы, шапкой вытирая пот с шеи и лица.

Не дошли они до перевала, а уже потянуло лёгким дымком, и там, в распадке, явственно почуялось, что дымок тот — вкусный запах печёной картошки, и всё вокруг сразу породнело и одомашнилось. Бабы встретили их радостной насмешкой.

— Вот и мужики явились!

Деда повертывали так и так, оглядывали и смеялись, сумку его весёлая баба себе на бок прицепила и напрашивалась подругам познахарить, полечить их недуги. Молодая баба привлекла к себе Миньку, поцеловала, приговаривая:

— Мужичок-то какой сладкий. Такой и у меня растёт. Как он там? Как он будет хозяйничать дома?

Третья баба обеспокоилась:

— Куда мы их поместим? Шалаш-то наш тесный.

А молодая баба перебила:

— Мужикам всегда место найдётся. Мужик, он ведь сухонький, махонький. Ляжет меж бабок — и не видно, не слышно его.

— Командиру положена отдельная помещения, — сказал дед, — ему надо думать в тиши, гумаги писать и строгости блюсти.

С теми словами и снял дед с себя полушубок — он и весной ходил в нём — и, оставшись в пиджаке, принялся строить шалаш. Минька помогал усердно. Топором-маломерком поотрубал сучья пихты, ими и укрыли они свой крохотный шалаш, не шалаш, а берложку, и узкий лаз оставили. Внутренность шалаша толстым слоем веток устлали, ветоши вязанку натолкали, а как Минька опробовал жильё, покатавшись в нём, дед собрал совет.

— Вы, бабоньки, спите не шибко крепко, — советовал дед. — Пробуждайтесь раз и другой. И спя шевелитесь, сугревайте себя, а то простынете. Я той войной тем и спасся от простуд, что спал чутко.

— С тобой, дедонька, мы никак не заболеем. Сумка-то у те вон как полнешенька, — пошутила одна баба, но дед будто и не слышал её.

— Ишо меняйтесь, как спите, — продолжал он. — Мы с друзьями в германскую-то вот так сугревались: часок я в серёдке, часок товарищ. Одна шинель под боком, другой ноги накрываем, а третьей одеваемся. Ишо спинами друг к другу старайтесь спать. Брюхо, оно хлебное, само согреется, а спину греть надо.

Затем дед дознался, кто и что привёз из еды, и учреждал порядок поварства.

— По очереди, по очереди, девоньки. И кто лучше изготавит. Мы с Минькой отсюда выпадам — это нам не по силам. Мы дров заготовлять будем. А насчет орехов — тут учить вас нечему, сами знаете, как собирать.

Так дед на первый час определял себя командиром, на том его начальничание и заканчивалось. Как варилось и что варилось, он не интересовался. От каш, картошки и куска хлеба своего отрывал Миньке лишек, щупал живот, тугой ли, ладно ли парень набрался. Глядел вослед уходящим бабам и подмигивал Миньке:

— Пускай туда идут, а мы с тобой в другой уголок заглянем.

Не лазить весной по деревьям, не бить колотом по стволам — ходи по мягкому моху и собирай в мешок шишки. Как становится мешок тяжёл — иди к шалашу и вывали. Весна в тайге больше живёт в вершинах деревьев. Там свет, тепло, ветер.

С вершины самого большого кедра хорошо увидеть, как пролетает весна, мельком поглядывая на мхи, на чёрные колодины, на роднички, которые с каждым часом становятся беспокойнее. Весна приказывает каждой насекомине: ты лезь на дерево, ты тащи соломинку, ты расправь крылья и до вершин поднимись. Беспокойная птаха прыгает на ветках, перепархивает перед самым носом Миньки и кричит: «Тут я, тут я». — «Знаю, что тут», — отвечает ей Минька, а птаха уже подальше отлетела и манит и зовёт к себе Миньку. «А вот где я, а вот где я». — «Перестань! — крикнул ей Минька. — Некогда с тобой, лети к своему гнезду».

Ночью дед стлал лоскут медвежьей шкуры и укладывал на него Миньку, и тот прижимался спиной к груди и животу старика. Сухая ласковая рука оплетала Миньку, подсовывалась под рёбрышки и грела — и было тепло, как в гнезде. А не сразу засыпал Минька: перед глазами летали птицы, стаями большими. Одна стая покружилась и отлетела к вершинам, а вот уж и другая прилетела и вьётся над Минькиной головой, и каждая птица норовит сказать что-то. Минька засыпал, оглушённый кликом птичьим, а просыпался подхоложенный: деда рядом не было. Этот раз разбудил Миньку певучий незнакомый голос:

— Эй! Кто есть живой?

Минька высунул голову из лаза и увидел седока на маленькой лошадёнке. Ноги седок выпростал из стремян, руки устало опустил на луку и улыбался узкими глазами и редкоусым ртом.

— Один?

— Ага, — ответил Минька.

Седок руки трубой сделал, напыжился и заорал:

— Э! Э! Шибко корошо! Кончай война! Кончай война!

Первым из лесу вышел дед, и седок метнулся к нему, соскользнув с седла.

— Э! Ефимка! Дохутур! Кончай война. Капыту-у-у, капыту-у-у...

— Да неужели конец холере! — охнул дед и опустил на пенёк.

— Капыту-у-у-ли-ро-ва-ли!

— Как ты узнал, Дьемек? — спрашивал обрадованный дед. А из лесу выскакивали бабы и бросали мешки с шишками.

— Ты о чём орал? Ты где про то слышал? — окружили они алтайца.

— Воздух! Радива! Слышал!

Седок бросил на землю кнут и пошёл прыгать вокруг кедра, увешанного котелками. А бабы хлопали руками, суетно бегали подле шалаша, обнимались.

— Правда ли? Ба-бань-ки-и-и!

Алтаец всё плясал, перевёртывался через голову и приговаривал:

— Пра-вы-да, пра-вы-да!

И Минька не мог удержаться, прискакивал, широко расставив ноги и раскинув руки.

— Деда! Деда! Седлай Гнедка.

Бабы охали и метались по табору, бросали в сумы вещички. Коней оседлали и деда упрашивали:

— Дедонька Ефим! Ты уж останься, покарауль с Минькой орехи-то.

— Ну, дак всем ехать нельзя. Ну, дак чего поделаешь, — отвечал дед, и Минька крикнул отчаянно:

— Деда! — так ему горько было оставаться тут в праздник.

— Мы и тут, Минька, порадуемся, — говорил дед. — Мы и тут выпьем за победу. Дьемек, привезёшь водочки?

— Шетверть привезу, Ефимка.

После, когда баб, как метлой, вымело из лесу, и когда дед с Дьмеком ходили по табору, несвязно бормоча песню, Минька забрался на самый высокий кедр, на кроне его угнезвился и оглядывал гигантские волны синего моря тайги. В какой чаще её затаились Осинки? По ним ходит сейчас отец, ловкий и сильный, и растягивает гармонь. Всяко бывало — зимой бумага придёт о смерти, а летом письмо: жив солдат, наврала лихая бумага. Не так ли могло случиться с отцом? По Миньке, конец войны — это шумное возвращение солдат, а их в одних Осинках полсела будет. Вернулись, поди, уже, и разливается радость по селу, обнимаются бабы с мужиками, отцы с сыновьями, деды с внуками, и одних только Миньки с дедом там нет. Отец его, Иван Ефимович, поглядывает на тайгу и говорит: «Ах, нет отца, ах, нет сына Миньки».

Минька слез с дерева и затеребил деда:

— Ну вот! Опять жди, когда очухается. Не буду я ждать тебя. Оседлаю Гнедка и уеду, а ты оставайся. А чо! Возьму и уеду!

Не слышал дед, уснул, сморённый радостью и выпивкой, а слышал бы, сказал: «Нельзя, Миня, ехать. Реки сейчас дурят. Погоди дня два, а то утонешь». Оседлал Минька коня, взял сумы с чистым орехом и поехал.

Гнедко торопился домой, выискивая путь, свободный от веток, то и дело набегающая на ручей, который тоже торопился к большой воде. А вот и калтусы, которые теперь не узнать — вода щиколотки коню закрыла, скоро и до коленей добралась, и вот уж Минька ноги поджал, а сумы волочатся по воде. А дальше, за островком-взлбом, кипит поток, заставляя Гнедка всхрапывать и опасно прядать ушами. Минька глаза расширил от страха и надрывно закричал:

— Но, но, Гнедко-о-о-о!

И не спускал Минька глаз с того крутого берега, когда конь вдруг не достал дна копытом и повис на воде. Сумы, как подушки, надулись, всплыли, и их унесло водой, а сам Минька, сброшенный с коня, цепко впелся руками в гриву, и вода показалась горячей, обожгла. Так его конь вынес на берег. Минька едва выпростал пальцы из гривы.

— А гостинчик-то отцу! Унесло-о-о-о! — едва выговорил Минька и опустил-ся, рыдая, на землю...

Машина, какую Минька видел только на картинке, обогнала их, подпрыгивая кузовом и гремя железом. Гнедко шарахнулся в сторону и отвлёк Миньку от воспоминаний. Прошумел слева и унёсся вперед «газик», клубя за собой снег. Замаячила красная труба, выросшая на горбу серого здания, и Минька затеребил Спиридона.

— Кажись, приехали. Поднимайся!

Спиридон отмахнул воротник, огляделся и выпрыгнул из саней, хлопая рукавицами, приплясывая и побрякивая.

— Подъезжаем, брат, подъезжаем.

Город был маленький, раскинувшийся в долине речки, со множеством коротких улочек и переулков, которые упирались в косогоры. В центре была гостиница, ресторан, два-три магазина. Самый большой дом был в три этажа, и тот деревянный. Но и такой город Минька видел первый раз. Маленький-то маленький, но всё ж таки не деревня, хотя бы потому, что люди все торопятся, ведь надо из конца в конец пробежать километры.

— Мы сперва свои надобности исполним, Миня, а потом уж общественные, — сказал Спиридон.

Базар оказался в центре города и был тоже невелик — три порядка, крытых тёсом, два магазинишка по углам. Уставших и подтощавших коней они тут же выпрягли, подвязали к саням, и кони деловито захрумлили.

Товар свой не весь Минька выставил напоказ. В прихваченный мешочек насыпал орехов и стакан наполнил. Густой и засахарившийся мёд выставил в чашке, её хоть и не вешай — ровнехонько килограмм в ней. Ягоды погодил показывать. Спиридон имел товару — два куля картофеля, один куль тут же старушка купила. Спиридон честь по чести положил его на санки и прикрутил верёвочкой попонку, деньги затолкал в карман гимнастёрки, на ухо шепнул Миньке:

— Ты тут поглядывай в оба. Я на минутку отлучусь.

Вернулся Спиридон с пряниками, сунул их Миньке в карман.

— Пожуй маленько, замори червяка.

Торговать было Миньке в радость. Суетливые женщины наклонялись над прилавком и сверялись о цене мёда, затем удивлённо ширили глаза, говорили: «Сдурели, видно», и тогда Минька предлагал:

— Дак орехов тогда купите.

Орехи шли бойко. Минька ссыпал мелочишку во внутренний карман пиджака и думал: вот как жизнь шибанула его — за прилавком он стоит наравне со взрослыми. За сто километров с продажей приехал. Люди глядят на него с любопытством и качают головой, одна старушка даже сказала:

— Районо рядом. Как позволяют малышам торговать на базаре?

Минька глядел на всех прямо и говорил громко, чтобы прогнать страх.

— Дорого, мальчик. Уступи, — просили его, и Минька отвечал:

— Мёд этот горный, альпийский.

Так дед называл свой мёд, таким и Минька продаёт.

— Какой, какой, мальчик? — переспрашивал любопытный старичок.

— Альпийский, говорю, — отвечал Минька не моргнув.

— Издалека твой мед, мальчик?

— Цветы у нас вовсе другие, чем тут.

— Мал, а врать ловок. Откуда ты?

— Из Карагача.

— Знаю. Меды ваши отменные, лучшие меды в крае.

То ли слова старичка помогли, то ли мёда на базаре больше не было, но к Миньке очередь набежала, просили продавать помалу, чтобы всем хватило. Никогда ещё не было такого с Минькой, чтобы люди вниманием его оделяли. А Минька может не торопясь накладывать в чашку и деньги собирать. Спиридон тесаком выковыривает мёд и шепчет Миньке:

— Пошло дело! Так мы продадимся за час — и обедать. Тут тихонький ресторанишко есть. Посидим, поважничаем. А там и за дела общественные. Ты куда деньги кладёшь?

— В грудной, — шепчет Минька.

— Правильно. Подальше клади, поближе возьмишь. Приеду домой, расскажу, как ты базарничал. Где ты наобыв?

— Люди научили.

— Верно, Минька. Орехи кончились?

— Всё. Ягоды выставять надо.

Гремящую мороженую клюкву Минька продавал стаканами, а Спиридон подхваливал:

— Для киселей городских лучшая ягода. Забирайте остаточки.

Ночевали в Доме колхозника.

Утром в воскресный день Спиридон и Минька отправились на барахолку.

По Миньке, зря это множество людей и вещей называли барахолкой. Товар на руках и на лотках вычищен, выскоблен, выглажен. Сапоги так и сияют, пальто так и пушатся воротниками, глаза людей посверкивают, так и норовят тебе что-то сказать. Это если взвесить — всё дорогое, всё главное стащено сюда как напоказ. Кончится праздник, и понесут добро по домам, спрячут подальше в ящики.

— Что будешь перво-наперво покупать? — поинтересовался Спиридон.

— Гарусный платок Лидке, — ответил Минька.

— Эко ты задумал!

— Это самое главное, — сказал Минька и посмотрел на Спиридона такими же бойкими глазами, какие были у всех тут.

— Давай тогда в самую толпу, может, и вынесли.

Минька скользит взглядом мимо шуб и дошек, платьев и кофт, мимо шапок и брюк галифастых, в глазах его платок плещется цветастый, большущий, расстелить, так во всю кровать будет, — и манит, и манит Миньку в глубь «толкучки». Вдоль и поперёк исколесили её, а нужного платка не нашли и пошли было на выход. Спиридон посоветовал:

— Давай купим ей какую-нибудь шапочку.

Минька замотал головой, недовольный, и пошёл с барахолки вперёд. Тут и набежала на них женщина с папиросой во рту. На руке её разметался гарусный платок и кистями алыми едва не касался снега. У Миньки дыхание перехватило, растерялся он на минуту, но выручил Спиридон.

— Почём же, тётка, древность такая? — обратился он к женщине.

Цену товару своему тётка знала, и, как назвала её, Минька отвернулся, рот раскрыв: сюда бы деньги, вырученные за кули Спиридоновы, и всё равно не хватило бы.

— Ну, вы, хозяйюшка, заломили цену! — начал торговаться Спиридон, разглядывая платок на свет. Хоть залежен платок, но цел и крепок и ничуть не отцвёл. — Товар-то не модный нынче! Кто платок такой теперь носит? Старухи одни, да и то когда их в гроб кладут.

— И-эх-х-х! Де-рев-ня! — дыхнула тетка дымом в лицо Спиридона.

— Говори делом, тётка. Бери любую половину.

Женщина вырвала из рук платок и пошла дальше.

— Тётка! Не упускай покупателей. Задаром отдашь. А ну вот тебе ещё сотня.

Женщина вернулась и бросила платок на руки Спиридона.

— А ну, Михайло Иваныч, раскошеливайся!

Шёл Минька в колхозный дом успокоенный. Ни себе, ни бабке ничего не купил, денег осталось на соль и на спички. Лидка обрадуется, когда Минька платок этот из мешка вынет. И бабка его поймёт: ничего не надо ей для жизни, что для смерти было, и то отдала. А Минька будет донашивать немудреную дедову одежду. Лидке надо — чтобы слёз её не видеть. Ей надо, что поделаешь, да и девкой уже становится. Тот раз, когда заявила она, что смерть её потеряла, Минька долго приловчался серьёзный разговор начать, посадить её перед собой и, сколько есть ума, убеждать, что жить непременно надо, что всё у них впереди, что погоди, как они ещё заживут: и дом новый построят, и скота больше будет, и огород расширят до самого болота. Так и не смог, он только дёрнул тогда Лидку за рукав и сказал

тихо: «Давай не плети всякое». Плохо сказал, шибко мало, но Лидка защиту, что ли, какую в нём почуяла, плакать перестала и вздохнула облегчённо. Взглянула на него по-особому, словно только заметила, а брат-то, брат ведь есть, не одна она на свете. Так думал Минька, пока шли они до Дома колхозника. Спиридон думать не мешал, оттого, пожалуй, что особый блеск в глазах Миньки видел, другую походку, осанку ответственную, платок в руке. В колхозном доме Спиридон ласково поглядел на Миньку и спросил:

— Что дальше делать будем, Михайло Иваныч?

— Справляй, дядя Спиридон, свои дела живей, и домой двинем, — сказал Минька.

— А детдом? С ним как быть?

— Мне домой надо.

— Не пойдёшь, не посмотришь, какой он?

— Незачем.

— Я, брат, так и думал. Завтра дело справлю. Послезавтра двинем.

— Завтра бы, — дрогнул голосом Минька.

— Эко торопишься. В кино ходил бы, в музей.

— Проживаться тут.

— Это верно. Город деньги любит. Да и кони сенишко съели. Завтра я с утра всё сделаю — и двинем. А завтроно скажем, что убёг. Скажем так?

В деревню вернулись вечером. И хоть спать клонило и в тепло тянуло, выпряг Минька Гнедка и остыть поставил у столба. Всё ждал — вот выйдут бабка с Лидкой, помогут хоть ворота закрыть и оглобли подвязать у саней, но так и не дождался. «Придётся выговор дать», — обиделся он и вошёл в избу. Бабка лежала на койке и охала.

— Ох, Миня, не встретила тебя, вовсе хворой стала. Встать уж не могу. А та, полыса-то, в клуб наповадилась. А в клубе-то парень чужой, дак, говорят, пристаёт к ней.

— Это какой ещё чужой? — устало ворочая языком, спросил Минька и присел на край бабкиной кровати.

— Боюсь я, Миня, выскочит она за него. А рано. Рано-то, как рано! Я, слава богу, семнадцати, а ей-то, ох-хо-хо. Беда это, Минька. Пошёл бы ты к Спиридону, да с им и отсоветовали бы. Потерпела бы ещё маленько нужду-то. А то от нужды да к горю.

Распоясанный, с мешками в руках, с осунувшимся лицом — веки так и норовят закрыть глаза — сидел Минька подле бабки и не знал, что предпринять. Кто, кроме него, ввяжется в такое дело, кому надо?

— Она ничего не взяла с собой? — спросил Минька и полез в бабкин ящик. Тут ли платье, тут ли исподнее, тут ли косынка летняя. Перерыл бабкины тряпки и не нашёл ничего.

Подпоясавшись Минька потуже и, не говоря ни слова, вышел из избы. В клубе пять-шесть парней резались в очко. Столько же девок в другом углу шептались и хохотали и, как Минька вошёл, замолчали.

— Тут Лидка не была? — спросил.

— Была да сплыла, — ответила толстая девка. — Пропас ты сеструху свою. Её, может, и в деревне уже нет.

— Да тут ещё. Собираются, — сказала другая. — Беги к Бекетовым живее.

Минька и дверь клубную не закрыл за собой. С крыльца на сторону соскочил и что было духу понёсся в дальний переулок, только снег под ногами хрустел, притаявший за день. За ставней свет горел, и Минька заколотил нетерпеливо.

— Кого надо-то? — слышалось из избы.

— Лидку, Лидку! Откройте.

В избе былолюдно. Скамьи и табуретки заняли соседские бабы и ребятишки, все загадочно и удивлённо уставились на Миньку.

— Ох-хо-хо! — досужно поохала баба.

— Где наша Лидка? — спросил Минька.

— Нету Лидки, нету.

— Опоздал, Минька.

— Проездил сестру-то.

— Дитё ведь ещё.

— А ты, парень, успокойся. Может, это к лучшему, жених-то хоть и староват, а из семьи порядочной.

— Да что он староват? В двадцать-то пять годков?

— Толкуйте дитю, что он теперь сможет?

— Сейчас только уехали, — шепнул ему парнишка-одноклассник.

Миньке почудилось, что дух Лидкин ещё живёт тут, что следы её у порога ещё горячи. Что лица-то баб не разгладились от улыбок, с которыми проводили они Лидку за ворота.

— Да во что она хоть оделась-то? — не зная, о чём говорить, спросил Минька.

— Всё есть на ней. Некорыстно, да собрали. Шубу хозяйскую вернёт, как приедет виниться.

— А в какую деревню?! — спросил Минька.

— Да в Курдюмы. Верст сорок будет.

— Ы-ы-ы! — басовито и надрывно рыкнул Минька, и все, кто в передней и на печке были, повысыпали, думая, что Минька реветь будет. — Ы-ы! — нервно затрясся Минька, но слезы не проронил, только побледнел больше, но тут на ум пал ему Спиридон. Спиной Минька торкнул дверь, она чавкнула, пристылая, и скрыла Миньку в сенной темени. Кто-то сказал:

— Погорюет маленько и забудет. Дитё.

Подхваченный попутным ветром, Минька бежал в другой конец села. Ветер трепал полы шубёнки, уши шапки хлопали по щекам, ноги каменно отяжелели, когда он забрякал в колечко ворот Спиридона.

— Кто там? — раздался голос Насти.

— Я, тётка! Минька. Дома ли дядя Спиридон?

— Нету его, нету. В сельсовет ушёл. Ступай домой.

— Дома он, дома! Конь-то прыскает. Мне шибко надо его. Тётка-а-а!

— Нету, говорю. Ступай. Это наказание одно, а не работа.

Видно, по голосу узнал Миньку Спиридон и вышел на крыльцо, покашлял и высморкался.

— Кто там меня?

— Ну, Минька же!

— А, Михайло. Сейчас.

— Лидка убежала! — сказал Минька, лишь порог переступив.

— Как это убежала? Из дому, что ли, убежала?

— С чужим парнем!

— Это ино дело. Я думал, так куда, от нужды. Ну, да так и так от нужды. Ах ты, невеста без места.

— Догонять надо.

— Миня, а может, так и надо.

— Нет и нет! — отчаянно заревел Минька.

Спиридон побряхтел, походил по избе, пожимая плечами, и пригласил Миньку:

— Ты ведь, Миня, не жевал ничего. Садись, поешь горячей картошки.

— Не хочу, — замотал головой Минька.

— Садись, говорю. Не сядешь, не поеду.

Минька сел за стол, но так рук и не поднял.

— Ехать надо, Настя. Ты не сердись на меня. Такое дело. Мне вот тут прострелила эта новость, — показал на грудь. — Девчонка же! Только что, говоришь, уехали? Догоним и через час дома будем.

Жених с невестой остановились на ночлег в соседнем селе у жениховой тётки. Когда Спиридон и Минька вошли в избу. Лидка сидела за столом в розовой кофте с чужого плеча. В светлые волосы вплетена алая лента, а на руке поблёскивало серебряное колечко. Она покраснела вдруг и стала вытираться платочком, пряча в нём лицо.

— Ну, здравствуйте, хозяйева, — сказал Спиридон, стряхивая с себя доху.

— Проходите-ка, садитесь, — сказал хозяин. — А я где-то, мужик, тебя знал.

— Я председатель Осинковского сельсовета, — пояснил Спиридон.

— А! — протянул хозяин. — А я здешний тракторист. Видно, встречались на совещании каком-нибудь.

— А вы-то кто будете, молодой человек? — спросил парня Спиридон.

Парень не снял ещё с себя солдатской гимнастёрки, очень простиранной и короткой. Свежий подворотничок обтягивал налитую шею.

— А я вот за невестой ездил в ваши края, — кивнул он на Лидку и засмеялся, став сразу проще.

— Ага. За невестой, — потупился в пол Спиридон. — Как, подходящая ли невеста? Зыбка-то есть для неё?

— Велика ли между ними разница, девять лет. Редко ли это? — сказал хозяин. — Поживут пять лет и сравняются.

— Ага. Значит, сравняются, — расходился Спиридон. — До цвету, брат, срываешь. А! Зелень несозрелую косишь.

— Понравилась, — широко улыбнулся парень в ответ.

— А я вот властью разом покончу с этим. Ей два года до совершеннолетия. Ты думал об этом?

— Ну, как, мы думали об этом? — весело обратился парень к Лидке.

Лидка голову опустила ниже, мельком глянув на парня и насупившись, что означало: всё решено без вас и не мешайте нам.

— Чего ты сама-то скажешь? Да что тут спрашивать. Ясное дело, обманул, калачиком поманил дурочку. Давай вылезай из-за стола и одевайся. Потом скажешь спасибо.

Всё это Спиридон проговорил решительно и приказно, и даже пальтишко Лидкино схватил с гвоздя и бросил ей на колени, даже за руку её, как ребёнка, взял и поволок из-за стола, но Лидка вырвалась и уселась на прежнее место, рукой перчеркнув сторону, где были Осинки.

— Нету мне дороги туда, дядя Спиридон. Кому я там нужна? Ну, кому? Миньке одному, так он и сам от горшка два вершка. И не удерживайте меня, не удерживайте! Вишь, отец нашёлся.

Лидка губами зашевелила, как бывало с ней перед слезами, но гнев её оказался

сильнее. Она не могла найти места рукам своим: то клала их на стол, то на груди сплетала их, желая казаться взрослой и самостоятельной.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? — грозя пальцем, кричал Спиридон.

— Не учи, понимаю, — отвечала Лидка.

— Что ты понимаешь?

— От смерти ухожу. Спасителя своего нашла. Опору надёжную.

— Ты чьи слова-то говоришь? Ты бабьи слова говоришь. Так они тебя провожали?

— Нянькой буду, стряпкой буду, всё буду делать. Не молчи же! Дима! — с отчаянностью она обратилась к жениху, и тот поднялся из-за стола, одёргивая гимнастёрку.

— Выйдем, прохланёмся, председатель, — сказал он.

— Не-е-т, — протянул Спиридон, — ты здесь объяснись. Или у те в своей деревне нет подходящей девки? Или брак какой у те? Объяснись, изволь.

— Да нет. Без брака, — ответил парень, — а поговорить можно и тут. Говоришь, молода шибко, жертва, значит. Ну и понимай, и я так понимаю. А что из нашего понимания? После войны всюду жертвы, куда ни ткнись. Я вот тоже жертва — вдовый остался. Померла и дитю оставила. Она сказала, в няньки идёт. И нянькой будет, и женой, и коровницей. И я ей обо всём этом рассказал, не прятал. Ну и по сердцу пришлось мне за глаза её тоскливые, за тревогу в них... И сказал ей: никогда не обижу. Никогда! Знаю, что боится меня. Я вон какой рыжий. Я как подсел в клубе к ней, она аж в стенку вцепилась. Я спрашиваю, как тебя звать, она и сказать не может. Я говорю: Лидкой тебя звать. Я же ведь спросил уже, я же позавчера ещё глаза твои заметил, я, говорю, замуж тебя хочу взять. Пойдёшь ли, говорю, на ребёнка, на хозяйство? И тут она от стены отлепилась и выпалила: пойду! Да ты меня, Лидка, не знаешь, говорю, да и за сорок вёрст отсюда. Пойду, говорит, хоть за двести. Ты говоришь, своих девок у нас полно. А я и жениться не собирался, хоть и дитё. Мать у меня есть. Ходил бы по разным, шлёлся. А вот увидел горе, горе на горе набрело. А может, из их счастье слепим. Я не связал её, не украл. Правда, бабке не сказались, парню вот этому. Ну, она сама этого желала. Говорит, чтоб разом со старым покончить.

— Да сама же, сама же я! — воскликнула Лидка, прижав руки к груди.

— Ну вот, а теперь одевай её, где пальтишко-то? Одевай, председатель.

Слово о вдовстве сократило Спиридонову напористость, он пристальней заприглядывался к жениху: парень, как многие, не из бравых, не глуп, видать, и воевал неплохо, по медалям — до Берлина дошёл. Спиридон смутился, завертел в руках самокрутку и спросил невпопад:

— У те девка или парень?

— Мужик трёх лет.

— Парнишка — это хорошо. Парнишки с неродными матками лучше девчонки живут, — заметил Спиридон и почесал затылок. — А ты как, зарегистрироваться намерен?

— А как же, — ответил парень. — Только ведь не запишут пока.

— Ты обязательно распишись, как время придёт, — сказал хозяин дома, и хозяйка добавила:

— Без этого нельзя никак. Не пойдёт без того, Димка, вроде на обман будет походить. Как-нибудь через знакомство, заплати тому человеку, не поспешишь, согласится и годишек-то ей набросит.

— Ну дак как же, Миня, твоё-то мнение? Чего же мы брата не спросим? — обратился к Миньке Спиридон.

И все в доме, забыв было о парнишке, поглядели на него, сидящего у порога на табурете. Он засмутился, но забота не покидала его за всё время разговора, он тревожно думал о том же, о чём думали и говорили взрослые. Он поднялся, как поднимаются из-за парты школьники, и махнул рукой, болезненно улыбнувшись.

— Не поедет она назад, знаю её, — заговорил он. — А ты, Лидка, всё-таки подумай. Ты сперва распишись. Вот.

— Дак о чём мы и толкуем, — сказал Спиридон.

— Ты, дядя Спиридон, председатель. Ты бы и расписал их. Распиши их, а, распиши, — умоляюще обратился Минька к Спиридону. Даже руку протянул к нему.

— Я! — положил себе на грудь руки Спиридон. — А ведь это, пожалуй, идея. Ну и голова же у тебя, Миня! А приезжайте-ка через день-другой в Осинки. А я уж грех этот на себя возьму.

— Ну вот как хорошо, вот как ладненько получилось, — обрадовался хозяин дома. — Давай-ка, председатель, садись в передний угол. Мать, неси холодненькой с улицы. А ты, сват, сватом ведь теперь можно тебя назвать, ты, Миня, вот сюда садись, рядом с сестрой. Посидите-ка, не часто теперь придётся сидеть за одним столом. Экой ты, брат, парень смышлёный. Задал ты своему председателю задачу.

— Ты его, хозяин, не Миней зови, ты его Михайлом Ивановичем, — сказал Спиридон. — Этого обучила беда, далеко пойдёт. Этого только отпускать никуда не надо. Этот нам такого хлеба наробит. Вот ведь что я пророчу тебе. А пока и тебя, Миня, годочка на два состарю, и поедешь ты боронягой нынешней весной. Ведь ездил маленький-то?

— Ездил, — ответил Минька с достоинством.

— Значит, легче тебе прожить. А индивидуальность — это пока. Не пойдёт теперь это дело, как ни нажимай. Поиграли вроде с хомутом этим, поросли, подумкали — хватит. А давай-ка за всё твоё хорошее и за твоё, Лидка, выпьем. Тебе, Миня, разрешаю, сеструху ведь выдаешь замуж, ну хоть с напёрсток.

Все чокнулись с Минькой, как со взрослым, а с Лидкой он сам чокнулся особо, постоял ещё немного и вдруг неожиданно поцеловал её в щёку. Задохнулся Минька от малого глотка. А Спиридон мягкий ломоток ему сует:

— Дыши!

Упился Минька ароматом хлеба, слёзы с глаз вытер, чтобы никто не увидел, и закусил горячим пельменем из Лидкиной тарелки. Так они и ели из одной посуды, как ели всегда дома, ели, на последнюю минуту соединённые. Ели, обожжённые непривычным вином и забывшие всех вокруг, хотели сказать друг другу что-то и не находили слов, заедая неловкость горячей пищей. Вокруг смеялись, разговаривали — они ничего не слышали. Волосы склонённых голов спутались, рождая ласку и доброту. Минька вдруг поднялся из-за стола и радостно воскликнул:

— Чёрт подери! Чуть не забыл!

Он надёрнул на себя шапку и выскочил на улицу.

— Коня пошёл поглядеть. Хозяин! — проводил его добрым взглядом Спиридон. Минька вошёл в избу с мешком. Со дна его достал платок, развернул, всплеснул им так, что углом одним платок на кровать лёг, а другим разметнулся летним лугом по полу.

— Вот, Лидка, тебе. Бери, — сказал он, а Спиридон руками замахал.

— Получай, Лидка, Минькин подарок! Ради него брат сто вёрст отмахал. У! Красотища-то какая!

— Гарусный! — воскликнула хозяйка. — Таких теперь днём с огнём не найдёшь. А новешенек-то!

— Неношенный, — сказал хозяин.

Жених взметнул платок к самому потолку так, что ветерок по избе прошёл, и набросил его на плечи Лидке.

— Идёт-то как тебе, Лидуха! Это, Минька, ты здорово сообразил. Это на долгую память. Так, что ли, Миня!

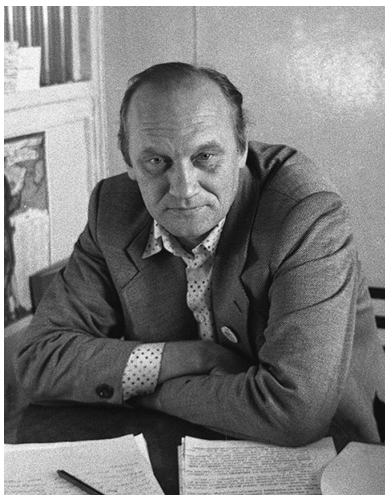
— Это чтобы жили вы дружно, — сказал Минька и поглядел внимательно на парня. — И чтобы жалел ты её.

Когда распахнулись ворота и Минька со Спиридоном выехали на улицу, проводить их вышли все и пожелали доброго пути. Лидка стояла поперёд всех и плакала навзрыд. А Минька вскакивал на санях и, пока не свернули в переулок, кричал одно и то же:

— До свиданья, Лидка! До свиданья, Лидка!..

РОСТИСЛАВ ФИЛИППОВ

Если я когда-нибудь воскресну...

* * *

Скучные сибирские вокзалы
С цыганьём с семи и до семи.
Скучные сибирские базары
С тёмными кавказскими людьми.

А живут в Сибири только дуры.
И, конечно, только дураки.

Ведь везде — низки температуры,
Ведь повсюду — цены высоки.

Про себя я тоже точно знаю,
Что сибирский валенок, дурак.
Но Сибирь — страна моя родная,
И уж не расстаться нам никак.

ФИЛИППОВ Ростислав Владимирович (1937–2006). В 1960 г. окончил факультет журналистики МГУ. В 1965 г. обратил внимание на своё творчество после участия во Всесоюзном литературном семинаре в Чите, вошёл в так называемую «Иркутскую стенку», наряду с участвующими в данном семинаре литераторами-земляками: Александром Вампиловым, Валентином Распутиным, Леонидом Красовским, Геннадием Машкиным. В 1966 г. был принят в Союз писателей СССР. С 1967 по 1977 г. был заведующим Читинского филиала Восточно-Сибирского книжного издательства. С 1977 по 1984 г. был главным редактором Восточно-Сибирского книжного издательства (Иркутск). В 1979 г. вошёл в редакционную коллегию книжной серии «Литературные памятники Сибири» Восточно-Сибирского книжного издательства (Иркутск). С 1984 по 1993 г. был ответственным секретарём Иркутского отделения Союза писателей СССР. Автор книг: *«Завязь»* (Иркутск, 1964), *«Стихи»* (Чита, 1967), *«Солнечная пурга»* (М., 1969), *«Сосновая провинция»* (Иркутск, 1969), *«Я к вам с друзьями»* (Иркутск, 1972), *«Выбор»* (М., 1974), *«Сибирские ямбы»* (Иркутск, 1976), *«Круг повседневный»* (Иркутск, 1983), *«Пятьдесят превосходных стихотворений»* (Иркутск, 1994), *«Красная сотня»* (Иркутск, 2005).

* * *

Крестовоздвиженская, белая!
Да будет вечен твой узор...
Его, видать, рука несмелая,
Осмелившись, внесла в простор.

Она как будто опасалась,
Творя, природе помешать.
Ей, доброй, может быть, казалось,
Что грех природу украшать.

У этой творческой несмелости
Хватает силы с давних пор

Камень из окаменелости
Перерождать в живой узор.

Смотрю — и светом душу потчую,
Не устаю благодарить
Того, кто смог такую прочную
Из камня хрупкость сотворить.

Искусство — редкая возможность
Соединять без суеты
Два мира — слабость и надёжность
В просторах русской красоты.

* * *

Такое дело — жить... В него впрягли
Меня давно. Люблю я это дело.
И ни к кому из всех людей земли
Не знаю зависти — ни чёрной и ни белой.

Потребуется — буду я солдат.
И до последнего, как говорится, вздоха.
Работаю неплохо, говорят.
Да я и сам уверен, что неплохо.

Какой я друг — не мне о том судить.
Быть может, и не очень-то хороший.
Но тех, кто мне доверился в пути,
Я не бросал. И никогда не брошу.

За всё за это для судьбы своей
Одно прошу, прошу одно и то же:
Не дай мне, Боже, пережить детей!
И снова я прошу: не дай мне, Боже...

* * *

Открывается Байкал из окна вагона.
Синий, красный, золотой — древняя икона.

В этот миг, и в этот век,
в этот мир просторный
Он являет строгий лик —
Спас нерукотворный.

И тревожит, и томит, словно весть о чуде,
Всё, что было, всё, что есть,
всё, что дальше будет...

* * *

Когда в печи твоей румяной,
смеясь, сжигал за годом год,
о Юность! — верил я упрямо:
меня поэзия спасёт.

Когда лирических колосьев
в душе случался недород,
я верить всё равно не бросил:
меня поэзия спасёт.

Когда терял жену и друга,
когда горел мой алый флот,
я всё равно упрямо думал:
меня поэзия спасёт.

Но не спасла и не спасала.
Другие у неё дела.
Спасибо, что не оставляла,
поддерживала как могла.

* * *

Много добрых душ на свете.
Каждый рвётся дать совет:
как жениться по газете,
как детей являть на свет.

Мол, понять не так уж сложно,
что хранить и что забыть.
И в каком объёме можно
мне отечество любить.

Что готовить к славным датам,
где служить, во что играть.
И какого кандидата
в депутаты выбирать.

Но старик-сосед заметил —
и, конечно, по уму:
«Много добрых душ на свете.
Кто-нибудь сведёт в тюрьму...»

Въезд Господень в Иерусалим

Снова въезд во Иерусалим...
Ни ура, ни почести, ни сплетни.
Нет Пилата — срочно убыл в Рим.
Нет Иуды — на Москве советник.

Пётр с базарной рыбою пришёл.
Сбор на ужин. Хлебопреломленье.
Что Фоме все чудо-исцеленья?
Рад, что закупил норсульфазол.

Пётр ушёл на рынок за съестным.
Иоанн побрёл в библиотеку.
Марк — в Сбербанк. Фома убёг в аптеку.
Полн соблазнов Иерусалим!

Марк узнал — Иуда и Пилат
Целовать и руки мыть на день бы
Съехались, но... Словом, нужен вклад.
Где же мы возьмём такие деньги?

В храме пусто. Все свои дела
Торгаши с Тех Пор таят по биржам.
Покормить бы где-нибудь осла —
Надо ж позаботиться о ближнем.

Так. Не ко двору. Не суждено.
Как им жить — заботушка не наша.
Не спасти их. Миновала чаша.
Всё цивилизовано давно.

Вот и дом богатый. Он спросил,
В двери кротко постучав три раза:
«Здесь живёт небезызвестный Лазарь?
Я его когда-то воскресил».

Господи! Я знаю край такой,
Где, устав от разных революций,
Все хотят спастись, и за Тобой
Все охотно шествовать кланутся.

Строго донеслось из-за двери:
«Лазарь Моисеевич в отлучке.
Говорят, он снова умер. И
Сам воскреснет, если пост получит».

И, тебя увидев наяву,
Всенародно, самой малой кровью,
Предадут. Потом распнут. С любовью!
Господи, войдёшь ли во Москву?

* * *

О, не в душе и не в стихотворенье	И медленную радость поцелуя
Тебя увижу, милая моя,	За быструю разлуку отдаю.
А где-нибудь в тени дождей осенних	
При жёлтом свете листьев и жнивья.	А мир такой бессмертный и чудесный!
	А ты такая милая моя!
Вот я иду. Куда иду? Иду я...	И если я когда-нибудь воскресну,
Вот я пою. О чём пою? Пою...	То всё же снова это буду я...

* * *

По узбекскому небу ярко солнце бежит.
А в узбекской земле моя мама лежит.

У могилы её — два цветка полевые.
Рядом — Шёлковый путь протянулся в Россию.

Он невидим и видим, он простёрт по утрам
мимо древней мечети за подкрашенный храм.

Часто вижу во сне: под луной, молодая,
ходит мама по шёлку, невесомо ступая.

Подожди меня, мама. Я покину свой дом,
я приеду, я скоро, мы все вместе пойдём.

И пойдём мы с тобою в простор бесконечный,
в свет, где Шёлковый путь переходит во Млечный.

* * *

Я пригляделся. Я подвёл черту.
Крутым шестом в разгон оперся оземь
и полетел разбойно в высоту —
на восемь метров. Ахнул мир: «На восемь!»
Давно я знал, что всех перешибу,
что будет выше всех моя зарубка.
Увидел я, как нервно сплюнул Бубка
на стадион и на свою судьбу.

Меня мой город встретил и обнял.
Моей страны администратор главный
успешную попытку предпринял
попасть со мною на плакат рекламный.
Стал торговать я славою своей,
и сам не ожидал, что так искусно.
Я денег дал на храм и на искусство,
и на приют для брошенных детей.

Всё вовремя сошлось: и мой прыжок,
и возвращенье к Ветхому Завету
моей страны. Я подгадал. Я смог.
Всё — под рукой. А вот бессмертья нету.
Моей душе покоя не дано.
Жизнь не сводима к одному поступку.
Выходит, зря я перепрыгнул Бубку —
до неба недопрыгнул всё равно.

* * *

Какой ни есть, мы всё-таки народ.
Ну, не народ. Но всё-таки не сброд.
Ну, ладно, сброд. Но всё-таки живёт
среди нас хотя б один такой калека,
который хочет возвести в себе
высокий храм, достойный человека.
Поэтому-то верю я судьбе,
пусть против нас и двинутся в поход
все черти века и все ведьмы века!

* * *

Дым — вонюч. Дорога — грязь. А люди —
свалка жадных глаз и нечистот.
Что же, доченька, с тобою будет?
Кто тебя укроет и спасёт?

Вот сидит, уныло взгляд ломая
об углы немытого жилья,
женщина. Ты говоришь ей: «Мама!»
То, скорее, мачеха твоя.

Вот мужчина. Не болезный вроде,
да понутив голову сидит.
Это я. В отцы тебе не годен.
Тот отец, кто дочку защитит.

Но душе подняться невозможно.
Вся — рваньё. И тяжко бросить прочь.
Девочка в окно глядит тревожно:
«Папа, ночь!» Да. Ночь. Конечно, ночь.

Спи, малыш. Я плачу от бессилья.
Ты во сне не вздрагивай. Хотя
снова будет тёмная Россия
за окном пугать моё дитя.

Наглая, торгашная, блатная,
жадная до денег и питья.
О другой России — мало знаю.
Вижу только: это вот моя.

И молчу я. И мечтать не смею,
что иное время настанет,
что с румяной девочкой моею
новая Россия подрастёт.

Ночь пройдёт. И утро нас разбудит.
И попросит дочка погулять.
Девочка, ну что с тобою будет?
На кого тебя мне оставлять?

* * *

Вот я, Господи! Прости меня, я грешен, потому что был с любимой нежен, Но оставил где-то по пути одинокой... Господи, прости!	на своём оставшемся пути. Был утешен... Господи, прости!
Вот я, Господи! Прости меня, я грешен, что вином зелёным был утешен	Вот я, Господи! Прости меня, я грешен, что в слезах отчаянья замешан трудный хлеб мой при конце пути. Трудный хлеб мой... Господи, прости!

Именины

*27 марта день памяти святого благоверного
моравского князя Ростислава, единомышленника
и защитника «учителей словенских» Кирилла и Мефодия*

У меня сегодня именины.
И стакан, как водится, подняв,
говорю я: «Здравствуй, мой былинный,
благоверный княже Ростислав!»

Жаль, что я в твоей Мораве не был.
Не встречались мы во все века —
потому что ты давно на небе.
Я же на земле живу пока...

Рад, что были в службе, а не в свите
у тебя Мефодий и Кирилл.
Был ты щедрым в хлебе и защите
и на подвиг их приободрил.

И явились в мир из сочетанья
духа, почвы, бытия и снов
наших слов словенских очертанья,
образа предвечных наших слов.

О глаголы счастья и страданья!
С той години и по наши дни
согревают жизнь и мирозданье
духосотворённые они!

Их деянья весело и веско
отозвались в нашей стороне —
в Пушкине, Толстом и Достоевском,
в Бунине, в Распутине, во мне.

И пускай до самого исхода
мы не знаем, что нам предстоит.
Но о судьбах мира и народов
Бог уже по-русски говорит.

* * *

Матерятся женщины в трамвае.
Каждая погуще норовит.
Этот мат, дыханьем согреваем,
в небеса, как мятый пар, летит.

Там они уже не митингуют,
а торгуют все наперебой.
Верой очень прибыльно торгуют.
Родиной. Другьями. И собой.

В небе Матерь Божия дивится:
видно, сильный в душах-то пожар,
если возле ног её клубится
этот из России смрадный пар.

К Сыну Богородица подсела:
«Торгаши с менялами, сынок,
снова в храме моего удела.
Ты опять бы выгнать их помог!»

Добрая защитница России
попросила ангела: «Слетай,
повстречайся с ними, расспроси их —
что там за несчастье через край?»

И ответил Сын её всеильный:
«Не примите, Матушка, в укор,
но не вышло храма из России,
да и не выходит до сих пор.

Возвратился ангел, тихо ахнул.
Короток был ангела отчёт:
что встречался. Что послали дальше.
Очень невоспитанный народ.

И никто ей больше не поможет,
если даже своего Христа,
слышите, как в суете корёжат
русские нетрезвые уста».

* * *

Что осталось? Весёлая дочка
и живая вода из ручья,
да удачная давняя строчка,
о которой всё помнят друзья.

Да ещё деревенское: «Здрасте!»
и Байкал, словно сон наяву.
Мне достаточно этого счастья.
Я доволен. Я жил. Я живу.

* * *

Я невзгодные дни коротаю,
И мне думать уже не с руки,
Что люблю этот город картавый
На излучине холодной реки.
Эх, душа бы ещё повитала,
Да прибило её до поры.

Может быть, равнодушие Байкала,
Может быть, чужина Ангары.
От того-то душа и томится —
То в житьё пропадёт, то в питьё.
Это ангел, наверное, злится
На неё. На неё... На неё...

* * *

Райская птица сказала мне так:
«В рай, дорогой, не прорвёшься за так,
Там ведь и слева, и справа
Грозные ангелы, Слава».

Рдели зарницы на тонких крылах...
Райская птица сказала мне: «Ах,
Жил ты, не думал о добрых делах.
Вот бы одно бы хотя бы...
Мы бы прорвались туда бы!»

Надо же! Райская птица! В неё
Злачно глядело жульё и пьяньё
В цирке, в пещерном отсеке,
Крепко заплёванном всеми.

Пахло тут выгулом, как ото пса.
Грязно хрипела с экрана попса...
«Ладно, — сказал я несмело, —
сходим на доброе дело.

Может быть, женщину ту полюбить,
Что обещала единственной быть?»
Птица ответила: «Шлюхи
Все они, вплоть до старухи!»

«Вот что! Я с миром природы солюсь.
С полем, с тайгой — ну разве не плюс?»
Райская птица сказала:
«Ты не Дерсу. Не Узала».

Да уж... Я водки стакан заказал,
Выпил его. Завязал. И сказал:
«Выйду из мира. За дверью
В Бога возьму и поверю!»

«Ты-то согласишься ему, как судьбе,
А вот поверит ли он-то тебе?»
И райская птица вздохнула
На спинке железного стула.

Значит, для рая не вышла пора.
Снова — привычно жилая нора,
Скука рабочего дома,
Штучный отдел гастронома...

Райская птица поёт иногда.
Жаль мне, что в скучные эти года
Все, кто пока ещё дышат,
Не видят её и не слышат...

* * *

Так в душе неуютно и розно.
Веры нет ни властям, ни вестям.
Словно ночью глубокой морозной
Одиноко бредёшь по путям.

Мы когда-то и были, и жили,
А теперь хоть кричи, хоть свисти.
Лишь блещут ни свои, ни чужие,
Но железные эти пути.

* * *

Всюду — во саду ли, в огороде,
Там, где город или где село,
Вся моя душа от них уходит.
Что случилось, что произошло?

Ведь из тех же были человеков,
Что всегда являли чудеса
И любых вождей, и стройки века
Сразу поднимать на голоса.

Петь, конечно, дело неплохое.
Да вот знать бы только — петь о ком...
Что ж, и мне случалось в общем хоре
Подпевать, где надо, тенорком.

Ладно. Я газеты их листаю.
По наклону ихних глаз и фраз

Очень даже вижу: сбились в стаю,
Строго ненавидящую нас.

Потому так ядовиты строки,
Что у нас остались позади
Не совсем уж бросовые стройки
И не вовсе глупые вожди.

Значит, как тогда, в года былые,
Так теперь стоим мы — стан на стан.
Это — мы. Отечество — Россия.
Вон — они. Отечество — карман.

Эта чернь крушит и непогодит,
В храмах, как на рынках, мельтеша...
Потому душа от них уходит.
У меня брезгливая душа...

* * *

У меня на эту перестройку
И не удивленье, и не злость...
Николай Васильич!
Птицу-тройку
Тормознуть, конечно, удалось.
Хорошо нам пели и не пили,
Да с дороги сбились ямщики.
И уж точно — бестолковы были
И беспечны сами седоки.
Николай Васильич! Я не ною.
Что с того, что разорён наш дом?
Всё на свете — дело наживное.
Смерть — и ту, надеюсь, наживём.

ГЛЕБ ПАКУЛОВ

Из Байкал-моря к Иркутскому острожку

СКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ПРОТОПОПЕ АВВАКУМЕ

До устья Селенги со множеством протоков, густо заросших камышом, доплыли без больших помех и левой её протокой вынеслись в спокойные воды Байкала и тут, на берегу его, увидели несколько балаганов, крытых травой и тростником, а возле них дымки костров и несколько мужиков. На песчаном отмыске четверо бородатых парней в синих рубахах, низко подпоясанных красными опоясками, колдовали над перевёрнутой плоскодонкой: конопатили, промазывали смольём, ещё двое перебирали сети. Завидев лодку с большим крестом Господним на носу, все они бросили работу и понеслись к приезжим, взмётывая песок голыми ногами и громко крича. И от балаганов, спрыгивая с берегового уступа, подбегали русские люди, здоровствуясь и кланяясь. И приезжие им кланялись, а протопоп благословлял их всех стоя, «яко на водах», в своей лодке. Люди вбрили в Байкал по грудь, ухватились за низкие борта плоскодонки и поволокли её на песок, а там и дальше на взгорок — подальше от воды на случай шторма. Они колготили, перебивая друг друга, ширили глаза на случайных гостей, особенно на священника с крестом в руке, и снова кланялись, радостно и белозубо скалясь.

ПАКУЛОВ Глеб Иосифович, прозаик, поэт (1930, станица Бусеевская Амурской обл. — 2011, Иркутск). Автор книг прозы: *Тиара скифского царя*: повесть (Иркутск, 1970); *Горнист Чапая* и *Сказка про девочку Лею...* (Иркутск, 1971); *Варвары*: роман (Иркутск, 1976); *Глубинка*: повесть (М., 1981); *Останцы*: рассказ (Иркутск, 2002); *Гарь*: роман (Иркутск, 2005; М., 2010); поэтич. сб. *Славяне* (Иркутск, 1964: Бригада). Член Союза писателей России.

<...> Пришли к шалашам. Терентий усадил всех за два сколоченных из осиновых жердей стола, а когда принесли из тенёчка ладненький котёл с ухой, ещё не остывшей, дал каждому по ложке деревянной, ухватистой, на большой противень выложил куски осетрины, а протопопу на дощечке подал уваренную долгоносую голову.

Ели жадно, ложки так и порхали над котлом: редко приходилось что-либо варить в дороге, нечасто приставали к берегу — боялись туземцев, вдруг да наскочат врасплох, а ружей Аввакум не взял, хотя и предлагал ему воевода, мил человек Илларион Борисович. «Моё оружие — крест Господен», — сказал ему тогда протопоп.

Похлебали шулюю, принялись за рыбу. Аввакум разбирал руками осетриную голову, поднесённую ему из почести, наслаждался нежным мясом, высасывал из неё костяной сладкий мозг, хрумкал мягкими хрящами, испачкал жиром руки, он тёк по запястьям в рукава ряски. Терентий подал холщовый утиральник ему и матушке, прочие обходились кто рукавом, кто подолом рубахи.

— Скусна рыбка, — поддакивал Терентий, светясь радостью, наглаживая библейскую бороду. — В сковородке жарить никак не сподобно, всё жир будет.

Наелись, отяжелели путники. Терентий устроил их по балаганам — спите до утра, а нам ещё надо лодку вашу подправить да запоры, на рыбу оставленные, проверить, сети перебрать, сенца на постели подкосить. Спите...

Один Гаврила не укладывался, попросил у Терентия взять пару кусков рыбих, покормить узника.

— Ну чо же, надоть, — вздохнул староста. — Хоть и грешник, а в ём, кака-никака, всё ж человекова душа мается.

Аввакум по привычке поднялся рано. В шалашах было тихо, сладко спалось людям на утренней зорьке. Спустился к Байкалу, воткнул в песок сошки, утвердил на них свой походный ставенек иконный, сделал «начал» — земно поклонился на восток гробу Господню и стал на утреннюю молитву.

<...> Едва начало светать, мужики подняли лодку, снесли её на воду, кормщик распустил парус, и под утренним ветерком-потягом, что слабо дует по-над водой, поплыли по спящему, едва тронутому застенчивой отзорью морю.

Медленно отдалился берег с молчаливой стайкой провожающих, а люди в лодке жались в своих немудрёных одежках от свежего байкальского утренника. Вкрадчиво шелестела, взбулькивала под днищем вода. Казаки хохлились всяк на своём месте, молчали, Марковна что-то вполголоса рассказывала детям, да Аввакум тщетно пытался разглядеть берег, к которому правил кормщик Гаврила, и не мог. Не скоро проглянули освещённые солнцем далёкие хребты гор и тёмный под ними берег, но, почуяв восход, вода отдала туманом, он зазыбился над ней во всю ширь, отсёк от глаз всё другое, оставив в небе парящие огненные вершины. Всё выше взбиралось солнце, и Байкал заиграл яркими бликами, люди обогрелись, задремали, надвинув на глаза лёгкие шапчонки.

<...> Сидел Аввакум, думал о своём и невольно улавливал певучий говорок женушкин. Для неё, оказавшейся с детьми в лодке, не понять — застывшей среди безбрежного океана или незаметно плывущей незнамо куда — было тревожно за детей, пусть взрослых, но таких незащищенных в этом чуждом без надёжных берегов просторе, который, она чувствовала это, таил в себе, в глубине себя, несказанные страхи, и надо было от них уберечь своих чад, а как — не знала, потому-то и нашёптывала всё то, что нашёптывала когда-то им, малолеткам. Иван с Прокопом

сидели по бокам матушки, слушали её из сочувствия к её страхам и беззаботно улыбались. Иван дотрагивался пальцами к верхней губе, к едва-едва пробившимся усам, снисходительно щурил на Прокопку весёлые глаза.

— Ещё эвот чо деется, — шептала, как секретничала с детьми Марковна. — Кошка в лукошке ширинки шьёт, кот на печи толочно толчёт...

Прокоп, разморённый на солнышке, потянулся, зевнул и продолжил знакомое:

— А блошка банюшку топила, вошка парилася, с полка ударилася!

Ребятня прыснула в ладошки и впервые, как отчалили от станицы рыбаков-соболятников и пропал из глаз берег, отступил страх от сердца матушки, улыбнулась Настасья Марковна:

— Ой, да каво я вам сказываю, вы уж выросши. — Она, прижмурясь, оглядела в сплошь огоньках-высверках море. — Браво-то ка-ак! Поди-ка и тамо такое бывает...

— Где тамо, матушка? — живо спросила Агриппа.

Марковна посмотрела на протоппа, как бы испрашивая позволения, и начала:

— Видите крапинки живые по морю рассыпаны? Так-то бывает в Ирусалиме в навечерии Светлого дня: как начать петь литию, так сходит небесный огонь на гроб Господен. Перво засветится он в паникадиле христианском, что стоит у гроба Господа нашего, а потом по всему гробу рассыплется такими же крапинами, а с него на все восемьсот паникадил, которые в храме. Тут в руках православных христиан свечи сами возгорятся...

Примолкли дети, изумлённо глядя на солнечные высверки, и в их синих, как Байкал, глазах играли юркие зайчики.

— А ещё, ребятки, такое было, — продолжил Аввакум. — Армены-католико-сы, у коих пришёлся праздник на один день с православными христианами, дали туркам двадцать тыщ ефимков, чтоб они пораньше, до прихода православных, отомкнули им двери ко гробу Господню. Ну, а туркам-махмедам чего надо? Ефимки взяли, дверь отворили, а огонь не сошёл к арменам, а пал на руки инокине нашей веры, которая в то время прилучилась в церкви Воскресения Христова. Ей одной. Так-то сильна вера наша православная! А уж какая досада тем, кои прельстились духом католическим?! Отпали от истинной веры в Отца Света нашего.

— Батюшка, — как во сне проговорила Агриппа, — а пошто к Господу нашему двери те махмеды отворяют?

Аввакум погладил дочку по голове, опрятно увязанной в белый платочек, вздохнул:

— По грехам нашим гроб Христов пока в турецкой земле.

Слёзы полнили глаза Агриппы:

— Стану я инокиней, как та, — шепнула она и опустила ресницы. — Хочу, чтоб и мне на руки огонёк Божий.

Аввакум притянул её голову к груди, поцеловал в платочек.

— Ежели и не станешь ею, голубка, не печалуйся: огонёк с гроба Господня достаёт до всякого истинно православного сердца.

Жгло солнце, томило людей: ни дуновения, ни шороха в парусе. Стояла ли на воде без движения лодка или плыла по-над водой по густой тишине, сморённые зноем люди не гадали, ждали что будет.

<...> И подул попутный ветер, будто Байкал опростал безмерную грудь от долго затаённого выдоха, дождался, когда покинет лодку человек, огрузивший её злыми грехами, и дал ей лёгкий ход.

Поначалу налетая порывами, ветер подул ровно, парус напрягся, зашелестела под днищем вода, и от носа лодки побежали по сторонам два живых вспененных уса.

Казаки убрали вёсла, молча разошлись по своим местам. Молчали и другие, но молчание не было тягостным, в нём было жданное освобождение от извечной муки жалостливого русского сердца за плившего с ними в одной лодке злодея, рядом с которым незримо мостилась и страшная кара его.

На губах людей блуждала смутная улыбка сожаления с радостью, и сколько ещё времени гнела людей эта невольная участность к обретшей свой исход многогрешной душе, но натянутую гужами немоту ослабил кормщик Гаврила:

— Эх, Васёнок, худой поросёнок! Шейка копейка, алтын голова, по три денежки нога, вот ему и вся цена. Легко жисть покинул, не как казаки, што в руках его корчились в муках мученических. Да о нём слово доброе вымолвить — рот изгадишь, прости, Господи!

Аввакум что-то пошептал, перекрестился:

— Всюду Бог. А этот человеке не в Боге полагал укрепу свою. А приспела нужда рогатому и ухитил его падшую душу. — И осенил всех троекратно и призвал, глядя в небо: — Господи Боже сил! Восстанови нас, восстанови! Да воссияет лице Твое, и спасёмся!

В третий день как-то вдруг испортилась погода: ветер завывал и насвистывал в растяжках, разводил по морю белые кудряшки волн, и чем ближе подплывали к ясно видимому берегу, тем неистовее завывал баргузин. На лодку наваливались, подминая одна другую, вспененные горбины, она взмывала вверх и тут же ухала в чёрные провалы. Люди, смятые страхом, жались комочками друг к другу, лица побледнели и заострились, а над дикой пляской волн тоже взлетали и падали в брызги и пыль водяную радостно хохочущие чайки.

Гаврила не скоро присмотрел спасительный закуток за вбрешей по брюхо в Байкал бурой скалой, похожей на огромного медведя, ловко юркнул за него, и люди повыскакивали на песок. Только теперь, нервно смеясь и подбадривая себя криками, вцепились в борта лодки и отволокли подальше от воды. В заливишке было тихо и безмятежно, а что море ревёт и бухает совсем рядом, то пусть себе ревёт и бухает, расшибаясь об надёжного «медведя», вкатывается в заливишник косыми присмирёнными волнушками, ласково выплёскивается на песок и, как собачонка руку, лижет его, причмокивая. Пережив беду, народец осмелел, вспоминали, кто как геройствовал в бурю, подсмеивались над собою, но больше всего удивлялись капризному морю сибирскому.

— Отплывали, оно будто рубелем выглаженное стлалось.

— И глянуть-то больно было — сплошной лоск!

— А как закуролесило, завывло, что вражина!

Помор Гаврила, повидавший на веку всяких штормов, уважительно изрёк:

— Выжили, так непошто врать. Байкал, он особая статья. — Помолчал глядя изпод ладони на море. — А ведь стихает, угомонивается, знать избавилси-и... И то сказать, водица в нём — скрозь слеза чистая, как в Иордане освящённая. Святая вода.

— От чего, говоришь, избавился? — спросил увечный казак.

— Ну, прикинь, от чего, — посоветовал помор и сам же ответил: — Да от срамца энтого, Кривого. От ветха человечья, чтоб святость не завонил. Вишь, спокоится морюшко?

Всюду успевал расторопный Гаврила: развёл костёр, и вокруг огня уселись люди, приладил на тагане котёл, всыпал в него толчёного сухого мяса напололам

с мукой, выхлопал и развесил на кустах, разостлал на валунах лопатинку для просушки. Похозяйствовал, подсел к огоньку, протянул к нему ладони, накалил их и стал, как бы намыливая руки, втирать в них жар костра.

Поужинали. Море-Байкал лежало тихим, вечерело. Сидели казаки, примолкшие от сытости, глядели, как плавится на вечерней зорьке рыба: вода булькала, пузырилась от тысячи тысяч всплесков, рябила кружками-волнушками, будто падал на неё крупный дождь.

— Пляшет рыбёха, — с нежной завистью молвил лежащий на песке обезноженный казак.

— Гуля-ат! — любуясь игрой, улыбнулся Гаврила. — А че ей, вольнай?

Утром под малым ветерком, что с ночи принялся в парусе, потянулись к устью Ангары. И тут их опять встречали и провожали до Шаман-камня любопытные мордахи нерп. Они подныривали под днище лодки, выползали на лежбища и, как добрым знакомцам, хлопали ластами по округлым бокам, радуясь их возвращению и прощаясь.

Вниз по Ангаре, туго скрученной из пенистых струй, летели пулей. Гаврила ловко уворачивался от немногих каменных залавков и, азартно ворочая кормовым веслом, весь в движении, краснолицый, пел-заливался. Ему подпевали Марковна с Агриппой, да подсвистывали по-разбойному казаки.

Так и выскочили стремглав из-за кривуна реки и увидели на левом берегу Ангары, напротив реки Иркут, острожек из ошкуренных сосновых брёвен, сияющий под солнцем золотой шкатулкой, и бегущих от него к берегу казаков с ружьями.

— Надоть причалить, батюшко, то наши люди, — крикнул помор. — Когда мы за Байкал направлялись, острожка ещё не было.

— Изба на той стороне на острове была, — припомнил Аввакум. — Сюда перебрались — отстроились. Причаливай.

Подгребли к берегу, однако сильное течение сносило лодку, но ловко брошенную Гаврилой расчалку казаки поймали, ухватились за неё, упёрлись ногами, пробороzдили в галечном берегу мокрую борозду и осилили лодку, поставили боком к берегу, привязали накрепко за вкопанные в берег чурбаны. И тем и другим было радостно встретить своих русских: обнимались, целовались. Облапав друг друга, гулко хлопали по спинам заскорuzлыми в работах ладонями. Обрелись и старые знакомцы, плакали, обменивались нательными крестами.

Боярский сын Яков Похабов — рослый, костяком широкий, блистал в мелкокольчатой до колен кольчуге, с зеркалом на груди, в круглом шеломе с наушами и шестопёром, сжав его рукой в боевой рукавице. Видом грозен, но улыбчив, он первым подставился под благословение протопопа и к руке приложился, и облапил.

— Никак на брань снарядился? — освободясь от медвежьих тисков его, поохивая, заулыбался Аввакум.

— Не-е, батько! Тебя встречаем! — зарокотал Яков. — Знамо нам было о твоём возвращении. Казаки, что Пашкова везли, сказывали, ну как тутoka не прихоршиться? А то заедешь на Русь, а там царь-батюшка вспомнeт: «Как там Якунька Похабов сын Иванов, здрав ли?» А я вот каков!

— Брав, — любуясь им, похвалил Аввакум. — Да пошто в лаптях-то, сын боярский? Не по чину так-то.

— Да у нас сапоги горят, — Яков притопнул лаптем. — А энтим, из кожи берёзовой, износу нет.

Пошли глянуть на острожек. Поднялись на крут-бережок, остановились, любясь медвяной под жарким солнцем сосновой крепостцей с одними воротцами, глядящими на Ангару, со стрельницами в истекающих янтарной смолой бревенчатых стенах-забралах.

Похабов гордился своими умельцами-казаками.

— В одно лето поставили, — живо рассказывал атаман, поводя рукой с шестопёром. — Лес-то брали прямо с корня, сушить времени не стало, туземцы-братья частенько вольничать начали. В той-то избе, на острове, — показал за реку, — житья не стало, да и подтапливало паводком. Иркут-река по весне бешеная. — Помолчал, спросил: — Не устал, батюшка? А то бы сразу и острожек освятил. Вишь, казаки в какой доброй справе! Ждали, а как же...

Казаки, их было с Похабовым двенадцать, стояли принаряженные, а при словах атамана стянули шапки, поклонились. И Аввакум поклонился им благодарно, сходил с Иваном к лодке, обрядился, как подобает случаю, зачерпнул котелком ангарской водицы, освятил, взял волосяную кисть, Ивану дал нести небольшую икону Спаса, с которой не расставался. Подошли к радостно притихшей толпе, а тут из калитки воротной гордо выступил сам сын боярский Яков Похабов с иконой-хоругвью на тёмном, залощенном казачьими руками древке. Писана икона-хоругвь, как определил Аввакум, в Сибири, должно быть, в Енисейске местным богомазом из осибирившихся русских насельников: лик Христа смотрелся одутловатым, борода длинной и реденькой, глаза чуть раскосыми. На обратной стороне хоругви изображено Крещение Господне: смутным столбиком выставился из тёмной воды Спаситель, подле него охристым стручком изогнулся Иоанн, а над их головами крестиком мутных белил изображён, надо полагать, голубок. Краски были плохodelьными, изуграф смелый самоучка, но это была казачья боевая святыня. «Иже во Иордани крестится изволивый» — пришёл на память Аввакуму крещенский отпуст.

Увидев атамана, толпа упорядочилась и с пением пошла посолонь вокруг острога. Впереди шёл Яков, за ним Иван с иконой. Протопоп гудел басом, макал в котелок кисть и со старанием брызгал на стены. Трижды обошли девятисаженную по длине крепостцу и втянулись во двор. Здесь Аввакум окропил святой водой внутренний двор и стены, запоры на воротах, казачью избу. В углу острожка освятил место, где должно будет стоять церквушке, повесил на стену икону Спаса.

— Приделайте над ней голбец, и пока ладно будет, — поясno кланаясь Спасу, наказал Якову. — А там и храму бысть на месте сем.

Окропил и казаков, всю святую воду вымакал кистью из котелка, остаток слил в горсть, плеснул себе в лицо:

— И стоять ей здесь сей век и будущие. Аминь.

Задержались в гостеприимной крепостце. Аввакум до ночи проговорил с Яковом, было о чём, после исповедовал казаков, молился долго, до заутрени. Так и не прилёг до солнышка, а там и дальше поплыли вниз по Ангаре. И опять, как и несколько лет назад, казаки острожные бежали за лодкой, кричали, напутствуя, палили вверх из пищалей.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

Стихи разных лет

В храме

Уйду от пошлости и срама,
От новизны пустых идей,
Войду в вечерний сумрак храма
И запах гаснувших свечей.

Грехи мои, не отступая,
За мною тянутся вослед,

Но только здесь душа слепая
Сквозь веки прозревает свет.

Я опускаюсь на колени —
О чём бы ни просил Его,
Не в просьбе, а в благодаренье
Суть нашей веры в Божество.

КОЗЛОВ Василий Васильевич родился 5 июля 1947 г. на станции Оловянная Читинской области. Работал на заводе, на стройках. Служил в Советской Армии. В 1986–2012 гг. — главный редактор литературного журнала «Сибирь». В 1968 г. в армейской газете были опубликованы первые стихи. Первая книга «Уроки доброты» вышла в Иркутске в 1975 г. Публиковал стихи в журналах «Москва», «Наш современник», «Сибирь», «Иркутский Кремль» и др. Автор книг: «Уроки доброты» (1975); «Есть у меня на свете брат» (1979); «Стихотворения» (1985); «Гонимый круг» (2017). Лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Рубцова (2002). Лауреат премии Губернатора Иркутской области (2006) (в составе редакции журнала «Сибирь»). Лауреат премии Губернатора Иркутской области за достижения в искусстве и культуре (2012) — за создание цикла литературных произведений, посвящённых памяти Геннадия Гайды (в составе творческого коллектива). Живёт и работает в Иркутске. Член Союза писателей СССР (1980). Член Союза писателей России.

Над рекой

Плыть и плыть над ликующей бездной...
Звёзды плачут, мигая во мгле.
Неужели была бесполезной
Жизнь моя на цветущей земле?

Плыть и плыть над ликующей бездной,
Ожидать, когда вспыхнет гроза,
И смотреть, как по грани отвесной
Тихо катится Божья слеза.

Я ещё не устал улыбаться,
Знаю радость и горькую страсть.
Может, выше уже не подняться,
Но и ниже уже не упасть.

Может быть, не напрасны страдания
На закате исполненных дней?
Дал бы только Господь покаянья
В непостыдной кончине моей.

Слово

У слова не только основа —
Душа молчаливая есть.
И, кроме огня звукового,
Тончайших оттенков не счесть.

Всходи надо мною и властвуй!
Я радостным слухом ловлю
И это рассветное:

— Здравствуй!

И это ночное:

— Люблю!

Другая жизнь

Виктору Бронштейну

1

Искусывая в кровь сухие губы,
Ты бился в лапах страха своего...
Но вострубят Архангеловы трубы,
Народы встанут пред лицом Его.

Ты уповал на Бога в укори́зне,
Ты отвергал величие Творца.
Но как не ведал ты начала жизни,
Так не узнаешь и её конца...

2

Когда душа оставит тело,
А тело выстынет в земле,
Жизнь без начала и предела
Пойдёт по новой колее.

Для новой жизни жизнь очнётся.
И не поймёшь, была ли мгла
Меж той, которая начнётся,
И той, которая была.

* * *

И я прошёл весь этот ад, И пьянство, и разврат. Куда идёшь, мой младший брат, Вернись, вернись назад!	Во все концы есть сто путей — Путь истины один. У заблуждения — сто концов, А истина одна. Пойми же ты, в конце концов, Что не в вине она!
Сулят иные мудрецы Тебе при жизни рай. Есть сто дорог во все концы — Любую выбирай.	Смелей к истоку бытия Иди и не забудь: Христос тебе ответил: «Я Есть истина и путь».
Есть сто проверенных идей, Сто верных средин.	

Начало века сего

В какую даль ни посмотри —
Повсюду кровь и кровь дымится.

Прошли эпохи и цари,
Лишь Млечный Путь вослед пылится.

Стоит на праведной крови
Век, что разрушил человека.

И остаётся ждать любви
И жизни будущего века...

* * *

Геннадию Гайде

Прошедшему круги земного ада
И жизнь услада, да и смерть награда.

Сошедшему с кругов земного рая
Нет слов страшнее, чем земля сырая.

А нам с тобой, витающим меж ними,
И жизнь и смерть всё кажутся родными.

* * *

Татьяне Суровцевой

В тетрадях останется главная книга, В рисунках, в набросках на белых полях... Какое ей дело до сладкого мига, Разъявшего душу на слово и прах!	Откроют лицо испитое России — Признать невозможно и глаз не отвести. Скажи мне, грядущий в иное столетье, Минuem ли мы роковой поворот? Я знаю, какое у нас лихолетье И что нас погубит, и что нас спасёт.
Мой дом не оставит печаль и забота. Однажды я лугом пойду молодым, Прекрасная леньость любви и полёта В лицо мне вольётся по травам седым.	Умри, моё сердце, для помысла злого! Душа, успокойся: и это пройдёт. И только великое русское слово Всю боль пересилит и смерть превзойдёт.
И ветви литые, и корни витые, И листья сухие, как давняя весть,	

* * *

О Родине думай чаще, Чтоб чище душа была, Чтоб воля в крови звучащей До смерти не умерла,	Чтоб силу твою питали Святые соки земли, Чтоб ноги в землю вращали, Чтоб крылья в небо росли.
--	--

* * *

Михаилу Трофимову

Перед тобой не я, а только слово —
Живых людей надвременная связь.
Так почему же снова я и снова
Хватаюсь за причудливую вязь
Простого смысла и глубокой тайны?

Благая жизнь течёт не напоказ,
И наши в ней свидания случайны —
Да не оставит нас в последний час
Волненье жизни и мерцанье тайны.
Я в будущее всматриваюсь снова:
Там нет меня, но вечно светит Слово —
Живых людей надвременная связь.

Жизнь сильнее

Я случайно на это кладбище забрёл
По тропе, побелённой осенней порошей.
К солнцу тянется чёрного дерева ствол,
Сквозь остывшее сердце проросший.

Замер я, удивился и оторопел
Перед силою жизни, бессмертной и злою:
Ствол берёзы стальную ограду поддел,
Выгнул, вырвал её и поднял над землею.

* * *

Геннадию Гайде

Я оставил на том берегу
Свои лучшие годы...
Вот бреду по колено в снегу
И желаю здоровья — врагу,
Заключенному — скорой свободы.

А тебе я желаю любви,
Что ушла безвозвратно...
Жизнь былая, зови не зови,
Не вернётся обратно.

Но отратно встречать холода
Посреди заметённого поля.
Лучше было не знать никогда
Это слово жестокое — «воля».

Пусть же стая волков обступает в кольцо,
Но, надеясь и веря,
Я и в смерти чужое лицо
Посмотрю со спокойствием зверя.

Вот и красное солнце из снега встаёт,
Купол храма в огне золотится...
Тот, кто в сердце воскресшего Бога несёт,
Никого, ничего не боится.

Эмигранты

И вы смотрели с корабля,
Как исчезает за волнами
Святая русская земля,
Навек оставленная вами.

Вы всё с собою взять смогли:
Боль, переполненную криком,
Персть окровавленной земли
И образок с печальным ликом.

И обезумевший старик
Кричал кому-то: «Видишь, видишь...
Господь и грозен и велик...
На дно, на дно уходит Китеж».

И кровь, и смерть уходит с вами...
Но много горше, горше нам,
Когда Россию — вместе с нами —
Относит к чуждым берегам.

* * *

А русскому сердцу везде одиноко.

Ю. Кузнецов

Одиночество — русский удел,	Помоги мне, Пречистая Мать,
Но не следует этим гордиться.	Устоять между тьмою и светом.
Я врага возлюбить не сумел,	Враг убьёт, но не сможет предать.
Мне бы с братом успеть примириться.	Брат предаст. Но довольно об этом.

Воскресение

I

— Воскрес! Ты слышал, говорят...
Ликуй, Ерусалим!
Исус, что был вчера распят,
Из гроба встал живым.
Чудесной вестью воскрылён,
Народ возликовал:
— Исус, что был вчера казнён,
Живым из гроба встал!

«А вдруг всё это сущий бред
Досужего ума
И воскресенья вовсе нет?» —
Так размышлял Фома.

Христос возник пред ним, как свет.
— Что, воскресенья нет?..
Горел посмертной мукой лик,
Взгляд кроток был и тих.

— Ты видишь рану на груди?
Потрогай, подойди.
Теперь ты веришь или нет?
Фома молчал в ответ.

— Вот солнце, чудо из чудес,
Его не меркнет свет.
Для тех, кто верит, я воскрес,
У мёртвых — веры нет.

II

Пред храмом замер крестный ход,
Как год, как век назад,
И в ожидании народ
Застыл у древних врат.

И золотые купола
Из мрака смотрят в нас.
И так торжественно светла
Открытость ясных глаз.

Христос воскрес! Христос воскрес!
Взлетает до небес,
Но и с восторженных небес
Гремит:
— Христос воскрес!

Ударил колокол с небес.
И чудо из чудес:
— Христос воскрес! Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Преображение

О. Каллинику Подлосинскому

Я в этот храм на косогоре Люблю ходить по воскресеньям И в переполненном притворе Внимать чуть слышным песнопеньям.	Я вспоминаю, как их много, Ушедших и живущих рядом, Кого обидел ненароком, Кого отринул грубым взглядом.
Я дальше в храм пройти не смею, Я не готов к духовной битве. Но тихий голос иерея Зовёт, зовёт меня к молитве.	И что мне опыт мой и знание — Плоды угрюмые гордыни? Слезой единой покаянья Я дорожить готов отныне.
Я вспоминаю день вчерашний: Он длился праздно и уныло. А в храме свет почти домашний Исходит от паникадила.	Я верю, что от сна сомненья Душа неверная очнётся И дивный свет преображенья, Быть может, и меня коснётся.

Прохожий

Он пьяным был, он выглядел нелепо,
Смеялся, падал, выбился из сил.
Среди просящих милости и хлеба
Он ничего у встречных не просил.

Кричал:
— Вы не имеете названия!
Вам всё равно чужого не понять.
Но в женщине, просящей подаянья,
Не дай вам Бог узнать родную мать.

Могильщикам России

Вам не впервой готовить сруб
Всемирной домовины,
Вам запах свежей крови люб
И привкус мертвечины.

Россию рано хоронить,
Напрасны кривотолки.
— Вдевай, вдевай слепую нить
В ушко кривой иголки!

Ещё рождает боль и крик
Растерзанное тело.

Ещё не омертвел язык
И ткань не отвердела.

Сшивает нить, сживляет нить —
И смерти тень исчезла...
Россию поздно хоронить,
Она уже воскресла.

Она в пределах тех высот,
Откуда вечность грянет,
Куда и взгляд ваш не дойдёт
И голос не достанет...

* * *

Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...

Ф.И. Тютчев, 1870 г.

То бросались в раздоры, то в пьянство.
Всё пропили, рассорились в прах.
— Мир спасёт молодое славянство,
Славу предков восполнит в веках, —

Так я думал. Но нет постоянства
Ни в словах, ни в пустых небесах.
Я заплакал над тенью славянства,
Утопая в горячих слезах:

— Где вы, сербы? И где вы, словаки?
Малороссы весёлые где?
Отшумели и пляски, и драки.
Семя жизни гниёт в борозде.

Поспешили мы с нашей любовью,
Нас вовек никому не понять.
Только кровью, железом и кровью
Дух славянский могли мы спаять.

* * *

Геннадию Гайде

Чем я тебя утешу, брат?
Я не найду такого слова.
Не взял ты в руки автомат
В минуту боя рокового.

И я с картонных баррикад
Среди развала мирового
Кричал, что искреннее слово
Взрывоопасней, чем снаряд.

И что? Лукавые враги
Вновь сотрясают основания.
Как жизнь свою ни береги,
Нет за измену оправданья.

Не оказалось ни вождей,
Ни грозной воинской отваги.

На свежем гноище идей
Скулят приبلудные собаки.

И мне отчизна дорога,
Но жизнь в плену — не наше дело.
Блажен, кто видел грудь врага
На планке верного прицела...

1994

* * *

Другу сочинителю

Твои стихи, как «Кока-кола»,
И сладковаты, и мутны.
Мне ближе тютчевская школа:
Сплав высоты и глубины, —

Не объяснение явлений
И пережёвыванье фраз, —
Как неизбежный русский гений,
Он слово обратил в алмаз.

Внезапным росчерком кометы
По недостойному уму
Он все вопросы и ответы
Подверг сомнению своему.

Я вслед за ним бренчу на лире
Про те же звёзды и поля,
И растворённую в эфире
Реальность инобытия.

* * *

Мне открылась с горы золотая река
И дорога вдоль дикого луга.
А над ними плывут вороха-облака,
Подминая боками друг друга.

От деревни остался забытый погост
Да жердина упавшего прясла,
Да на скорые нужды разобранный мост.
Жизнь горела, как жизнь, да погасла.

На надгробии надпись не смог прочитать —
Ветер выел песчаную мякоть.
Значит, больше не ходит никто навещать —
Только чайки и могут оплакать.

Но впустую старается молох-прогресс —
Не всесильна безумная воля.
Слава Богу, остались и речка, и лес,
И дурниной заросшее поле.

* * *

Ни в голом расчёте, ни в трезвом уме
Поэзии вы не найдёте.
Волна умирает в жемчужной кайме,
А слово и мысль — в переплёте...

МИХАИЛ РЯБИКОВ

Святая дума о простом народе

Опоры ЛЭП

Снуют стрижи в июньской выси
Иль жгут морозом ветерки,
Опоры ЛЭП на Толстом мысе
Стоят, как будто рыбаки.

И, как от спиннингов, от траверс
Провисли леской провода.
Лежат рыбёшкой льдинки в травах,
Сверкает блёснами вода...

В веках застыл на видном месте
В металле образ прежних лет,

Где был не страх и шприц в подъезде,
А был в полмира стройки свет!

Был взор мечты не к гастроному,
Не в банк, а к звёздам устремлён.
И сверх любви моей к земному
Я в будущее был влюблён!..

Рыдают чайки над рекою,
Беда бредёт по берегам.
Стою. Смотрю на них с тоскою
По тем советским временам...

РЯБИКОВ Михаил Михайлович родился в 1945 г. в дер. Зорчино Смоленской области. Лауреат Иркутской областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» 1979 г. Автор книги стихов *«След»* (Иркутск, 1981). Печатался в коллективных сборниках «Байкальский меридиан», «Уходил на войну сибиряк», «Живое слово на уроках экологии», «Бег времени», «Усть-Илим продолжается», «Усть-Илим — судьба, мечта и счастье», в альманахе «Ангара», журнале «Сибирь», еженедельнике «Родная земля», «Иркутский альманах». Живёт в Усть-Илимске.

Восьмое мая

Рабочий день на час короче.
И, потрудившись, всем звеном
Мы в будке прибранной, рабочей,
Теснясь, уселись за столом.

В тарелках разная закуска —
Девчата наши молодцы,
Тут и котлеты, и ватрушки,
И на газете огурцы.

И первый тост за День Победы,
За тех, погибших на войне,
Сказал весомо мастер Бедов
В столь необычной тишине.

И, как огнём тех лет бессмертных,
Румянцем лица обожгло.
И, вспомнив батю, всё заметней
Вздыхал Акулов тяжело.

Молчанья круг все уже, уже,
Зашевелились мужики.
Работой связанные в узел,
Вдруг развязались языки.

Но дядя Ваня — он в почёте —
Сказал уральским говорком:
— Ну, хватит, хватит о работе!
Давайте песню запоём!

Мы пели песню про землянку,
Про осаждённый Ленинград
И про смуглянку-молдаванку,
Что собирала виноград.

Когда сбивались, «Ну, пехота!» —
Нас дядя Ваня упрекал.
Сам, дирижируя, охотно
«Катюшу» громко запевал.

А у меня мороз по коже
От чувств, подаренных судьбой.
В тот миг казалось: мы похожи
На тех, кто шёл в смертельный бой.

И я подумал здесь впервые:
Впредь никому не взять Москву,
Покуда песни фронтовые
Звучат в народе наяву!

Памяти Юрия Кузнецова

Душа и ум, не знавшие предела,
Вдыхали неземную глубину.
И молнии глагола то и дело
Будили Русь сквозь мрак и тишину!

Но крепок сон!.. теперь уже оттуда
Взираешь ты с тревогой на челе,
Как празднует бездушие повсюду
Гламурный сброд предателей в Кремле.

Им снится приготовленная плаха,
Но совесть почему-то их не ест.

Русь, как вагон отцепленный, без страха
Толкают воры на пустой разъезд.

Глядишь на бедность и на чьё-то барство,
На прах страны разрушенной глядишь,
На лжи и крови созданное царство,
Где вор в чести, подлец и нувориш!

Но слух твой ловит богатырский посвист,
Зришь молнию под Млечной колёй,
И видишь Громовержца зрячий посох
С ожившею шипящею змеей!..

* * *

Повернули к Богу, вроде,
Только бесов больше стало!
Затерялся глас народа
Посреди немого стада.

В час прогулки

Клубит вовсю туманом Ангара,
Как будто на дороге лесовозы.
Внизу кусты в мехах из серебра,
Пошитых и примеренных морозом.

Себя ли видишь в робе молодой,
Усталой от работы, но весёлой,
Иль, всеу погребённые водой,
Деревни приангарские и сёла?

Свеченье половинчатой луны
С поблекшим небом аккуратно слито.
И золото закатной тишины
Просеяно сквозь облачное сито.

Иль, слыша шаг родимой той страны,
Которую ругала и любила,
Ты думаешь о степени вины,
Хоть рушила страну иная сила...

Иду к плотине, курткую шурша,
За лайками своими наблюдая...
Что ищешь, изболевшая душа,
То радуясь порой, то замирая?

Иль видишь в затуманенной дали
Уже не Тройку Гоголя, а клячу?
Ты смотришь вниз. Молчи. Не говори,
А то с тобою я и сам заплачу...

Сказ о бетонном заводе

На фоне туч, моста и сопок,
Под всхлип ветров трагичных лет,
Темнеет факелом высоким
Завода бывшего скелет.

И в сером панцире цементном
Нутро пустое не гудит.

В стальной машине сумрак блудит,
И тишь в смесители легла...
А раньше он в огнях и гуде,
Спеша, вершил свои дела.

Стою вблизи, как на погосте
Шальных строительных эпох:
Торчат обломки, словно кости,
Кирпич, железки, стёкла, мох...

И, словно сердце дерзкой стройки,
Союзным ритмам в унисон,
Он в плане, выверенном, строгом,
Гнал в тело ГЭС «большой» бетон.

А где ж теперь твои прорабы,
Родная бедная страна?!
Крадут алмазы для арабов,
В коттеджах пухнут ли от сна?

Он слал бетон в дома, площадки
И в даль скалистую дорог
Под шум дождя и в зной нещадный,
В сорокаградусный мороз...

Глаза закрою — что за кара! —
Озноб пройдёт по спине —
Сколь недостроенных и старых
Строений чахнет по стране.

Теперь, разграбленный моментом,
Надолго властью позабыт.

И кранов лес пропал в потёмках.
Царит сумятица везде.
И ветер злой несёт потомкам
Сказ о невиданной беде...

В посёлке коттеджей

Я бывал не в том посёлке,
Где чадит нуждою печь,
А в ином, что строят с толком
И где будет что беречь.

Он не где-нибудь далёко,
Не вблизи известных Канн,
В моём городе, под боком,
Как бельмо для горожан.

Взгляды я метал с дороги —
Не поывелись творцы:
Это ж звёздные хоромы,
Разностильные дворцы!

Восхищался я посадом,
Словно солнечным лучом.

Изукрашены фасады
Разноцветным кирпичом.

В них прихожие и залы,
Как бывало у дворян.
Здесь и саун есть немало,
Свой под крышей океан!

Ну и ладно, ради бога,
Я не с завистью в ладу.
Только б строили, коль могут,
По уму и по труду!..

Точно толстые корни,
Где-то хрустнула гроза...
И сверкнули меж деревьев
Стеньки Разина глаза...

Не топайте на Русь!

Я ору и топаю на Русь...

В. Пламеневский

Как много вас, желающих орать
И топать на страну свою особо!
Как мало — с болью в сердце сострадать
И Русь святую почитать — до гроба.

А сколько равнодушных и глухих,
Хоть слух у них к наживе, как локатор!
Немало и притворственно-слепых,
Вкусивших роскошь, барыши разврата...

Россия, Русь! Она тут ни при чём,
Униженная, слабая, больная.
И ждёт, когда подставим ей плечо,
Не предавая и не продавая!

За что ты так? Ведь ты не из господ!
И музу встретил не в её ли поле?
Откуда злоба — вьюгой в небосвод,
Знать, в жилах мечется чужая воля?!

Истоки бед ты знаешь! Что ж ты сник?
Ори на них, их имена известны!
Не топай на святой Байкала лик
И на берёзок золотые песни!..

Как много вас — Россию продавать!
И дух её, и ширь, и глубь особо...
Как мало — по-сыновьи помогать
И Русь святую почитать гроба.

Я так живу

Не могу я тихонько ходить,
Хоть не молод — за мной не угнаться.
Тороплюсь в новом веке пожить
И в глубины веков окунуться.

И соседу, коль надо помочь,
И соседке чертовски красивой.
И на зорьке, когда мне невмочь,
Насладиться пожаром залива.

Шлифовать до пригодности стих
После нужной, хоть тягостной смены,
Видеть светлое в душах любых
И болеть за российских спортсменов.

И наследникам песни вручать,
Что отцом на войне недопеты,

И посильным трудом отвечать
На запросы страны и планеты.

Так живу. Верю в жизнь и любовь,
Есть пока и упорство, и сила...

От рожденья мне, видимо, в кровь
Беспокойство вливает Россия.

В лихолетье

На Родине лютует холодина
И круто алчная пирует смерть...
В сторожку я впустил собаку Тину —
И вечер цепью перестал звенеть.

Она с порога вьюгой закружилась,
По полу стук рассыпала когтей
И чашку с кашей вылизала живо,
Мой взгляд качая мягко на хвосте.

Восторг блестит ледышками на морде,
В глазах золотые искорки костра...

Сестра ты мне. И пусть не по породе,
Ты по собачьей жизни мне сестра.

Сроднила нас лихая непогода,
От коей стонет Русская земля,
Где нищие питаются в отходах,
Державы разрушителей кляня.

Вертись! Танцуй и отдыхай у бака,
Мы всё-таки в тепле, мой кроткий гость,
А за окном затравленной собакой
Россия просит бросовую кость...

Стоя у берёзы

Заря бесшумно для просушки
На сопки стелет утра шёлк...
Стоит берёза на опушке,
Меж веток рыженькой макушки —
Луны поблекший гребешок.

О диво нежное природы!
Стихов есенинских душа!
Её не тронули невзгоды —
Вся в белом, как в былые годы,
Туманную накинув шаль.

— Скажи, красавица, как другу,
Что видишь, всматриваясь в даль?
— Там смерть моя — цеха и трубы,
Деревья, сваленные грубо,
И с ядом в лужицах вода.

— Тогда кого ты ждёшь, родная,
К кустам, как к детям, наклоняясь? —
Спросил печально, понимая,
Что песнь лесов теперь иная —
С душой нерусской ходит князь.

— Я ждать Хозяина устала!
Молчи! Ты смертный из людей, —
Шумнула мне, листвою блистая, —
Но нет его, как нету стаи
На юг летящих лебедей.

Стою. С досадою взираю
На след трелёвщика во мху,
Берёзы ропот понимаю
И от бессилия страдаю —
Спасти берёзу не могу...

Слушая певицу

*Анне Выприковой,
заслуженной артистке Дагестана*

Меркнет Сопот, блекнут Канны,
Скукой Юрмала цветёт,
Когда Выприкова Анна
Песни русские поёт!

И от песен радость длится,
Растопив печали лёд,
И душа моя, как птица,
Устремляется в полёт!

Голос дивный, необъятный,
Словно яркий небосвод:
В нём простор звучит приятно,
Слышен речек ледоход!

Позабуду вновь про Смуту
И российскую беду,
Будто гулким звёздным утром
По Галактике пройду!

В нём звенит весны хрустальность
И таёжная тоска,
Дагестанских гор усталость,
Спелый шелест колоска...

Я, как отрок, вновь беспечен
И Отечеством горжусь...
В её образе на вечер
К нам сама явилась Русь!...

Только там

Александр Попову

Так хочу уехать на природу,
Чтоб развеять боли и тоску.
У ручья да с ветками смороды
Заварить душистого чайку.

И излить житейские заботы
В половодье солнца и теней.
В зимовьё, хотя бы на субботу,
Я хочу умчаться от людей.

Где таёжный шум древнего лесу,
Словно друг, напомнит о былом,

Тени тучек изредка, как лоси,
В гарь по бору ходят прямиком.

Где люблю подолгу слушать робкий
В кронах древний ропот ветерка,
Как под скользкой наледью у тропки
Бьётся сладко сердце родника.

И огонь из печки по-над крышей
Звёздной бездне сказочно поёт...
Только там не вижу и не слышу,
Как сегодня бедствует народ...

На деляне

Мороз, послабевший внезапно,
Порошею выбелил стан.
На бездне немой мирозданья
Рассвета синее экран.

Становится зримей, яснее
Веками нетронутый лес.
И дыркою тучка темнеет
В одежде линиялой небес...

Тут скоро взревет бензопилы,
Примчат лесовозы, трясаясь,
Деревьям зубчатым пропилом
С корнями разрежется связь.

Неясный свой путь за границу
Начнет золотистый кругляк...
Участок в хаос превратится...
Деревья сгниют в штабелях...

Мне душу тревожит кручина —
Пушному тут промыслу — крест,
И жаль, что по схожей причине
Охота заглохла окрест!

По волоку неба — всё круче,
Как будто в натрусках коры,
Увозит трелевщиком туча
Златую вязанку зари...

Видение

Когда в сегодня пристальней всмотрюсь,
Возвысившись над кривдой и собою,
То всё отчётливее вижу Русь
С вельможами, с купцами, с голытьбою.

Всё громче слышится мне скрип сохи
И звон прогулочной господской брички...
Я вижу, как прапрадед мой Ефим
По ней проводит взглядом, словно бритвой.

Мне видится, как марево дрожит
Стрекозыми прозрачными крылами
И дед под шелест золотистой ржи
О равенстве толкует с мужиками.

И мой отец в тридцатых, горевых,
Презрев доносы, думал о свободе.
И мне дороже помыслов иных
Святая дума о простом народе.

И потому при виде легковых,
В которых восседают плутократы,
С таким же гневом я смотрю на них,
Как и на бричку прадед мой когда-то.

Яблоня

Он без ноги пришёл с войны под осень
В кругу ожившей детской суеты,
Когда в деревне отбивали косы
И спели уцелевшие сады.

Откинув костыли на грядку мака,
Он обнял, плача, яблоню в саду.
И с фермы, прибежав, рыдала мама
У вдов оцепеневших на виду...

Он прожил год. На горе тёти Насти
Осколки в лёгких сократили срок.
Он прожил год. И в летний день ненастный
Его деревня положила в гроб.

Но каждый год — услышит Настя косы,
Увидит только яблоню вдали,
И яблоня всё кажется ей Костей —
Подпорки сучьев, словно костыли...

Фронтовик

Памяти П.Г. Подачёва

Настала ратной славы дата —
Живее память о войне...
Но никогда уже солдата,
Берлин повергшего когда-то,
Увы, не встречу по весне.

И с Днём Победы не поздравлю,
И не порадую вином.
На нём медали не поправлю
За скромным праздничным столом.

Но жизнь, спасённая солдатом,
И слава ратная — во мне...
Чем дальше битвы грозной дата,
Бесценней память о войне!

ВЛАДИМИР ГОРЧАКОВ

Весною сорок пятого

* * *

В пилотке, прокалённой добела,
Шинели, сапогах — служебным стрессом
Армейская весна у нас была
И наблюдала с явным интересом,

Как мы, перемогая духоту,
Маршировали споро и упрямо,
Противогаз поправив на ходу,
Ровняя строй, держали спины прямо.

Зато позднее радовались мы...
И первогодков не было счастливей,
Когда ожоги солнечные смыв,
Свежил нас душа леденистый ливень.

ГОРЧАКОВ Владимир Олегович родился 29 июля 1947 г. Свыше сорока лет проработал в производственном объединении «Усольмаш» станочником. Имеет звание «Ветеран труда». Служил в рядах Советской Армии. Стихи публикуются с 1965 г. в заводских многотиражках, районных, областных газетах, за годы службы публиковался в армейских газетах. После демобилизации печатался в коллективных сборниках, журнале «Сибирь», в «Антологии иркутской поэзии» 2000 г. В 1994 г. в Иркутске вышла книга стихов «Пострел», там же книга стихов «Мгновения» в 2002 г., в 2008-м — «Ради красного словца». В 2011 г. в Иркутске стихи вошли в коллективные сборники «Бег времени. Слово о городе», «Бег времени. Автографы писателей», «Славлю Россию, Иркутск и Байкал!», «Жизнь — дорога, ведущая к храму». Награждён юбилейной медалью в честь 350-летия г. Иркутска. Член Союза писателей России. Живёт в Усолье-Сибирском.

Душа

А что она, душа, такое?	Её от тела отдели попробуй...
Натура наша, естество?	Не пытайся лучше
Она превыше всех, всего,	Отторгнуть небо от земли —
И нету от неё покоя.	И те, и эти — неразлучны.
Она, незримая, стихом	Когда приблизится предел
И музыкою проступая,	Существованию земному,
В хорошем деле и плохом —	У тел — обыденный удел,
Гуманная или слепая.	А вот с душой всё по-иному.

* * *

Когда уйдёт на задний план	С железным норовом станки
Яд накопления и почёта,	И домен огненные горны.
Вершатся крупные дела,	Жизнь беспристрастно подытожь:
Мужская трудная работа.	Безукоризненна основа?
Прикосновению руки	Неторопливо обретёшь
Тогда становятся покорны	Достоинство мастерового.

Победа

Победа шла по бедам,	Умолкли, открывав...
По скорбным похоронкам,	Понаглотались пыли...
По воинским обетам...	На битых кирпичах
Грозоподобно. Громко.	«Сверхчеловеки» стыли.
Обоймы автоматные	И, пронизав Рейхстаг,
Опорожня разом,	Светло, неукротимо
Весною сорок пятого	Советский реял стяг
Звенела русской фразой.	Средь тающего дыма.

Жест

Терпенью жажду обучи.	Есть жажда — ощутить у рта
Достоинства исполнены,	Трубы тугое пение.
Мы воду пьём — так трубачи	И всё ж, когда мы воду пьём,
Трубят, откинув головы.	Проступит неуместно —
Наверно, в этом неспроста	В моём движенье и твоём —
Таится совпадение:	Величественность жеста.

Цирк

Об отношении к нему	Но преимущество его
Я откровенничал пространно:	(Неоспоримое, заметьте):
«И ни душе, и ни уму —	Людского смеха торжество,
Базарный гомон балагана».	Где все без исключения — дети!

* * *

Наплывы медленного детства...	Напоминает о дороге,
Косноязычие дождя...	Позатерявшейся навек...
Трагикомическое действо —	Высвечивается в итоге —
Пережитое, уходя,	Былым пронизан человек.

* * *

Бытовая сцена.	Откупорю окна —
Уличный замах.	Загляни любой.
Ощущенье плена	Половица охнет
В будничных домах.	Под твоей стопой.

Что-то в них такое	Недопонимая
Тягостное есть.	Человечьих дел,
Плавится тоскою	Ожидая мая,
Даже солнце здесь.	Клён помолодел.

* * *

Обрёл апрель	Перекричи
Свои права.	Гульбу — давай,
Синичья трель	
Полна бравад.	Где солнце — символом весны,
	Юней цыплячьей желтизны...
Через ручьи	Каменем лужу потревожь,
Бренчи, трамвай...	Весёлый приглушив галдёж.

* * *

Осадки летние люблю.	Промокну истинно, насквозь!
Разгулу радуюсь упругому.	Но ливень делается тише...
Праздношатающийся люд	И вот уже последний «гвоздь»
Рассеивается испуганно.	Латает шиферную крышу.

Дождь моет истова дома,	В цветке ожившем капель дрожь
Полощет пыльные окраины.	Горит, переливаясь весело,
Коротенькая полутьма	И небо радугу повесило,
Установилась неприкаянно.	Как объявление: «Кончен дождь...»

* * *

Осень землю осенила	Холодно и бесприютно...
Мановением-листом.	Где ты, лета суета?
Закружился, лёг уныло	Предоктябрьское утро.
Золотой на золотом.	Полыхание листа.

* * *

Желательно, чтоб вечно оставалась
На милой обустроенной земле
Любая полюбившаяся «малость»:
Капель весною, вьюга в феврале...

И ежели меня уже не будет —
Осознавать отрадно, что и впредь, —
Черёмухи цветенье не убудет,
Рябины гроздьям — празднично гореть.

Станок

Подступает срок.	Сорок лет на нём
Никнет голова.	Я выстаивал...
Памятен станок —	Поросла быльём
5Д32.	Стёжка старая.

Из Егорьевска —	Чую речь его
Зубофрезерный.	Равномерную
Он судьбою мне	И — допрежь всего —
В душу врезанный.	Дружбу верную.

* * *

Догорать звездой рассвета
Предначертано не зря —
Такова судьба поэта...
А для смертного — заря...

* * *

Надеюсь, буду тем
Любезен я народу,
Что среди прочих тем,
Не пел я рынку оду.

* * *

Триумвират сибирских буден —
Байкал, Вампилов и Распутин.

ЮРИЙ ПОХАБОВ

Яков Иванович Похабов, енисейский сын боярский

Как известно, затянувшийся вопрос по дате основания города Иркутска был окончательно разрешён советским историком А.Н. Копыловым к 1960 году [1], однако до сих пор мало что известно о человеке, основавшем в 1661 году Иркутск, — енисейском сыне боярском Якове Ивановиче Похабове.

Информация о Я. Похабове скудна, разрозненна и однобока. В источниках широко освещён лишь эпизод, связанный со строительством Иркутского острога. Попытка в 1963 году бывшего научного сотрудника Иркутского областного краеведческого музея А.З. Багаутдинова [2] раскрыть образ Я. Похабова не нашла дальнейшего развития. Многие современники просто путают его с енисейским сыном боярским Иваном Ивановичем Похабовым. Начало путаницы заложил летописец истории освоения Сибири И.Э. Фишер, приписавший лавры строительства Иркутского острога в 1661 году Ивану Похабову [3]. Существует достаточно причин восприятия похожести Ивана Ивановича Похабова и Якова Ивановича Похабова как личностей: оба енисейские сыны боярские, оба одновременно служили в гарнизоне Енисейского острога, оба несли службу годовальщиками в Прибайкалье и Забайкалье. Мало того, оба снискали славу основателей Иркутска, так, например, в 1902 году в Иркутске были проведены официальные торжества в честь 250-летия основания города енисейским сыном боярским Иваном Похабовым [4].

Подготовка к празднованию 350-летия города Иркутска в 2011 году и мероприятия по увековечиванию имени Я. Похабова являются хорошим поводом разобраться, наконец, в судьбе человека, который дал жизнь городу. Я не занимался целенаправленными исследованиями биографии Якова Ивановича Похабова. Всё, что мне стало известно об этом человеке, я узнал, изучая собственную родословную, работа над которой не завершена и продолжается. Однако часть выводов, касающихся Я. Похабова, способна в какой-то мере восполнить недостаток знаний об этом человеке.

Годы жизни Якова Похабова

Архивных данных о досибирском периоде жизни Я. Похабова обнаружить, пока, не удалось.

Службу в Енисейском гарнизоне «*Якунка Похабов*» начал после 1643 года, но не позднее осени 1647-го, что согласуется с упоминанием Я. Похабова как участника похода Ивана Галкина в долину реки Баргузин летом 1648 года, возможностью осуществления навигации в Сибири и данных сохранившихся окладных книг жалования Енисейского острога за 1642–1643 и 1649 годы.

Дата смерти Я. Похабова указана в окладной книге жалования за 1674 год: *«Яков Иванов сын Похабов в прошлом во 181 (1672–1673) году умре и тот ево Яковлев оклад Похабова по указу великого государя и по грамоте заверстан будет енисейскому сыну боярскому Афонасью Бойтону во 183 году»* [5].

Карьера Якова Похабова

Службу в Енисейском остроге Я. Похабов начал «по прибору». Имя Я. Похабова впервые упоминается в списках рядовых казаков в окладной книге 1649 года [6]. Примечательно, что в том же 1649 году Я. Похабов исполняет обязанности десятника в походе под предводительством И. Галкина, пославшего *«Якунку Похабова с 15 служилыми людьми на Буженей озеро «для прииску новых земли»»* [7].

Сохранившаяся челобитная Сибирского приказа, датированная 1654 годом, принадлежит уже *«енисейского острогу пятидесятнику казачьему»* Я. Похабову, который «бьет челом» царю Алексею Михайловичу и просит за *«службишко»* «пожаловать» его [8].

Чин сына боярского Яков Похабов получил в период воеводства Максима Григорьевича Ртищева (17. 02. 1656–1659) [9], о чём говорится в переписной книге 1669 года: *«а поверстан он Яков в дети боярские по государевой грамоте при воеводе Максиме Ртищеве»* [10].

Послужной список Якова Похабова

В 1648–1650 годах Я. Похабов принял участие в походе отряда служилых людей под командованием енисейского сына боярского И. Галкина. В 1648 году отряд обогнул Байкал с севера и в начале лета проник в долину реки Баргузин. Поднявшись вверх по течению в 40 верстах от устья, в месте впадения в Баргузин горной речушки (впоследствии названной Банной), И. Галкин заложил острог, ставший первым опорным пунктом русских казаков в Забайкалье [11].

В 1649 году И. Галкин, оставив в Баргузинском остроге небольшое количество людей, послал отряд казаков под предводительством Я. Похабова на реку Витим и к озеру Буженей (ныне озеро Бусани. — Ю. П.), а сам двинулся с отрядом к Еравнинским озёрам [12]. Выполнив задание, Я. Похабов прошёл в долину реки Муи [13] и обложил ясаком *«князцова сына Чинкагирского роду Чюбугу да Килдигирского роду князцова ж сына Муланю...»* Далее, как пишет сам Яков Похабов, *«на низ государь пловучи по верхней Ангаре реке поимал я холоп твой мужика князьца Шинегу Килдигирского роду... Шинеге прежде сидел тебе государь ясаку не плачивал и на Лене реке и по иным сторонним рекам побивал твоих государевых служилых и промысленных и ясачных людей...»* [14] На реке Муе отряд Я. Похабова встретил ленских промысленных людей, которые собирали ясак и аманатов царским именем на себя, и ему пришлось силой отбирать у них добычу [15].

С 1652 года Я. Похабов участвует в походе под предводительством И. Похабова на Байкал, о чём сам Я. Похабов в своей челобитной пишет так: *«Да в прошлом во 160 году послан был я холоп твой на тое ж твою государеву службу на Байкал озеро с сыном боярским с Ываном Похабовым. А з Байкала озера послал меня холопа твоего тот Ыван Похабов для твоего государева ясачного збору на Баунт озеро и на Баунте озере во 162 году прибрал я холоп твой тебе государю вновь твоего государева ясачного збору два сорока семь соболей с пупки и с хвосты»* [16].

Во многих источниках утверждается, что в этом же походе Я. Похабов в 1652 году строит Баунтовский острог, который через два года был сожжён эвенками [17]. Остатки острога, возведённого Я. Похабовым, были найдены в 2008 году в 3 км от истока реки Верхняя Ципа, которая впадает в озеро Баунт [18].

Таким образом, уже в первые годы службы в Енисейском остроге Я. Похабов участвует в двух походах на Байкал, где руководит строительством Баунтовского острога, вместе с Иваном Галкиным строит Баргузинский острог, самостоятельно проводит новые земли в долинах рек Витим, Муя, Верхняя Ангара, озерах Буженей и Баунт, объясачивает непокорных прежде князцов, пресекает попытки промышленных людей незаконного сбора ясака, проявляет себя как умелый командир казачьих отрядов в столкновениях с племенами местных народов, присоединяя их к русскому государству. Всё это позволяет судить о выдающихся личных качествах Я. Похабова, что по достоинству отмечалось современниками — опытными И. Галкиным и И. Похабовым, доверявших ему ответственные задания во главе отрядов казаков, и енисейскими воеводами, оценивших его особые заслуги перед государством ускоренным продвижением по службе. Как известно, лишь в особых случаях «приборный» служилый человек *«мог быть повышен в чине до десятника, пятидесятника, иногда сотника или атамана, а отдельные лица за особые заслуги получали чин сына боярского и, следовательно, переводились в разряд служилых людей «по отечеству»* [19].

Не менее славным было продолжение службы Я. Похабова в чине сына боярского. В июле 1660 года Я. Похабов назначается приказчиком в Братский острог: *«...мне Якушку велено быть приказным в нижнем Братском остроге»* [20]. К этому времени уже предпринимались неоднократные попытки найти и вернуть беглых бурят, ушедших в 1658 году в Монголию из-за произвола сына боярского И. Похабова [21]. Один из таких отрядов по розыску беглых бурят было поручено возглавить Я. Похабову, о чём енисейский Иван Ржевский в своей отписке писал царю: *«И я холоп твой, по твоему великого государя указу, ныне шлю в те Братские остроги для подлинного ведома про беглых Братских людей Енисейских сына боярского Якова Похабова да пятидесятника Олешку Оленя да с ними людей сто человек»* [22].

В сентябре 1660 года Яков Похабов отправился в двухмесячный поход на Иркут в поисках беглых бурят, где встретил и обложил ясаком *«новых ясаиных людей князца Яндаша с иво улусными людьми»*. По предположению А.П. Окладникова, это были сойоты [23], кочевавшие в верховьях Иркут и озера Косогол. В декабре 1660 года от вновь объясашенных Яндашских татар в Балаганский острог прибыл гонец и просил поставить в устье Иркуты острог для сбора ясака и защиты от притеснений со стороны красноярских казаков. Воевода Ржевский 22 июня 1661 года отправил Якову Похабову подмогу в количестве 60 казаков во главе с пятидесятником Дружиной Поповым-Даурским с распоряжением *«отыскать на усть Иркуты реки или вверх Иркуты самого угрожево места: и на том месте поставить острог»*. Однако Яков Похабов, не дожидаясь ответа из Енисейска, сделал это сам 6 июля 1661 года [24], о чём сообщил в своём донесении воеводе И. Ржевскому [25]. Сам Яков Похабов назвал новое поселение Яндашским, по имени князца Яндаша Дороги, но это имя за ним не закрепилось, во всех последующих документах оно стало именоваться по своему местоположению — Иркутским [26].

В 1662 году Яков Похабов построил Кучидский острог, в устье реки Кидымит, притока Витима [27].

Своеобразным свидетельством рейтинга авторитета Я. Похабова среди служилых людей Енисейского острога служит сохранившаяся коллективная челобитная, поданная в июле 1665 года с жалобой на воеводу Афанасия Пашкова, который, по мнению енисейских служилых людей, *«не дошед до Даурской земли, остановился на великой реке Шилке и на Иргене озере и остроги поставил новые в тех же местех, в которых местех мы, холопи твои, преж ево, Офонасья, остроги поставили»*. Таким образом, Пашков *«отнял ту службу от Енисейского острога»* и обманывал Москву, именуя район своих действий *«новой Даурской землей и китайской границей»* [28]. Челобитная была подписана И. Галкиным, И. Максимовым, Я. Похабовым, Н. Кольцовым и др.

В 1668–1669 годах Я. Похабов служил приказчиком Баргузинского острога и к нему за помощью обращался нерчинский воевода Л.Б. Толбузин из Телембинского острога, о чём писал в Москву в 1669 году илимский воевода С.О. Оничков: *«В нынешнем, государь, во 177 (1669) году... генваря в 27 день, писал из Даурские земли ис Телембинского острожку тобольской же сын боярской Ларион Толбузин в Баргузинской острожек к енисейскому сыну боярскому к Якову Похабову, что в Даурской де земле идут войною на Нерчинской острожек и на ясачных людей богдойские люди на две дороги, по Кайларе озеру и по Аргуне реке, семь тысяч войска, и чтоб к нему, Лариону, прислать служилых людей и зелья»* [29].

Записи в окладных книгах жалования 1662–1670 годов говорят о том, что до 1670 года Яков Похабов получал хлебный, денежный и соляной оклад, однако незадолго до смерти Яков Похабов в счёт хлебного оклада начал обрабатывать пашню: *«В 1676–77 г. «енисейских посадских людей Андрею Пелевину» заложила свой «пай» пахотной земли, покосов и выпуска и «четверть» земли на Самоделовском острове вдова сына боярского Я. Похабова Арина. Этими участками Я. Похабов владел по «поступной» казака С.И. Новикова»* [30].

Происхождение Якова Похабова

Из генеалогической информации известно лишь то, что Яков Похабов был женат на Арине Фёдоровне, но *«детей у него Якова нет»* [31].

По вопросу родственных отношений Якова и Ивана Похабовых советские историки А.П. Окладников и А.Н. Копылов единодушны и категоричны, они считают их однофамильцами [32]. Логика учёных понятна, начало службы Я. Похабова «по прибору» и служба И. Похабова «по отечеству» формально разводит их по разным сословным группам и не предполагает близкого родства. Косвенно подтверждает это и челобитная Я. Похабова 1654 года, где он ни единым словом не намекает на родственную связь с И. Похабовым. Тем не менее, генеалогические аспекты фамильного рода Похабовых позволяют думать иначе.

Первое известное в источниках упоминание фамилии «Похабов» связано с подьячим Фёдором Похабовым, автором писцовой книги Ярославского уезда 1513 года [33]. К этому времени слово «похаб» в древнерусском языке существовало исключительно как технический термин для определения юродивого по образцу византийских святых Симеона Эмесского и Андрея Юродивого. Термин появился в XI веке для перевода Жития Андрея Юродивого с целью максимально точного доведения до древнерусских читателей культуры и традиций византийских юродивых в форме притворного безумия в театрализованной форме во имя достижения сакральной цели. Вплоть до XIV века слово использовалось как

книжный термин, а перенос слова в устную речь связан с визуализацией образа юродивого на пике массовости появления юродивых во времена правления Ивана Грозного и Фёдора Ивановича. Столь привычное сегодня этически негативное восприятие фамилии не имеет ничего общего с её первоначальным значением, которое было грубо искажено, вначале в результате борьбы с юродством Петра Великого, лично ненавидевшего юродивых, а затем в результате искоренения большевиками старых устоев и Православной Церкви. В этой связи следует иметь в виду, что вплоть до XVII века слово «похаб» зачастую использовалось в звательном падеже — похабе [34].

Исходя из первого документального свидетельства существования фамилии время её возникновения может быть датировано не позднее конца XV века. Это был период, когда слово «похаб» не означало ничего иного, кроме понятия «юродивый» по византийскому образцу. Поскольку похабами не рождались, а становились добровольно, отказываясь от всего в этом мире, в том числе и от собственных детей, то происхождение от похаба просто обязано было найти своё отражение в форме принятого тогда делового письма: «Имярек похабов сын». В дальнейшем прозвание «по отцу» — юродивому, закрепилось в виде именованья фамильного рода, имеющего высокую степень персонификации.

Таким образом, принадлежность к единому фамильному роду даёт понимание происхождения Я. Похабова — енисейские сыны боярские Иван и Яков Похабовы не были просто однофамильцами, поскольку имели общего предка.

Интересно, что происхождение фамилии от юродивого указывает на то, что Похабовы изначально должны были быть городскими жителями северной части Московского государства. Именно это в точности подтверждается литературными сведениями на подъячего Фёдора Похабова из Ярославля 1513 года; городского сына боярского Фёдора Похабова из Устюжны Железопольской 1615–1632 годов [35]; стрелецкого сотника Ивана Александровича Похабова из Великого Устюга 1623–1626 годов [36] (хотя его сын Иван, тот самый енисейский сын боярский, хорошо известный иркутянам, назван в окладной книге жалования «новгородцем» [37]); Андрея Похабова из Суздальского уезда, упомянутого в 20-е годы XVII века условным владельцем вотчинных земель князя И.И. Хованского [38].

Учитывая крайне низкую сословную мобильность населения Руси в XVI веке, можно утверждать, что Похабовы на рубеже XVI–XVII веков принадлежали к неродовитому служилому роду с локализацией ареалов проживания в границах территории: Новгород — Устюжна Железопольская — Ярославль — Суздаль. Именно в указанном географическом районе будущим биографам следует искать сведения о досибирском периоде жизни Я. Похабова.

Ключ к пониманию различной сословной принадлежности Ивана и Якова Похабовых может лежать в судьбе моих предков, потомков стрелецкого сотника из Великого Устюга И.А. Похабова, сыновьями которого были енисейский сын боярский Иван, подъячий Григорий и младший неверстанный сын Семён. Старший сын Семёна — Иван, приехал гулящим человеком около 1682 года в Кемский острог Енисейского уезда к своему двоюродному брату — неверстанному сыну боярскому Ивану Ивановичу Похабову. Иван Семёнович Похабов, будучи по происхождению из рода служилых «по отчеству», в 1691 году стал пашенным крестьянином. Точно так же, по причине неверстанности своего отца, мог оказаться за рамками своего сословного происхождения и Яков Иванович Похабов, что обязывало его начинать жизненный путь с «чистого листа», и ему это удалось в полной мере на поприще землепроходца Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Копылов А.Н.* Затянувшийся вопрос // Ангара. 1960. № 4 (49).
2. *Багаутдинов А.З.* Находка в архиве // Восточно-Сибирская правда. 1963. 13 сент.
3. *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания сибирской земли российским оружием. СПб., 1774. С. 553.
4. *Копылов А.Н.* Указ. соч. С. 143; Иркутск основал боярский сын // Енисейские губернские ведомости. 1900. 27 июня.
5. Окладная книга жалования 182 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 618. Л. 7.
6. Окладная книга жалования 157 г. // РГАДА. Ф. 214. Стб. 313. Л. 101.
7. Баргузинский острог [Электронный ресурс] // Города и остроги земли Сибирской: сайт. — Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/ostrog/2_7.htm (16. 09. 2010); *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 40.
8. *Багаутдинов А.З.* Указ. соч.
9. Список глав города Енисейска [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Енисейска. — Режим доступа: <http://wwhp.ru/eniseisk.htm> (02. 06. 2010).
10. Переписная книга Енисейского уезда 177 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 527. Л. 288–288 об.
11. *Копылов А.Н.* Указ. соч. С. 144; *Галкин Иван Алексеевич* — березовский казачий атаман [Электронный ресурс] // Города и остроги земли Сибирской: сайт. — Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/pervoprohodcy/0_34.htm (02. 06. 2010).
12. *Галкин Иван Алексеевич* — березовский казачий атаман [Электронный ресурс] // Города и остроги земли Сибирской: сайт. — Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/pervoprohodcy/0_34.htm (02. 06. 2010).
13. *Румянцев Л.И.* Русские источники XVII в. о Байкале: краеведческий сборник / под ред. Л.Е. Элиасова. 1958. Вып. 3. С. 3–12.
14. *Багаутдинов А.З.* Указ. соч.
15. *Андреевич В.К.* История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. С. 79, 166.
16. *Багаутдинов А.З.* Указ. соч.
17. *Жалсараев А.Д.* Православие в Бурятии: даты и факты [Электронный ресурс] // Читинская и Краснокаменская епархия: сайт. — Режим доступа: <http://chita.eparhia.ru/enapx/hist/nov/histbur/> (02. 06. 2010).
18. *Зотов А.* Нашли острог и, возможно, могилу шамана. (В поисках прошлого) // Витимские зори. 2008. 9 авг.
19. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965. С. 199.
20. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 238.
21. *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 127–130.
22. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 3. С. 200.
23. *Окладников А.П.* Указ. соч. С. 130.
24. *Шахеров В.П.* Форпост в Прибайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 4.
25. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 249–250.
26. *Шахеров В.П.* Указ. соч. С. 4.
27. История Северобайкальского района [Электронный ресурс] // Республика Бурятия: официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. — Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/obur/adm_terr/content/sev_baik/evenki.html (02. 06. 2010).
28. *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.
29. *Красноштанов Г.Б.* Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 148.

30. Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. С. 192.
31. Енисейская переписная книга 177 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 527. Л. 288.
32. Копылов А.Н. Указ. соч. С. 144; Окладников А.П. Указ. соч. С. 129.
33. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И.А. Вахромеевым. Т. 1. Княжие и царские грамоты. М. : Синодальная типография, 1896. С. 21.
34. Житие Андрея Юродивого // РГАДА. Ф. 381 (Библиотека Московской Синодальной типографии). № 182, 66 л., кон. XIV в. — Опубл.: Молдован А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М. : Азбуковник. 2000. С. 159–450; Житие и подвизи святого праведного Прокопия, иже Христа ради Устюжского чудотворца. О втором пророчестве блаженного Прокопия и о Марии, матери святого отца Стефана, Архиепископа Великопермского [Электронный ресурс] // Клуб практической философии «Честь и Свет». — Режим доступа: <http://pravoslavie.chestisvet.ru/index.php4?id=148> (03. 06. 2010).
35. Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 годов. (Публикация Пугача И.В.) [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека: сайт. — Режим доступа: www.booksite.ru/fulltext/3us/tuz/hna/13.htm; <http://www.booksite.ru/fulltext/usty/uzh/na2/index.htm> (03. 06. 2010); Пугач И.В. Устюжна Железопольская и уезд в XVI — первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. § 3. С. 262. Ссылка 591.
36. Устюжская писцовая книга «Письма и меры Микиты Вышесловцова да подъячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 гг.» // РГАДА, ф. 1209 (Московский архив министерства юстиции), кн. 506, лл. 3–3об. — Опубл.: Историко-краеведческий сборник «Бысть на Устюзе» // Сайт «Вологодская областная универсальная научная библиотека» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.booksite.ru/fulltext/byi/sty/nau/sty/uze/13.htm (26. 10. 2010).
37. Окладная книга жалования 150–151 гг. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 435 об., 436 об.
38. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М. : ГСЭИ, 1937. С. 290–291.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

В Иркутске открыли памятник. Вот только кому?

Памятник основателям
Иркутска (сентябрь 2011 года)

По приезду с празднования 350-летия Иркутска в Красноярск, когда я рассказывал, на каком событии я побывал, меня обвинили в неточности, а практически во лжи. Мне возразили, что памятник в Иркутске, мол, открыли не Якову Похабову, как я утверждал, а основателям Иркутска. И как упрёк прозвучала фраза: «Об этом же все новостные агентства сообщили».

Так кому же на набережной Ангары в Иркутске 14 сентября 2011 года открыли памятник? Надпись на памятнике лаконично гласит: «Основателям Иркутска от горожан». Вроде всё правильно, раз есть город Иркутск, значит, должны быть его основатели, и вот им-то горожане и поставили памятник. Но тогда уместен вопрос, а что это за скульптура человека на постаменте и какое отношение он имеет к

Надпись на памятнике

основателям Иркутска, да ещё во множественном числе?

В какой-то мере ответ на заданный вопрос можно отыскать в статье «Не любо», опубликованной в газете «Конкурент» от 25 августа 2011 года. По мнению историка Александра Гимельштейна, *«во-первых, это не может быть памятник Якову Похабову, потому что ни одного изображения Якова Похабова не сохранилось. Персонификация антиисторична. Во-вторых, Яков Похабов не был казаком. Сословие, к которому он принадлежал, называлось «сыны боярские».* В качестве подтверждения правильности слов А. Гимельштейна утверждается, что *«точно такую же точку зрения разделяет потомок рода Похабовых, красноярский родослов Юрий Похабов».* Исходя из чего, в статье делается вывод, что *«не только историки, но и потомки рода Похабовых настоятельно просят... Яков Похабов не был казаком».*

Дальше больше, автор статьи сообщает о том, что *«утверждение, что все в отряде были казаки, тоже вопрос дополнительного исследования, которое пока не проведено».*

Вот так, господа, судя по объяснениям официального органа печати, поскольку Яков Похабов и казаком-то не был, и фотографий своих не оставил, и в отряде-то его неизвестно что за «сброд» был, вот поэтому-то памятник и поставлен абстрактному персонажу. Ну, типа, везде же памятники основателям уже установлены, надо бы и нам поставить, негоже от других отставать.

На самом деле, в других российских городах ничто никому не мешает персонифицировать памятники их основателям — Долгорукому, Дубенскому, Хабарову, Атласову, между прочим, не оставившим своих фотографических изображений. И Александр Гемельштейн, как историк, а тем более кандидат исторических наук, прекрасно знает, что чин сына боярского — это разновидность воинского отличия в казачьем войске XVII века, а, следовательно, сын боярский Яков Похабов не мог не быть казаком. И «красноярский родослов Юрий Похабов» утверждал всего лишь то, что Яков Похабов не был казачьей головой, и предлагал свой вариант надписи на памятнике: «Основателям Иркутска казакам — сыну боярскому Якову Похабову со товарищи» (<http://www.pribaikal.ru/irkutsk-item/article/9031.html>). Но, самое удивительное, сегодня, казалось бы, все в Сибири знают, что именно казаки осваивали Сибирь, а иркутянам, как будто бы, предлагают в этом усомниться.

Не странно ли? Все вроде бы лежит на поверхности, объяснения «шиты белыми нитками», но в результате памятник основателям города Иркутска стоит безымянный. Даже, несмотря на то, что уважаемая комиссия по топонимике города Иркутска 30 мая 2011 года окончательно утвердила следующую надпись на памятнике: «Основателям Иркутска казакам Якову Похабову со товарищи», которая устроила всех.

Так кто же тогда этот «человек с ружьем» на набережной Ангары? Если это Яков Похабов, то почему его нельзя назвать своим именем? Ведь памятники устанавливаются в знак уважения к конкретным историческим личностям и к тому,

что они сделали для людей, а их ценность — отнюдь не в степени документального сходства с прототипом.

На поверку, основателя Иркутского острога — Якова Ивановича Похабова — есть за что уважать. Под его руководством было построено три острога: Баунтовский (1652), Яндашский (Иркутский) (1661) и Кучидский (1662). Под командованием И. Галкина он участвовал в строительстве Баргузинского острога (1648). Его личные качества заставляли ценить его в глазах современников — опытных И. Галкина и И. Похабова, которые доверяли ему командование ответственными походами в долины рек Витим, Муя, Верхняя Ангара, на озера Буженей и Баунт. Его заслуги отмечены енисейскими воеводами невиданному по тем временам взлёту за каких-то десять лет от рядового казака до чина сына боярского — аналога офицерского звания в армии.

Впрочем, если посмотреть «правде в глаза», есть ещё исторические личности, претендующие на роль «основателя Иркутска». Например, енисейский сын боярский Иван Иванович Похабов, которого в Иркутске до середины XX века почитали основателем города; казачий десятник Василий Ездаков, которого Яков Похабов назначил первым приказчиком вновь построенного острога; енисейский воевода Иван Иванович Ржевский, который в перечне своих заслуг неоднократно упоминал о строительстве при нём Иркутского острога.

Однако здесь уже нужно лишь всего-навсего определиться, а не сбивать с толку людей, далёких от истории, а также гостей города, невольным вопросом: «А кто это?», вопросом, который будут задавать все и всегда.

Недомолвки и замалчивания — это искажение истории, и не такое уж это и безобидное дело. Одной неточной надписью на памятнике вымарывается из истории Иркутска роль казаков и их командира Якова Похабова в строительстве острога. Это невольно порождает сомнения, а сомнениями, пусть даже в малом, можно добиться лишь неприятия чего-то гораздо большего. И ещё, устанавливая памятник, не мешало бы озаботиться тем, чтобы памятник этот не послужил потомкам свидетельством некомпетентности тех, кто был к этому причастен.

Шанс исправить надпись на памятнике и тем самым сберечь историю и лицо города Иркутска ещё есть! Нельзя упустить этот шанс...

***От редакции.** Потребовалось два года, уйма писем к иркутским властям, чтобы к основной абстрактной надписи прилепили сбоку ту, кою предлагал Юрий Павлович Похабов.*

Наследие графа Амурского

Иркутяне, стыд: по сей день нет памятника Иркутскому губернатору Муравьёву-Амурскому, великому сыну Отечества, что по Ойгунскому договору с Китаем присоединил к Российской империи Дальний Восток, основывал вдоль китайской границы русские города. Нет улиц, площадей и предместий в память о великих иркутянах, но уж в честь кровавых смутьянов и богоборцев-большевиков — сплошь. В недавние годы лишь увековечено имя Сперанского — выкроили часть центральной площади¹, поставили статую и назвали автобусную остановку «Площадь имени Сперанского». И увековечение прозападного либерала, тайного масона было столь таинственно, что иркутские писатели, художники, историки, православно и самодержавно настроенные, ни сном ни духом не ведали о сем событии. Если политический вклад губернатора Муравьёва-Амурского в судьбу Сибири велик, ибо во славу и мощь России, то вклад Сперанского, по мнению, опять же, державных историков, нулевой, ибо опальный царедворец лишь отбывал в Иркутске трёхлетнюю вельможную ссылку. Сперанский прославился законотворческой деятельностью и тем, что декабристы в случае победы на Сенатской площади и свержения царя, Помазанника Божия, пророчили его в верховные правители России. Прославился Сперанский и своеобразным отношением к православному духовенству, о чём и написал в стихе декабрист Кондратий Рылеев: «Сперанский попов обдаёт, / Как клопов, варом...»

Графа Муравьёва-Амурского не славили ни царская, ни советская власть... Не благодаря, а вопреки забывчивой царской власти, вопреки обиженным купцам и чиновникам памятливые потомки всё же увековечили образ русского героя; на исходе девятнадцатого столетия на Амурском утёсе города Хабаровска, который хабаровчане о ту пору величали Муравьёвским, взметнулся памятник генерал-губернатору Восточной Сибири — произведение знаменитого скульптора А.М. Опекушина, — торжественно открытый во время посещения Хабаровска наследником российского престола, будущим императором Николаем II. А Иркутск расцедрился лишь на барельеф всесветно славленному Иркутскому губернатору, что смутно виден на постаменте памятника Александру III, а ведь иркутяне уже и на исходе девятнадцатого века могли бы удостоить русского героя величественной скульптурой, помятуя о его праведных деяниях во славу Восточной Сибири и губернского града.

Возлюбив Петра I, средневекового большевика, советская власть не поклонилась великому сыну России. Иркутск не увековечил память великого соотечественника даже памятной доской на Белом доме, откуда губернаторы правили Восточной Сибирью. Иным иркутянам по простоте душевной думалось, что улица Амурская (ныне Ленина) — в память о графе Амурском, но увы, увы, современники величавого губернатора поименовали улицу Амурской в честь российского обречения и освоения Приморья и Приамурья с батюшкой Амуром. Да, благодаря служивому люду, казачеству и крестьянству свершилось имперское деяние, но лишь потому, что правил государевым кораблём мудрый кормчий, духовно окормляемый святителем Иннокентием, апостолом Сибири и Америки, митрополи-

¹ В царскую эпоху площадь величалась в честь кафедрального собора Тихвинской Божией Матери.

том Московским, уроженцем, напомним, села Анги, что к северу от Иркутска. Без духовного и мирского пастыря народ — безпризорное стадо глупых и порочных овец, сломя голову скачущее в бездну. Хотя, думаю, добропамятливые потомки всё же сознавали: улица Амурская посвящена не токмо великому российскому деянию, но и великому её устроителю, его сиятельству графу Муравьёву-Амурскому. К сему Триумфальная арка, именованная «Амурские ворота», всё же посвящалась славному губернатору, хотя и не обозначена барельефом.

27 декабря 1990 года, после трех лет переписки с российским посольством в Париже, с посольством Франции в Москве, прах Николая Николаевича Муравьёва-Амурского и серебряный венок были доставлены с кладбище Монмартр во Владивосток. Саркофаг установили в Доме офицеров флота, где совершилась заупокойная литургия.

Очевидцы вспоминали: «траурная процессия заполнила главную улицу Владивостока. Саркофаг с прахом генерал-губернатора был установлен на лафете гаубицы. У гроба в почётном карауле застыли военные моряки и казаки. Бронетранспортёр медленно тронулся. Город провожал Муравьёва-Амурского к месту последнего упокоения. Казаки и военные моряки несли вслед за лафетом флаги — России и Андреевский. Великому гражданину России воздавались самые высокие воинские почести... Всё было торжественно и печально, было море цветов и венков...» О том, чтобы прах Муравьёва-Амурского предать земле в городе Владивостоке, им основанном, русские помышляли в конце XIX и начале XX века, но лишь на исходе минувшего века помыслы ...или промысл Божий... сбылся: прах героя под грохот корабельных батарей Тихоокеанского флота был предан земле на высоком яру, где взору открывается бухта Золотой Рог.

Вскоре и Хабаровск на амурском берегу воздвиг памятник основателю города Николаю Муравьёву-Амурскому, а потом и Благовещенск, и лишь Иркутск упорно не признает героя России, жившего в Иркутске, и не желает почтить его имя хотя бы скульптурой, что явилась бы взору на излучине улицы Ленина ...жаль, что не Муравьёва-Амурского... где ныне каменный зверь бабр богохульно и глумливо обернулся задранной хвостом на святыню православия Крестовоздвиженскую церковь. Либо памятник Муравьёву-Амурскому может быть воздвигнут на центральной площади города; коль один её край поименован площадь Сперанского, то не грех бы другой край площади поименовать площадь Муравьёва-Амурского, ибо деяния бывшего иркутского жителя, губернатора Николая Муравьёва-Амурского во славу России столь велики, что имя его украшает скрижали, где прописаны самые великие государственные мужи Российской Империи изначала и поныне.

Анатолий Байборodin,
главный редактор журнала «Сибирь»

* * *

Про бухту Золотой Рог английские моряки, обшарившие все моря и океаны, говорили, что второй такой в мире нет. На Дальнем Востоке всегда было много любопытного, что дразнило воображение жителей туманного Альбиона. Но они опоздали — граф Муравьёв-Амурский оказался более могучим, чем «британский лев». Была середина XIX века...

Вскоре после известных событий на Сенатской площади император Николай I беседовал за столом с самой умной из своей родни женщиной — великой княгиней Еленой Павловной. Он протянул ей список заговорщиков для ознакомления.

Когда та начала читать вслух, император кашлянул и показал глазами на камер-пажа, который согласно дворцовому этикету стоял за её креслом. Юноше было 16 лет, но из-за худобы и низкорослости он выглядел сущим мальчишкой. Его звали Николай Муравьёв — в списке было несколько людей с этой фамилией. Елена Павловна поняла и замолчала. Имея острое чутье на всякую человеческую одарённость, она уже успела оценить особые природные задатки своего камер-пажа. И этому обстоятельству суждено будет сыграть в его судьбе свою роль.

В 1827 году, после окончания с золотой медалью Пажеского корпуса, Муравьёв шёл типичным путём боевых офицеров, годами не видевших столиц. Русско-турецкая война, боевые операции в Польше, затем на Кавказе — вот его жизнь, и отдавался он ей с радостью и энтузиазмом.

«Я понимаю, почему Кавказ меня любит — потому что я его люблю со всеми его лихорадками и лишениями; там я только мог развернуться; там я в своей тарелке», — писал Муравьёв брату. Служба шла своим чередом, и в 32 года он уже был генерал-майором, однако из-за множества полученных в боях ранений вынужден был выйти в отставку.

В 1844 году Муравьёв уехал подлечиться на воды, а на обратном пути заглянул в Париж. Впечатлениями от этого «вселенского Вавилона» он, однако, быстро пресытился. «Довольно уже я покатался и насмотрелся в этой знаменитой Европе, — с неким раздражением писал путешественник домой, — лучше двумя неделями раньше возвратиться».

В последние свои дни в Париже Муравьёв мыслями был уже в России, и вдруг — нечаянная встреча в одном из домов его парижских знакомых. Он влюбился. Катрин де Ришемон принадлежала к родовитой семье с фамильным замком в городе По близ одноимённой реки. У генерала Муравьёва не было за душой ничего из того, что полагалось положить к ногам красивой девушки: ни фамильных драгоценностей, ни капитала, ни поместья, ни своего дома. Кстати сказать, до конца своих дней ничем из этого списка Николай Николаевич так и не обзавёлся и всегда жил в съёмных квартирах. Средством к существованию всегда было лишь жалованье, а потому с выходом в отставку нехватка денег стала для него особенно ощутимой.

Взвесив все эти обстоятельства, Муравьёв не посчитал себя вправе предложить мадемуазель де Ришемон руку и сердце, и из Парижа уехал, так и не объяснившись.

Но уже на следующий год положение изменилось: Муравьёв был назначен генерал-губернатором в Тулу. В Париж немедленно полетело письмо, в котором он писал, что мечтает видеть Катрин своей женой. В ответ он получил долгожданное «да».

Всё дальнейшее происходило с головокружительной быстротой. Недавнее вступление в должность не давало Муравьёву возможности для поездки во Францию и представления семейству невесты, но любви свойственно сметать на своём пути все формальности, и Катрин сама приехала в неведомую ей Россию.

Счастливый жених сообщает о ней родным: «милая, прекрасная, умная...» и добавляет: «Я счастлив». Катрин принимает православие, и вслед за этим они венчаются в церквушке маленького сонного Богородицка, по крыши заваленного снегом. Это произошло 17 января 1847 года. С этого дня Катрин де Ришемон стала Екатериной Николаевной Муравьёвой.

Спустя месяц родня получила от молодожена письмо: «Катенька моя теперь в классе русского языка». А ещё через пару месяцев Муравьёву довелось сопровождать проезжающего по Тульской губернии императора Николая I.

В избе старосты села Сергиевское император предложил ему налить две рюмки водки и, подняв свою, произнёс: «Поздравляю тебя, генерал. Отныне ты — губернатор Восточной Сибири. Край громадный, забот там невпроворот. Крепко на тебя надеюсь...»

Вернувшись в Тулу, Муравьёв первым делом прошёл в гостиную жены: «Мы едем в Сибирь, Катенька. Собирайся...» Екатерина Николаевна уже достаточно хорошо понимала по-русски.

Изумление общества по поводу назначения Муравьёва начальником одной из самых обширных областей России в первую очередь было связано с его совсем не «губернаторским» возрастом. На тот момент ему едва исполнилось 38 лет. «Мальчишка», — узнав об этом, пробасил губернатор Западной Сибири.

Не последнюю роль в назначении Муравьёва сыграла великая княгиня Елена Павловна, продолжавшая следить за карьерой своего бывшего камер-пажа. Организаторские способности генерала, проявленные в армии, были известны и Николаю I. Произвела на него впечатление и записка, поданная Муравьёвым уже в должности тульского начальника. Главное содержание её составляла мысль о необходимости уничтожения крепостного права как явления, не только провоцирующего бунты и беспорядки, но и мешающего стране развиваться. Император, как раз в эти годы предпринявший попытку расшевелить дворянскую инициативу в решении крестьянского вопроса, ещё более утвердился в мысли, что Муравьёва необходимо использовать на трудном государственном поприще. Восточная Сибирь — край ссыльных, край золотопромышленников, край оголтелой коррупции и беззакония — являлась своеобразной волчьей ямой даже для бывалого государственника. Молодой генерал показался ему «крепким орешком». И император не ошибся.

...В начале 1848 года новый губернатор с супругой прибыл в Красноярск. Торжественной встречи не получилось. Более того, она приобрела скандальный характер: хлеб-соль от местного купечества, людей «своекорыстных», новый губернатор принять отказался, и означать это могло только одно — «со мной шутки плохи». Встречающие всё поняли и зловеще затаились.

Первый свой визит губернаторская чета нанесла ссыльным декабристам С.Г. Волконскому и С.П. Трубецкому. Это обстоятельство дало ход первому же доносу в Третье отделение. Последующее эпистолярное наследие подобного толка, главным героем которого неизменно становился генерал-губернатор, могло бы составить целую библиотеку.

Но всё равно — «муравьёвское время» началось. Ему суждено было продлиться без малого 14 лет и стать совершенно особым периодом в истории Сибири — ни до, ни после ничего подобного уже не повторялось.

Исследователи преобразовательной деятельности Муравьёва на посту генерал-губернатора будут неизменно изумляться её размаху: она охватила практически все области управления и общественной жизни огромного края. Недаром уже современники Муравьёва говорили, что этот человек стоит целого Комитета министров, и называли его «Петром Великим Восточной Сибири». С той только разницей, что Пётр был самодержец, сам себе голова, Муравьёв же все 14 лет находился между молотом и наковальней. Слишком во многом он должен был действовать в рамках предписаний и согласований с Петербургом, с одной стороны, а с другой — ломать сопротивление местной оппозиции, тех некоронованных сибирских королей, которые не собирались сдавать без боя ни финансовой, ни какой иной своей власти.

Все 14 лет Муравьев будет бороться с обкрадыванием государства. Забегая вперёд, скажем: коррупцию и взяточничество ему искоренить не удалось, зато удалось заставить местную олигархическую верхушку вспомнить, что существуют и государственная власть, и законы, с которыми придётся считаться.

Самым ожесточённым временем борьбы стали первые годы губернаторства Муравьева. По вверенному его заботам краю прокатилась целая череда судебных процессов, направленных на пресечение преступной финансовой деятельности местных золотопромышленников. Был поставлен заслон противозаконной переправке намытого золота в Китай. Муравьев вообще ратовал за создание единой государственной золотодобывающей компании. Его усилия на этом поприще встретили ярое сопротивление не только местных, но и столичных чиновников, привыкших к «сибирской мзде».

Но, тем не менее, в отдалении от Петербурга Муравьев использовал все возможности, чтобы расправиться с местными божками.

К подобной категории, например, относился клан купцов Кандинских, у которых в должниках на положении рабов ходило пол-Сибири. В одно прекрасное утро дом главы семейства «№ 1-й гильдии купца и коммерции советника» был оцеплен солдатами. Ревизоры, получившие строгие инструкции, засели за работу. Начёт, сделанный Кандинским за укрытие налогов, оказался огромен. Дальше — больше. Губернатор распорядился «не признавать долги свыше 10 р. 50 к., не зафиксированные документально».

Это был хитроумный и очень верный со стороны Муравьева ход — ни долго-рых расписок в частности, ни практики письменного оформления взятого кредита в целом Сибирь ещё не знала.

Конечно, действия губернатора с точки зрения законности вызывали немало вопросов — и современники, и исследователи более позднего времени неоднократно упрекали Муравьева в превышении власти. Сам же он, окунувшись в клоаку беззастенчивого воровства, не видел иного выхода из положения, как познакомиться с казнокрадами с политикой «крепкой руки». Предание военному суду, заключение в острог, запрещение вести торговлю, негласный полицейский надзор — подобные меры испытали на себе многие «короли» Восточной Сибири.

По мере того как между ними и губернатором крепла стена глухой вражды, его авторитет среди простого люда, напротив, становился всё прочнее. О нём шла слава, что он-де «всегда и во всем стоит за бедного и слабого против сильного». Муравьев действительно не раз подчёркивал, что не верхушка, в которой лицо были сепаратистские отношения, а именно народная масса является в Сибири истинной опорой верховной власти. Неудивительно, что в скором времени его начали обвинять в стремлении к дешёвой популярности. Но факт оставался фактом: четыре раза в неделю двери губернаторского дома распахивались для простоядинов. Чинно, соблюдая очерёдность, входили в губернаторскую приёмную крестьяне, казаки, инородцы. Жалобы и просьбы принято было подавать в письменном виде, но чаще дело решалось прямо на месте. Муравьев терпеть не мог канцелярщины и волокиты, видя в них гибель всякому делу.

Хлопотами Муравьева перед Петербургом были осуществлены изменения в административно-территориальном устройстве края — восточносибирские земли были выведены из состава Иркутской губернии и получили самостоятельность, что пошло им на благо. С именем Муравьева связан подъём науки и просвещения на сибирской земле. Как писали свидетели этого, «маленьких ребятишек всех без

исключения стали учить грамоте». Публичные лекции, воскресные школы, литературные вечера, приглашение артистов из Центральной России — всё это, не виданное ранее, происходило по инициативе и при полной поддержке губернатора. Стоял Муравьев и у истоков либеральной печати, от которой впоследствии сильно досталось и ему самому.

Спустя 30 лет после появления в крае Муравьева казак Кирик Богданов в своих воспоминаниях писал, что изменений в самой атмосфере жизни невозможно было не заметить: «...Все Забайкалье ожило. Всем нашлась работа и служба; жизнь совершенно изменилась».

Сама фигура генерал-губернатора, казалось, призывала к одному: «честная работа не покладая рук». Его собственная энергия расценивалась окружающими как «необычайная»: «с 6 часов утра уже начинались занятия, и к этому времени должен был явиться дежурный чиновник». Муравьев и сам не раз говорил, что его пост требует «чрезвычайных физических усилий, здоровья необыкновенного, непомерной деятельности».

Муравьев искал людей с идеями, полезными краю. Молодой флотский офицер Геннадий Невельской поделился мыслью об исследовании устья Амура, с тем чтобы завладеть амурским лиманом и таким образом открыть России выход к Тихому океану. Слова капитана произвели на Муравьева потрясающее действие. Вот это размах! Он сразу же оценил широкие перспективы подобной затеи. Полудикий, словно погруженный в спячку, Дальний Восток оживёт с началом судоходства на Амуре!

Но Петербург в лице всесильного канцлера Нессельроде изолированность Сибири как раз устраивала. Век за веком она служила «глубоким мешком, в который спускались социальные грехи и подонки в виде ссыльных, каторжных». С присоединением Амурского края, с выходом к океану дно этого «мешка» оказывалось распоротым...

Но не только «утечки» неблагонадежного элемента опасался Нессельроде. Его тревожило то, что, дав ход «амурскому делу», можно было не угодить Европе, к которой он относился куда более трепетно, чем следовало бы канцлеру России. Поэтому императору о предложениях Муравьева докладывалось весьма критично: «Он поссорит нас с Европой...»

Понимая это, Муравьев был вынужден добиваться личных встреч с Николаем I. «Время не ждет, Ваше Величество! Иностранные державы могут опередить нас: Россия должна восстановить свое присутствие на Дальнем Востоке».

На слове «восстановить» Муравьев делал особый упор. Еще в 1649–1653 годах землепроходец Ерофей Хабаров со своими казаками совершил ряд походов в Приамурье и составил «чертеж реке Амуру». Часть оставшихся из отряда Хабарова основала здесь небольшую военную крепость — Албазин. Заметив активность русских, маньчжуры тоже заинтересовались «ничейными» землями. Стычки продолжались три десятка лет. Горстка казаков, не получая достаточного подкрепления, не могла противостоять значительно превосходящей силе маньчжур. В конце концов начались переговоры, итогом которых стал вынужденный отход казаков с Амура. Албазин с его невысокими крепостными стенами, как материальное доказательство присутствия русских, был срыт. Таким образом, граница России с Китаем в отсутствие твердых ориентиров оказалась неопределенной, а земли неразграниченными. Так прошло два столетия.

Муравьев с завидным упорством преодолевал остервенелое сопротивление управляемого Нессельроде Особого комитета по «амурскому вопросу», создан-

ного в Петербурге. Обвинённый во всех смертных грехах, в жажде орденов и славы, он добился-таки ещё одной встречи с императором.

Глядя на невысокого, задиристого, с юношеским блеском в глазах «просителя за Амур», Николай I сдался:

— Ну смотри, Муравьёв, чтобы и не пахло пороховым дымом! Головой ответишь...

В январе 1854 года генерал-губернатор вернулся к себе с бумагой, подтверждающей его полномочия на ведение переговоров с пекинским трибуналом по вопросу о границе.

Муравьёву необходимо было выиграть время. Двухвековое затишье сменилось активностью, которую проявляли на Дальнем Востоке Англия, США и Франция. А потому губернатор начал заселять приамурские земли раньше, чем начались переговоры с Пекином. Цель была ясна и понятна: поставить и Китай, и Европу перед фактом уже имеющей место российской колонизации. Когда по берегам дымят избы и кричат русские младенцы, многие вопросы отпадают сами собой.

Поначалу в Приамурье согласились переселиться сибиряки, привлечённые большими льготами. За ними потянулись новосёлы из центральных областей России. Особой симпатией Муравьёва пользовались казаки. Эти люди безропотно, стоически приняли на себя все тяготы освоения новых российских земель, обрекли и себя, и семьи на жизнь, полную испытаний. Именно казакам Россия, обретая дальневосточные рубежи, во многом была обязана их незыблемостью.

...Для обывателя слово «сплав» ассоциируется с брёвнами, несущимися в бурном потоке. Нечто иное подразумевало оно в «амурской эпопее» Муравьёва. Сплав — это переселение, движение народа на новые места, решимость занять территорию. И не груда брёвен — целая флотилия из пароходов разного размера, баржей, плотов, вместительных лодок, растянувшаяся на несколько вёрст, тащила на себе переселенцев, скарб, строительные материалы, домашний скот, зерно для посева, муку.

Первый такой сплав состоялся в 1854-м и более походил на армейский обоз, везший кроме прочего и пушки, и боеприпасы, и амуницию. Это было необходимо не только для охраны первых поселений, но и для строительства крепостей и застав по всему левому, русскому (чего в результате переговоров только ещё предстояло добиться), берегу Амура. Так возникли укрепления, ставшие в будущем городами-форпостами России на Дальнем Востоке: Хабаровск, Владивосток, Благовещенск...

Каждый сплав подготавливался как крупная военная операция. Что же говорить о первом! Муравьёв был вездесущ: он вникал в детали строительства специальных кораблей, искал и находил инвесторов, готовых под гарантии государства вложить деньги в новое дело — и находил таковых. Сотни проблем, неувязок, неожиданных препятствий — хоть умри, предстояло решить к назначенному дню. Многие считали манеру Муравьёва не слишком доверять другим и всё перепроверять самому слабой чертой его как администратора. Но мог ли быть другим он, хорошо сознававший, сколь велика его ответственность, равно как и цена его ошибки?

«Небольшого роста, нервный, подвижный, — писал о Муравьёве Иван Александрович Гончаров, — ни усталого взгляда, ни вялого движения... Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, борющаяся с препятствиями!»

Свидетельства очевидцев переносят нас в майское утро 1854 года, которого большая страна, быть может, и не заметила. Тем же, кто ждал сигнала к отплытию, казалось, что едва ли не вся Россия тронулась с места и пошла на восток вслед за никогда не оставлявшей её мечтой.

«День был чудный, солнце ярко освещало берега Шилки; и хребты, и долины, озаренные его светом, казалось, радовались тому, что происходило на реке. Около четырех часов утра пробили тревогу. Из лагеря вышел Муравьев со своей свитой, и все мы двинулись к берегу... После церковного служения генеральская лодка подняла на мачте флаг. Все стали по лодкам, скомандовали отвал... Впереди всех понеслась лодка Муравьева, а за нею все прочие суда. Запестрели перед нами берега Шилки, оглашаемые громкими криками «ура!». С берега и реки... Великолепна была Шилка в эту светлую минуту! Гордо катились воды ее: ей, казалось, нравилась, полюбились свежая флотилия, которая неслась перед ее берегами к свежему делу. Заводская пушка приветствовала нашу флотилию; горные пади вторили ей, и все население Шилки кидало шапки на воздух при крике «ура!». Это было восторженное, единодушное, радостное приветствие, предзнаменование благого исхода новому пути. По излучине реки в этом месте, на две с лишком версты, растянулась флотилия. Впереди ее открывала плавание высокая мачта с генеральским флагом».

Во время плавания Муравьев постоянно был начеку. Спящим его в те дни не видели. По примеру «хозяина» и штаб Муравьева, в полном составе сопровождавший флотилию, обязан был бодрствовать. «Ночью непременно должно наблюдать своим глазом», — внушал тот своим подчиненным. Его, напряженно вглядывающегося во тьму и то и дело грозящего кого-то «зарыть в землю» за нерадивость, видели в те дни многие.

Спустя четыре дня новосёлов уже несли вперед воды Амура. Значение того дня, когда на его берега высадились семьи казаков, трудно переоценить. За этим «большим новосельем» уже явственно проступало событие куда более масштабное — Российская империя навечно отмечала свои восточные рубежи.

Все первые четыре сплава были осуществлены под непосредственным руководством Муравьева. Отсутствие губернатора во время пятого объяснялось причиной более чем уважительной — он сидел за столом переговоров с китайцами.

В мае 1858 года в небольшом китайском городке Айгуни генерал-губернатором Муравьевым была одержана блестящая победа. Китай признал полное право русских на земли по рекам Амур и Уссури. Отторгнутые в 1689-м громадные пространства, сосредоточившие в себе богатейшие природные ресурсы и исключительно удобную береговую линию, стали неотъемлемой собственностью России. Самое же примечательное состояло в том, что подобное беспрецедентное «приобретение» свершилось без всякого применения вооруженной силы, без единого выстрела. Именно этот факт сделал дальневосточную эпопею Н.Н. Муравьева одной из самых замечательных страниц в российской истории.

Близлежащее к Айгуни русское укрепление Усть-Зейск первым встретило возвращавшегося с благой вестью генерал-губернатора. Здесь был отслужен благодарственный молебен, после чего Муравьев продиктовал приказ по войскам. Но то было, по существу, обращение ко всем, кто приложил руку к великому делу «собирания земли русской».

«Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур стал достоянием России! Святая православная церковь молится за вас! Россия благодарит»...

В память этого события Усть-Зейск был переименован в Благовещенск.

Как никто другой, Муравьев знал, какой ценой оплачена эта победа. Он отдавал должное главным действующим лицам грандиозной эпопеи, развернувшейся на Амуре. Нехватка продовольствия, суровый климат, болезни, оторванность от Большой земли оборачивались тяжелейшими испытаниями для людей. И надо было верить в своё предназначение выполнить задачу, которую равно считали своей и генерал-губернатор, и перебравшийся на Амур воронежский пахарь, и шедшая вслед за мужем ставропольская казачка.

Не о том ли писал польский историк Валишевский, отнюдь не обременённый симпатией к России: «Сила России и тайна ее судьбы заключается в том, что она всегда имела волю не обращать внимания на траты, когда дело шло о достижении поставленной цели...»

В августе 1858 года ввиду исключительных заслуг перед государством Николай Николаевич Муравьев императорским указом был возведён в графское Российской империи достоинство с наименованием графом Муравьевым-Амурским.

В 1860 году число казачьих станиц на Амуре составляло шесть десятков, на Уссуре — двадцать три. А Муравьев думал уже не о сёлах — о городах, соединённых между собой железными дорогами, о свободной беспошлинной торговле для экономической независимости края, о тихоокеанском флоте, о пограничных заставах. Он никогда не был мечтателем: всё перечисленное было заложено именно при участии Муравьева, чтобы получить в дальнейшем уже бесповоротное развитие.

Разумеется, генерал-губернатор стал легендарной фигурой. Недаром появилась станица Екатерино-Николаевская, соединившая в своём названии имена удивительной супружеской пары Муравьевых. Не только сам губернатор, но и его супруга была личностью необыкновенной, которой судьба и жизнь уготовила необыкновенную.

Пусть в Красноярске Екатерина Николаевна имела лучший в городе особняк — с парадным залом, зеркалами и библиотекой, пусть, окружённая всеобщим почётом, считалась «первой дамой» Восточной Сибири — по сути, она вполне могла именовать боевой подругой своего супруга, переносившей все выпавшие на его долю испытания и опасности.

Екатерина Николаевна старалась ступать шаг в шаг со своим неугомонным мужем. Как ни отнекивался Муравьев, делать было нечего — ему пришлось взять жену в экспедицию на Камчатку. Не каждому мужчине это предприятие было по силе, но Катенька дала мужу клятву «безропотно переносить все трудности». В воспоминаниях людей о той экспедиции запечатлены сцены, когда бедная жена, дрогнув, плакала от усталости, не надеясь ни на какое снисхождение со стороны мужа. Но проходило время, и горечь обид забывалась: генерал-губернаторшу снова видели то во главе собачьей упряжки, то среди участников очередного сплава. А ведь длилось такое путешествие на плотах и лодках от трёх до шести месяцев. Не одна тысяча километров, пройденная в самых трудных условиях, была на счету у Екатерины Николаевны. О супруге губернатора писали: «Жена Николая Николаевича, француженка, не меньше его отличалась гуманностью, добротой и простотой. Она избегала пользоваться его выдающимся положением в Сибири... Со всеми в городе Е.Н. Муравьева была очень внимательна и обходительна». Кстати, именно к ней как к последней инстанции бросались искать защиты, провинившись перед грозным губернатором. Он же просто не умел говорить Екатерине

Николаевне «нет». По словам его сослуживца Б.В. Струве, «он был в нее влюблен безумно». А потому неизбежное, казалось, наказание всегда смягчалось, а порой и отменялось вовсе.

Обаятельной, всегда оживлённой и элегантной, как истинная парижанка, запомнилась сибирякам Екатерина Николаевна. А ведь для неё, как чудом залетевшей сюда из тёплых краев птахе, суровый климат был губителен. Это стало ясно сразу, а потому тяжёлые экспедиции ей приходилось чередовать с поездками в Европу на лечение. У Муравьевой стало резко ухудшаться зрение. Врачи запретили ей смотреть на снег, слепивший глаза, — тот самый русский снег, который она так любила. Она ощущала себя дочерью России. Окружающие, слыша её речь, часто про себя удивлялись: французы для нее были «они», русские — «мы»...

В 1861 году граф Муравьев-Амурский, в очередной раз не поладив с петербургским начальством, вышел в отставку. Ему было 52 года.

В конце января того же года Иркутск прощался с генерал-губернатором. Его провожал весь город: «Тут были и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшие из окрестных деревень, и инородцы, и казаки».

«Когда я протиснулся сквозь толпу к экипажу графа, — писал очевидец, — я слышал только следующие слова, произнесенные инородцами: «Мы тебя, граф, не забудем! Не забудь и ты нас»... Тронулись повозки; все стояли без шапок».

...Следующие 20 лет, живя с Екатериной Николаевной во Франции, Муравьев-Амурский всё ждал, что о нём вспомнят на родине. «В Россию меня не зовут, — с горечью писал он, устав считать бесцельно уходящие годы, — даже говорят, там совсем не желают скорого моего возвращения».

В 1877 году, когда начиналась Русско-турецкая война, на пороге 70-летия боевой генерал Муравьев «явился в Петербург, чтобы предложить себя правительству, но уехал ни с чем»... На этом была поставлена последняя точка в его отношениях с официальным Петербургом.

Связь же с той землей, которой было отдано сердце, не прекращалась до последнего дня. Муравьев оставался в курсе всего, что происходило в Сибири и Приамурье: в письмах он даёт преемнику мудрые советы, предостерегает от ошибок. Те из его сподвижников, которые оставались «на местах», свидетельствовали: «...Не было почти ни одного сколь-нибудь важного или показного для края дела, в котором бы не проявлялось участие графа Муравьева». Любая задержка корреспонденции вызывала в Париже едва завуалированное беспокойство: «Мне любопытно было бы знать, что у вас в Иркутске делается». Он подумывал о дальневосточной земле как о месте последнего упокоения. Она же его не забывала — сибирские вояжеры неизменно проводывали «своего графа», доставляя священные для него дары — байкальского омуля, китайские яблоки...

Граф Муравьев-Амурский скончался 18 ноября 1881 года. Екатерина Николаевна поставила в изголовье его могилы на Монмартрском кладбище вытесанный из камня большой православный крест.

В начале 20-х годов памятник графу Муравьеву-Амурскому, который возвели вскоре после его кончины, по приказу Дальревкома, возглавляемого Я.Б. Гамарником, был уничтожен. Деньги на тот монумент собирали всем миром. Сумма вышла внушительная. На конкурсе победил академик А.М. Опекушин.

В бронзе Николай Николаевич вполне соответствовал тому, как его называли — «Петр Великий Восточной России». Все говорили, что его автору удалось

достичь большого портретного сходства с тем живым, неуёмным губернатором, которого здесь все ещё хорошо помнили. Изображён он был 45-летним, одетым не в генеральский мундир, а в походный казачий чекмень. «Непокрытая голова, с лицом, дышащим энергией... Руки сложены на груди, причем в правой руке была зрительная труба, а в левой — свиток (Айгунский договор. — *Прим. авт.*) с картой. Левая нога выдвинута вперед и опиралась на верхушку вбитой сваи в ознаменование того, что графом Муравьевым-Амурским положено твердое основание Амурского края».

Разбитая 5-метровая фигура долго валялась в прибрежном парке и зарастала травой и кустарником. Бронзовые доски с выбитыми на них именами верных сподвижников графа отправили на переплавку. В Хабаровске, основанном Муравьевым в 1858 году, жители 1920–1930 годов лишь шёпотом выражали своё возмущение подобным варварством.

Восстановить памятник было решено только в 1980-х годах, благо, в Русском музее сохранилась его маленькая модель. И снова, как и столетие назад, стали собирать деньги, только теперь уже правнуки тех, кто жертвовал их на первый памятник, те, для которых это имя не осталось пустым звуком.

«Бог не дал мне заслужить внимание моих современников, — горько сетовал когда-то Николай Николаевич, — не рассчитываю я на внимание и потомства». Но он ошибся...

В 1992 году бронзовая фигура графа как олицетворение незыблемого присутствия России на берегу Тихого океана стала на своё прежнее место. А годом раньше с Монмартрского кладбища в Париже прах Муравьева-Амурского был перенесён в Россию и под грохот корабельных батарей Тихоокеанского морского флота предан земле во Владивостоке.

НАТАЛЬЯ ГАВРИЛОВА

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК МУЗЕЯ ИСТОРИИ
ГОРОДА ИРКУТСКА ИМЕНИ А.М. СИБИРЯКОВА

Купеческий род Сибиряковых

Купеческий род Сибиряковых можно рассматривать как уникальное явление в истории Иркутска и Сибири в целом. Равных ему по долголетию, размаху промышленной и торговой, общественной и культурной деятельности среди других династий найти сложно. Их знала Сибирь, Россия и Европа. За полезные государственные и общественные дела им были пожалованы звания дворян, именитых и почётных граждан, вручены награды зарубежных стран. Их имена — на географической карте, в названиях улиц, сухопутных трактов и кораблей.

Шесть поколений с рубежа XVII–XVIII и до начала XX века насчитывал этот купеческий род, вобравший в себя удивительное созвездие выдающихся личностей, определявших судьбу не только своей фамилии, но порой существенно влиявших на события в городе и крае.

На протяжении двух столетий, XVIII и XIX веков, Сибиряковы играли одну из определяющих ролей в экономической жизни города и региона, сфере городского самоуправления, являлись щедрыми благотворителями.

Сибиряковым принадлежит выдающаяся роль в развитии сереброплавильной, золотодобывающей и обрабатывающей промышленности Восточной Сибири, развитии внутреннего и внешнего рынков, судоходства по рекам Азиатской России и северным морям.

Уже в XVIII — начале XIX века их предпринимательская деятельность охватывала всю Восточную Сибирь, они «держали» значительную торговлю в Кяхте, владели Тельминской суконной мануфактурой, везли свинец и медь с Нерчинских казённых заводов в Барнаул и Екатеринбург, осуществляли грузоперевозки по Охотскому тракту. На Байкале им принадлежал целый флот, в Нерчинском округе были открыты серебросодержащие прииски, давшие стране свыше 3 тысяч пудов чистого серебра. Немалую роль играли Сибиряковы и в организации торгово-промышленных компаний на Тихоокеанском побережье, принимали участие в знаменитой Российско-Американской компании. Созданные ими золотопромышленные товарищества стали крупнейшими в Восточной Сибири. С именем Сибиряковых связано образование города Бодайбо, начало судоходства по рекам Лене и Витиму.

На средства А.М. Сибирякова были исследованы фарватеры Ангары и Енисея, освоено судоходство в нижнем и среднем течении Ангары, изучен кратчайший путь с Оби на Печору для перевозки сибирских товаров, организован тракт, получивший название «Сибиряковского тракта на север». Самым значительным стало его участие в организации знаменитой, «прогремевшей» на весь мир экспедиции Норденшельда 1878–1880 годов на судне «Вега», впервые совершившего сквозное плавание по Северо-восточному проходу. Поддержка спасательной экспедиции А.В. Григорьева (1879–1880) и капитана Де-Лонга, также отправившегося на поиски «Веги». А.М. Сибиряков высказывал идею о необходимости связать все уголки восточной части России посредством водных артерий и волоков в единый хозяйственный организм, открыть новые порты для активизации внешней торговли Сибири. Объём сделанного этим человеком поражает. Его предпринима-

*Портрет А.М. Сибирякова.
Конец XIX — начало XX в.*

тельная, изыскательская и благотворительная деятельность тесно переплетались.

Ведущие позиции занимали Сибиряковы и в сфере городского общественного самоуправления. А.А. Сибиряков представлял интересы иркутского купечества в Петербурге, будучи избранным от города в Уложенную Комиссию Екатерины II. В конце XVIII — первой половине XIX века М.В. Сибиряков являлся одним из лидеров купеческой оппозиции губернской администрации, противодействуя произволу и вымогательству со стороны чиновничества, отстаивая права и свободы городского общества. Шесть раз избирали иркутяне представителей этого рода городскими головами. Суммарный же «стаж» пребывания Сибиряковых в различных общественных службах за неполных два столетия, с середины XVIII до начала XX века, превосходит 100 лет.

Неоспорим вклад Сибиряковых в развитие культурного пространства Иркутска. Среди представителей этой династии были первые летописцы города, владельцы первых крупных книжных собраний, произведений живописи. Визитной карточкой Иркутска стал родовой особняк Сибиряковых, построенный в начале XIX века на берегу Ангары.

Династию отличал необычайный размах благотворительной деятельности. Миллионы были пожертвованы на развитие культуры, науки и просвещения, нуждающимся. Немалые суммы отданы в пользу церквей и монастырей. Как щедрых благотворителей их знали не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но в Петербурге и Москве, в южных, центральных и северных губерниях России, в Германии, Франции и Швеции.

Шестое поколение Сибиряковых стало наивысшей точкой развития династии, явив в лице детей Михаила Александровича не только богатейших золотопромышленников и судовладельцев, но, прежде всего, широчайших благотворителей и меценатов, исследователей, деятелей науки и искусства, крупных общественных деятелей.

Иннокентий Михайлович Сибиряков. Фото 1880-х гг.

«Он имеет все права на признательность своих соотечественников. Его имя — достояние потомков», — говорили об Александре Михайловиче Сибирякове (1849–1933). «Известной благотворительницей» именовали Анну Михайловну Сибирякову (1863 — ?). Об их среднем брате Константине Михайловиче Л.Н. Толстой писал: «Он очень хороший человек, мягкий, добрый, истинно тронутый духом Христовым и только одного желающий — послужить своими богатствами для добра людям» [1]. «Просвещённым благотворителем» называли современники Иннокентия Михайловича Сибирякова (1860–1901).

В течение многих лет И.М. Сибиряков финансировал издание книг известных исследователей Сибири, научные экспедиции ВСОРГО во Внутреннюю Монголию, Китай и Якутию. Крупные суммы были им выделены на открытие Анатомического музея и биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта, устройство Высших женских курсов в Петербурге, строительство Томского университета, школ, училищ, музеев и библиотек в разных уголках Сибири, строительство театра в Иркутске. Существенные пожертвования переданы в пользу церкви, в том числе на основание Свято-Троицкого Николо-Уссурийского монастыря, в пользу Угличского Богоявленского женского монастыря, Линтульской женской общины, Валаамскому монастырю для устройства в Никоновой бухте Воскресенского скита. На средства выдающегося благотворителя был достроен самый величественный на Афоне собор во имя Святого Апостола Андрея Первозванного, выстроен новый больничный корпус с церковью Иннокентия Иркутского и малая церковь при больнице в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В 36 лет миллионер-благотворитель навсегда порвал с миром и ушёл на Афон, где подвизался в Свято-Андреевском скиту, приняв великую схиму и проведя остаток дней в глубоком безмолвии.

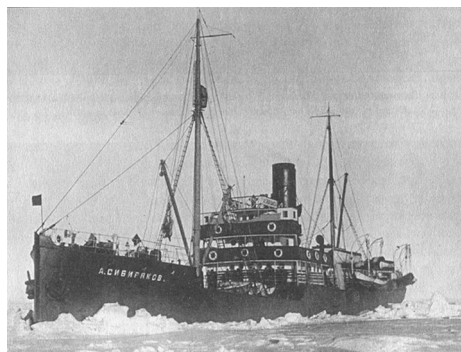
Собор Апостола Андрея Первозванного в Свято-Андреевском скиту на Афоне. Современный вид

Круг знакомых Сибиряковых включал немало писателей, учёных, путешественников и общественных деятелей, среди них — Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Г.И. Успенский, В.И. Семевский, П.Ф. Лесгафт, Н.А.Э. Норденшельд, Ш. Рабо, А. Брем и другие. Среди самих Сибиряковых были не только предприниматели, но и скульпторы, врачи, учителя, писатели, военные.

За всеми достижениями и «объективными итогами» деятельности рода Сибиряковых стоят конкретные судьбы его представителей. Они не были идеальны. Сибиряковы знали взлёты и падения, переживали сложные, а иногда и трагические периоды. Но в каждом поколении находились те, кому становилось «тесно» в предназначенных для них объективными условиями рамках, которые они осознанно или неосознанно пытались взломать, порой слишком дорого расплачиваясь за это.

К началу XX века, за неполных два столетия, род Сибиряковых, основанный прибывшим с Русского Севера крестьянином, глубоко укоренился на землях Байкальской Сибири. Многочисленные представители боковых веточек «знаменитых купцов Сибиряковых» пополняли ряды крестьянства, духовенства, мещанства, купечества Иркутска, городов и сёл Иркутской губернии, Кяхты, Читы, Нерчинска.

XX век раскидал Сибиряковых по всему свету. Их адресами стали Франция, Мальта, США, Австралия, а в СССР — Ленинград, Москва, Львов, Алма-Ата, Баку, Архангельск, Иркутск. В условиях советской идеологии вспоминать о заслугах крупных предпринимателей и золотопромышленников было не принято. Однако полному забвению имена лучших представителей этого купеческого рода преданы не были. Именно ледоколу «Александр Сибиряков» суждено было впервые в истории (1932) осуществить сквозное плавание по Северному морскому

*Ледокол «Александр Сибиряков».
Фото 1932 г.*

пути из Белого моря в Берингово за одну навигацию.

В августе 1941 года корабль вошёл в состав ледокольного отряда Беломорской военной флотилии под названием ЛД-6 («Лед-6»). 25 августа 1942 года «Александр Сибиряков» (экипаж 104 человека) вышел с Диксона, выполняя рейс с оборудованием и персоналом для новой полярной станции на Северной Земле. У о. Белуха в Карском море ему преградил путь немецкий тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер», ведущий поиск советских и

союзнических караванов в рамках операции «Вундерланд». Капитан ледокола А.А. Качарава вышел в эфир и предоставил сведения о присутствии в районе, считавшемся до этого времени совершенно безопасным, надводного корабля противника. Приняв неравный бой, не спустивший флаг корабль затонул.

В 1965 году координаты места боя и гибели ледокольного парохода были объявлены местом боевой славы. В честь команды ледокола пролив в Карском море к северу от о. Диксон назван проливом Сибиряковцев, имя судна носит банка в Баренцевом море у архипелага Новая Земля и гора в Антарктиде на Земле Эндерби. На о. Белуха в память о подвиге корабля установлен маяк. О подвиге ледокола «Александр Сибиряков» написаны книги и снят фильм. Остаётся дополнить, что в сентябре 2014 года в Карском море были обнаружены точные координаты и обломки ледокола.

В 1945 году имя погибшего корабля было присвоено новому судну Северного ледокольного флота, полученному из Финляндии по репарациям (ледокол «Якарху» 1926 года постройки). Ныне теплоход «Александр Сибиряков» входит в состав флота ОАО «Северное морское пароходство». Имя «Александр Сибиряков» носит и один из теплоходов Енисейского речного пароходства (с 2003 года).

Интересно отметить, что в 1942 году на Северном фронте сражался родной племянник Александра Михайловича Сибирякова, сын Константина Михайловича, Игорь Сибиряков (1915–1995). В 1941 году он участвовал в боях на Северо-Западном фронте, в 1942-м — на Северном фронте, в 1943-м воевал на 3-м Украинском фронте, был контужен. В 1944 году сражался на 1-м Белорусском и 2-м Украинском фронтах. К 1944 году 29-летний Игорь Константинович Сибиряков имел звание гвардии лейтенанта, был начальником разведки 68-го Отдельного гвардейского минометного Одесского Краснознамённого дивизиона имени Александра Невского. Дивизион принадлежал 4-му гвардейскому Кубанскому казачьему кавалерийскому Краснознамённому ордена Суворова корпусу.

За участие в Дебреценской (6–28.10.1944) и Будапештской (29.10.1944–13.02.1945) операциях он был дважды награждён орденом Отечественной войны II степени. В первом наградном листе И.К. Сибирякова указывалось: «В боях за Советскую родину с немецкими оккупантами проявил мужество и отвагу. Инициативный и смелый в своих действиях. В результате его правильного руководства разведка дивизиона на протяжении всей операции работала чётко и организованно. Делая правильный выбор наблюдательных пунктов дивизиона и организуя на них наблюдение, давал возможность быстро и легко выискивать цели и вести эффективный огонь.

*Юрий Константинович
Сибиряков. г. Львов. 1960-е гг.
Публикуется впервые.
Частное собрание.*

Лично им в проведенной операции с 5 по 27 октября 1944 г. было обнаружено 3 миномётных батареи, из коих огнём дивизиона одна была уничтожена и две подавлены». Сегодня внуки и правнуки героя Великой Отечественной войны продолжают эту веточку рода Сибиряковых.

В 1960–1980 годах имя А.М. Сибирякова упоминалось в связи с памяtnыми датами, главным образом, исследований Арктики. Так, в 1964 году на карте Москвы, в Свиблово, появилась Сибиряковская улица. Начинаясь от Берингова проезда, она пересекает улицу Амудсена и заканчивается на проезде Нансена. Имя Сибирякова в этот же период было присвоено одной из улиц г. Шелехова.

Наблюдаемая с конца 1980-х годов актуализация изучения опыта и традиций российского предпринимательства и благотворительности способствовала оживлению интереса к богатейшему наследию купеческого рода Сибиряковых как в научной среде, так и широких кругах общественности.

В 1989 году в Иркутске появляются первые краеведческие статьи, знакомящие читательскую аудиторию с основными вехами истории рода Сибиряковых [2]. В 1997 году в рамках многотомного научного издания «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири» впервые была предпринята попытка систематизации сведений по генеалогии рода Сибиряковых [3]. Имена Сибиряковых всё чаще появляются на страницах научных, научно-популярных и краеведческих публикаций. В конце 1990-х годов учитель истории средней школы г. Шелехова Г.П. Сныткова выступила организатором поисковой и научно-исследовательской работы школьников по составлению личного архива А.М. Сибирякова. Юным «Сибиряковцам», как они себя называли, удалось завязать контакты не только с научными центрами России, но Швеции, Германии и других стран.

С 2000-х годов общественные инициативы, связанные с изучением и популяризацией научного, культурного и духовного наследия Сибиряковых, приобретают более чёткие организационные формы. Интерес российской общественности концентрируется вокруг имён Александра Михайловича и Иннокентия Михайловича Сибиряковых.

С августа 2003 года в Петербурге активно функционирует Благотворительный фонд имени Иннокентия Сибирякова (ныне — Православное Просветительское общество имени схимонаха Иннокентия Сибирякова), одним из направлений деятельности которого является сбор материалов о жизни, благотворительной деятельности и духовном подвиге схимонаха Иннокентия. Ведётся работа, направленная на его канонизацию. На Афоне и в России схимонах Иннокентий (Сибиряков) Афонский почитается как подвижник благочестия. Братство во имя схимонаха Иннокентия (Сибирякова) Афонского было создано и в Москве (2013).

«В целях прославления и популяризации имени и деяний Иннокентия Сибирякова, показавшего всей своей жизнью яркий пример бескорыстия, жертвенности и безграничной благотворительности» в 2008 году некоммерческим партнерством «Межрегиональный Губернский Клуб “Петр Великий”» (Петербург) была учреждена общественная неправительственная награда (поставлена на федеральный

*Общественная награда «Орден
«Иннокентий Сибиряков»».
2008 г.*

геральдический учёт) «Орден «Иннокентий Сибиряков». Согласно Положению «орденом награждаются граждане, получившие общественное признание за свою благотворительную деятельность».

В Зауралье в память о А.М. Сибирякове улица в д. Щекурья, от которой начинался Ляпин-Печорский тракт, в 2002 году по решению Саранпаульской сельской администрации получила название «Сибиряковская». В 2003 году была организована военно-патриотическая республиканская экспедиция «Звезда Сибирякова», посвящённая 150-летию А.М. Сибирякова и 82-й годовщине Республики Коми. В 2006 году прошла историко-этнографическая экспедиция «Сибиряковский тракт». В 2006–2007 годах на территории Березовского района состоялась историко-этнографическая экспедиция Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) и ИПОС СО РАН (г. Тюмень), собравшая полевые данные о деятельности А.М. Сибирякова и функционировании Сибиряковского тракта [4].

В Мурманске в 2009 году стартовала международная экспедиция на крейсерской яхте по трассе Северного морского пути, приуроченная к 130-летию юбилею экспедиции под руководством Норденшельда. Экспедиция проводилась под эгидой Русского и Шведского Королевского географических обществ, Ассоциации полярников России, при непосредственной поддержке специального представителя Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в Арктике и Антарктике А.Н. Чилингарова.

Важным событием стало издание первого монографического исследования, посвящённого И.М. Сибирякову [5; 6]. 145-летию со дня рождения И.М. Сибирякова была посвящена и международная конференция «Проблемы благотворительности в современном обществе», прошедшая в 2005 году на базе СПбГУ [7]. К 160-летию со дня рождения А.М. Сибирякова был приурочен международный конгресс «Цели развития тысячелетия и инновационные принципы устойчивого развития Арктических регионов» (Петербург, 2009)

Проводимая с 2011 года в Иркутске (МБУК «Музей истории города Иркутска») конференция по обсуждению вопросов истории купечества и предпринимательства в Сибири, истории сибирского города получила название «Сибиряковские чтения» [8]. С 2009 года в Томском госуниверситете реализуется Программа поддержки студенчества им. А.М. Сибирякова.

*В 2013 г. Музею истории города Иркутска было
присвоено имя Александра Михайловича Сибирякова*

К 2009 году относятся и первые попытки осмысления личностей И.М. Сибирякова и А.М. Сибирякова средствами кинематографии (док. фильм «Помогите! Я страшно богат!», Петербург, 2009 г.; «"Александр Сибиряков". Биография парохода», Москва, 2014 г.). В 2016 году фильмография Сибиряковых пополнилась сразу тремя лентами: «Сибирская история. Династия Сибиряковых»

(Иркутск); «Иннокентий Сибиряков. Помогите мне... я страшно богат!» (Москва), «Александр Сибиряков. Дорога в Сибирь» (Петербург, по заказу телеканала Совета Федерации «Вместе-РФ»).

Первым опытом осмысления достижений этого купеческого рода в рамках музейной интерпретации стала подготовленная Музеем истории города Иркутска выставка «Монополия чести. Иркутские купцы Сибиряковы в истории Иркутска, Сибири, России» (2015). Значительным событием стало экспонирование в музее выставки К. Асимиса «Наш Афон» (2016), посвященной 1000-летию русского присутствия на Святой Горе.

С инициативой установки памятника М.А. Сибирякову в честь его предстоящего 200-летия (2015) в 2013 году выступили краеведы Бодайбо. В память основателя города бодайбинцы назвали улицу Сибиряковской. Есть в районе Сибиряковское месторождение рудного золота, в бассейне р. Бодайбо течёт ручей Сибиряковский. С июня 2013 года имя Александра Михайловича Сибирякова носит Музей истории города Иркутска.

Имена Сибиряковых возвращаются из небытия как и память об их делах и свершениях на благо Земли Иркутской, Сибири и России, составивших честь этому роду.

Примечания

1. Цит. по: *Гаврилова Н.И.* Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 95.
2. *Душкин Ю.* «...От корабельного морского ходу» // Литературный Иркутск. 1989. Март. С. 14–15.
3. *Гаврилова Н.И.* Сибиряковы // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4 (С–Я). Кн. 1 / под ред. Л.М. Дамешека, Д.Я. Резуна. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1997. С. 46–53.
4. *Повод Н.А.* Деятельность А.М. Сибирякова в Тобольской губернии // Подорожник: краеведческий альманах / сост. В. Белобородов. Вып. 9. Тюмень : Мандр и К, 2008. С. 24.
5. *Шорохова Т.С.* Благотворитель Иннокентий Сибиряков: Биографические повествования. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 140 с.
6. *Шорохова Т.С.* Иркутянин-святогорец Иннокентий (Сибиряков). Биографические повествования. Иркутск, 2014. 174 с.
7. Проблемы благотворительности в современном мире : материалы 13-го Междунар. конгресса, посвящ. 145-летию со дня рождения Иннокентия Сибирякова (СПб., 22–24 ноября 2005 г.) / под ред. Е.А. Вороновой. С.-Петербург, 2005. 355 с.
8. Иркутску 350 лет — история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения» (12–13 октября 2011 г., г. Иркутск). Иркутск : Оттиск, 2011. 319 с.; Сибиряковские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2013–2014 гг. Иркутск : Оттиск, 2014. 278 с.; Сибиряковские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2016 г. Иркутск : Оттиск, 2016. 204 с.

Радожица

К 80-летию со дня рождения поэта Ростислава Филиппова

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

Он всегда и во всём был поэтом

О ТВОРЧЕСТВЕ РОСТИСЛАВА ФИЛИППОВА

Первая книга стихов Ростислава Филиппова «Завязь» вышла в 1964 году в счастливое для нашей литературы время. Выпущенная в Иркутске никому не известным начинающим поэтом, она дошла до столицы, до самого Ярослава Смелякова, была им прочитана и отмечена публично. Сегодня это кажется нереальным. Какой мэтр станет читать книги провинциальных сочинителей! Литературное пространство, некогда обширное и единое, разрушено, и мало кто имеет представление, что такое нынешняя изящная словесность: есть разрозненные участки наподобие садовых товариществ, где каждый старается сам по себе, для своей пользы. Государство по инерции, по старой памяти продолжает помогать писательскому сообществу, доживающему свои пенсионные годочки, но на состояние литературы это уже не влияет.

Я бы не сказал, что Ростислав Филиппов в начале пути заявил о себе «ярко и многообещающе», как писал Михаил Вишняков, но были в его стихах искренность, душевность разговорной интонации, верно взятой ноты, мягкая ироничность, которые будут звучать во всех его книгах, усиливаясь и утверждаясь, он возрастал от книги к книге. Есть поэты без развития, научившись приемлемо рифмовать, издадут книги, с годами добавляют количественно, а движения вглубь не случается. Другие становятся заметным явлением литературы, хотя первые книги не показывали яркого и сильного дарования. Вспомним Н.А. Некрасова, после выхода первой книги стихов с чудовищным для развитого вкуса названием «Мечты и звуки» он бегал по книжным лавкам и скупал тираж. Никто не предполагал, что из «Стихов о прекрасной даме» вырастет гениальный Александр Блок.

Лишь одно из ранних стихотворений Ростислава Филиппова «Печенеги» было выделено читателями и критикой особо, его цитировали, наполняя подчас смыслом, которого там не было. Свойство истинной поэзии со временем не только не утрачивать значимости, но сохранять и обретать современное звучание, но это не тот случай.

<i>Как давно на дороги мои</i>	<i>то поверженных идолов</i>
<i>совершают набег</i>	<i>снова подкрасят, починят,</i>
<i>ненавистные мне,</i>	<i>то друзей уведут</i>
<i>современные мне печенеги!</i>	<i>молодыми ещё, симпатичными,</i>
<i>То любовь разобьют,</i>	<i>и в красивых шатрах</i>
<i>то сердца равнодушьем начинят,</i>	<i>покупают их совесть наличными.</i>

Александр Алёшкин в своих воспоминаниях, комментируя стихи, заключает: «Гениально найденное поэтом слово «печенег» дало автору блестящую возможность пройти цензурные рогаки, удачно замаскировать крик своей души, измученной каждодневным насилием чуждой человеческой природе системы». А. Алёшкин пытается представить филипповское обобщение, которое, скорее всего, обозначает некие абстрактные и вечные силы зла, как образ реальной партноменклатуры, но это предположение уплощает мысль. Ростислав Владимирович сам принадлежал к системе, сам был в числе номенклатурных работников и, если согласиться с Алёшкиным, значит, признать двурушничество Филиппова. Скорее всего Алёшкин своё впечатление вменяет поэту, по прошествии времени показывая автора похожим на тех, кто пользовался привилегиями, но когда привилегии кончились, бросил свой партийный билет в мусорную корзину. Ростислав не принадлежал к подобным. Даже когда система рушилась, он оставался верен социалистическим идеалам, оставаясь государственным, о чём он сам говорил на перестроечных партконференциях, а крушение Советского Союза считал катастрофой, о чём свидетельствуют стихи того времени.

Ни тематическое разнообразие, ни публицистическая заостренность, ни количество написанного — не являются критерием художественной ценности, только приобщённость к национальной культурной традиции даёт нам возможность сравнивать и выстраивать иерархическую пирамиду поэтической значимости тех или иных поэтов.

Провинциальная поэзия питается от тех же корней, но, как правило, она потому и провинциальна, что её трудно встроить в общенациональный контекст или по общественной незначительности, или по художественной несостоятельности.

Русскую литературу советского периода можно назвать централизованной, потому что главные литературные силы и руководящие органы творческих союзов были сосредоточены в столице. «Провинциальная литература» — термин несколько неуважительный, хотя Распутин, Астафьев, Белов и многие другие писатели, составляющие гордость России, проживали далеко от Москвы. И не случайно у Ростислава Филиппова встречаем:

*Нет, я любовь к Москве не пересилил,
однако повторяю в свой черёд:
хоть стольный город — сердце всей России,
душа её в провинции живёт.*

Малая родина это не только часть большой, общей для нас, но и более близкая и сокровенная, а сочетание «малые поэты» созвучно малой родине:

*Но здесь, в местах, которых не забыть,
где травы и поля давно воспеты,
твои, Россия, малые поэты,
большой судьбою просим наградить!*

17 мая 1961 года в «Забайкальском рабочем» было опубликовано стихотворение Р. Филиппова «Тем, кто равнодушен».

*Вы стали такими большими —
Другим молодым не чета,
О мачтах, о звёздной шире
Стыдитесь уже мечтать.*

Он жил во времени и менялся со временем сам в зависимости от событий происходящих вокруг. «Ветер странствий» и «знаменосец любви», мечты и мачты,

другие подобные понятия и слова недолго продержались на его рифме. Уже во второй книге он признаётся:

*Строга действительность.
Взглянула
В глаза сурово, а потом
С меня романтику стряхнула,
Как стряхивают пыль с пальто.*

Или в другом стихотворении:

<i>Что привело тебя в такие дали? Ведь издавна, как словом ни верти, отсюда уезжали, улетали, да и теперь сей промысел в чести.</i>	<i>Здесь нету ни охоты, ни улова, а чёрного труда — хоть отбавляй. Романтика — неходовое слово у тех, кто обживает этот край.</i>
---	---

Но он оставался романтиком, как всегда и во всём был поэтом. И в книге девяностых годов «Пятьдесят превосходных стихотворений» слышны отголоски молодости:

<i>Дело сделано. Отныне Ежедневно, в три часа, В промтоварном магазине Продаются паруса.</i>	<i>И с какого-то фрегата Прикупил себе отрез. Что-то шумно в этом мире. Чтобы шум не слышен был, Все-то стены я в квартире Алым парусом оббил.</i>
<i>Там всегда толпа богата, Сквозь неё и я пролез</i>	

Станислав Золотцев писал: «Уж много лет прошло с тех пор, и многое переменялось в жизни...» — но самые талантливые из ребят той плеяды...сохранили верность духу своей молодости. Несмотря ни на что, ни на какие разочарования, провалы и смуту. Никуда в данном случае не деться от этого штампа — остались молоды сердцем, остались романтиками, остались собой. Вот за что прежде всего люблю я поэзию Ростислава Филиппова».

Есть мнение, что иркутская литература 60-х годов вышла из журналистики. Не исключение и Ростислав Филиппов. Газета дисциплинировала, давала возможность шире знакомиться с реальной жизнью, талантливых научала мыслить. Его рифмованные репортажи, зарисовки, портреты сельских людей «Славка метеорист», «Рыбалка на Аргуни», «Председатель рисует памятник» расширяли поэтические горизонты. Так открывается второе дыхание у спортсменов на длинной дистанции.

Переросли журналистику и стали блистательными литераторами Александр Вампилов, Валентин Распутин, Ростислав Филиппов.

Анатолий Кобенков в статье «Река и лодка» отмечал «высокую газетность» стихов Ростислава Филиппова, но я назвал бы это рифмованной газетностью, определение «высокое» к злободневной прессе не имеет отношения.

Восточно-Сибирское книжное издательство в 1972 году выпустило книгу «Я к вам с друзьями». На мой взгляд, здесь начало зрелого Филиппова, а в стихотворении «Присмотримся к работе мастеров», можно сказать, заявлен его творческий манифест.

*Присмотримся к работе мастеров.
Присмотримся — дела у них какие?
Что производят из огня и слов
их удивительные мастерские?*

*Посмотрим осторожно, не спеша:
вот пища мастера — ломоть ржаного хлеба;
вот инструменты — сердце и душа;
а вот сырьё — куски земли и неба.*

*Здесь не музей. Тут тяжкие труды.
Здесь нет вещей приятных и округлых.
Напиться можно тут живой воды
и можно в руки взять слова и угли.*

*И что ему сейчас любой навет,
к чему и похвалы, и укоризны —
доволен мастер. Выплавит на свет
редчайший сплав из мастерства и жизни.*

Здесь начинается новый Филиппов, и не только по мысли и теме, от публичного призыва «Читайте Ленина, друзья» к уединённому «Читаю библию, друзья», это не отход от атеистического мировоззрения, но сомнение в его единственной правильности. Стих становится собранней, от размашистой и неровной «лесенки» шагнул к строгости классической русской строфики, к простоте и глубине, здесь же появляются и крепнут предчувствия, звучат трагические интонации. Уверенность уступает место сомнению.

*Они ходили по воде
и ели горькие коренья,
и знали: ярость в правоте —
закваска всякого прозренья.*

*и ходим изредка в кино...
Мы что-то слишком много знаем!*

*Пророчество — так до конца!
О, как их жгла и как томила
не жажда красного словца,
а жажда объясненья мира!*

*Любой мудрец, любой простак,
чуть что, спешит: «А в чём вопрос-то?
Происходило дело так,
я объясню легко и просто...»*

*Мы объяснили мир давно.
Газеты свежие читаем*

*Расхожих формул суета
не убедительна, обидна.
А вдруг не так? Вот: вдруг не так,
хотя как будто очевидно.*

В 1983 году вышла книга «Круг повседневный» ровная и спокойная, как передеросточное время, не предвещавшее грядущих трагических событий. Размышления о дне сегодняшнем, о истории России, о творчестве, о человеке двадцать первого века. Уверенный спокойный взгляд в будущее:

*Это так.
А всё ж в конечном счёте,
я живу для радостей больших.
Вы их тоже, думаю, поймёте:
Мир.
Страна.
Любовь.
Хороший стих.*

И риторика в поэме «Москва — Чита» возвышенно социалистическая:

*Даёшь! Под этот бесконечно
удалый клич, собой гордясь,
вторично и уже навечно
в Сибирь Россия подалась.*

*Даёшь! Явился спрос особый
на ГЭС, на ЛЭП, на ЛПК.*

*Даёшь! И главное — не собо́ль,
не зверь, не золото с лотка.*

*Даёшь! Бери... Но в этом деле
Сибирь вела себя мудрей.
Сначала руки прикипели,
потом сердца подались к ней.*

*Берите! Ничего не жалко
землепроходцам молодым...
Но вновь сибирская закалка
характеры стерзнула им.*

*Перед рекою и горою
всё чаще слышалось кругом:
не покорим, а перекроем,
не наступаем, а идём.*

*И снова было любо слушать,
что возле электрогромад
уже настраивались души
на добрый, на сибирский лад.*

*И вновь Сибирь — не хата с краю,
а дом, в который вложен труд.
Свой дом. Его не покоряют.
В нём так ли, эдак, но живут.*

Автор подтверждает свою верность идеалам юности:

*История России! Вместе с вами
я не стыжусь истории своей
с её церквями и её царями,
с её подпольем духа и страстей.*

*Но всё же потому я русский с детства,
что привела меня страна моя
не к золотым хоругвям страстотерпства,
а к молодым знамёнам Октября.*

Пройдёт немного времени, и знамёна Октября будут брошены под ноги доморощенными цивилизаторами, начнётся долгий период выхолащивания нашей истории, клеветы на наш народ, период, который по нелепости назван перестройкой, а на самом деле явился разрушением государственности, почти векового уклада народной жизни, уничтожением устоявшегося порядка вещей.

*Все затихли. Звук сорвался с диска,
прохрипел, осёкся и присел...
Стало быть, оmonoвец родился.
И на мир сурово поглядел.*

*Вздует мускул. Подкует ботинок.
И духовной жаждой не томим,
далеко пойдёт по нашим спинам
с посохом резиновым своим.*

Последняя книга Ростислава Филиппова «Красная сотня» вышла в 2005 году, состоит из двух частей: Пятьдесят превосходных стихотворений и Пятьдесят отвратительных стихотворений. Первая часть повторяет предыдущую книгу, с тем же названием, вышедшую в 1994 году. Это наиболее сильные и духовно вызревшие стихи, в которых реальность показана жёстко и бескомпромиссно, поэт бессилен перед неизбежностью распада государства, раскола общества, перед ненавистью и разрушением человеческого в человеке. Но именно в этих стихах душа его очищается от нигилизма и игры: *Взял ручку, тему — и готово. Неси творение в печать. И вновь пиши. Играй со словом. Играл. Не хочется играть.*

Душа его заговорила из самой сокровенной глубины:

*Господи, взгляда с меня не своди —
мало добра остаётся в груди.
Был человеком и я до сих пор,
но приближается холод и мор.
Грabbить и бить кирпичами в висок*

*будем друг друга за хлеба кусок.
Низкое время у нас впереди —
Господи, взора с меня не своди!
Чтоб не посмел я ни душу, ни имя,
Боже, сгубить пред очами Твоими!*

Многие стихотворения того времени — откровенная публицистика. Но не она придаёт стихам яркость и трагичность. Написаны они тем же Ростиславом Филипповым и одновременно — другим. Прежняя мягкая и игровая ирония, маска, за которой скрывалось истинное лицо, упала, явился реальный человек, уставший и больной, живой и страдающий. Жизнь обнажилась дном. Как пропасть. Отчаянье и безысходность. Пронзительные, как внезапный сигнал электровоза за спиной, — стихи.

*Так в душе неуютно и розно.
Веры нет ни властям, ни вестям.
Словно ночью глубокой морозной
Одинокo бредёшь по путям.*

*Мы когда-то и были, и жили,
А теперь хоть кричи, хоть свисти.
Лишь блестят ни свои, ни чужие,
Но железные эти пути.*

И всё, к чему привык, с чем мирился годами, чего не хотел замечать, через потрясение увиделось в новом свете, а точнее, в отсутствии света.

*Дым — вонюч. Дорога — грязь. А люди —
свалка жадных глаз и нечистот.
Что же, доченька, с тобою будет?
Кто тебя укроет и спасёт?*

*Спи, малыш. Я плачу от бессилья.
Ты во сне не вздрагивай. Хотя
снова будет тёмная Россия
за окном пугать моё дитя.*

*Вот сидит, уныло взгляд ломая
об углы немывтого жилья,
женщина. Ты говоришь ей: «Мама!»
То, скорее, мачеха твоя.*

*Наглая, торгашная, блатная.
Жадная до денег и питья.
О другой России — мало знаю.
Вижу только: эта вот моя.*

*Вот мужчина. Не болезный вроде,
да понунив голову сидит.
Это я. В отцы тебе не годен.
Тот отец, кто дочку зацтит.*

*И молчу я. И мечтать не смею,
что иное время настает,
что с румяной девочкой моего
новая Россия подрастёт.*

*Но душе подняться невозможно.
Вся — рваньё. И тяжко бросить прочь.
Девочка в окно глядит тревожно:
«Папа, ночь!» Да. Ночь. Конечно, ночь.*

*Ночь пройдёт. И утро нас разбудит.
И попросит дочка погулять.
Девочка, ну что с тобою будет?
На кого тебя мне оставлять?*

Многие в те смутные времена теряли опору в жизни. Здесь не трагедия одного человека, здесь трагедия обманутого народа, оказавшегося заложником переустройства мира: ...жалею доверчивых русских людей — нет им доли поныне в России своей.

*Николай Васильич! Я не ною.
Что с того, что разорён наш дом?
Всё на свете — дело наживное.
Смерть — и ту, надеюсь, наживём.*

Поэт пытается разобраться, понять, что произошло, что происходит, он не обвиняет огульно всех и вся, он признаёт и свою вину, хотя знает, откуда исходит опасность.

*Ведь из тех же были человеков,
Что всегда являли чудеса
И любых вождей, и стройки века
Сразу поднимать на голоса.*

*Потому так ядовиты строки,
Что у нас остались позади
Не совсем уж бросовые стройки
И не вовсе глупые вожди.*

*Петь, конечно, дело неплохое.
Да вот знать бы только — петь о ком...
Что ж, и мне случалось в общем хоре
Подпевать, где надо, тенорком.*

*Значит, как тогда, в года былые,
Так теперь стоим мы — стан на стан.
Это — мы. Отечество — Россия.
Вон — они. Отечество — карман*.*

*Ладно. Я газеты их листаю.
По наклону ихних глаз и фраз
Очень даже вижу: сбились в стаю,
Строго ненавидящую нас.*

*Это чернь крушит и непогодит,
В храмах, как на рынках, мельтеша...
Потому душа от них уходит.
У меня брезгливая душа...*

*Мысль переключается с фразой Валентина Распутина: «У вас поле чудес, а у нас Поле Куликово».

Казалось бы пик разрушения нашей страны пройден, жизнь медленно выходит из крена, но почему эти стихи звучат современно и тревожно?

Стихи, написанные в последние годы жизни, являются вершинными для Ростислава Филиппова. Жизненный и творческий опыт, трагические события в стране, размышления о историческом пути России, личные переживания — всё это переплавилось в глубокие и сильные образы:

*И явились в мир из сочетанья
Духа, почвы, бытия и снов
Наших слов словенских очертанья,
Образа предвечных наших слов.*

*Их деянья весело и веско
Отозвались в нашей стороне —
В Пушкине, Толстом и Достоевском,
В Бунине, в Распутине, во мне.*

*О глаголы счастья и страданья!
С той години и по наши дни
Согревают жизнь и мирозданье
Духосотворённые они!*

*И пускай до самого исхода
Мы не знаем, что нам предстоит.
Но о судьбах мира и народов
Бог уже по-русски говорит.*

Поэтическое наследие Ростислава Филиппова — главное в его литературной судьбе, поэтому я остановился на нём подробно. При жизни о творчестве Ростислава Филиппова критики отзывались нечасто, после смерти, можно сказать, забыли. Типичная доля русского поэта.

Ростислав Филиппов писал литературную и театральную критику, исторические и публицистические статьи, предисловия к книгам. Его пьеса из истории гражданской войны «Синяя заплатка» открывала театральный сезон в Читинском областном драматическом театре в 1977 году. Он был общественным человеком, к его мнению прислушивались не только в литературных кругах. Он не был равнодушен к тому, что происходит в культуре и вокруг неё, достаточно вспомнить страстные статьи о театре, о создании литературного музея в Зиме.

Сегодня в иркутской литературной обойме есть имена, которые срослись друг с другом, они всегда наготове, и стоит назвать лишь одно имя, как оно непременно окликнет другое, затем — следующее, и так далее.

Радоница

К 75-летию со дня рождения поэта Анатолия Горбунова

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

«Землю и небо любили...»

Русский народ — испокон веку художник, особо возлюбивший поэзию, тем паче, если стих обращался в народную песню; и, бывало, народ — голодный, холодный, в тяжких трудах и скорбях, но всё одно стихи слагает; в досельную пору устно — былины, плачи, песни, частушки, ныне письменно — стихотворения. Не ведаю, водятся ли ныне поэты в просвещённой Европе, но ежели и не вывелись в заземлённых, утробных народах, то уж редки, а в России и поныне, куда ни кинь взор — узришь поэта. Сожалею лишь о том, что книжных поэтов, даровитых и талантливых, изрядно на Руси, а народных, увы, по пальцам перечесть. А коль русский народ до начала прошлого века на три четверти был крестьянским, такой и ныне по характеру, то и народный поэт неизбежно был крестьянским — природным, вселенским, ибо сельский мир слит с земной природой и со Вселенной, что выражалось во многовековой устной поэзии, в обычаях, обрядах и древних повериях.

Истинно народным, природным поэтом, Царствие ему Небесное, был мой друг Анатолий Горбунов, и в его лирике я слышал голоса русских веков, зрел мерцание Вселенной, и в памяти оживало посвященное мне стихотворение...

Ослепший дом. На брёвнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.

Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих —
Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.

Зелёная отчизна

В душе теплело, светлело, веселело, словно, наблудившись в сумрачном таёжном буреломе, вдруг дивом дивным вышел на ясную поляну, где нежатся под тихим солнцем щедрые травы, где из муравы ласково, игриво — бело, сине и зорево — светятся цветы. Эдакое впечатление рождалось, когда читал стихи и сказы Анатолия Горбунова, когда видел, слышал или живо поминал старинного друга.

Анатолий Горбунов — писатель народный, ибо не вышел из народа. Помню деревенскую побаску... Задубелый второгодник, которому бы хвосты быкам крутить, а не за партой ёрзать, под зорким учительным оком вымучивал некрасовский стих: «Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел... — дальше двоечник забыл и, надеясь высмотреть забытые строки, зыркал в потолок, в окошко, где укрытые снежной кухтой призрачно синели школьные ёлочки. — Я из лесу вышел... и снова зашёл...» Укоротил парнишка стих, ибо лишь строку и выучил: «Я из лесу вышел...», но ловко, оголец, завершил: «И снова зашёл...» Вот и Анатолий Горбунов, уроженец сибирского села Мутино, что на реке Лене, однажды в студёную либо жаркую пору шатнулся из народа, помыкался да вскоре обратно зашёл в народ. А и счастье писателя — взросши и заматерев среди сельского люда, в простолудье и ужиться обличкой, привычкой, словом и душой. И всё, Богом отпущенное народу по совести, попущенное по грехам, выпало и писателю: и свет, и сумрак души, и радости, и горести, и нужда со стужей, что и воплотилось в лирике.

Как давно я здесь, Господи, не был!	Я любил ненаглядных до дрожи,
Навестить не пускали дела.	Потерял слишком рано своих:
Тётя Лина отправилась в небыль,	Так они друг на друга похожи —
Дядю Котю проведать ушла.	От забот, от лишений земных!
Опустела без милых Россия.	Посидим в тишине, погорюем...
Лебеда на завалинке — в рост.	И пока в жилах силушка есть,
Перестань убиваться, Василий,	Мы ещё, сибиряк, повоюем
Молча сходим давай на погост.	За свободу, за русскую честь.

Утулик

Коли поэт не сумел или не смел выйти из народа, добывая в тайге хлеб насущный, то стихи и проза писателя, краснопевца, красная, были похожи на живые беседы у таёжного костра и закатной реки, в заиндевелой зимовьюшке и рыбацьем балагане, у счерневшей и вызеленившей избы и сельской поскотины, в сенокосных лугах и осенних брусничниках.

В ловких унтах, кушаком подпоясан,	Кони летели, земли не касаясь,
Был я стремителен, был я прекрасен!	Жгучей пургой обдавая красавиц.
Почту гонял по Сибири на тройке,	Сохли по мне полевые цветочки,
Сыпали звон колокольники бойко,	Тайно кисеты дарили, платочки
Пели взахлёб, оглашая окрестность,	И на вечерках вели разговоры:
Девки сбегались на медные песни.	Дескать, на ведьму нарвётся, провора...

.....

Старость подрезала крылышки птицам.	Жаль, что на смену пришли самолёты.
Молодость вспомню, до зорьки не спится.	Смолкли весёлые медные песни —
Так мне промчатся на тройке охота!	Ворон да волк оглашают окрестность.

Рассказ ямщика

Произведения Анатолия Горбунова откровенно учительны ...лишь в том божественное предназначение художественного слова... и учат любви: любви к ближнему, коя предтеча любви к Вышнему, к природе — Творению Божию, к малой родине — Сибири, без коей нет любви к Великой Родине России, а есть лишь лукавое пустобайство.

Чайка над милым селом
Солнечным ангелом вьётся.
Всё, что мы видим кругом,
Родиной нашей завётся!

.....

Дунет внезапно сарма —
Кончатся праздники наши...
Будет суровой зима,
Всех она, брат, подпояшет.

Звуки

Ни злата, ни серебра нам	От света и теней ряба
Не надо во веки —	Стремнина Витима.
Бродить бы по диким горам,	Повисла над лугом изба
Смотреться бы в реки...	На ниточке дыма...

Витим

Угольками стрелял костерок.
Сивый пепел осел на осоку.
В поднебесье метался дымок,
Как за лапку привязанный сокол.
Безнадёжно рассыпался плот,
Ни к чему его, милая, ладить —
Вон пошли крохали на улёт,
Разбежавшись по зыбчатой глади.

.....

Листопадом истекшая даль
Обнажила проточные воды,
И легла мировая печаль
На лицо обречённой природы.

Проводы лета

Лишь во тьме иногда	Не поймать её в лёт,
Всхлипнет раненый лес,	Не подставить ладонь...
Тихо ойкнет звезда	Спутан, жалобно ржёт
И сорвётся с небес.	Изработанный конь.

Ночное

Песенное слово Анатолия Горбунова — не унижающее, но возвышающее чувство опечаленной любви к тихо уходящему родному русскому... У иного же собрата по слову — чувство искренно, сердечно, но обряжено в серое рубище, потому и не волнует читательской души: у другого, хуже того, мастерское слово виснет в душевной пустоте; а у третьего и вовсе — ни чувства, ни слова, лишь громкая, трескучая, корявая фраза; но посмотришь иной раз, корявый и борзый

стихоплёт уже и воз книг навалял, и денег у хитреца, как у дурака махорки, а с деньгами волен и надписи из нужника печатать.

Поэт не вздыхает над простолюдем, что перебивается с хлеба на квас и не видит просвета; поэт живёт той же мирской судьбой; поэт не увеселяется грехами, скорбями и немочами родного народа, чем потешаются смехачи из «голубого ящика»; но поэт и не наряжает русское простолюде в лубочных матрёшек и петрушек.

Мытари. Пропойцы. Самоеды.	Присягнули кривде супостата,
Проливая собственную кровь,	Родину обули в кандалы.
Мы чужие празднуем победы,	
Мы чужую пестуем любовь.	От грехов отмоемся не скоро...
	Помнит о распятом звонаре
Грозные потомки Коловрата,	Колокол державного позора —
Гордые российские орлы	Брошенная церковь на бутре

Плач памяти

Века грешишь и Богу молишься,
Скорбишь и точишь топоры,
А кровью собственной умоешься —
В снегах притихнешь до поры...

Русь

Лбами да оземь с разбега.
Или хреново жилось?
Перевернулась телега —
Лопнула русская ось.

Пролетарии

Сибирская природа и земляки, приленские чалдоны, одарили писателя таким народным художественным даром, какой по нынешней Руси днём с огнём поискать, а ночью с лучиной. Почитывая толстые русские журналы ...брать в руки журналы русскоязычные, что ходить в совет нечестивых... читая стихотворные сборники, радуясь народному духу и мудрому слову, редко встречал я на поэтической ниве России стихотворцев, кои бы, как Анатолий Горбунов, с эдаким любовным знанием живописали природу.

Яро вода клубится
В покатых грозных рек.
Талая голубица
Сок пролила на снег.
.....
Падает с кедра озимь.
Калтусы — голубы.
Звякают звёзды оземь
И о сохачьи лбы.

Оттепель

Пустую бочку катит гром...	Привет, березовая зыбь,
Уже во всю ячмень иглится,	И рюмка розовой волнушки
И поперхнулась колоском	На обкукованной опушке —
На лес кукующая птица.	Мой самый первый нынче гриб!

Третья охота

Журавли зарю играли в трубы,
Веселя распахнутую рань.
Обжигала нам шальные губы
Луговая синяя герань.

На копне в ладоши громко хлопал
Коростель, опоенный росой.
Ручейки секретных наших тропок
Замело небесной муравой...

Малая родина

О чём бы ни писал поэт, пусть даже о царствии буржуазного прохиндея и хама, в любом стихотворении — слитая с крестьянским миром русская природа как нравственное мерило человеческой душе в земной обители.

Словно чёрная борзая тройка,
Не давая опомниться нам,
Пронеслась по стране перестройка,
До небес подняла тарарам.

Кто зашёлся от криков победных,
Кто зловеще притих до поры...
Не помирят богатых и бедных
Никакие цари и пиры.

Раскол

Тишину дробя прикладами,
В дом пришельцы ворвались.
Плачут в травы росы тихие;

Никого не встретишь тут,
Лишь от хохота антихриста
Дыбом волосы встают...

Соловьи

Дядя Котя при полном параде
Выпил рюмку — душа напоказ:
— Супостаты России не дремлют,
И пока в жилах силушка есть,

Бейтесь насмерть за отчуждённую землю,
За свободу, за русскую честь...
Долу буйную голову свесил,
Закручинился, больно смотреть...

Утулик

Когда уйдёт последний русский,
Восторжествует эра зла —
Треща по швам от перегрузки,
Извергнет молнии Земля,

Сойдёт с накатанной орбиты
И полетит в тартарары...
Остывший прах Земли убитой
Поглотят мёртвые миры.

Конец света

* * *

Чередуюсь, выходили в свет поэтические и прозаические сборники Анатолия Горбунова, а потом стихи и сказки для малых ребят, близкие старинным русским сказам и сказкам, рождающие умиление, похожие на засиневшее после затяжной мороси, вольное небо. Послесоветское литературное поле для детей заповилили ядовито яркие, глупые книжицы либо демонские страшилки, почему и растут не милые отроки и отроковицы, а глупцы и страшилища; но коли российская власть жаждет взрастить не поколения злодеев, лихоимцев, пусть даже в овечьей шкуре, а боголюбивых, человеколюбивых, природолюбивых, трудолюбивых и благочестивых страдников России, то в обучении и воспитании детей и подростков без книг, подобных книгам Анатолия Горбунова, властям никак не обойтись.

Вьются над росами
Первые мошки.
Дети и взрослые
Садят картошку.

Над огородами
Солнышка много!
Трудится Родина,
Молится Богу...

Страда

Кружевное слово стихов — из сибирской природы, из народа, по образной яркости созвучно исконному и вечному устному поэтическому слову.

Отморозил месяц рожки, Сразу стал круглей. Ночь рисует на окошке Белых глухарей.	Нарисованный волчище Зайчика спугнул. Серебрушки-горностаи По ветвям бегут... День наступит — и растает Сказочный этюд.
---	--

Белая сказка

* * *

Давненько уж знаю и люблю народную и природную поэзию Анатолия Горбунова, но прозу встретил настороженно — стих в душе выносил, вынынчил, словесно изукрасил да на пеньке ли, на сухой валёжине и запечатлел, вроде тальниковую корчагу сплёл для речных гольянов; проза же не стихи: прозаическое произведение создать, что избу срубить, загодя навалив леса, ошкулив и подсушив. С сомнением, предубеждением подступал я к горбуновской прозе, но чередой прочёл в журналах «Наш современник» и «Сибирь» побывальщины Горбунова, и развеялись сомнения, словно утренний туман под ярким солнцем: и в прозе — художник, живописующий цветастым слогом, благолепно облачающим высокое чувство любви ко всему сущему в горнем и дольном мире.

Оставшись в народе, не распрощался писатель с родной рекой и приленскою тайгой, с отеческим селом, о чём я писал в рассказе «Ленский карнак», избрав Анатолия Горбунова прототипом главного героя Ефима Карнакова. В повествовании оживает больничная палата, где я с Карнаком очутился...

...Неожиданно в нашей затенённой черёмушником и березняком, сумрачной палате, вроде, оттепело, посветлело, когда вслед за молоденькой, желтокудрой сестрицей явился Карнак. Так его, Ефима Карнакова, весело прозвали в палате, так он и сам себя величал, растолмачив, что в северной глуши, откуда он родом, карнаками зовут бывалых таёжников, знающих всякую травинку-былинку, всякую зверушку-пичужку. Был он и впрямь карнаком или языком трепал, но от его поговора и облички терпко пахло тайгой, — пьянящим духом сосновой смолы, чушачьего багульника, черемши и смородинника. С лица парень ...вылитый чалдон из приленской тайги... был чернее головёшки, какие остаются от жарких таёжных костров, скуластый, хитроглазый и прищуристый; с рысёй вкрадчивостью, слегка враскачку ступал чуткими ногами, словно и не по скрипучим половицам ходил, а сосновыми тропами, ублажёнными буроватой, топкой хвоей. <...> Перед выпиской Карнак сунул мне тоненькую, размером в мужичью ладонь, книжечку стихов, и каково же было наше изумление, когда мы прочли на обложке его фамилию, когда увидели на карточке его скуластое, хитроглазое, тунгусоватое лицо. Книжку листали, читали по кругу даже те, кто шарахается от поэтических сборников, яко бес от ладана; читали вслух и про себя; и веяло от стихов смолистым сосновым духом, гудели в поднебесье кедровые вершины, пели на синеватом рассвете Божьи птахи, лаяли на хребтах могучие гураны, и стелился по-над чушачьим багулом, над мхами и кашкарой сизоватый дымок костра, и тоненько сипела, кружила хвоинки закипающая вода в котелке...

Позже приписал я эпилог к сказу «Ленский карнак».

...Давным-давно сочинил я сей потешный и утешный сказ, словно охотник после промысла, забородачевший по самые очеса завиральными байками, кои якобы заливают матёрый таёга по прозвищу Карнак, что значит, природознавец и природолюб. Потом вдруг выясняется, что безунывный потешник, дивом сохранившийся в городской сорочьей трескотне сочный, солоновато-крепкий, деревенский говор, ещё и поэт.

Прообразом Карнака, повторяю, стал Анатолий Горбунов, дивный русский поэт-лирик, избранные стихотворения которого, будь на то моя воля, без всяких оговорок я поставил бы в антологию русского стиха двадцатого века, близкого по духу и слову нашей величавой народной поэзии.

Анатолий Константинович Горбунов родился на Лене-реке в деревне Мутино Киренского района Иркутской области; рос в большой семье, рано пошёл работать: пастушил, пилил лес, плавал на пароходе кочегаром, пахал в авиации — не лётчик, но и не лёдчик, кои лёд долбят на взлётной полосе, а вроде, радист. Стихи печатал в сибирских и столичных журналах. Автор книг, выходивших в Иркутске и Москве: «Чудница», «Осенцы», «Тайга и люди», «Звонница», «Перекаты». Жил и процветал Анатолий во благо русской словесности, и поэтический талант таёжного певца не сох, не вял, а когда писались эти строки, поэт издал сразу две книги стихов — для взрослых и для малышей. Меж стихами удил рыбу, бродил по тайге... А вот Карнак, герой моего трагического и комического сказа, к сожалению, погиб от энцефалитного клеща...

...И, помню, когда сказ про Карнака, природознатца и природолюбца, увидел свет в «малолитражной» газетёшке, слонялся я по старинному купеческому особняку, где вольготно обитал Дом литераторов, и тут ухватила меня за локоть Нелли Семёновна Суханова, ворчливая, но хлопотливая хозяйка, на плечах которой испокон века держался писательский приют, похожий на богадельню и странноприимный дом. Да, ворчливая; так и будешь ворчливым и даже бранчливым, ежели, чего греха таить, водились и писатели, кои любили крепко выпить, а выпивши, пошуметь... И вот, скупая на похвалы, Семёновна вдруг добрым словом помянула мой сказ про Карнака, и я обомлел... Не говоря уж о всесветно славленных Вампилове и Распутине, столь ярких дарований на её глазах зрели, а, случалось, и стеснительно мялись в бухгалтерии, ожидая мзды за литературные вечера и рецензии. Чую, на башке лавровый венок растёт, таю в похвалах, яко воск на солнце, и тут Семёновна, словно ушат студёной воды на мою бедовую голову: вначале, мол, верно, а потом, мол, приврал — не должны эдакие мужики гибнуть, дабы нам грешным не унывать даже в лихолетье, дабы душа не мёрзла даже в крещенскую стужу.

Послушал я Семёновну, поморщился: ага, будет мне всякий бухгалтеришко пальцем тыкать, где верно, где приврал, — знай, сверчок, свой шесток, своди дебет с кредитом; но... подумал, подумал... прикинул хвост к носу: оно, конечно, бухгалтеришко, душа цифирная, а, кажется, верно подметила: не должны эдакие карнаки гибнуть за понюшку табака, от чёртова клеща. Подумав же, набело переписал сказ: оставил Карнака жить, стихи творить, в тайге бродить и нас, унылых, веселить. К сему, что отраднo для вечно измаянной писательской души, поэт Анатолий Горбунов признал себя в балагуристом, баешном парне и, шибко уж суровый к чужому творчеству, похвалил, но тоже просил не губить мужика. Ладно, живи, мужик, увеселяй люд, ибо унынье — грех, ибо от унылых мало проку державе.

Полвека жил поэт тайгой и рыбалкой, но тяжёлый промысловый хлеб, а на склонах жизненного века мужика хвори одолели, и помню, с протянутой рукой сутуло шаркал поэт из кабинета в кабинет, Христа ради просил у чиновников и буржуев на издания книг и на жизнь. Бился, колотился на конкурсах, но к денежным премиям так и не пробился: откровенно либеральные, что с русофобским душком, за версту обходили, а лукавые конкурсы, вроде «Ясной Поляны», ради заманчивой вывески премиально польстив всесветно славленным советским писателям, нынешних народных писателей, увы, не жаловали, предпочитая книжных и смутных; а премии Союза писателей России — на исподники хватит, а на портки взаимы проси. И так четверть века... И всё же поклон тем чиновникам и купцам, что учуляли народный песенный дар поэта и подали в протянутую руку...

Долго Анатолий Горбунов таился в тихом скрадке; хворал, книг не печатал, лишь по газетам и журналам — стихи, сказы, словно белые и синие подснежники на солнопёчных проталинах, но вышел сборник «Сторона речная» и две книжки для малых сибирячков, а потом и книга прозы, стояла хмарь, и в литературном небе засветилась и его путеводная русская звезда. Лишь бы мы, утупившие суетные взоры в закаменелую землю, лишь бы мы, бегущие по жизни сломя голову, вдруг замерли, отрадно оглядели небо и в звёздной россыпи высмотрели звезду поэта, и отеплили душой, словно донесли с небес едва внятные, но ласковые голоса родичей: любите землю Русскую, как мы её любили, за которую столь народу головы сложили... Как в стихе Анатолия Горбунова: *«Землю и небо любили,/Свет и застолье дая, / Доброе в людях будили, / Век свой прожили не зря»*.

Анатолий Горбунов взрос и заматерел в народном безбожии, да ещё и таёжничал изрядно, а таёги, как со вздохом говаривали пахотные мужики, месяцами не моются, пню горелому молятся; а потом, очутившись в Иркутске, ленский чалдон окунулся ещё и в здешнюю богом, хмельную и любострастную. И даже когда, кажется, слово Божие вместила душа, но... хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеко, да идти легко. Но догорела молодость, как в таёжных хребтах догорают кострами сиреневые заросли багула, и подступила старость... «Душа грустит о небесах...» — тихо молвил усталый поэт Есенин; вот и душа сибирского писателя, измученная скорбями и хворями, тревожно и томительно вгляделась в небеса: что ждёт душу, коя день во грехах, ночь во слезах. Оно, конечно, без греха веку не изживешь, без стыда рожи не износишь, да и у Бога милости много, не как у мужика горюна, а всё одно, щемит душу лихо...

За спиной всё глуше раздаётся	В час росы вселенского затишья
Скрип ступенек отчего крыльца...	В поднебесье высветится храм,
Может, у последнего колодца	Милостиво спустится Всевышний,
Пыль земную сполоснём с лица.	Ласково погладит по вихрам.

К Богу

Пришла на память баешная притча или притчевая байка, кою я запечатлел в очерке о писательском служении царице искусств — отчету слову...

Ангелы тьмы крючьями сдёрнули писательскую душу с лестницы мытарств и повлекли в ад кромешный, где «плач и скрежет зубов, где червь не умирает и огонь не угасает». Миновали лютото разбойника ...душегуб варился в копотном котле, что висел над яростным огнем... и подвели писателя к надраенному котлу, под коим шаял тусклый костерок. Глянулось писателю: не жарко... Долго

ли, коротко ли, но костёр под разбойником стал слабеть, а под писателем разгораться; и возопил горемычный сочинитель: де, отчего же у разбойника огонь стихает, а у меня, знаменитого писателя, пуще ярится? Ангел тьмы ответил: «Разбойник уже не грешит, и богомолы, земные и небесные, замаливают его грехи; а ты и на небе смертно грешишь, ибо тьма читающих твои сочинения и ныне искушается похотями, кои ты, безумец, воспел...»

Истинно, истинно, иереи, архиреи, патриархи отвечают не токмо за души свои, но и за души прихожан; воспитатели детского сада и школьные учителя — за детские души; писатели же, пока живы их сочинения, — за души своих читателей, как и прочие искусники — за души своих поклонников. А посему, не дай Бог писателю оставить после себя воспетые в слове страсти земные, да упаси Бог, ещё и талантливо воспетые, ибо «рече же [Иисус] ко ученикам своим: не возможно... не прийти соблазнам, горе же через кого приходят; лучше ему было бы, аще жернов мельничный повесили на выю его и ввергли в море... (Лк. 17: 1-2)

О лирике Анатолия Горбунова можно сказать словами Пушкина: «...здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», «...и милость к падшим призывал...», «...велению Божию, о муза, будь послушна...» Писатели — люди земные, смертные, не ведают, как их слово отзовется в небесах, но коль воспели любовь к Богу, да хоть к ближнему, что предтеча любви к Вышнему, и воспели любовь к земле — Изножью Божию, то и Господь будет милостив не по грехам их. На то и уповаю, читая стихи и сказы Анатолия Горбунова, и молюсь: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Анатолия, и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное». Аминь.

2001, 2016

* * *

Стихи Анатолия Горбунова, что посмертно вышли на сайте «Российский писатель», обрели и посмертную славу; вот отзывы читателей и нынешних, широко известных в России русских писателей:

Владимир СКИФ (Иркутск)

18.01.17 19:59

Когда я готовил к публикации эту подборку, хотел успеть к сороковинам Анатолия Горбунова, которые прошли 9 января, но чуть-чуть не уложился в срок. Я решил сопроводить её коротким, но искренним словом Василия Забелло, написанным к прошлому юбилею Горбунова, действительно, большого русского, сибирского поэта. О Горбунове писали не так много, но несколько статей о его творчестве выходили в разное время. И вот совсем недавно 14 декабря 2016 года, после публикации нашего некролога, свой довольно объёмный очерк «Землю и небо любил...» поместил известный писатель Анатолий Байбородин. Желающих прочитать очерк отсылаю в архив сайта. Анатолий Горбунов печатался в журнале «Наш современник». Stanisлав Куняев ценил его прозу и стихи и печатал довольно часто. Но печатали его произведения, в основном, «Наш современник» и журнал «Сибирь». К сожалению, широкий читатель, да и многие писатели его так и не узнали. Поэтому я опубликовал сегодня на сайте довольно большую подборку. Читайте, дорогие друзья, эти мудрые, русские, пронзительные стихи. В них сквозит великая боль за русский народ, приближаются к душе удивительные стихотворные

полотна сибирской природы, беснуется могучая стихия Байкала, чуется великая сила сибирской тайги. Чего стоит только одно стихотворение «Медведки»! Здесь и нежная любовь, и искромётные юмор, и радость жизни:

<i>Остроглазая. Тоненький стан.</i>	<i>Заглушал эту музыку рык</i>
<i>И волнистые бёдра...</i>	<i>Разъяренных медведек.</i>
<i>Нас будил на заре турухтан</i>	<i>Ты была в тот чудной сеностав</i>
<i>Камышинкой о ведро.</i>	<i>Горяча и упруга.</i>
<i>Вился овод. Хрустел камешник.</i>	<i>Вечерами настоями трав</i>
<i>Птахи нянчили деток.</i>	<i>Мы поили друг друга.</i>

Ах, какое не простое, порою горькое, порою радостное прочтение вам предстоит, дорогие словотворцы! Я вам завидую!!!

Александр КЕРДАН (Челябинск)

18.01.17 05:43

Чистая, русская настоящая Поэзия...» Ой ты Родина — Спас на крови...» Такое не придумаешь — прожить надо!

Людмила ВЛАДИМИРОВА (Одесса)

18.01.17 18:19

Читаю... Перечитываю... Комок — в горле: от горечи потери, горечи: «не знала, не сумела-не успела сказать доброе слово при жизни...» И — благодарность друзьям, сибирским писателям, поэтам... Светлая память Анатолию Константиновичу Горбунову — истинно Русскому поэту, настоящему человеку!

Григорий БЛЕХМАН (Москва)

19.01.17 19:08

Есть немало поэтов, в строках которых пестрят слова «Россия», «Русь», «Родина» «русский». И написано это абсолютно искренне — от любви, потому что, когда читаешь, то веришь. Но почему-то не чувствуешь градуса этой любви. Не тревожит и не тормозит душу. А вот Анатолий Горбунов может эти слова и не употреблять вовсе, потому что и так ясно, каких он корней, что для него важно и что он любит «до оснований, до корней, до сердцевины». И этот трепет его священной любви передаётся тебе — его благодарному читателю Ты чувствуешь полное созвучие с его негромкими, но так бередящими душу строками, о чём бы он ни писал. И ему абсолютно не нужно клясться чему-то или кому-то в любви, потому что эта любовь и рождает его строку, что невозможно не чувствовать. Такой у поэзии есть непонятный эффект «градуса любви». Я полностью согласен с тем, что уже написали здесь мои уважаемые собратья по перу, а также, благодарен Василию Забелло за те дышащие теплом слова, какие он нашёл для предисловия, и моему другу Владимиру Скифу за изумительную подборку и всю композицию, которую он составил в память прекрасного, коренного русского поэта.

Светлая память Анатолию Горбунову!

Екатерина ПИОНТ (Тюмень)

19.01.17 20:10

Вот он, Север, во всём его многообразии! Давно о нём не читала подобное... За каждым словом, каждой строчкой, как за каждой болотной кочкой, за кустом голубицы и княженики — расплескалась любовь к этому суровому, но таинственному краю... и нет пронзительней этого неба, загадочней этих притихших рек... Вот что навеяли на меня эти полотна, написанные рукой поэта.

*...Цветы, цветы вокруг
и звень кукушек босых...*

*На божницах оттаяли свечи...
Серых изб лебедовая грусть,
В каждой ставенке, в каждом крылечке
Недобитая теплится Русь.*

Светлая память Анатолию Горбунову. Спасибо помнящим его Владимиру и Василию.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ (Омск)

20.01.17 10:38

Распахнуто, искренне, самобытно, очень певуче и очень щемяще звучат стихи замечательного, самобытного сибирского поэта Анатолия Горбунова.

Грустно и горько осознавать, что совсем недавно перестало биться ещё одно сердце славного творца русской глубинки! Светлая ему память!

Но всегда с нами остаются помыслы и самые сокровенные мысли, чувства и переживания людей, одарённых свыше, людей, владеющих пером и умением донести до читателя свет своих стараний. Остаётся с нами и для нас, живущих, та родниковая русскость, щедрость образов, какая-то нежная неприкаянность и наивная вера в светлое, которая с добром разлита в том числе и по строкам Анатолия Горбунова.

Ещё будучи студийцем, в литературном объединении у Четвериковой Татьяны Георгиевны, в тех далёких и славных восьмидесятых, я познакомилась со стихами Горбунова. Тогда для меня его стихи стали откровением! Незатейливая, на первый взгляд, простота, его умение подать свои мысли, его откровенная открытость вся и всем, тогда мне показались вещами невозможными и завораживающими. Это сейчас понимаю, что только оголённый нерв, полная душевная открытость делает стихотворца настоящим народным поэтом. Это сейчас я понимаю, что умение «писать для искушённых» — так далеко от этого автора и так не нужно для него. Анатолий Горбунов, на мой взгляд, поэт ещё непознанный многими, не вычитанный, отсюда — не часто звучащий в упоминаниях о русской современной поэзии. Оттого моя благодарность его коллегам по цеху Василию Забелло и Владимиру Скифу за столь объёмную, замечательную подборку, за тёплые слова об этом авторе, за дорогую память о земляке! Было бы замечательно, здесь на РП, опубликовать несколько сказок или побывальщин Анатолия! Ещё очень сожалею, и буду сожалеть всегда, о том, что не донесла своего восторга до автора, когда он ещё ходил по нашей земле-матушке! Как мало мы говорим друг другу при жизни доброго и обнадеживающего! Как мало мы уделяем друг другу внимания! Как мало тёплых и светлых посылов от нас идёт в небеса... А это... это уже классика!!!

Сторона речная

*Детство, детство! Мальчик босый
Смотрит вдаль из-под руки:
Старый бакенщик на плёсах
Зажигает огоньки.*

*Едет вечер в таратайке.
Мошкара крапивой жжёт.*

*Пляшут девки на лужайке —
Хромка спуску не даёт.*

*Гармонист, остынь немножко!
Но катается гармонь,
Как горячая картошка,
Да с ладони на ладонь.*

<i>Эхо канет в небе алом.</i>	<i>Сторона моя речная —</i>
<i>Вслед за эхом от реки</i>	<i>Ветра звон берестяной!</i>
<i>Барабанит ночь по скалам</i>	
<i>Тонкой ножкой кабарги.</i>	<i>Ты во мне, как вдох и выдох.</i>
	<i>Не скружу в лесах родных —</i>
<i>Где-то чибис причитает</i>	<i>На твоём раздолье вырос,</i>
<i>Над утопшею звездой...</i>	<i>На ярушниках твоих.</i>

С поклоном и памятью о русском поэте
Валентина

Светлана СЫРНЕВА (Киров)

20.01.17 11:21

Второй день нахожусь под обаянием этих стихов. Анатолий Горбунов — настоящий сибирский самородок! Богатство языка, экспрессия, неиссякаемый народный юмор, ёмкость и лаконичность художественных образов завораживают. Изумительны его стихи, проникнутые торжеством жизни: «Тройка», «Медведки», «Кукушкины сапожки», «25 декабря. Деревня Никола», «Пасха», «Молодчинка». «Шуба» — просто шедевр нерукотворный!

В стихах Горбунова обретают новую силу частушечные ритмы:

*Всё-то будет хорошо,
Всё-то будет гладко!
Ты молоденька ещё
И целуешь сладко.*

А вот и романсовый мотив:

*На руках твоих древние перстни
Отогрею дыханьем своим.*

И, конечно же, Анатолий Горбунов — продолжатель классической русской традиции:

*С детства, мой друг, на раздольных покосах
Родину мы познаём,
Где до озноба настоян на грозах
Каждый лесной водоём.*

Его поэзия подкупает отсутствием витийства, велеречивой пафосности. Только лаконичная констатация факта! Как метко сказано о подмене в нашей жизни понятий добра и зла!

*И славят выше тучи
Иуду — босота,
Как будто изверг мучил
Его, а не Христа.*

А вот стихотворение «Сельский вечер»:

<i>Курносые дети полей</i>	<i>А нелюдь за их уже счёт</i>
<i>Катают зарю на салазках,</i>	<i>Шампанское пьёт на Канарах...</i>
<i>Играют в солдат и царей</i>	<i>Но будущий мститель растёт</i>
<i>И верят в красивые сказки.</i>	<i>И скоро напомним о нарах!</i>

Никаких проклятий, стенаний, и вообще — мирный сельский вечер. Но в сам расклад вещей уже заложена бомба: безответные «дети полей» обобраны, а

ведь когда-то они вырастут и всё поймут... «Российский алмаз» — такое только в Сибири можно написать, и здесь сибирская ментальность выступает как общерусская. Жаль, что Анатолий Константинович рано ушёл из жизни. Но его стихи прочно заняли место в русской поэзии и будут жить вместе с ней долгие века. Я благодарна писателям Сибири за бережное отношение к таланту Анатолия Горбунова. Очень признательна Владимиру Скифу за то, что он открыл для меня этого чудесного поэта!

Анатолий АВРУТИН (Минск)

20.01.17 16:27

Очень горько от осознания того факта, что порой настоящих поэтов мы узнаем лишь тогда, когда они уходят... Судя по всему, Анатолий Горбунов никогда не стремился кого-то оттолкнуть на своем поэтическом пути, чтобы самому оказаться на виду. Но Слово, рано или поздно, все равно проявит душу и личность автора.

<i>По речной голубой круговерти</i>	<i>За родимую землю сельчане</i>
<i>Чертят грозные знаки стрижи.</i>	<i>Отдадут свою дорожку жизни.</i>
<i>Деревенька готовится к смерти,</i>	<i>Сколько в древних молитвах печали!</i>
<i>Чистит ружья и точит ножи.</i>	<i>Сколько душ примет лунная высь!</i>

Пусть в этой «лунной выси» душа Поэта, наконец, успокоится. Хотя, вряд ли — ведь далеко не все спокойно на земле...

Надежда МИРОШНИЧЕНКО (Сыктывкар)

20.01.17 17:58

У меня подборка Анатолия Горбунова открылась сразу статьёй Василия Забелло, т. к. я прочитала до этого много хороших подборок и, видать, кликнула что-то не то. Было уже поздно, и я решила сами стихи прочитать утром, просто поздравила обоих с публикациями. Откликов ещё не было. Тем покаянее оказалось впечатление от стихов этого поэта, просто взорвавших душу его уникальным талантом, когда на сайте «Р.П.» я увидела, что его уже нет с нами. Как выяснилось, нет уже больше месяца. Удивительно искренние и признательно-восхищённо-драматические отклики на подборку не могут оставить никого равнодушным, как и сами стихи ушедшего от нас русского самородка. Спасибо Владимиру Скифу и Василию Забелло, подготовившим данную публикацию. Как и талантливейшая и неподкупная Светлана Сырнева, знающая силу похвалы, я второй день нахожусь под впечатлением от прочитанного. Всё-таки Сибирь при всей трагичности судьбы русского народа хранит ещё в своих лучших представителях богатырскую силу Духа и непобедимую силу Слова. Я не могу и не хочу цитировать стихи Анатолия Горбунова. Здесь приведено уже много блестящих примеров из его стихов. А мне хотелось бы процитировать всю подборку целиком, являющую в каждой строфе русский крестьянский, а значит, русский корневой характер, отшлифованный Мастером, каждую блистательную по живописи и новизне рифму, незабываемые образы, горстями разбрасываемые автором по своим песням и притчам. Народно-непобедимую Энергию, сродни солнечно-ядерной, сконцентрированную в его поэтическом сердце. Надо преодолеть печаль и радость собственной любви и тоски и узнавания родного в его ликование, тоске и любви. И поразиться точности попадания в собственное сердце. Да, это национальная потеря — кончина русского национального поэта Анатолия Горбунова. Что теперь ни говори. Я думаю, что мы можем перепостировать эту страницу на своих сайтах в разных уголках России в память ещё об одном нашем талантливом товарище, подобно военным,

прощальным залпом провожающих товарищей своих. Ибо его творчество подобно Сопротивлению Русской Души подлым вызовам последних времён. Светлая память и Царствие Небесное р. б. Анатолию!

Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)

20.01.17 22:09

На фоне либеральной практики и теоретических воплей о том, что сегодня в поэзии нет фигур даже третьего ряда по сравнению с началом прошлого века, внезапно из глухой неизвестности возникают поэты, которых с полным правом можно назвать классиками русской литературы.

У Анатолия Горбунова слова волшебны послушны руке автора. Когда он начинает описывать пейзаж или ситуацию, кажется, что эти вещи и явления обретают свое настоящее и единственное имя. Так Адам называл предметы и существа, и они становились полностью тождественны присвоенному наименованию.

Легкость, с которой течет речь Горбунова, ошеломляет читателя. Негодование, социальные язвы также получают точное обозначение, но не становятся публицистикой, художественность дышит и здесь. Достоверные и условные детали напитаны интонацией лирического рассказа. Поэт рисует часть, и этот рисунок вбирает в себя целое. Какая-то ни на что не похожая синекдохизация мира, который при том не выглядит по-ученому чопорно или значительно, но являет себя просто и узнаваемо.

Литературная игра у него напоминает порхание бабочки по своей языковой непредсказуемости и воздушности, хотя движения характеров индивидуальны и зрительно отчетливы.

Мне кажется, что большой том стихотворений Анатолия Горбунова должен стоять на полке у каждого русского поэта и влюбленного в русскую лирику читателя. Эти стихи доступны подростку и взрослому, их звук и перемены картин притягивают твое внимание, и хочется узнать, чем же завершится поэтический сюжет.

Занимательность и серьезность, глубина и простота речи, невероятная укорененность в родной почве — все это говорит нам о том, что перед нашими глазами как-то совсем по-живому движутся строки, рожденные громадным талантом.

Низкий поклон Владимиру Скифу за то, что он предан творчеству Анатолия Горбунова, и за то, что он сделал всех нас своими союзниками.

Надежда МИРОШНИЧЕКО (Сыктывкар)

21.01.17 16:27

Дорогой Вячеслав, как я рада, что вы не пропустили эту публикацию! К вопросу «о томе» — я тоже думала об этом. Но где ж его взять?! Мне кажется, что здесь мы имеем тот случай, когда Союз писателей России должен обратиться с открытым письмом, например, к Министру культуры России с просьбой в помощи в издании этого тома, с включением его в школьные программы средней школы. А, если, как это принято, Министерство нас отфутболит, переслать и письмо, и ответ Президенту России. Т. к. здесь идёт речь о сохранении национального таланта для будущих поколений, свидетелств талантливого современника эпохи трагических перемен. Бог в помощь!

Владимир СКИФ (Иркутск)

21.01.17 18:06

Дорогие мои современники, русские писатели!

Огромная благодарность всем вам за такое пламенное участие в разговоре о поэзии Анатолия Горбунова. Вы — замечательные, равнодушные люди: Свет-

лана Сырнева, Надежда Мирошниченко, Вячеслав Лютый, Анатолий Аврутин, Валентина Ерофеева-Тверская, Григорий Блехман, Юрий Брыжашов, Александр Кердан, Людмила Владимирова, Екатерина Пионт, Александр Логинов. Низкий всем поклон! Слава Лютый и Надя Мирошниченко, спасибо вам за предложение, которое возникло в ходе обсуждения подборки нашего сибирского классика Анатолия Горбунова об издании большого тома его стихов. Я непременно обращусь с конкретным предложением к Губернатору Иркутской области, приложив к письму все ваши комментарии. Сергей Георгиевич Левченко знал ПОЭТА лично, и я думаю, что он пойдёт навстречу нам и такой том будет издан!

Андрей ПОПОВ

22.01.17 12:12

Прекрасные русские стихи!

Екатерина КОЗЫРЕВА (Москва)

Свободно льющаяся песня Анатолия Горбунова встречалась мне и раньше на страницах «Нашего современника», в те времена, когда почти для всех этот журнал был ежегодной и обязательной подпиской. Но в такой полноте и внимательном подборе стихотворений, сотворённом Владимиром Скифом, я никогда не читала.

Сразу же пришло на ум: самородок, найденный и открытый теперь заново, этот «Российский алмаз» — Сибирский, засверкал всеми гранями чистой, народной — богатым русским языком и во многом родственной мне — поэзии. Даже вздрогнула от строк: «Вычерпали Родину до дна. Все кому не лень тобой владели», «Слёзы русской вдовы прожигают гранит», «Сшиблись русичи — белый с багряным». Думаю, почему? Да потому, что «не заглушить крестьянской боли» не только некрасовской, есенинской и рубцовской поэзии, но и его, современной нам, горбуновской Музы, которая говорит с надеждой, любовью и верой: «Вернись, и внуку передам от родины ключи».

Игорь ТЮЛЕНЕВ (Пермь)

23.01.17 21:40

Мощная подборка стихотворений прекрасного русского поэта Анатолия Горбунова!

Спасибо моему товарищу Владимиру Скифу за подготовку и публикацию этих стихов!

Кнарик ХАРТАВАКЯН

27.01.17 12:21

Ещё один прекрасный русский поэт, Анатолий Горбунов, чей мир внутренний открылся через писательский сайт, чей голос, и твёрдый, и пронзительный, столь гулко звучавший в Сибири, услышался и в целом Русском мире, в пространстве его виртуальном!... Слова признательности В. Скифу, В. Забелло, чете Дорошенко за публикацию.

И опять досада и сожаление терзает читательские сердца: почему же не в получаемых ВСЕМИ библиотеками российскими журналах и книгах открылся поэт, не в эфире теле- или радиовещания ВГТРК «Россия»?.. И как же донести голоса всех сердец поэтических до людей? Сего числа, в день прорыва ленинградской блокады, так хочется чем-то приблизить и прорыв информационной блокады вокруг литературы настоящей русской!

С уважением и признательностью донская армянка, член СП России.

К 70-летию со дня рождения поэта Геннадия Гайды

ВЛАДИМИР СКИФ

«Когда мы были молодые...»

Геннадий Михайлович Гайда — друг моей бурной молодости, старинный приятель, соратник по многим литературным встречам, поездкам по городам и весям родимой сибирской стороны, по БАМу и по Ангаре, товарищ по нескончаемым спорам и жизненным приключениям, достойный соперник по влюблённостям в одних и тех же женщин, истинный поэт, подлинный, неутомимый просветитель, сибирский энциклопедист, оставивший свой неповторимый след в культурном пространстве Иркутска, в душах огромного количества людей, шедших с ним рядом по жизни, и тех, кто с ним соприкасался хотя бы раз.

Его запомнили не только сограждане, окружавшие его, но даже само время, ткущее своё незыблемое историческое полотно. История, литература, сибирская культура будут вечно ему благодарны за ту великую работу, которую он вёл среди студентов и школьников, в аудиториях многих иркутских предприятий, академий, университетов, в армейских подразделениях, на радио и телевидении, и даже в местах заключения осуждённых — в тюрьмах и колониях.

А последние его деяния по проектированию и установлению мемориальных досок писателям, купцам, изобретателям — многим достойным сибирякам — просто неоценимы. Не знаю, кто сегодня мог бы стать продолжателем Геннадия Михайловича в этом направлении, кто смог бы так скрупулёзно отыскивать полузабытые имена, со всею достоверностью и сердечностью писать тексты мемориальных досок и воплощать в реальность их смысловое и художественное содержание.

Но всё-таки начну я эти воспоминания с нашей первой встречи, с нашего знакомства в стенах теперь уже не существующего дома на улице 5-й Армии, № 36, где располагалась Иркутская писательская организация.

В 70-е годы прошлого столетия я какое-то время возглавлял ТОМ — Творческое объединение молодых, которое собирало начинающих писателей в одну команду, работало достаточно серьёзно и продуктивно, обсуждая рукописи молодых поэтов и прозаиков, рекомендуя их для публикаций, и даже выдававшее самым активным и талантливым авторам удостоверения Члена творческого объединения. ТОМ — это та самая значительная ступенька, переступая через которую, мы впоследствии становились профессиональными литераторами.

Конечно же, наше Творческое объединение молодых 70-х годов было менее известно, чем первое, которым руководил Юлий Файбышенко и куда входили Валентин Распутин и Александр Вампилов, Геннадий Машкин и Глеб Пакулов, Евгений Суворов и Альберт Гурулёв, Станислав Китайский и Владимир Гусенков, Дмитрий Сергеев и Владимир Жемчужников, Сергей Иоффе и Михаил Трофимов, Анатолий Преловский и Виктор Соколов, Борис Лапин и Иннокентий Новокрещённых, Юрий Самсонов и Леонид Красовский.

Хотя, если сегодня назвать «томовцев» второго эшелона, то они станут достаточно весомым дополнением к первому ТОМу и, я думаю, не уронят высокой чести иркутской, сибирской литературы. В разное время в новом, возрождённом ТОМе появились Анатолий Горбунов и Борис Архипкин, Анатолий Байбородин и Валентина Сидоренко, Геннадий Гайда и Василий Козлов, Татьяна Суровцева и Владимир Скиф, Евгений Варламов и Александр Сокольников, Иван Козлов и Михаил Лемперт, Любовь Сухаревская и Олег Портнягин (ныне Член СП России, живёт в Сызрани), Сергей Швецов (погиб в 1984 году в авиационной катастрофе) и Михаил Успенский (по рождению красноярец, ныне тоже ушедший в мир иной), Леонид Сенченко и Яков Кром (погиб в горах Монгун-Тайги), Валерий Слободчиков (живёт в Барнауле) и Елена Здышова (ныне живёт во Франции).

На одном из обсуждений в 1973 году на суд членов литобъединения представил свои стихи никому доселе не известный молодой поэт Геннадий Гайда. Обсуждение его произведений было неповторимым, впечатляющим. Мне надолго запомнилось чтение этим автором собственных стихов — проникновенное, по-актёрски талантливое. Гайда оказался не только истинным поэтом, но и замечательным чтецом, который верно расставлял акценты, умело пользовался поэтической интонацией, словом, читал так, как многие поэты не читают и ныне.

Да и защищал он свои стихи от нападавших на него стихотворцев и придиричьих филологов страстно и доказательно, втолковывая слушателям, почему именно такие необычные метафоры, такие странные образы одиночества в его стихотворении «Одинок, одинок...»:

*Одинок. Одинок.
Я — без Пушкина лицей.
Одинок, словно око
Без другого на лице.*

*Одноглазо, одногого
На безлюдии — фонарь.
Мимо окон — одинок
Пастернаковский февраль.*

*Мне б до лета,
Мне б до лёта,
До фанфар, до ноты «фа».
Одиночество — длиннота,
Дней расстроенных строфа.*

*От порога до порога
Зарастаю, как дорога.
День полого, два полого.
Оди -*

*ноко.
Оди -
ноко.*

После этого обсуждения мы с поэтом Борисом Архипкиным ещё долго вспоминали эпизод, когда Гайда, споря с оппонентами, подпрыгнул на месте и грудью, как в петушином бою, почти наскочил на Володю Артёмова (студента-филолога и будущего евтушенковеда), жестикулируя и не уступая ему в ярком, вихревом поэтическом споре.

На этом обсуждении мы как раз и познакомились с Геной, и сошлись на долгие годы в нашей иркутской, богатой литературными баталиями, богемной жизни, где случилось столько встреч, событий, поездок, открытий, книг, любовей, стихов, что всего этого хватило бы не на одну, а на десятки книг-воспоминаний.

Собирались мы не только в особняке писательского дома, но и на заседаниях литературного клуба «Парус», который располагался во Втором Иркутске в здании редакции Иркутского авиационного завода или в аудиториях, куда выезжали на выступления участники клуба «Парус».

Встречались на иркутской набережной в негласном кафе поэтов «Ветерок», буйствовали на квартире поэта Леонида Сенченко, сживали за бутылкой-огне-тушителем жуткого портвейна «Солнцедар» или бутылкой водки в доме у Бори Архипкина, хороводились на «выселках» у Василия Козлова (пионерский лагерь «Энергетик»), где жила и работала его мама Ольга Петровна и где среди нас витало его шуточное стихотворение:

*Почти забава — живу на «выселках».
Сосед за бабу мне стёкла выстеклил...*

Порою куролесили и до хрипоты читали стихи в знаменитом «Коммерческом подворье» — общежитии актёров драмтеатра, где в то время посчастливилось мне проживать. Нечасто, но собирались и в Пионерском переулке в доме Гены Гайды, где, кстати, и родился мой псевдоним СКИФ, о чём я уже писал в книге «Писатели улыбаются», и который ныне стал моей фамилией по паспорту.

Геннадий Гайда самообразовывался всю жизнь, превращаясь в удивительно, неподражаемого знатока поэзии, который совершенно точно мог определить степень значимости того или иного современного поэта. Он достаточно серьёзно изучил Золотой и Серебряный век русской поэзии, подготовил несколько лекций о творчестве русских поэтов Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Арсения Тарковского, Юрия Кузнецова. Знал и любил поэзию Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Анатолия Передреева, Александра Твардовского, Анатолия Жигулина, Михаила Исаковского, восхищался стихами Василия Казанцева и Николая Зиновьева. Не обходил стороной произведения Александра Кушнера и Давида Самойлова, любил цитировать самоейловское «У зим бывают имена...»

А какую удивительную Гена подготовил беседу о русской пародии! В середине семидесятых я неожиданно для себя увлёкся этим непростым литературным жанром, и даже свою дипломную работу назвал «Литературно-критическое эссе с девятью пародиями». Геннадий Михайлович пришёл в университет на защиту моего диплома и с интересом наблюдал за происходящим, внимая вопросам комиссии и моим ответам, а после защиты, когда мы выбрались из коридоров университета, сказал: «Шерхунаев своим вопросом застал тебя почти врасплох, но, слава Богу, ты выкрутился».

И, действительно, член экзаменационной комиссии, преподаватель госуниверситета Роднай Андреевич Шерхунаев задал мне неожиданный, но вполне уместный вопрос: «Скажите, а какое отношение имеют пародии к вашей дипломной работе?» Я помедлил и ответил, что пародия — это, прежде всего, критика, потому что указывает на стилистические ошибки того или иного поэта.

А Гена выразил эту мысль более точно и более пространно: «Пародия — это нацеленная критика, только цели своей она достигает силой комического эффекта, порою доведённого до абсурда, гипертрофируя, преувеличивая стихотворный смысл, заложенный в цитате. Поэтому, конечно же, пародия должна в себе заключать две составляющих: критическую и юмористическую».

Во многих иркутских аудиториях наши лекции о пародии слушались с великим вниманием. Проходили они тепло, весело, а в иных аудиториях воспринимались с необыкновенным восторгом. И по продолжительности длились иногда часами. Помню, в Институте географии вечер растянулся на четыре с половиной часа, но слушатели, очарованные невероятными познаниями Геннадия Михайловича и потоком острых, весёлых пародий, как будто не замечали быстротекущего времени.

Кто знает Гену, тот помнит его содержательные выступления, беседы, разговоры, похожие на широкий, эмоциональный паводок философских размышлений, стихов, воспоминаний, ярких быличек и анекдотов. Если кто-то из знакомых встречался с ним на Большой улице, то знал, что от Гены так быстро не уйдёшь. Встреча затянется, как минимум, на полтора, два, а то и три часа. Но самое удивительное, что человек не просто был захвачен Геной «в плен», он сам не хотел покидать этот плен, потому что никто не мог так страстно, так эмоционально, так долговременно держать большую ли аудиторию, одного ли человека своим зажигательным, предметным, острым разговором.

Я вспоминаю нашу с ним поездку на теплоходе «Вымпел» по Ангаре и Братскому водохранилищу. Какое это было удивительно светлое, какое золотое время! И как грустно, что ничего этого нельзя уже повторить.

В июле 1982 года мы с Геной оказались в совместной командировке с ансамблем «Россияночка» шелеховского Дома культуры «Металлург», куда вместе с нами по просьбе Басскомфлота Восточно-Сибирского речного пароходства отправилась концертная бригада из пяти человек: это певицы ансамбля Елена Яковлева, Наталья Каменская, Галина Димова, композитор и руководитель творческого коллектива Александр Калачёв, баянист Геннадий Коротецкий.

В какой-то день мы проходили мимо Аталанки, родины Валентина Григорьевича Распутина, и я решил навестить маму Валентина Григорьевича — Нину Ивановну, и пригласил с собой Гайдю. За нами увязалась вся концертная бригада, да ещё napросился штурман теплохода Михаил Гаврилов.

Нина Ивановна встретила нас радушно, угостила чаем, показала открытку, присланную Валентином из ФРГ. Дом Нины Ивановны, как и дом тётки Дарьи, героини повести Распутина «Прощание с Матёрой», был чистенький, ухоженный, на стенах, как это всегда водится в деревне, в застеклённых рамах висело много простых любительских фотографий, на которых застывшее время зафиксировало немало разных событий распутинской родовой, детей и внуков, братьев и сестёр, мужчин и женщин, дедушек и бабушек.

После встречи с Ниной Ивановной мы вышли на деревенскую улицу, вся компания ушла вперёд, а мы с Гайдой приостановились, глядя на спокойную, умиротворённую июльской погодой Ангару, на щебечущих ласточек, на кур, копошащихся в пыли, на ясное безоблачное небо. Гена долго молчал, не отводя взгляда от уютного деревенского домика, и негромко, но с такой глубиной и страстностью произнёс:

— Посмотри, Скифа! Всё то же самое, как у всех, — те же сопливые ребятишки, те же домики, те же завалинки и стога, те же огороды и те же люди, как и во всей России. Ну откуда взялась эта необъятная распутинская бездна ума и таланта! Как, из чего он возрос этот, поразивший мир мальчик? Из каких корней, из какой земли и крови?

— Наверно, в этом таинственном и неповторимом мировом углу, каким является Аталанка, есть что-то неодолимо сокровенное, — ответил я. — Ты слышишь, в слове *Аталанка* звучат сразу два слова — *талант* и *атлант*?

— Да, наверно, хотя нам никогда не разгадать эту загадку... — сказал Гена и после раздумья добавил: — Неисповедимы пути Господни...

В этой же поездке мы с Геней побывали ещё и в Братске — в гостях у Аги Мавроди — родной сестры Валентина Григорьевича. Гена разговаривал с ней просто и душевно, бережно выпрашивая всё то, что она помнит о детстве писателя, о его привязанностях и друзьях, радуясь, восхищаясь, и почти не веря тому, что он действительно прикоснулся в Аталанке и Братске к истокам жизни Валентина Распутина.

Геннадий Гайда был истинным, непревзойдённым книголюбом, в котором сочетались страсть библиофила и книгочех одновременно. В советское время в стране выходило огромное количество книг неисчислимыми тиражами, но книг всё равно не хватало. И мы с ним прочёсывали «Букинист», дежурили у магазина подписных изданий, выпрашивали дефицитные книги у добрейшей Екатерины Иосифовны Зотиной — заведующей отделом художественной литературы книжного магазина «Родник», обменивались накопившимися книжными фондами или имеющимися в наличии вторыми экземплярами книг.

О, это надо было видеть, как мы доказывали друг другу преимущества того или иного издания! Здесь всё имело значение: и состояние книги (на «пять», на «четыре» или на «троечку»), тираж книги (десять, двадцать или сто тысяч), известность поэта, прозаика или драматурга, частота издания и ещё десятки других, ведомых только нам деталей книжного обмена.

А потом, в более поздние времена, когда Гена стал возить книги из Москвы и Питера, где он выискивал самые невероятные издания и привозил их в Иркутск, снабжая десятки, а может, сотни людей, я покупал у него редчайшие издания, которые до сих пор днём с огнём не сыщешь ни на одном книжном прилавке Иркутска.

Отдельная история связана с книгами великого русского поэта Юрия Кузнецова, в чьё творчество был влюблён Геннадий Михайлович. Книги Юрия Кузнецова, и особенно ту, которая была издана в серии «Золотой жираф» под названием «До последнего края», он привозил из Москвы бессчётное количество раз. Благодаря Гайде поэта Юрия Кузнецова открыли для себя десятки иркутян. Вручая книгу, Гена вносил в неё варианты стихов, которые были напечатаны раньше. Допустим, где-то в одном из первых изданий было напечатано:

*Ниоткуда, как шорох мышинный,
Я заскрёбся в родимом краю.
Я счастливый, как пыль за машиной,
И небритый, как русский в раю.*

В другом издании поэт публиковал новый, вроде бы улучшенный вариант этого стихотворения:

*Я заскрёбся, как шорох мышинный,
В захолустном родимом краю.*

Но прежний вариант нам казался лучшим, мы к нему привыкали настолько, что не соглашались с исправлениями автора. Гена карандашом, ниже напечатанного стихотворения, рисовал звёздочку и вписывал прежний авторский вариант, а на вложенном в книгу кусочке бумаги писал: «1) На стр. 21, 58 и 168 внесены лучшие авторские варианты; 2) Исправлены опечатки в «Слове о Законе и Благодати...»; 3) В оглавлении отмечены стихотворения, с которых лучше начинать знакомство с поэтическим миром этого непростого поэта».

Гайда знал наизусть десятки стихотворений лучших русских поэтов, как классиков, так и современников, он часто цитировал их в наших беседах. Одним из стихотворений, которое мы давным-давно часто повторяли, было стихотворение Юнны Мориц «Когда мы были молодые...» В каком-то отрезке жизни, скорее всего в перестройку, мы реже вспоминали о Мориц, но в 2000 году Гена привёз мне её книгу «Лицо», изданную московским издательством «Русская книга» в серии «Поэтическая Россия», и сказал:

— Прочти поэму «Звезда сербости», откроешь для себя «новую» Юнну Мориц — яркого публициста и русского патриота.

И даже процитировал её строки:

*Венгры пляшут, поляки поют,
Небесами торгуют болгары.
Сербов дружно и втёмную бьют.
Где соковища, там и кошмары.*

Так сомкнулись в нас новые и очень ранние стихи Юнны Мориц, где так ностальгически звучат строки, написанные ею в 1965 году:

*Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные росли.*

Прошло уже девять лет, как нет с нами Геннадия Гайды — прекрасного поэта, русского ратоборца, верного сына Сибири, служившего ей до последнего вздоха. Широких тебе небес, Геннадий Михайлович!

И напоследок я хочу процитировать его автограф на подаренной мне первой книге стихов «На склоне сентября», выпущенной в свет в Санкт-Петербурге в 1997 году:

*Предвидеть, ждать, любить...
всё то, что дух тревожит,
всё то, что может быть,
хотя и быть не может.*

11.12.97 г.

Владимиру Скифу, ровеснику, товарищу и собрату по творческим злоключениям — с пожеланиями вдохновения и удачи. Искренне Г. Гайда.

13. 01. 98 г.

P.S. С Новым годом по ст. (старому. — В.С.) ст. (стилю. — В.С.) тебя и твоих домашних.

P.S. См. стр. 123.

ВЛАДИМИР СКИФ

Другу-стихотворцу

1. Подлодки

Геннадию Гайде

Тихи, суровы, незаметны,
Они всплывают вдруг со дна,
Так непохожи на суда
И так похожи на ракеты.

Они несут смертельный груз,
Что может выжечь поднебесье,
Тем самым огненная Русь
Хранит земное равновесье.

А океан огромен, пуст...
Царит в подлодке дух военный.

1967, 2007

Космический открылся шлюз —
И мы уже на дне Вселенной.

Сто грамм «наркомовские» пьём,
Минуем Гончих Псов, Находку,
И про усталую подлодку
Мы песню грустную поём.

Поём во все стальные глотки,
Мы — сталью ставшие давно...
Всплывают подышать подлодки —
И снова падают на дно.

2. Геннадию Гайде, автору книги «На склоне сентября»

Словно знамя вечное Победы
Занялась вечерняя заря.
Хороша застольная беседа
У тебя на склоне сентября.

Медленно темнея на востоке,
Как аршин сложилась высота.
Наливай рябиновой настойки
Прямо из осеннего куста!

Поднимай хрустальные бокалы
Из живого утреннего льда!
Выпьем за сияние Байкала,
За слиянье Сердца и Креста!

Бабье лето падает на плечи,
Поцелуй женские даря.
Осень листья или карты мечет
На спалённом склоне сентября.

1999

Пусть она ворожит. Ты не сетуй,
Что по склону катится листва,
Как сердца загубленных поэтов,
Как летит на плаху голова.

Вот мы и сподобились на встречу
Посреди разорванных миров...
За поэтов, птиц, церковных певчих
Выпьем пламя русских вечеров!

Призакрылась раковина неба
И среди хвоинок или стрел,
Освещая сразу быль и небыль,
Красный жемчуг солнца догорел.

Всё куда-то сдвинулось со света,
Но живыми токами сквозя,
Наша продолжается беседа
И не прерывается стезя!

3. Выискивать слова

Какой, мой друг, хотел бы ты свободы От женщин? от работы? от друзей? Увы! От женщин отрезвляют годы, Стремительнее жизни карусель...	И всё же нет той истинной свободы Во всём, что перечислить мне пришлось. А ты — поэт, мыслитель от природы, Сиянье Божье на тебе сошлось.
--	--

Её стремление — истово крутиться — Проистекает из твоих трудов, Где ты готов без усталости трудиться, Поскольку не трудиться не готов.	И значит, в этом искренняя природа, И суть вещей надмирных такова, Что у поэта есть одна свобода — Выискивать, выныривать слова.
---	---

К тому же — безоглядные пирушки Не часты, но, как в юности, звонки. А где пирушки, там уже подружки Порхают рядом, словно мотыльки.	И пусть пеняют, что проходит мода На книги, на высокие слова... Но ты-то знаешь, в них душа народа, Она ещё по-прежнему — жива!
--	--

2006

4. Странник

Ты стал небесным странником, Поэт и небожитель. Господь тебя избранником Призвал в Свою Обитель.	Душа с печалью справилась И смерти не пугалась, А жизнь как будто плавилась И к небу придвигалась.
---	---

Ты поражал нас планами, Своим умом, усердием, А жизнь сгорала пламенем, Как будто лист осенний.	С землею шло прощание, С друзьями, сыновьями... Осталось «Завещание» — Стихов живое пламя.
--	---

Ты нас встречал с улыбкою Всё так же, как и прежде. Но тьма клубилась зыбкая И рушила надежды.	...Недвижно небо серое, Земля молчит сурово, И с неба льётся сеево — Несказанное Слово...
---	--

21.10.2008

5. Мемориал

Памяти Геннадия Гайды

Мемориальная доска...
Их в нашей жизни прибывает.
Сегодня мной овладевает
Мемориальная тоска.

Ты в жизни многого достиг,
Но большего душа хотела...

В чумном народе двигать дело
Не просто — нация редела,
Кровил тысячелетий стык.

Ты лёд чиновничий ломал,
В суждениях упрям и резок,
Знаток поэзии и фресок,
Ты Богу и Судьбе внимал.

Сторонник Памяти Большой,
Ревнитель русского искусства,
Мемориальный фон Иркутска
Ты создавал своей душой.

Ты был неистовый в делах,
В стихах раздумчивый и нежный.
Но беззаботной жизни прежней
Не стало, будто летних птах.

И ты почувствовал предел
Своих забот и сил немалых,
Усталым быть среди усталых
Ты тоже явно не хотел.

...И вот спешишь на небосвод
В одной из ангельских повозок...
Эскорт мемориальных досок
По небу за тобой плывёт.

28.11.2008

6. Поэт

Мой друг незабвенный, тебе благодарен
Неспешный Иркутск, что тобою воспет,
С его Ангарою и духом пекарен,
И «чаепрессовкой», которой уж нет.

Со Спасским собором и Богоявленским,
Высоким костёлом, которому ты
Стихи подарил с ощущеньем вселенским
И всепониманьем его красоты.

В своём переулке мальчишкою местным
Ты мир открывал и дыханием грел
Птенцов, выпадавших из гнёзд поднебесных,
И в щели забора на город смотрел.

Ты жил, как в России живут, по наитью,
Ты двор и Вселенную враз обживал.
Поэзию принял и сделал открытье:
Поэзия — это сердечный обвал.

Характером был и упрям, и неистов,
Братался с дождями и с рифмой дружил.
Умел говорить, был отменным артистом,
Над женщиной, будто бы коршун, кружил.

Влюблялся в стихи, как и в женщин, надолго,
Об этом не знали Тарковский, Рубцов,
А знали друзья, знали книги на полке,
И знал гениальный поэт Кузнецов.

С ним первая встреча была не короткой,
А долгой, глубокою, как водоём.
Гремел Поликарпыч, с которым за водкой
Когда-то сидели мы в доме моём.

Та радость общения неизгладима,
Геннадий Михалыч — как будто прозрел.
Тогда Кузнецов не прошествовал мимо,
А лет через двадцать от жизни сгорел.

Ушёл Кузнецов — так взрываются скалы,
Он на Троекуровском кладбище лёг.
Ну что ж ты за ним устремился, Михалыч,
В тебе ещё жил упоительный слог!

К тебе свои души поэты стремили,
Ждала череда передач на TV
О русской поэзии. Как мы любили,
Лежать «на полке» — голова к голове.

До бронзовой звонкости париться в бане
И спорить о странных путях бытия.
За всех и за всё в тебе билось страданье,
Об это страданье обжётся и я.

Тебя ожидали друзья и подмости,
Твои выступления и Дом Кузнеца,
Но чёрные мемориальные доски
Уже не отпустят тебя до конца.

2013

К столетию двух русских революций

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

Испытание историей

К знаменательной дате — грозной и грандиозной¹

Сто лет назад Россия пережила величайшую трагедию и небывалое обновление. Ныне эти события одни называют Октябрьским переворотом, другие — Великой Октябрьской социалистической революцией. Официально отменён праздник 7 ноября, вместо него утверждён День народного единства — 4 ноября, в День Казанской иконы Божией матери.

Призыв к единству — дело благое, но пришёлся он на самый разгар новой революции, по сути, буржуазной. Пострадавшие в ней должны объединиться с новыми хозяевами жизни, и это после почти восьми десятилетий, прожитых в уверенности, что деление на богатых и бедных ушло безвозвратно.

Гражданской войны повторять никто не захотел, но глухое противостояние не исчезло, оно загнано внутрь, и формы протеста не вдруг распознаваемы. А главное, замедлился процесс осмысления прошлого. Историков и философов опережают лёгкие на перо журналисты, в большинстве работающие на новый политический курс.

Постепенное и осторожное исследование послеоктябрьской истории, начатое в советское время, оборвалось в 90-е, с распадом СССР. Новая смута заслонила такие поворотные события, как возрождение православия, начавшееся в 1988-м, в год 1000-летия Крещения Руси, возвращение в Россию отринутой после революции литературы Русского Зарубежья, когда появилась надежда на воссоединение разорванной российской истории и выработки новой идеологии государства на пороге реформ.

Началось же с того, что идеология по ельцинской конституции была просто отменена (см. ст. 13, п. 1). Но легко отменить на бумаге — на деле возоблудала идеология капитализма и войны с социалистическим прошлым. Нигде это не прописано, цензуры нет, но войну уже четверть века ведут СМИ и по-новому настроенные чиновники. Знаки поменялись на противоположные: социализм — это ГУЛАГ и репрессии, рыночные механизмы — единственный путь к свободе и процветанию.

И вот итог многолетней пропаганды: сравнительно недавно в конкурсе на ТВ «Имя России» первое место вдруг чуть не занял осуждённый и наказанный после

¹В основе статьи — письма автора в «Наш современник»: *О Сталине невозможно не думать*. 2014. № 9. С. 272–275; *Разговор с продолжением*. 2016. № 10. С. 247–250.

смерти Сталин. Некоторые считают, что и занял, да не допустили устроители конкурса. Но и второе место впечатляет.

Обществу и властям задуматься бы над этим. Да, голосование протестное, оно против нынешних реформ, едва ли не каждая из которых превращается в антинародную. Так надо немедленно пересматривать, поправлять руководящие действия!

Но прежде следует вернуться в прошлое, и не для бесконечного обличения, а чтобы посмотреть на него непредвзято и понять, из чего выросло настоящее.

* * *

Оглянемся на сталинскую эпоху — она всё ещё близка нам: ещё живы немногие её представители и их дети, хранящие в памяти рассказы о суровом и до сих пор до конца неразгаданном времени.

Вот и у меня есть свидетельства из тех лет. Не буду повторять историю своего близкого родственника, ранее мной уже описанную. Скажу коротко: этот человек, как и многие, был необоснованно арестован в 1937-м, отбыл восемь лет из десяти в Северлаге (два года скостили за рацпредложение). Едва выжил на лесозаготовках, спасся благодаря специальности механика сельской МТС: во время войны был отряжен комплектовать машины для фронта из собранной в лагерь из окрестных хозяйств неисправной техники. Голод перестал быть угрозой жизни.

Домой вернулся уже после войны. Один из шестнадцати арестованных в тот год в их селе за якобы контрреволюционную деятельность (есть архивные сведения). Сколько выжило и осело в других местах, неизвестно. Был реабилитирован в первую волну, в 1954-м. Жена не дождалась, вышла за другого. Сын рос у её родителей. Он так и остался у них — зятю с его новой женой внука не отдали. Мальчик не мог пойти против воли деда, но втайне ждал, что отец заберёт его. Не дождался, потерял отца во второй раз, получал от него только алименты. Когда умер Сталин, все вокруг плакали, вместе со всеми плакал и мальчик, уже подросток...

Если смотреть из тех лет, то возникает невольный вопрос: надо ли так громко и так долго разоблачать Сталина? Может, хватило бы признания несправедности судов, оказания помощи выжившим, поддержки семьям, потерявшим кормильца? Почему разразилось негодование, далеко не благородное, а обеляющее окружение вождя и прежде всего Хрущёва — соучастников в организации репрессий? Им в первую очередь должно было быть стыдно за их общие ошибки, а о мёртвом — или хорошо, или ничего. Призывы к покаянию — они к ним, а не к нынешней КПРФ.

Мне кажется, народ этот стыд принял на себя, не крича о нём. А как кричать? Если в Сталине видели великого вождя, поднявшего государство из руин, приведшего к победе в самой страшной из войн. О каком всенародном осуждении можно говорить? Было недоумение, смущение, страх, а на ком вина за все перекося — один Бог знает.

Соседка по дому как-то в связи с нынешними безобразиями убеждённо проговорила: «Во времена Сталина правильно всех сажали, так и надо было. Мой отец служил в НКВД, я знаю». Что ей возразить? Приводить известные примеры невинно осуждённых — она им не верит, цифры сгинувших в лагерях (так и говорили о жертвах: сгинули) — они разноречивы, принимай на выбор — большую ли, меньшую... Детального-то разбора не было: кто какие приказы отдавал, кто исполнял. Да и непросто было доискаться, если донос рождался при дознании

силовыми методами. Если доносчик оказывался в таком же бараке, на тех же нарах, что и пострадавший. Сегодня ты бросаешь людей за решётку, завтра бросят тебя — где жертва, где палач?.. Легче всего назначить конкретным виновником одного — уже никому не опасного, так ещё недавно горячо любимого вождя.

Или, как разделить жертвы политических репрессий и жертвы индустриализации? Людей объявляли врагами народа и отправляли на Север строить необходимый стране завод. Приходилось читать о том, что вербованные по договору, с подъёмными и зарплатами, разбегались, не выдерживая тяжёлых условий. Останься они там, их участь была бы ненамного лучше участи заключённых — те же бараки и не успевающая доставка продовольствия. Но свободные граждане могли раствориться на просторах Отчизны — поди сыщи их. Другое дело бесправные заключённые, объявленные контрреволюционерами, вредителями, агентами иностранных разведок, — их положено держать под стражей как пленников, заставлять много работать и необязательно хорошо кормить. Жалеть — ни в коем случае! — это пособничество врагу.

Как известно, темпы строительства взлетели сразу, как только объекты индустрии были переданы в руки НКВД. Сколько там полегло, по каким статьям, можно ли точно подсчитать? Да и архивы могли подчистить — те, кто подписывал расстрельные приговоры, вряд ли спокойно спали и ничего не предпринимали.

Вспоминается «Железная дорога» Некрасова, «Как закалялась сталь» Островского, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына — времена и мотивация разные, но цены заплачены одинаково дорогие: людскими жизнями. Последнее жертвоприношение особое — во имя построения социализма в отдельно взятой стране. Вдумаемся: какой вызов был брошен миру, живущему по законам капитала! И он не собирался ждать, когда «отдельно взятая» встанет на ноги. Ей надо было торопиться. И будем помнить: мы до сих пор пользуемся плодами такого труда. Стало быть, причастны. Подвигам комсомольцев-добровольцев 60–70-х тоже, разумеется, принижать не надо. Но им было легче, у них уже была техника, и они находились не на положении рабов.

Прошлое требует взвешенного разбора всего массива — как документов, так и живых свидетельств, а не выхватывания противоречащих друг другу фактов для надобностей тех или иных политических сил.

Неразрешимый вопрос, встающий перед каждым днём Великой Победы: должен ли быть портрет Сталина во время парада на Красной площади? Дескать, врага победил народ, не жалея себя ни в боях, ни в трудах, заплатив к тому же и за ошибки Сталина, допущенные перед войной и в начале её. Значит, недостойн?

Да, народ платит всегда и за всё — тут не поспоришь. Но кто в час гибельной опасности объединил страну в единый кулак, убеждением и принуждением?

Свидетельств на этот счёт немало. Приведу только одно — мемуары маршала А.Е. Голованова «Дальняя, бомбардировочная», опубликованные в 2000-х годах, не доверять которым нет оснований. В них хорошо чувствуется время: описан и парализующий страх перед внезапным арестом, и общий подъём духа, когда стало очевидным: делом победы непосредственно занят главный в стране человек. Отсылаю к книге Голованова тех, кому интересно, как формировалась Дальняя авиация, сыгравшая огромную роль в разгроме фашистов. Читатель узнает, почему каждый лётчик имел право, отбомбившись, докладывать по связи лично Сталину о выполнении задания, и поймёт, что «сталинские соколы» не красивая метафора, а отражение конкретного участия вождя в создании Дальней авиации.

В этих мемуарах меня поразило, как проводились совещания по разработке военных операций. Как Сталин своей железной волей напрягал маршалов на настоящие мозговые атаки. Вот этот бы опыт перенять нашим правителям при решении жизненно важных проблем! И потому считаю, нет вопроса, быть или не быть портрету Сталина на парадах 9 Мая, — конечно быть.

* * *

Ещё одна раскольная тема — коллективизация. Её осмысление началось давно, усилилось в последние годы советской власти (вспомним «Кануны» В. Белова), но не было завершено из-за новой смуты. Камень преткновения не в одних способах хозяйствования — они могут быть разнообразны, а в их совпадении с более глубокими противоречиями в человеческом духе и бытии.

Начать с того, что большевики взяли на себя невиданную доселе задачу: переделать человека. Капитализм и социализм в чистом виде — системы абсолютно противоположные: капитализм — движение к себе, социализм — от себя, во имя общего блага. Природа человека содержит оба начала, у кого-то преобладает первое, у кого-то — второе. Построение чистого социализма, причём в короткий срок, означало выкорчёвывание капитализма, а именно такой путь был выбран. По сути, утверждалась новая религия, взявшая из старой идеи равенства и справедливости, но без поклонения высшему началу и без учёта человеческой природы.

И Ленин, и Сталин считали крестьянина капиталистическим элементом — это общеизвестно. Он подлежал уничтожению. Но без хлеба жить нельзя, значит, крестьян надо было разделить — одних, кто согласен трудиться по-новому, оставить, других, кто не согласен, убрать с дороги.

...Когда я вижу, как некоторые дачники работают на своих участках, я всегда думаю: они бы ни за что не вступили в колхоз! Так болеть за каждое растение, переживать, как бы кто-то не сделал чего-то не так, самолично всё решать и контролировать! И я поняла: есть люди, которые не терпят никакого вмешательства в их владение землёй. Может, это и есть религиозное отношение к земле?

И вот таким объявили коллективизацию. Другие как раз предпочли бы колхоз: сообща работать легче, особенно маломощной семье, удобнее использовать технику, да и вообще интереснее. Но представим: истовому, самостоятельному крестьянину было велено объединиться с батраком, лодырем, пьяницей и вместе обрабатывать землю. Конечно, кто-то попадал в эту категорию по несчастью и при первой возможности становился на ноги — бывший батрак мог стать хозяином. Но есть люди, и их немало, согласные быть именно батраками, свободными от всякой социальной ответственности! У нас они зовутся бичами (ныне их потеснили гастарбайтеры), в других странах — сезонными рабочими.

Сплошная коллективизация в деревне, похоже, тот случай, когда целили в капиталиста-эксплуататора, а попали в крестьянина-труженика.

Очень быстро в коллективных хозяйствах завелись беды: выяснилось, что на своём приусадебном участке колхозник трудится усерднее, чем на общем поле, что наиболее сообразительные из неумех, демонстрируя преданность новой власти, пробираются в начальство и, не зная, не любя дела, начинают руководить. Что из этого выходило, расписывать не надо. А для власти в этот переломный момент (да и позже — привыкла!) нужнее были именно покорные, а не знающие! Кулак, естественно, сопротивлялся — ему было что терять. Известны крестьянские бун-

ты той поры, и, если бы деревня не ослабела после Первой мировой войны, ещё неизвестно, чем бы кончилось.

Тут надо вспомнить и Троцкого, у которого можно прочитать: трудовая масса должна быть управляема, легко перебрасываема в нужное место и т. д. То есть ставилась задача не только пролетаризации, но даже военизации трудовых масс. А как ещё можно было строить социализм, не имея никакого практического опыта? Видимо, большевики считали, что крестьян слишком много, и можно немалую часть перестроить и пустить на подъём индустрии.

Эксперимент и есть эксперимент — и Ленин, и Троцкий, и Сталин начинали его вместе, потом разошлись. Ленин предпочёл ввести нэп. Но это выглядело даже тогда диким капитализмом, и страну могли растащить по концессиям. Сталин решил доказать, что социализм в отдельно взятой стране построить можно. И он был построен, и люди пошли на лишения, чтобы противостоять всему миру. Но крестьянская жила в крестьянской стране была подорвана. Что касается колхозов, то стало правилом выжимать из них все соки: выполнил план — вот тебе дополнительное задание, надо прикрыть тех, кто плана не выполнил. Читала признание Сталина: мы в большом долгу перед крестьянством, но мы вернём этот долг. Не вернули, потому что это невозможно. Есть мнение: в войну колхозы были спасением. В тех чрезвычайных условиях — да. Но неизвестно, как бы мы жили, если бы единоличное сочеталось с коллективным и исконное крестьянство не было бы разорено.

Однако постепенные изменения в лучшую сторону всё же шли. К середине 60-х раскрепостили сельских жителей — они могли беспрепятственно покинуть деревню, колхозникам стали выдавать паспорта. Любопытный факт довелось прочитать в одной рукописи. Приведу его, хотя за достоверность поручиться не могу. Сразу после войны особо отличившимся воинам по указу Сталина выделялся кусок земли в пять гектаров, на единоличное хозяйство. Однако поднять эту землю отцу автора рукописи не пришлось: не дали нищие колхозники из зависти, да и у самого хозяина, израненного в боях, да с малолетними детьми, не достало сил. К тому же всей семьёй пришлось лечиться от туберкулёза. Ничего из этой затеи не вышло.

Кто знает, продлись дни вождя, может, он бы и поправил курс, не распуская вожжей. Но это — из области предположений. Семена, заброшенные в 20—30-е, проросли ещё долго, и пришедший после Сталина Хрущёв нанёс сельскому хозяйству новый удар.

Путь социализма был труден, но невзгоды преодолевались сообща и казались временными. Появился достаток, каждый человек верил в себя и своё государство, которое способно дать каждому по справедливости самые необходимые блага. Не буду перечислять общеизвестное, это может подтвердить каждый на примере своей семьи. Приведу только одно наблюдение со стороны. Знакомая соотечественница из Австралии, дочь белого офицера, несколько раз посетила Россию. Навестила родственников. Делясь впечатлениями, отметила: «Они все живут в маленьких квартирках, небогато, но все получили высшее образование и даже по два. А я — не получила».

* * *

Мы всё никак не можем прийти в себя: почему мы так рухнули в 90-е годы? Ведь никто не сомневался в незыблемости строя, все работали на социализм. В

моём окружении, в родне не было фарцовщиков. Когда-то я возразила Леониду Бородину, который рассказывал, что их подпольная организация (ВХСОН) считала невозможным улучшить социализм в советском варианте — его можно только разрушить. Но миллионы людей именно улучшали социализм! Работали честно, боролись за качество на своих производствах, не боялись спорить с начальством, радовались, если что-то удавалось. Да ведь и в самом деле — удавалось, особенно когда заработал хозрасчёт. И вдруг всё проваливается на глазах, и никакого протеста! Мы пытались отстоять наше государственное книжное издательство, одно из успешных в Сибири, но руководители почему-то кинулись в кооперативы, создаваемые на теле издательства, завелась двойная бухгалтерия, коллектив раскололся, несогласные ушли, и т. д. Всё было свёрнуто. Но это небольшое предприятие. А что наш доблестный рабочий класс? Почему он не встал стеной за свои заводы и фабрики? Как нам говорили югославы в годы натовской бомбёжки: вышел бы на улицы Москвы один миллион человек в знак протеста, и бомбёжки бы прекратились. Не вышел, и за себя не вышли, а могли бы выйти десятки миллионов. За социализм, давший дороговую цену!

Я не согласна с теми, кто считает, что СССР был разрушен исключительно извне. Да, Запад не дремал, против страны социализма работали целые институты, верхушка соблазнилась — всё так. Что же, выходит, враги всё рассчитали и нас победили интеллектуально? А мы — как доверчивые дети?

Надо признать: мы были слишком самоуверенны и не хотели замечать признаков подступающей катастрофы. Взять хотя бы производительность труда, которая падала, но натягивалась до нужного показателя всякими правдами и неправдами. И многое, многое другое, о чём кричали умные аналитики. Не молчала и литература. О самом главном — убывании совести в человеке писал Распутин в повести «Деньги для Марии», опубликованной в 1967-м, в том же году закончил Вампилов пьесу «Утиная охота», в которой в образе главного героя предстала пугающая картина распада личности, а в образе его приятеля-официанта явился готовый новый русский из 90-х годов.

Но в ключевой момент сработала всё та же человеческая природа. Причём речь идёт не о природе хищника и хапуги — речь идёт о природе советского человека, воспитанного в бедности и не мечтавшего ни о яхтах, ни о виллах, ни о собственных заводах.

Средний советский класс, а он был уже многочисленным, мечтал о небольшом приработке к зарплате — всего лишь. Чтобы можно было скопить денег на кооперативную квартиру для взрослых детей, без натуги купить машину — для езды на дачный огород! Мебель заменить, не гробя свой отпуск на авральной стройке в «дикой бригаде», наконец, чтобы не расставаться с любимой, но низкооплачиваемой работой. (Тогда было принято, если кто не знает, выбирать профессию по душе, а не по деньгам.)

Советский человек попался на ваучер, который и должен был осуществить эти чаянья: вложил в предприятие — получил акции — покапали денежки. И никому в голову не пришло, что прежде надо было, напротив, сброситься всем коллективом, дабы это предприятие сделать реально прибыльным и конкурентоспособным, а потом уже ждать от него дохода. Не было привычки трезво оценивать положение. Ну а дальше за дело взялись дельцы-махинаторы, в руки пошли большие деньги и, как точно выразился народ, у многих «снесло крышу».

Вот и случилось: не успев разобраться с недавним прошлым, мы оказались на новом распутье.

* * *

Помнится, Хрущёва называли политическим авантюристом, в том числе и за его обещание коммунизма через двадцать лет. Ну а те, кто пообещал капитализм, и не через двадцать лет, а прямо сейчас, — кто они? Абсурдисты? Цирковые фокусники? Вместо «Даёшь коммунизм!» — «Даёшь капитализм!», вместо «Отдай все силы Родине!» — «Делай свой бизнес!» плюс лукавый совет: «Умей уходить от налогов — это мировая практика». Круто, круче некуда! Те, кто предлагал другой путь, были побеждены и забыты.

Если большевики грубо обрубали всё, что мешало им переделывать мир, то затянувшаяся на десятилетия шоковая терапия перестройщиков-либералов по излечению страны от социализма привела к таким новым болезням, что и средства против них не находится. Каждое новое лекарство грозит обернуться ядом. Замакивают молодёжь брать кредиты, потом придумывают «коллекторов» выбивать долги. Включается счётчик на манер бандитских, проценты взмывают в космос, должников прессуют чекистскими методами. Говорить можно всё, за это не сажают. Просто слушают только тех, кто ходит и говорит в ногу.

Прошедшие четверть века показали: с капитализмом у нас не заладилось. Кстати, не в первый раз — перечитайте Горького. Первоначальный капитал накапливается бешеными темпами, да только не вкладывается в Россию — невыгодно. Твердят об одном: коррупция не даёт ходу. Вот одолеем её — и всё пойдёт как надо.

Да не коррупция это вовсе! Просто на смену сплошной коллективизации пришла сплошная приватизация. Приватизировано всё: от высокого чиновного кресла до скромной табуретки продавщицы в бутике. И даже, страшно сказать, пошарпанный стул иного вузовского преподавателя! (Надеюсь, понятно, что речь идёт не о мебели.) Не все, но очень многие делают на своём месте свой маленький или большой бизнес в зависимости от способностей и аппетита. И не стыдно — бизнес есть бизнес!

Удивительно сочетается с приватизацией раскулачивание. О, тут у нас опыт имеется! Каждый предприниматель знает: любая справка, согласование, разрешение выдаётся за деньги. Чиновник крепко усвоил народную мудрость: от трудов праведных не наживёшь палат каменных, и если у тебя коттедж и дорогая иномарка — плати, и это будет только справедливо. Так что в нашем случае в понятие «коррупция» заложена отнюдь не одна жажда наживы, а и в том числе давнее-давнее неуважение к частной собственности.

Однако под прицелом разного рода умельцев в добыче денег находятся не только предприниматели. Особое внимание к тем, кто имеет дело с государственными финансовыми потоками. «Пилить бюджет» стало весьма распространённым занятием. Это означает, что кто-то исхитрился приватизировать кресло вместе с чиновником!

Раньше, в СССР, всё было государственное, и если «кто-то кое-где у нас порой» крал, брал взятки, продвигался вверх «по благу» и проч., с этим всё-таки боролись. Теперь, по сути, ничего государственного не осталось, только вывески. Порядки и дух везде одни — рыночные. Вопрос: почему у руководителей госпредприятий зарплата в десять и более раз выше, чем у специалистов, непосред-

ственно отвечающих за производство и качество продукции? Один этот разрыв сводит на нет весь смысл труда. Люди работают с убеждением, что им недоплачивают, и не стремятся к рекордам. Таких диких диспропорций свет ещё не видывал! На частном предприятии — хозяин барин, но на государственном — разве трудно контролировать? Или здесь зарплаты — тоже коммерческая тайна? От кого, от государства? Работники-то всё равно знают, кто сколько получает.

Провозглашены равные законы для всех: и для государственных структур, и для частных, и для смешанных. Тогда чего вы хотите? Цели-то у них разные. Для частника главное — прибыль, и если дело перестанет приносить доход, он сменит профиль. Для государства главное — достижения, и в каких-то видах деятельности оно никогда не получит прибыли. Значит, они и жить должны по разным правилам. Разумеется, к прибыли и госпредприятие стремиться может, но не выходя из логики своих порядков, не вступая в сделку с бизнесом. Эти сделки всегда непрозрачны.

В общем, пока отлажены схемы обогащения лишь для крупных чиновников и олигархов. Большинство остального населения живёт на копейки, на ходу при-торговывая чем придётся, и доведено до того, что радуется санкциям Запада как манне небесной — хоть теперь-то на отечественное хозяйство обратят внимание!

* * *

На этом фоне всё чаще слышны призывы к патриотизму. Правильные призывы — границы между странами никто не отменял. И даже, напротив, появилось стремление их укреплять. А как можно что-либо укреплять и строить в Отечестве без любви к нему? Но возникает вопрос: кто более склонен к патриотизму в России? Крупный бизнесмен или мелкий предприниматель, едва сводящий концы с концами, или тот, кто живёт по старинке на одну зарплату? Ходить к гадалке не надо, стоит только представить патриота-миллиардера, вывозящего свои капиталы за границу и там же приобретающего недвижимость... Так что же получается: богатым — деньги, бедным в утешение — любовь к Родине? Безответная.

Рыночные дрожжи явно не торопятся поднимать нашу экономику.

Кажется, мы недооценили собственный опыт. Всё прошедшее столетие мир менялся, в том числе и с учётом достижений социализма. Вполне логично в результате соревнования двух систем появление третьей, а может, и четвёртой, или пятой — сообразно особенностям каждой страны. Мы же по привычке бросились за умом в Европу, не обратив внимания, что она клонится к закату — а Шпенглер предсказывал, ещё в 1918 году!² Не приняли всерьёз и Бодрийяра, в 1970-м разглядевшего призрачность ценностей общества потребления...³

А вот ещё из литературы — может как раз подойдёт? «Бизнес в стиле фанк», книга шведских профессоров Нордстрема и Риддерстрале, начало 2000-х⁴. Она о том, как добиться успеха в эпоху победившего капитализма.

Нужен фанки-бизнес, непредсказуемый и фантастический! Человек в свободном мире утратил все скрепы, считают авторы, его ничто не держит: ни религия, ни мораль, ни государство, ни семья. Искать своё призвание, долго и упорно идти к цели — зачем? Нормальность — дорога в никуда. Главное — быстро нащупать свою нишу, стать (хотя бы на короткое время) монополистом в каком-нибудь деле

²См.: Шпенглер О. *Закат Европы*. М., 1993.

³См.: Бодрийяр Ж. *Общество потребления*. М., 2006.

⁴См.: Нордстрем К., Риддерстрале Й. *Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта*. Изд-во: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2003.

и сорвать куш. Придумайте такое, чего ещё не придумал никто, в какой сфере — неважно. Результат будет проставлен в вашем банковском счёте. Заставьте капитал плясать под дудку вашего таланта! Шевелитесь быстро, начинайте шевелиться прямо сейчас!..

Цель, в сущности, проста: создать уникальный продукт и суметь продать его раньше других. Какой, кому, зачем — вопросы не первого ряда. Но всем ли это интересно?.. Брожения, начавшиеся на наших глазах в Америке и Европе, явно не в пользу капитализма-глобализма. Не станем ли мы свидетелями нового вращения масс на арену истории, чью поступь расслышал Александр Казинцев в начале XXI века?..⁵

* * *

В поисках новых путей современные российские идеологи почему-то обходят опыт мыслителей Русского Зарубежья. Тех, кто, покинув Россию в 20-х годах XX века и предвидя конец большевизма, не переставали думать о её возрождении, вырабатывать идеи будущего устройства страны. Взять, к примеру, избирательную систему, где мы неустанно боремся с подтасовками.

Почему бы не вынести на широкое обсуждение цикл статей И.А. Ильина 1951 года «Какие же выборы нужны России»?

Вот что он пишет в 3-й статье: «Выборы должны быть разделены на небольшие участки, где все друг друга знают и где социально-негодные элементы столь же хорошо известны всем, сколь и социально-ценные и почтенные люди... Принципиально в отборе лучших должны участвовать две стороны — народ и правительство». Обе стороны, по мысли Ильина, предлагая своих кандидатов, одобряя или не одобряя чужих, должны конкурировать друг с другом и проверять друг друга «в выделении подлинно достойных людей».

«Невозможно и губительно, — считает философ, — переносить нам из Западной Европы идею противогосударственного «спорта в политике», идею частно-заинтересованной толкотни вокруг государственного дела, идею классовой борьбы, всегда чреватой гражданской войною...»

Нет, России нужно совсем иное: *организованная ставка на качество*» (курсив авт.)⁶.

Предложения прописаны в деталях, и не только на тему выборов. Ильин даёт своё видение пути духовного обновления России, размышляет о её грядущей культуре и о многом другом. Неужели ничего нельзя извлечь из этих запасов, сделанных впрок мыслителем-патриотом?

Но мы продолжаем выбирать того, кого не знаем, мы голосуем за обещания, которые не будут исполнены, а что касается ставки на качество — об этом лучше помолчать. О качестве речь заходит лишь при заведении уголовных дел в связи с крупными хищениями и катастрофами.

* * *

Мы живём в эпоху модерна, перетекающего в постмодерн с его хаосом и непредсказуемостью. Эксперимент с тех самых революционных времён стал при-

⁵См.: Казинцев А.И. *Возвращение масс*. М., 2010.

⁶Ильин И.А. *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Русская книга, 1993. С. 25.

знаком прогресса. И чаще выбирается путь, противоположный представлению о человеке как об образе Божиим. В культуре навязывается так называемое современное искусство — антиискусство по своей сути. Превозносится авангардный Серебряный век, весьма противоречивый...

Консерваторов теснят и теснят в западном мире. Впечатление, что идеология здравого смысла скоро будет запрещена конституционно. Такова реальность на сегодня.

* * *

И что же будет?..

Смута пока не завершилась и даже грозит новым витком: приближается год выборов президента России. Гонка уже началась. Не надо удивляться тому, что народ не спешит включаться в предвыборные схватки: у него есть обоснованные опасения стать заложником новых авантюристов, которые лихо разоблачают нынешнюю власть, щедро обещая разом исправить все недостатки. Вот только на государственном поприще они себя ничем не проявили.

История предыдущего столетия говорит о том, что выправление путей России — дело многотрудное, требует упорной повседневной работы и взвешенных решений. И может главное на сегодня испытание — испытание собственной историей. Необходимо посмотреть ей в глаза честно и прямо и выдержать её ответный взгляд. Необходимо признать все потери и не отдать ни одной победы.

Без вразумительных, соборно добытых ответов на вопросы прошлого, вызывающего прежде всего к совести, не построить ни настоящего, ни будущего.

2017 г.

Иркутск

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

Время, судьбы и произведения

Уроки Распутина

Свою первую повесть «Над полями» я переписывал одиннадцать раз. Во всех вариантах неизменным оставалось только первое предложение: «Дождь лил всю ночь». В написанном от руки варианте я отнёс ее в иркутский Союз писателей. За месяц её все же одолел поэт Сергей Иоффе. Я прочитал отзыв и подумал, что вот так, мордой об стол, меня ещё не били. Мне чёрным по белому было сказано: не лезь к избранным. Крути штурвал. Слава Богу, хоть его мне оставил. «Ну, скажем, в литературу мне путь не заказан, а вот вам сесть в кабину и научиться управлять самолётом не дано», — подумал я, забирая рукопись. Тогда я ещё не знал крылатую фразу, что рукописи не горят. У каждой из них своя судьба. И нужно было пройти свою дорогу, свой круг.

Работник бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей Володя Удатов, увидев моё огорчённое лицо, должно быть, в душе посочувствовал неожиданно залетевшему в писательский подвал лётчику и, глянув первую страницу рукописи, сказал, что моя рубленая фраза напоминает ему прозу Хемингуэя. Его слова прозвучали неожиданно и, честно сказать, приятно. Взял и усадил рядом со знаменитым американцем — такого подарка я не ожидал. Удатов посоветовал показать рукопись Геннадиию Машкину.

Машкин прочитал мой опус и посоветовал переделать её.

— Пока что литературные рули слушают тебя плохо, — сказал он. — Надо работать.

И я взялся за дело. Переписал, вновь дал почитать Машкину. Тот прочитал и передал рукопись Вячеславу Шугаеву. В те времена Шугаев возглавлял Совет по работе с молодыми авторами. Вячеслав прочитал, посоветовал переделать отдельные главы и сказал, что будет рекомендовать меня на писательскую конференцию «Молодость. Творчество. Современность».

На конференцию меня вытащили буквально из кабины самолёта, когда я уже собирался вылетать в Киренск. Командиру отряда было наплевать на мою просьбу отпустить на конференцию: есть работа, есть план полётов, сиди, крути штурвал и не рыпайся. Когда я запросил разрешение на выруливание, диспетчер приказал заглушить двигатель и зайти к замполиту иркутского аэропорта. Тому захотелось познакомиться с начинающим писателем, о котором ему только что позвонил секретарь обкома по идеологии Евстафий Никитич Антипин.

Через час я сидел в зале, где было полно московских гостей, и слушал, что говорят о моей повести маститые писатели. Семинар прозаиков возглавлял прилетевший из Москвы писатель-фронтовик Владимир Яковлевич Шорор. По его

рекомендации рукопись попала в журнал «Сибирь». Там её начал читать Дмитрий Сергеев, затем Борис Лапин. И уже по их рекомендациям главный редактор журнала Геннадий Николаев отложил публикацию на неопределённый срок, сказав, что рукопись надо бы ещё доработать. Тогда я не знал, что бывают случаи, когда Москва для провинции не указ.

Время шло, я перечитывал Шолохова, Фолкнера, Ремарка, Чехова, пытался понять, как они строят фразу, учился, переделывал свою рукопись и ждал публикации. За это время научился печатать на машинке, ещё раз перечитал книги всех моих рецензентов, которые после знаменитого читинского семинара именовались не иначе как «иркутской стенкой». Вот об неё я и разбивал себе лоб. Перебирая книги, я натолкнулся на стихи Шиллера:

*В царство сказок возвратились боги,
Покидая мир, который сам,
Возмужав, уже без их подмоги
Может плыть по небесам.*

Сегодня вспоминая то время, ещё раз убеждаюсь, что период непризнания — вещь сама по себе поучительная, через неё надо пройти. Здесь уже по-новому смотришь на себя, чего ты стоишь и что можешь в этой жизни.

Сразу же после конференции я поступил в Иркутский университет на филологический факультет и чуть ли не каждую неделю стал приносить в редакцию «Восточно-Сибирской правды» заметки и очерки, которые зав. отделом спорта и информации Володя Ивашковский тут же ставил в номер под рубрикой «Репортажи из кабины самолёта». А вскоре рукопись моей повести попала к Валентину Распутину. Он прочитал её быстро и пригласил меня к себе домой.

Прямо после полёта я сел в автобус и поехал к Распутину. Шёл осенний дождь, было холодно. Валентин встретил в дверях, подал мне тапочки и проводил на кухню. Там он накрыл стол, стал заваривать чай. Это он любил и умел делать. Затем достал приготовленную рукопись, полистал её, протянул мне.

Я разглядел его пометки, плюсы и минусы на полях.

— Тема малой авиации сама по себе не решает задачи, — сказал он. — Эта, судя по намерению автора, всё же больше похожа на очерк.

Я заметил, что прежде чем начать говорить, он как бы перекатывал во рту невидимые камешки, подготавливая к произнесению первого слова.

— Запомни первое: каждый из твоих героев должен говорить своим языком.

Распутин помолчал немного и добавил:

— Характер лучше всего показывать через диалог. Может быть, твоим лётчикам надо поговорить в кабине, когда они попали в грозу? Именно там, в экстремальной ситуации, должны проявиться характеры... А лучше начни новую вещь. У тебя получаются заметки о пилотах.

«Надо же, заметил!» — мелькнуло у меня в голове.

— У художников это, кажется, называется выехать на пленэр, — смутившись, сказал я.

— Да, чувствуется, что твои товарищи списаны с натуры, — улыбнулся Распутин. — Надо идти от простого к сложному. Одномерной прозы не существует. Она чаще всего бывает безмерна, у неё много этажей. Образ может быть не только в описании природы, его можно показать через психологию, чувства. Художник создаёт образ красками, писатель — словами, основой всему служит воображение.

Время от времени Распутин выходил в соседнюю комнату покормить недавно родившуюся дочь Марусю. А вскоре с работы пришла Светлана Ивановна и стала угощать нас пирогами.

На Новый год я привёз Распутиным с севера ёлку, пушистую, высокую. Валентина дома не было, я затащил ёлку в комнату и уехал к себе домой. Вечером слышу звонок в дверь. Жена открыла, на пороге — Распутин. Смущённо улыбаясь, протягивает подарки: красиво изданные сказки Гауфа, это моим маленьким сыновьям, тогда ещё невиданные, должно быть, привезённые из-за границы шоколадные яйца «киндер сюрпризы», а мне станок и лезвия для бритвы «Шик». Я сбегал в комнату и принёс приготовленные ему простые с твёрдым графитом карандаши. Я уже знал, что Распутин любит такие, он их затачивал тонко-тонко, чтобы писать мелко и убористо. После перепечатки одной страницы написанного им текста получалось до шести страниц на машинке.

После своего первого визита к Распутину, уже дома, я ещё раз перелистал рукопись, разглядывая мелкую карандашную правку: разбор был полным и тщательным, вплоть до расставленных запятых.

Позже я не раз отмечал характерную для него особенность: он был внимателен к собеседнику, к тексту, который читал или правил. Однажды я был свидетелем, как он звонил в Москву своему редактору и по телефону более часа выправлял текст книги, которая готовилась в печать в издательстве «Молодая гвардия».

«Сколько же он заплатит за телефонные переговоры?» — мелькнуло у меня в голове.

«Валентин пишет трудно» не раз я слышал от писателей в Иркутске. «Если трудно, значит, хорошо», — приглядываясь к своим новым товарищам из «иркутской стенки», соображал я. В разговорах, спорах, обсуждениях для меня открывался писательский мир. И я открывал для себя многое.

Как-то на посиделках у отъезжающего в Москву Вячеслава Шугаева Роберт Рыбкин упрекнул Распутина, что тот использовал сюжет, который есть в его повести «Тяжёлые снега».

— Нас здесь целая команда пишущих, — помолчав немного, ответил Распутин. — Я предлагаю всем написать рассказ с одним сюжетом. Уверен, что это будет десяток совершенно не похожих друг на друга текстов.

Ответ Валентина меня восхитил. Он был прав: не бывает двух людей с похожими характерами, с одной и той же походкой, речью, темпераментом, жизненным опытом и мастерством, даже если они делают одно и то же дело.

Часто на встречах со студентами Распутина спрашивали, как он пишет, каков его график, когда встаёт и когда ложится спать.

— Встаю рано, завариваю чай, — улыбался Распутин. — Затем начинаю прилаживаться, настраиваться на работу. До обеда, бывает, напишу три предложения. После обеда вычеркиваю два. Надо чтобы текст отлежался. Через какое-то время глядишь на него свежими, не замысленными глазами. Прочитал, снова отложил, после всегда найдёшь что вычеркнуть. Текст становится чище и точнее. Это всё равно что полоскать бельё.

А в тот первый для нас вечер мы сидели на кухне, пили чай, я нахваливал собранные и посоленные Валентином рыжики. После мы не раз съездим с ним в тайгу по грибы и по ягоды. Для него, жителя далёкого таёжного села Аталанка, заготовка грибов и ягод была привычной работой. Позже, приезжая к нему на дачу, я видел, как он лопатой вскапывает огород, делает грядки, высаживает морковь,

свёклу, огурцы и картошку. И ходит по участку в фуфайке и кирзовых сапогах. Валентин любил показывать инструменты, которые он привозил из-за границы. Чаще всего он бывал на даче один; свежий воздух, простор, никого не надо занимать разговорами, сиди, размышляй, занимай себя тем, к чему готова душа.

Однажды я приехал к нему после вылета, хотел помочь по хозяйству. Он глянул на моё лицо и кивнул на кровать:

— Отдохни.

Я прикорнул, а когда проснулся, гляжу — на столе свежий хлеб и трехлитровая банка деревенского молока. Пока я спал, Валентин сходил и принёс всё это специально для меня. Почему-то мне вспомнился его рассказ «Уроки французского» и кружка молока, которую голодный мальчик покупал на выигранные в чикку монеты. За столом Валентин пожаловался, что и здесь на дачу лезят непрошеные гости.

— Шарят, берут что поценнее. Недавно стащили электрорубанок, который привёз из Финляндии. А вот бутылку водки не нашли. Я её в печку спрятал. Прикрыл золой. Вот её и не нашли, — он засмеялся тихо, как ребёнок. — Выпьешь?

— Будем пить молоко, — улыбнувшись, сказал я. — Оно полезнее.

Как-то летом он меня с друзьями-лётчиками пригласил собирать жимолость к знакомому старику-охотнику в верховьях Лены. Валентин тогда писал очерки в книгу «Сибирь, Сибирь...» и хотел поговорить со старожилом о прошлом житье-бытье на отдалённой заимке.

Ехать было далеко. По дороге стали вспоминать свои прежние походы по ягоды. Валентин слушал, как мы набивали свои объёмистые горбовики. С каждым новым рассказом ставки росли: четыре, пять вёдер ягод за полдня. С некоторой тревогой поглядывая на нас, Распутин вдруг произнёс:

— Ну, дорогие мои, такой ягоды я вам не обещаю! — И, засмеявшись добавил: — Вы меня свозите туда, где по вашим рассказам ягоды на кочках вёдрами стоят.

По пути у машины спустило колесо. Мы остановились, принялись за ремонт. Валентин сменил водителя и начал подкачивать камеру.

— Я теперь буду всем говорить, что сам Распутин менял мне колесо, — пошутил бортмеханик.

— Пусть на насосе поставит свой автограф, — сказал второй пилот Рагоза.

Приехав на место, мы расположились табором в лесу неподалёку от заимки, где жил старик. Перекусили. А затем рассыпались по кустам. Набрав ведро жимолости, Валентин взял блокнот, карандаш и пошёл искать старика, который, как нам сказали, был на покосе.

Вернулся скоро, с улыбкой на лице.

— Что, записал? — спросил я

— Да нет, — засмеялся Валентин. — Сказал, что у него сегодня не приёмный день. Сено ворошить надо.

В восемьдесят пятом году, когда ещё горбачёвско-ельцинская скверна не затронула Россию, в Иркутск вместе с Марией Семёновной приехал Виктор Петрович Астафьев. Мы вместе с моим красноярским другом Олегом Пашенко встречали его на вокзале и уехали на охоту в мою деревню Добролёт. Там мы прожили несколько дней, а после поехали к Валентину Распутину. Тогда я впервые увидел маму Распутина, маленькую спокойную русскую женщину, которая добрыми и ясными глазами смотрела на неожиданно упавших в дом сына гостей. А потом я пригласил их всех вместе к себе домой. Виктор Петрович, оглядев мои книжные

полки, с улыбкой посоветовал Олегу, чтобы и он у себя в Красноярске навёл порядок в домашней библиотеке, где каждой книге было бы своё место.

Валя засмеялся:

— Должно быть, самолёт приучил Валеру к порядку. Я тоже стараюсь, чтобы каждая книга знала своё место. Подаренные мне книги я храню в отдельном шкафу.

Затем мы пили чай, пели песни. Запевал Виктор Петрович, Валентин негромко подпевал. Ну а уж мы старались, как могли. После Валентин не раз вспомнит тот тёплый семейный вечер.

В девяносто пятом году по приглашению Радована Караджича Василий Иванович Белов, Валентин Григорьевич Распутин и я поехали в Республику Сербскую. Там уже который год шла гражданская война. По дороге среди зелёных садов нам то и дело попадались разбитые снарядами села, взорванные церкви и мечети. Мои соседи то и дело поглядывали по сторонам и молчали. В русском батальоне, который размещался в Сараево, командир части полковник Васильев долго рассказывал нам, что сюда, в Боснию, среди солдат и офицеров был строгий отбор.

— Здесь у нас народ непьющий. И насчёт наркотиков ни-ни!

А после пригласил нас пообедать и выставил на стол водку. Валентин глянул на стол и пошутил:

— Нас тоже отбирали в эту поездку по тем же параметрам.

Вскоре начался обстрел, нас по объездной дороге вывезли из Сараево. Мы, поднявшись на гору, выпрыгнули из машины и укрылись в траншее. Дальше ехать было опасно, дорога простреливалась артиллерией боснийцев. Сербы изредка постреливали в сторону стоявших внизу домов. Валентин взял бинокль и стал смотреть в сторону Сараево, где между домов были натянуты камуфляжные сетки, а окна были закрыты листами фанеры. У крыш и проёмов домов то и дело были видны всполохи выстрелов.

— Никогда не думал, что попаду на войну, — сказал Распутин присевшему у немецкого зенитного пулемёта «Браунинг» Василию Ивановичу Белову.

Надо сказать, что Василий Иванович Белов пользовался особой любовью среди сербов. Невысокий, крепенький, живой, с поседевшей бородой, он, как лесовик, ходил по траншее, обнимался с бойцами и просился записать его добровольцем в сербскую армию. Сербь, в свою очередь, расспрашивали его про Шамиля Басаева, который только что захватил больницу в Будённовске.

Позже нам показали сербское кладбище, где были похоронены русские добровольцы. Микола Яцко, украинский казак из Запорожья, Олег Бондарец из Киева, Анатолий Остапенко, Александр Шкрабов, Виктор Десятов, Юрий Петраш, Дмитрий Чекалин — записывал в свой блокнот Распутин, вглядываясь в лица молодых ребят на обелисках, многие из которых были запечатлены ещё в советской военной форме.

Много позже, когда начались события на Донбассе, Валентин с горечью скажет:

— Потеряли мы Украину. И, думаю, не скоро соберёмся вновь. Там, в Югославии, отрабатывался дьявольский сценарий. Прежде всего для России. Столкнули нас с украинцами лбами.

Из Сараево мы поехали в Книн, столицу Сербской Краины. Туда можно было добраться через Пасавинский коридор. Дорога туда пролегла через город Брчко, нужно было проскочить сквозь узенькое, в пару километров, горлышко. Справа, за Саввой, были позиции хорватов, слева — мусульман. Заслышав далёкие выстрелы, шофёр-серб остановил машину, дальше ехать было опасно.

— Надо дожидаться темноты, — предложила сопровождающая нас переводчица. Ждать предстояло несколько часов. И тут шофёр сказал, что несколько дней назад он уже проезжал здесь днем с Радованом Караджичем.

— Давайте поедem и мы, — вдруг предложил новоиспечённый русский серб Василий Иванович Белов.

И мы поехали, вернее, помчались, объезжая свежие воронки. Миновали взорванный мост через Савву, горящий подбитый танк. И тут чуть левее дороги вырос чёрный гриб, следом другой. Водитель резко нажал на тормоза, по барабанным перепонкам ударила волна, а следом на лобовое стекло посыпалась мелкая крошка. Краем глаза я заметил, что и сзади машины вырос гриб. «Берут в вилку!» — мелькнуло у меня в голове. Через несколько секунд шофёр вновь дал по газам, и мы помчались среди воронок и разрывов. «Вот так влипли! — крутилось у меня в голове. — Сманил двух великих русских писателей, усадил их в одну машину и сейчас нас всех могут накрыть одним снарядом». И только когда выскочили за Брчко и разрывы остались позади, я осознал, как были близки к черте, за которой вечность.

С десятков минут мы, переваривая пережитое, ехали молча. То и дело по дороге нам стали попадаться беженцы, узлы на телегах, бредущие дети. И вдруг вижу, Василий Иванович поворачивается к Валентину и спрашивает:

— Валя, как ты думаешь, нас ещё долго будут читать?

— Не знаю, — помедлив немного, ответил Распутин и, кивнув на беженцев, добавил: — А вот стрелять ещё будут долго. И не только в Сербии, но и в России.

Через минуту, глядя куда-то вперёд, произнёс раздумчиво:

— В своё время Москва ушла от Наполеона, уйдёт она и от Ельцина. И всё станет на своё привычное место.

Вода пахнет вечностью

Старый особняк, в котором размещалась иркутская писательская организация, дышал на ладан. Но всё равно каждую литературную пятницу он был переполнен. Сюда для обсуждения очередной публикации или книги приходили преподаватели вузов, студенты, вернее, пробующие себя в поэзии студентки, актёры, журналисты, режиссёры и иные залетающие на огонёк местные знаменитости.

Впервые порог Дома литераторов я переступил поздней осенью семидесятого года. Принёс свой первый рассказ «Санздание». Встретила меня секретарша Союза писателей Неля Суханова и попросила оставить рукопись на подоконнике.

— Я хотел бы, чтоб её прочитал Геннадий Машкин, — попросил я.

К тому времени автор знаменитой повести, переведённой на многие языки, — «Синее море, белый пароход», с которым мы познакомились, был единственный писатель которого я знал. С ним мы познакомились, когда он выступал у нас в лётном отряде.

Через некоторое время я позвонил Сухановой, и она сообщила, что Машкин хотел бы встретиться со мной.

Прямо из аэропорта, в лётной форме, я помчался в писательский особняк. Была очередная литературная пятница, и в особняке было многолюдно. Я увидел всех сразу: тех, кого постоянно показывали по местному телевидению и о ком писали в газетах. В центре внимания был руководитель писательской организации Марк Сергеев, рядом с ним стояли: Сергей Иоффе, Гаврила Кунгуров, Валентина

Марина, Надежда Тендитник, профессор Василий Трушкин. Чуть поодаль, у стены, в чёрном костюме, ослепительно белой рубашке и в галстук стоял Владимир Козловский. Увидеть его было для меня приятной неожиданностью: его романом «Верность» про лётчиков я зачитывался в детстве. Здесь же толпились молодые писатели из «иркутской стенки». Вячеслав Шугаев, который на подобные вечера, как и Козловский, ходил обязательно в белой рубашке, галстук. Рядом с Шугаевым с сигаретой в руке стояла красавица-жена Эльвира, работающая в газете «Советская молодёжь», и что-то говорила Валентину Распутину. Я уже знал, что она была дочерью главного редактора «Забайкальского рабочего».

Кроме основного помещения, небольшого, но уютного зала и кабинета ответственного секретаря, особняк имел ещё полуподвал. Там стояли два стола, один теннисный, другой бильярдный, который был приспособлен для импровизированных фуршетов. «На дно», так шутя называли писатели свой подвал, спускались те, кто был помоложе и покрепче. Бывали случаи, что позже не все могли подняться обратно вверх. Вот там-то я и увидел Геннадия Машкина, который наблюдал, как довольно ловко и азартно хлещет по теннисному шарик у Александр Вампилов. Ему безуспешно пытался противостоять его земляк, уроженец села Бабагай, Евгений Суворов, которого Вампилов почему-то то и дело называл Печальным Зятем. Позже, уже от Суворова, я узнал, что такое прозвище Евгению дал тесть, который считал, что писатели — народ денежный, но его дочери досталась сама посредственность; не пробивной, печальный зять. В случае с Суворовым всё выходило как раз наоборот: да, возможно, не пробивной, но безусловно один из самых талантливых писателей, входящих в «иркутскую стенку». Чаще всего будущие классики жили без гроша в кармане.

Здесь же за бильярдным столом расположились совсем молодые поэты: Василий Козлов, Анатолий Горбунов и Владимир Смирнов, который вскоре станет Скифом. Машкин узнал меня, пригласил к импровизированной трапезе. Я глянул на протянутый мне стакан, достал из портфеля бутылку болгарской «Плиски» и выставил на стол, чем вызвал одобрительный взгляд ещё недавнего геолога, привыкшего в своей таёжной жизни к походным застольям.

К тому времени Суворов, в отличие от своего знаменитого однофамильца, капитулировал перед Вампиловым, и я решил встать на его место.

— Лётчики — моя слабость! — улыбнулся Вампилов. — Давай, давай, покажи, как на небесах раки зимуют.

Почему раки и почему на небесах, я так и не понял. Саня подкинул белый шарик над столом. Играл Вампилов азартно, переживал за каждое проигранное очко. Отбивая целлулоидный шарик, я почему-то вспомнил статью в «Молодёжке», где описывался товарищеский матч между писателями и журналистами, который проходил на стадионе «Труд». В конечном счёте писатели крупно проиграли. Тогда Вампилов после игры сказал: «Соперники бегали по полю, как молодые олени, мы их догнать не могли». Я быстро понял, что Саша, как и многие, встал за теннисный стол, имея за плечами лишь дворовую выучку. Тут азарт был ему слабым помощником. Скорее, наоборот, мешал сосредоточиться: он то и дело ошибался при приёме шарика. Я заметил, что все столпились вокруг нашего стола и начали болеть за Вампилова. Но он, проиграв две партии, куда-то заторопился. Машкин налил ему стакан болгарского напитка.

— Требую сатисфакции, — глянув на меня, сказал Вампилов. — Но не сегодня. Тороплюсь.

— Саня, Валера написал повесть, — представил меня Машкин. — Может, посмотришь?

— Ну, если бы пьесу! — протянул Вампилов. — Тогда бы я взял. А так отдай Славе Шугаеву. Он у нас как раз занимается молодыми. — И, кивнув на теннисный стол, спросил: — Где научился?

— В лётном, — ответил я.

— Хорошо учат.

Он протянул руку:

— Значит, пьесы не пишешь?

— Пока нет.

— Ну, тогда пока.

Саня улыбнулся и по лестнице начал подниматься в «свет».

От встречи с Вампиловым осталось доброе хорошее чувство: и похвалил, и признал меня, пока что как теннисиста, оставил себе надежду одолеть меня в следующий раз. Он напомнил мне позднего Распутина: тот не сразу, но всё же мог признать, кто-то и что-то может делать быстрее и лучше, чем он. Особенно это проявлялось, когда мы ездили с ним по грибы и ягоды. Здесь у Валентина проявлялся весь его уже подзабытый на городских улицах деревенский азарт: если собирать, то непременно чтобы в котелке, когда мы возвращались к табору, у него было больше, чем у других. Распутин брал ягоду руками, а не совком, аккуратно и чисто, без шелухи и листьев. И очень огорчился, когда его стало подводить зрение.

— Хоть убей, не вижу! А на ощупь попадаются одни поганки, — хмуро говорил он, стараясь не показывать своё ведро.

Из писательского особняка я вышел, когда было уже темно. Под ногами похрустывал снег. Где-то рядом, за глухими подворотнями, должно быть, оставшимися ещё от иркутских купцов, глухо лаяли собаки, да неподалёку скрежетал железом по рельсам полночный трамвай. Почему-то на память пришли строчки, которые я прочел в Санином рассказе «Сумочка к ребру».

*Из подворотни выбрел пёс лохматый
И вдруг завоил. Словно не к добру
Подкрадывался сумрак бородатый,
Пристёгивая сумочку к ребру.*

Обычная в то время картина для провинциального Иркутска. Дальше с Вампиловым мы виделись коротко, однажды в аэропорту — он улетал в Москву. По вокзалу он шёл в расстёгнутом пальто, белой рубашке, на фоне которой бросались в глаза его смолянисто-чёрные кудрявые волосы.

В следующий раз встретились уже в конце мая. В писательском особняке только что состоялось обсуждение его новой пьесы «Утиная охота». Писатели вывалили на улицу, ещё разгорячённые обсуждением. Из коротких реплик я понял — пьесу завалили. И что особенно возмутило «иркутскую стенку», что Саню не поддержал Вячеслав Шугаев.

— Ревнив, ревнив Слава! — гудел Саша Сокольников.

Вампилов молчал. Тут же решили идти на берег Ангары в «Ветерок». Набралось одиннадцать человек, целая футбольная команда. В стеклянной кафешке на бульваре Гагарина прямо с видом на текущую рядом Ангару, заказали вино и шашлыки. Начали говорить про только что напечатанный в журнале «Наш современник» рассказ Валентина Распутина «Вверх и вниз по течению». Писатель-фрон-

товик Дмитрий Сергеев с серьёзным сухим лицом сказал, что Валя пишет трудно. Тогда считалось, кто пишет трудно, тот пишет хорошо. Все разом замолчали, примеряя сказанное на себя. И тут вскочил поэт Пётр Реутский, которого Геннадий Машкин шутя почему-то называл «сухеньким бандитом», и сказал, что сейчас прочтёт поэму «Чёрная сотня» о казаках, которые, прорвав красные заслоны, «сотней высохших ртов, упрямо идут на Ростов». Подняв стакан, он театрально объявил, что стихи он посвящает Валентину Распутину. В ту пору Пётр Иванович был, пожалуй, самым знаменитым поэтом в Иркутске, на его стихи даже сочинялись песни. Мне особенно нравилось его стихотворение «Волкодав» и солдатское «Про форму номер двадцать, проверку наших тел на чистоту».

Конечно, каждый из нас по жизни проходил проверку на чистоту, на порядочность, на умение встать за други своя. Сегодня, оглядываясь на то далёкое время, я прихожу к одному простому для себя выводу. Все писательские посиделки были маленькими, если хотите, театральными сценками, где каждому персонажу была отведена определённая роль. Попал за стол — готовь свою реплику. Здесь невидимая постороннему глазу иерархия творческой компании соблюдалась строго. Твои амбиции учитывались, но желание сразу же встать в строй впереди идущего пресекались на корню. Здесь ценилось одно: что ты на данный момент собой представляешь, что ты к этому времени сделал в литературе.

Как-то Слава Филиппов, став секретарём Иркутского отделения Союза писателей, шутя предложил: всем писателям присвоить, согласно занимаемому ранжиру, армейские звания, выдать форму и погоны, кому генеральские, кому лейтенантские и кому за усердие — ефрейторскую лычку.

Его тут же осадили: «Ишь чего придумал, да у писателей нет вторых, все первые!» Позже, когда в Иркутск приехал Виктор Петрович Астафьев, «Чёрную сотню» Пётр Иванович Реутский читал с посвящением уже знаменитому гостю.

Что ж, в театре всё должно быть учтено.

Впрочем, тот день, начавшийся с обсуждения «Утиной охоты», выдался на славу: тёплый, тихий, солнечный. В кафе мы сидели одни, нам никто не мешал. И тогда Машкин предложил скинуться ещё.

Я достал трёшку и положил в общую кучу. Саня тут же вернул мне её обратно.

— У нас так не полагается. Сам не пьёшь, а деньги переводишь.

— Мне сегодня лететь. Приходится быть сухим.

— У меня есть к тебе разговор, — вдруг сказал он. — Выйдем на бережок.

Мы вышли из кафе, спустились к Ангаре.

— Мне Гена Машкин сказал, что ты летаешь в Карам, — прищурившись, не то спросил, не то констатировал Вампилов.

— У нас рейс до Казачинска, — подтвердил я. — А по пути садимся в Караме.

— Мы здесь с Машкиным надумали сплавиться по Киренге. Не поможешь нам с билетами? А если есть время и желание, то присоединяйся.

— Какой вопрос! — ошеломлённый сделанным мне предложением, воскликнул я. — Договорюсь с ребятами и полетим!

— Только чтоб всё было официально, — предупредил Вампилов.

— Всё сделаем как надо, — успокоил я.

И вдруг до меня дошло, что разговор про билеты, про сплав по далёкой реке был для него не главным. Там, в кафе, остались сидеть те, с кем он давно дружил, не один раз читал им свои пьесы, спорил, выпивал, ездил на Байкал и в другие места. То есть те, мнением которых он дорожил. И сегодня всё шло, как было

заведено ранее. Но он решил выйти и поговорить со мной, человеком для него новым, практически неизвестным. Я не думаю, что его заинтересовала моя лётная форма. В «Старшем сыне» у Вампилова есть герой-курсант, будущий лётчик. По авторской задумке это человек слова, который никогда и никуда не опаздывает. Всё у него просчитано до конца жизни. Для Вампилова же это человек-зануда, правильность которого скорее отталкивает, чем привлекает. Как автор, Вампилов ему явно не симпатизировал. Любимая в народе курсантская форма его героя не спасает. И вот на тебе: среди писателей появился человек в лётной форме. Возможно, Вампилов решил проверить, кто я и с чем пришёл к писателям. Но едва начался наш разговор, я понял: своего героя он мог нарядить в любую одежду, это не больше, чем литературный приём. Интуитивно я почувствовал в Вампилове человека, который видит мир по-иному; я бы сказал, с другой высоты и с другой скоростью. И быстро сообразил, что ему многого говорить и объяснять не надо, он шёл ко мне как к равному, тогда он мог себе это позволить и уже догадывался, что и я иду к нему. Нет, расстояние между нами измерялось не метрами и не шагами. Всё, что будет между нами, ещё предполагалось. Но в тот момент никто из нас не знал, что будет с нами завтра.

— Ну, как, пишется?

— Да вот читают мою повесть, одни советуют переделать, другие бросить это дело, — отшутился я.

— Ты слушай, но делай, как подсказывает тебе душа. Слушай самого себя. Часто бывает так: они говорят тебе, а думают о себе.

— Не все, — возразил я. — Вот Женья Суворов недавно читал свой рассказ «Мне сказали цыгане».

Вампилов посмотрел куда-то вверх и, засмеявшись, продолжил:

— Вот Жене Суворову я верю. Он тонко чувствует слово, прекрасный стилист. И, пожалуй, самый порядочный из всей нашей братвы. А какой у него прекрасный рассказ «Этажом выше»! Читал?

Я согласно кивнул головой.

— Но есть у него особенность, — вновь улыбнулся Вампилов. — Напишет, напечатает, а потом год ходит, рассказывает, как он писал. В нашем деле не надо останавливаться. Работай, работай, другого не дано. Порода отмоется, и, как говорит Гена Машкин, золотники останутся. Старина Шекспир верно заметил:

Весь мир — театр, а люди в нем — актеры!

Кто плут, кто шут, а кто простак, мудрец или герой.

А потому, а потому оставьте ваши споры.

Ищите в жизни свою роль, лепите образ свой.

Помолчав немного, Саня добавил:

— Мы просто не задумываемся и не замечаем, что везде люди играют свою роль.

— Верно, — согласился я. — Особенно, когда у нас идут разборки полётов. Каждый видит самого себя в том или ином эпизоде. Вот недавно был у меня случай. При заходе на посадку отказал двигатель. Ситуация неожиданная и паршивая. Едва справились. Когда начали разбирать полёт, кто и как действовал в этой непредвиденной ситуации, начались неожиданности. Каждый потянул одеяльце в свою сторону. А ведь мы экипаж!

— Ты такие вещи записывай. Сгодится, — посоветовал Вампилов. — Жизнь — лучший помощник. Она подсказывает такие сюжеты, которые не придумаешь. Как

сладко пахнет Ангара, — вдруг тихо сказал он, посмотрев в сторону текущей мимо нас реки.

— Она пахнет только что сорванной морковной ботвой, — заметил я.

— Вода пахнет вечностью, — поправил меня Вампилов. — А наша жизнь, как и вода, протекает быстро.

Сверху от кафе к нам подошёл Машкин, за ним спустился Распутин, и мы, слившись с другими, толпой двинулись мимо бетонного шпилья в сторону трамвайной остановки.

Ныне на месте бетонного шпилья, которого Саня с присущей ему иронией называл «мечтой импотента», как и в царские времена, стоит памятник Александру III. Со временем всё вернулось на своё место. Возле драматического театра к нам подошли девушки. Через минуту слышу, Саша Сокольников крикнул:

— Ребята, смотрите, Сашу Вампилова уводят.

— Ну, это не насовсем, — засмеялся Машкин.

Больше я Саню живым не видел. Мне запомнился тот день, когда Машкин, встретив меня у стадиона «Труд», сообщил, что Сани больше нет. Помню заплаканного Распутина, потемневшего от горя Суворова, осунувшегося Машкина. Полёт на Киренгу так и не состоялся.

Такое дело — жить

В моей жизни Слава Филиппов появился в самый нужный момент. Так бывает. Уже несколько лет в Восточно-Сибирском книжном издательстве лежала моя рукопись первой книги. Наверное, пылилась бы там ещё долго. Но тут на моё счастье из Читы в Иркутск приехал Ростислав. Его назначили главным редактором издательства, и он, не мешкая, сразу же начал разгребать завалы, оставленные его предшественником. Филиппов посмотрел, что лежит в портфеле издательства, позвонил мне домой с предложением встретиться. И тут же от него я узнал, что он намерен издать мою книгу. Можете представить, что значило для меня это решение! Думаю, что те годы были лучшими в его жизни и жизни Восточно-Сибирского книжного издательства. Те планы, с которыми он приехал в Иркутск, были немедленно реализованы. Литературные памятники Сибири, серия о декабристах, современная сибирская повесть стали визитными карточками книжного издательства. Эти книги расходились массовыми тиражами, их разыскивали, заказывали даже из Москвы, Киева, Ленинграда. В одночасье Филиппов стал заметной фигурой в культурной и общественной жизни города.

Потом мы долго жили в одном доме, частенько засиживались за разговорами, по вечерам жарили карасей, вместе сколачивали рассохшийся пол в его квартире. Кстати, он по-житейски просто смотрел на квартирный уют, на все последующие евроремонты. Главным для него был уют в душе, чтобы рядом был интересный собеседник. И возможность заниматься любимым делом.

*Когда терял жену и друга,
Когда горел мой алый флот,
Я всё равно упрямо думал:
Меня поэзия спасёт.*

Ну, а когда он брал в руки гитару! Даже сам Булат Окуджава, приезжавший в Иркутск, признавался, что Ростислав исполняет его песни лучше самого автора.

— Виноградную косточку в тёплую землю зарюю... — склонившись над гитарой, проникновенно пел Слава.

Но лучше всего у него получались гусарские и народные песни:

*Как пели мы легко и длинно
Под вечер около ручья:
«Скакал казак через долину,
Через маньчжурские края».*

Особенно проникновенно он пел песню на стихи Ивана Бунина «Одиночество».

*Что ж, камин затоплю, буду пить.
Хорошо бы собаку купить.*

«Мы все родом из детства» — говорил лётчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери. В детстве Слава Филиппов мечтал стать, как он сам говорил, вратарём, таким, как Лев Яшин. Но стал поэтом. Он был широко образованным человеком, пообщаться с которым мечтали многие. Он любил русский хоккей, и когда приезжали в Москву на писательские пленумы, то мы частенько бывали в гостях у многократного чемпиона мира, тренера сборной страны Вячеслава Соловьёва.

Он дружил с известными актёрами, режиссёрами, деятелями культуры. Иркутские поклонники «Паровоза», так ласково называл иркутский «Локомотив» Слава, частенько видели его на скамейках стадиона «Труд» во время домашних матчей любимой команды.

Как же здесь не вспомнить встречи, со знаменитой командой московского «Динамо», сборной Советского Союза, которые проходили в Союзе писателей. Частыми гостями Дома литераторов были игроки иркутского «Локомотива» и футболисты иркутской «Звезды». В свою очередь, большими поклонниками творчества Ростислава были тренеры Сергей Муратов и Борис Серов. Любил Слава ездить в гости в Белореченск к генеральному директору Усольского свиного комплекса — забайкальцу Илье Алексеевичу Сумарокову, которого он уважал за открытость, добросердечность и государственный ум.

А театралы с удовольствием читали его газетные статьи после просмотра очередной премьеры. Филиппов делал это, как всегда, умно и изящно. На те литературные вечера, которые проводил Слава, публика, как говорится, валила валом. Знали, это будет нестандартно, познавательно и весело.

Именно при Филиппове, когда он возглавлял Иркутское отделение Союза писателей России, литераторы стали выезжать в отдалённые уголки области. До сих пор жители Ербогачёна, Мамы, Бодайбо, отдалённых золотых приисков с удовольствием вспоминают те давние встречи с иркутскими поэтами и прозаиками. На встречи с иркутскими писателями старшеклассницы приходили в нарядных платьях и с красивыми причёсками. После встреч ребята подолгу не отпускали литераторов, задавали вопросы, советовались, передавали рукописи своих первых стихов и очерков. В Иркутске, Ангарске, Братске, куда мы выезжали чаще всего, были уже совершенно другие ребята: ироничные, глухие и скептически настроенные ко всему, что окружало их. Тогда мы ещё не знали, что именно из этих молодых скептиков и нигилистов вырастет та критическая масса, которая будет крушить и сносить устои государства, имя которому было Советский Союз.

Помню, когда в начале девяностого года Филиппова выдвинули кандидатом в депутаты, он сказал:

— Если меня знают как поэта и доверяют, то проголосуют. А если нет, то зачем тратить попусту время.

Проголосовали, но, к сожалению за «демократа» с Академгородка, имя которого не вспомнит даже самый скрупулёзный статистик. А уж Филиппова на всех демократических митингах и собраниях поносили как консерватора, «тёмную силу» и гэкачеписта. Где вы ныне, самые честные и передовые, несущиеся галопом в американский рай? Схватили то, чего не строили и не наживали, и скрылись, кто уехал за «бугор», а кто закрылся в своих особняках за железным забором. Ростислав Владимирович остался с обманутым народом

Поэту дан дар предвидения. Именно тогда, в начале девяностых годов, Филиппов увидел и предугадал, что ожидает доверчивый народ, которого в очередной раз обвели вокруг пальца.

*Вот мужчина. Не болезный вроде,
да понутив голову сидит.
Это я сижу. В отцы не годен.
Тот отец, кто дочку защитит....
Кто тебя укроет и спасёт?
Вот сидит, уныло взгляд ломая
об углы немытого жилья,
женщина. Ты говоришь ей: «Мама!»
То, скорее, мачеха твоя.
Спи, малыш.
Я плачу от бессилья.*

*Дым — вонюч. Дорога — грязь.
А люди — свалка жадных глаз и нечистот.
Что же, доченька, с тобою будет?
Ты во сне не вздрагивай. Хотя
Снова будет тёмная Россия
За окном пугать моё дитя.
Наглая, торгошная, блатная,
Жадная до денег и питья.
О другой России мало знаю.
Только вижу — это вот моя.
И молчу я. И мечтать не смею,
Что иное время настанет.
Что с румяной девочкой моею
Новая Россия подрастёт.*

Свой лесной домик в Култуке он просто обожал. Приезжал, варил борщ и потом уходил в огород, садился на чурку, смотрел на ботву, на синее байкальское небо.

Именно там, в Култуке, появились его шуточные огородные стихи.

*Посажу я утром рано
Армянина Укропьяна.
А потом сади, рука,
Да на всю катушку,
Украинца Бураяка,
Русского Петрушку,*

*Не обижу и еврея —
Удалого Сельдеря.*

В жизни Ростислава Филиппова было много встреч с разными людьми. Человеческие отношения — это улица с двусторонним движением. К тебе идут, и ты идёшь навстречу. Ты берёшь от людей что-то полезное и, возможно, сам что-то даёшь. Слава притягивал к себе людей, как высокий дуб кроной, прикрывая их своей душой. Посидят, поговорят о разном, и на душе каждого становилось светлее и спокойнее.

Слава, бывало, раздражался. Это когда сталкивался с плутами и проходимцами от литературы. Но обычно был душевно щедр, беззащитен и нежен. Достаточно прочитать его стихи, посвящённые женщинам, которые занимали особое место в его жизни.

*О, ты всегда красива и добра.
Не может быть, чтоб ты забыть сумела,
Как мы с тобой сидели у костра,
А голубое небо вечерело.
Уже я знаю: жизнь мне удалась.
И счастлив тем, что у её предела
С печалью вспомню этот нежный час,
Когда ты у костра со мной сидела...*

И особенно проникновенно он написал о матери. Казалось бы, простые стихи, выражающие его отношение к ушедшей в мир иной маме.

*По узбекскому небу ярко солнце бежит.
А в узбекской земле моя мама лежит.
У могилы её — два цветка полевые.
Рядом Шёлковый путь протянулся в Россию.
Часто вижу во сне: под луной, молодая,
Ходит мама по шёлку, невесомо ступая.*

После этих строк горло перехватывает...

В начале девяностых годов, когда почти все возлюбили вдруг бывшего первого секретаря Свердловского обкома партии, Филиппов скажет о тех, кто побегал по митингам клеймить своих несговорчивых соседей, ругать Филиппова, который не в пример многим занял прямо противоположную позицию.

— Ну, что скажешь? — смеялся Филиппов. — Кого Господь хочет наказать, то в первую очередь отнимает у них разум.

И приводил слова Александра Сергеевича Пушкина: «Меня обманывать не надо, // Я сам обманываться рад».

Позже у него я прочту иронические стихи, где он с присущим ему сарказмом отозвался о тех, кто эталоном считал жизнь за бугром.

*По бокам — два тёплых берега.
И два века — тишины.
Хороша страна Америка!
Остальные — не нужны.
Нет, ещё нужна Германия,
Пиво там — сплошной восторг.
Несмотря на то, что мания*

*На прогулки. На Восток.
Вообще, нужна и Франция.
Там духи и мармелад.*

*Неплохая ресторация.
И дивицы напрокат.
Даже Англия дебелия
Нам нужна, поскольку тут
Все язык английский делают
И по свету продают...
В эти страны иностранные
Мы желаем уезжать.
А Россия — бесталанная.
Даже нечего сказать.*

Позже он напишет другие строчки:

*Ноне уж давно не митингуют,
а торгуют все наперебой.
Верой очень прибыльно торгуют.
Родиной. Друзьями. И собой.*

Он умел дружить, поддерживая начинающих, и не только их, в самый нужный момент. Подобной ему фигуры в сибирской, да и не только сибирской, литературе не было и, думаю, не скоро появится. Об этом при нём и даже после него как-то не было принято говорить. Но лучше всего о себе он сказал сам, в своих стихах.

*Потребуется — буду я солдат.
И до последнего, как говорится, вздоха.
Работаю неплохо, говорят.
Да я и сам уверен, что неплохо.*

*Какой я друг — не мне о том судить.
Быть может, и не очень-то хороший.
Но тех, кто мне доверился в пути,
Я не бросаю. И никогда не брошу.*

Прямо как выстрел

Этот взлёт в Киренске я помню так хорошо, будто всё произошло вчера. В тот сентябрьский день погода в северных районах Иркутской области была хуже не придумаешь: уже который день шёл дождь, взлётные полосы раскисли, и аэропорты не принимали самолёты. Нашему экипажу дали добро на вылет с тем условием, чтобы мы на месте, в Киренске, проверили состояние посадочной полосы и попутно доставили туда срочный груз для районной больницы. А далее, если позволит обстановка, нужно было слетать в Ербогочён и вывезти в Иркутск тяжело больных детей.

«Как всегда — разведка боем!» — пошутил я, получив это непростое задание. Узнав, что я лечу в Ербогочён, писатель Вячеслав Шугаев попросил взять с со-

бой в полёт своего друга поэта Станислава Куняева, который уже несколько дней жил в иркутском аэровокзале в надежде попасть на рейс в Ербогочён.

— Вот возьми, почитай, — Шугаев протянул мне свежий номер журнала «Наш современник», — здесь его подборку стихов опубликовали. Заодно и познакомишься.

— Куняева? Знаю! — я засмеялся. — Это тот, который полжизни провёл на вокзалах в Иркутске, в Калуге, в Москве, — обозначил я Шугаеву свою начитанность и некоторое знакомство с поэзией Куняева.

— Он сейчас в аэровокзале, — сказал Шугаев. — Его надо бы там разыскать.

То было весёлое, наполненное особым смыслом время, когда завтрашний день не пугал, а обещал новые радости и впечатления, когда поэзию читали и ценили, знаменитые пииты собирали полные залы и стадионы, когда ещё о мобильных телефонах и слышать не слыхивали, при надобности обходились посыльными, а другие важные новости можно было услышать по радио. Чем я и воспользовался. Приехав в аэропорт, я попросил службу оповещения объявить, чтобы Станислав Куняев подошел к стойке, где обычно регистрировали пассажиров внутренних рейсов. После очередного сообщения, гляжу, ко мне лёгкой походкой спортсмена подходит невысокий молодой человек в джинсах и тёмной куртке, с рюкзаком на плече, улыбается и протягивает руку:

— Куняев, — хорошо поставленным голосом представился он. — Я звонил Шугаеву, он меня уже предупредил.

Через пару часов, оставив позади почти тысячу вёрст сибирского бездорожья, мы уже подлетали к Киренску, или, как его называли тунгусы, Орлиное Гнездо. После посадки на залитую, похожую на размокшее болото полосу, я понял, что Орлиное Гнездо промокло насквозь и взлететь отсюда мне сегодня не дадут; самолёт до самого киля был в такой грязи, что на него было страшно смотреть. На стоянке ко мне подошёл руководитель полётов и, оглядев самолёт, не то спросил, не то подтвердил мою догадку, что будет закрывать аэропорт по техническому состоянию посадочной полосы. На стоянке было неуютно, грязно и холодно, сбоку с порывами острого, как шило, ветра хлестал дождь. Подняв воротник куртки и натянув по самые уши московский кепсон, сутулясь от ветра, Куняев стоял неподалёку и молча поглядывал на нас. Добавлять в перечень своих ночёвок к Иркутску ещё и Киренск ему явно не хотелось. Его, как я знал, в Ербогочёне ждут читатели, ждут друзья, чтобы свозить своего любимого поэта и рыбака в зимовье на таёжную речушку, где можно будет половить сига и пострелять уток и рябчиков. Но, как говорится, против природы не попрёшь — взлетать с болота Илу-14 ещё не приходилось.

Я попросил руководителя полётов вместе съездить на полосу и своими ногами поискать возможность для взлёта. В противном случае сидеть нам здесь как минимум неделю. Проехав по лужам и грязи в начало полосы, я, взглядевшись, понял: взлететь нельзя, прямо как в канаве, по центру полосы, насколько хватал глаз, было настоящее болото. А вот по краю, вплитык к бакенам, взлететь было можно. Здесь узкая полоска земли была чуть повыше и почти не залита водой.

«Взлёт должен быть точным и выверенным, как выстрел! Главное — выдерживать направление и не задеть винтом боковые бакены. И удерживать от касания переднее колесо», — подумал я и сообщил руководителю, что попытаюсь взлететь. Он кивнул головой, понимая, что я принимаю командирское решение, за которое и несу ответственность.

Уже много позже я пойму, что в литературе, как и в жизни, главное — выдерживать принятое направление и не метаться, не приспособливаться, не останавливаться на ходу. И если начал движение, пошёл на взлёт, никогда не опускай, как и поднятое переднее колесо, свой нос, держи его по горизонту.

Мы вырулили на взлётную полосу, встали напротив намеченной узенькой полосы. И, получив разрешение, я начал взлёт. Моторы взревели, взвились до хрипоты, до визга на взлётный режим, через несколько секунд я оторвал переднее колесо и держал на весу, не давая ему соприкасаться с водой, потому что с винтов, из-под колёс, во все стороны летело вперемешку с песком, пытаюсь остановить движение самолёта, грязное водяное крошево.

*Неестественен этот разбег,
Неестественно чувство полёта,
Неестественен этот побег
И пронзительный вой самолёта...*

Это стихи и впечатления поэта Куняева — единственного постороннего человека, который в этот миг был в кабине самолёта.

Мы взлетели, позже руководитель полётов скажет, что «это был взлёт не самолёта, а глиссера». Через несколько минут мы пробили облачность, и перед нами встало тёплое ласковое солнце, а нам, всем сидящим на лётных сидениях между небом и землёй, показалось, что мы вырвались из преисподней. Я посадил промокшего Куняева на правое пилотское кресло, и он поглядывал то на приборы, то на вынырнувшую откуда-то из-под носа самолёта Подкаменную Тунгуску, которая, неспешно двигаясь с самолётом в одном направлении к северу, тёмной блестящей косой вязала по тайге петли, показывая себя во всей своей угрюмой красоте.

— Угрюм-река, как называл её писатель Вячеслав Шишков, — сообщил я Куняеву. — Вот бы сейчас туда, — я кивнул на тайгу. — Сколько там брусники и черники!

И неожиданно услышал от Куняева стихи, которые он посвятил Вячеславу Шугаеву:

*Полыхали цветы, отцветая,
Ожидая пришествия снега,
И свистела утиная стая,
Улетая в тунгусское небо.*

*Глухари осторожно кормились
На кровавых брусничных полянах,
Облака над Тунгуской теснились,
Словно души племён безымянных...*

В Ербогачёне, которого эвенки называют Песчаным Холмом, было тепло и сухо. Наш самолёт по обыкновению первыми встретили сибирские лайки, они обнюхали куняевский рюкзак и расселись кружком с любопытством поглядывая на прилетевших. Надо сказать, что охотников они чуяли на расстоянии. К Станиславу подошёл Степан Фарков, Миша Колесников, они стали обнимать своего давнего друга. Куняев, прощаясь, подписал мне книгу, назвав «асом сибирского неба». И чуть ли не на первой странице я прочитал стихи, посвящённые Вадиму Кожинуву.

*Птица взмыла, но не увернулась,
Видно, воздух исчез под крылом,
И вцепилась в стекло, и осталась
Лишь пятном на стекле лобовом...*

Я глянул на лобовое стекло самолёта, оно было заляпано кусками засохшей аэродромной грязи. Бортмеханик подогнал машину и пытался отмыть пристывший песок и глину с крыльев и капотов самолёта, а техник напильником снимал заусенцы с винтов. К самолёту, пятясь, подъехала карета «скорой помощи», началась посадка больных детей.

В те времена это была для нас повседневная обычная работа пилотов гражданской авиации, где тебе не стелили ковровых дорожек и до всего приходилось доходить своими руками. Мы любили свою работу, и она платила нам той же монетой. Ведь, как известно, за всё надо платить.

Сегодня, вспоминая то время, я уже понимаю, что началом творчества, несомненно, служат впечатления, потом, когда уже приступаешь к работе, очень важны детали. Здесь на память приходят отложенные в долгий ящик встречи, эпизоды, вроде бы как случайно оброненные слова. Перед тобой начинает двигаться прожитая жизнь, она, как поток, как полёт, в котором ты всегда, пока бьётся сердце, исправляешь недочёты и несовершенства человеческой природы. И где всё, как и в лётной работе, должно быть на своём месте, выверено, точно и по слову, и по движению, и по смыслу.

Через год после того памятного взлёта я написал очерк о полётах в небе Восточной Сибири, назвав его «Непредвиденной посадкой», следом другой — «Командировка в Киренск». Эти очерки будут опубликованы в журнале «Наш современник». И с тех пор журнал стал для меня родным и близким, хотя я тогда жил и работал в Иркутске. А позже, когда я приземлился в Москве, к большой радости всех моих земляков, и не только земляков, главным редактором «Нашего современника» стал Станислав Куняев — тот, кто видел, как взлетает самолёт с болота. Это у него, после поездок на Север в Ербогочён, после дружеских встреч с сибиряками, друзьями по рыбалке и охоте родилось прекрасное стихотворение:

*Милый мой, прощаемся что ль,
И предчувствуя скорую вьюгу,
Сдержим в сердце взаимную боль,
Пожелаем удачи друг другу,
Даже рябчик, и тот, ошалев,
От простора, что ветер очистил,
Ослеплённый, летит меж дерев
И, конечно же, прямо на выстрел.*

О том, какие это были дни!

Открывая дверь писательского особняка в Иркутске, я не предполагал, что ждёт меня и какие камни встанут на пути. А пока всё шло своим чередом, хоть и не сразу, но состоялась первая публикация рассказов, затем в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышла первая книга «Непредвиденная посадка». А потом уехавший в Москву Вячеслав Шугаев сказал, чтобы я готовился к седьмо-

му Всесоюзному совещанию молодых писателей, которое должно состояться в 1979 году в Москве. Руководителем нашей секции оказался Василь Быков, писатель-фронтовик, известный по повестям «Третья ракета», «Круглянский мост», «Мёртвым не больно». Не скрою, я был удивлён, что Быков отметил мою книгу как лучшую по итогам семинара, и по его итогам я был рекомендован в Союз писателей СССР. Казалось бы, передо мною распахнулись двери; издательство «Молодая гвардия» взяло мою рукопись в план. Чего ещё желать? Но по приезду в Иркутск у меня начались проблемы. Хотя мы и тешили себя, что город наш есть литературная столица России, таковым, конечно же, он был с большой натяжкой. Да, у нас членами Союза писателей были Константин Седых, Валентин Распутин, Александр Вампилов, Гавриил Кунгуров, Владимир Козловский, Геннадий Машкин, Вячеслав Шугаев, Марк Сергеев, Евгений Суворов, Алексей Зверев, Анатолий Шастин, Станислав Китайский. Но, пожалуй, за исключением трёх первых, остальные довольствовались славой провинциальных классиков. После читинского совещания молодых писателей с лёгкой руки Александра Вампилова родилось понятие «иркутская стенка», где Саша играл заметную роль. Со временем «стенка» повзрослела, забурела и не заметила, что на смену ей подросла молодая поросль: Валентина Сидоренко, Анатолий Байбородин, Владимир Скиф, Анатолий Горбунов, Василий Козлов, Татьяна Суровцева, Владимир Максимов, Александр Лаптев. Но случилось непоправимое: в «стенке» не стало Вампилова, его уход был для Иркутска, да и для всех, невозполнимой потерей.

У попавших в начальство, ещё недавно бывших молодыми, отношение ко мне, да и к Валентине Сидоренко, которая вместе со мной участвовала в седьмом Всесоюзном совещании и была признана одной из лучших, оставалось прежним: молодозелено и «Быков нам не указ! Ну сказали о вас в москвах, что из того! Идите и докажите, что вы соответствуете той полке, на которую вас поставили».

На том памятном для меня московском совещании я познакомился не только с Василием Быковым, но и с другими писателями-фронтовиками: Юрием Бондаревым, Евгением Носовым и Виктором Астафьевым. Все они, кто в большей, а кто в меньшей степени, сыграли свою роль в моей жизни. Василь Быков дал мне рекомендацию в Союз писателей. В Москве на приёмной комиссии, несмотря на то, что к тому времени я стал единственным писателем от Иркутской области, награждённым премией Ленинского комсомола, мне неожиданно завернули документы.

— Ну что, ты всё понял! — узнав о результатах голосования, сказали мне в Иркутске. — Как говорится, до Москвы далеко, а до Бога высоко.

Узнав о случившемся, Василь Быков написал апелляцию секретарю Союза писателей России Юрию Васильевичу Бондареву. Мы встретились с Юрием Васильевичем в Москве, он, улыбнувшись, сказал, что начинающего писателя в его жизни ожидают не только розы, но и шипы.

— Ваши земляки посчитали, что премии Ленинского комсомола дают не за взятие городов, а за выслугу годов, — пошутил он. — Они ошибаются, и мы их поправим.

И действительно, на очередном заседании секретариата Бондарев попросил пересмотреть решение приёмной комиссии, и в конечном итоге с опозданием на два года я получил писательский билет.

Да, бывало и такое, из песни, как говорится, слово не выкинешь. Каково же было моё удивление, когда, узнав о непростой для меня ситуации, на одном из пленумов ко мне подошёл Евгений Иванович Носов и предложил переехать к ним в Курск.

— Дадим тебе трёхкомнатную квартиру. В Курске есть аэродром, можешь летать и у нас. А лучше бросай штурвал, садись за стол и пиши!

Я не поехал. Расстаться с Иркутском? Нет и ещё раз нет!

На другой год после совещания молодых нас пригласили в Свердловск, и там я впервые увидел первого секретаря обкома Бориса Ельцина, на которого, используя его честолюбие и несомненные таранные способности, вскоре сделают ставку те, кто ненавидел Россию. И готовить его начали загодя. И они приехали вместе с нами посмотреть, послушать, нарисовать образ уральского богатыря, который денно и ночью борется с ненавистными партократами. Ельцин пригласил нас к себе, даже прочитал стихи Михаила Зайцева. И мы заглотили наживку: вроде бы мужик ничего, равнодушен к слову, достаточно молод и не чета шлепающему губами Брежневу. Прощаясь, он подарил каждому альбом «Шедевры каслинского литья» с дорогим рубиновым значком Свердловской области на обложке. Тогда мы и предположить не могли, что очень скоро таран сделает своё дело: пробьёт Кремлёвскую стену, с наслаждением примется денно и ночью разрушать ту страну, которую не создавал. Заодно пустит под откос всех нас, пишущих и читающих, отправит в буквальном смысле этого слова по миру.

Но это будет позже.

Весной восемьдесят третьего года меня вновь пригласили на совещание. На этот раз в Пицунду. Сбор в Абхазии на берегу Чёрного моря организовали заведующий отделом культуры Центрального комитета комсомола Михаил Кизилев вместе с ответственным секретарём по работе с молодыми писателями Юрием Александровичем Лопусовым. Они решили сделать ставку на молодых, отмеченных на седьмом совещании писателей, которые, по их мнению, представляли новую волну в отечественной литературе.

По пути на море я встретился в Центральном доме литераторов с моим бывшим наставником Вячеславом Шугаевым. В последнее время у него ко мне проступила непонятная для меня ревность, я начал ощущать идущий от него холодок, он не подходил к телефону, бросал трубку. Выпив коньяку, Шугаев, глядя на меня в упор холодными голубыми глазами, сообщил, что написал критическую рецензию на мою повесть «Опекун», и при этом как бы в пику похвалил узбекского писателя Нурали Кабула. Я молча выслушал его. Для меня его признание было равносильно удару из-за угла: неприятным и болезненным. Повесть уже давно была напечатана, о ней хорошо говорил на совещании Василь Быков, по ней меня приняли в Союз писателей. И тут такая оплеуха! Чтобы как-то сгладить затянувшуюся паузу, я сказал, что в журнале «Новый мир» готовится к публикации моя новая повесть «Приют для списанных пилотов».

— Плохое название, — сказал Шугаев и попросил заказать ещё коньяку. Расстались мы молча, я понял, что прежних добрых и доверительных отношений между нами уже не будет.

В Дом творчества мы добирались с моим университетским другом, красноярцем Олегом Пашенко. В самолёте я рассказал ему о встрече с Шугаевым.

— Валера, скроенные им штанишки стали для тебя коротки, — выслушав меня, сказал Олег. — Теперь шагай сам и сам выбирай себе дорогу. Жизнь, она не замыкается только на одном Шугаеве. Ты для него теперь, что ветер в поле, — не загонишь обратно. Как там, у Александра Сергеевича: «Восторженных похвал пройдет ненужный шум. Услышишь суд глупца и смех толпы холодной».

— «Но ты останься тверд, спокоен и угрюм», — в тон ему протянул я.

В Пицунде нас встретили уже знакомые по прежним встречам Андрей Скалон, Валера Исаев, Станислав Рыбас, Юрий Гречко, Анатолий Пшеничный, Михаил Зайцев, Михаил Андреев, Юрий Сергеев, Сергей Алексеев, Юрий Лопусов и Михаил Кизилов. Утром нас собрал Лопусов и взволнованным голосом сказал, ему только что позвонил сухумский поэт Виталий Шария и сообщил: к нам на семинар из Адлера на машине первого секретаря Абхазии везут Валерия Николаевича Ганичева. Что ж, Юра Лопусов хорошо знал, кто и на чём должен ездить.

В то время для многих писателей Ганичев был небожителем, до которого из провинции было трудно дотянуться. Все пишущие знали, что в последнее время Ганичев занимает пост главного редактора «Роман-газеты», и многие писатели хотели бы познакомиться с ним с надеждой попасть на страницы популярного издания, выходившего тогда огромным тиражом. А совсем недавно Валерий Николаевич возглавлял издательство «Молодая гвардия», а затем «Комсомольскую правду». Нам уже приходилось встречаться с ним: во время седьмого совещания молодых писателей он пригласил нас к себе в редакцию, где, обрисовывая обстановку в мире, сообщил, что наши вертолёты уже участвуют в некоторых операциях в Афганистане. И добавил, что только вчера они выбивали бандитов из Герата. До ввода нашего ограниченного контингента в Афганистан было ещё больше полугода. Откровенность и смелость, с какой Валерий Николаевич поделился с нами этой новостью, поразила.

Поразили меня, и не только меня, но и абхазских поэтов и писателей, высказывания Юрия Лопусова в отношении грузин, когда они пригласили нас на шашлыки в лес на берег горной реки Бзыбь.

От него мы узнали, что между Грузией и Абхазией, мягко говоря, непростые отношения, и резкие высказывания московского гостя о грузинах вызывали у хозяев-абхазов удивление.

— Ой, не поздоровится вам, Юрий Александрович! — воскликнул Виталий Шария. — Грузины — народ злопамятный. Узнают о ваших речах — найдут способ заткнуть вам рот.

Тогда мы ещё не могли предполагать, что не пройдёт и десяти лет, и Абхазия от Сухуми до Гудауты заполыхает огнем. После боевых действий между грузинами и абхазами Дом творчества, в котором проходило наше совещание, будет долго смотреть на море выбитыми окнами.

* * *

Ганичева встречал Лопусов с Кизиловым, мы же в это время осматривали окрестности Пицунды.

Совсем неожиданно для меня после обеда ко мне подошла невысокого роста блондинка. Одета она была в короткое выше колен платье, волосы собраны в пучок, ладная, стройная, я тут же обратил внимание, что на ногах у нее были белые спортивные тапочки. На вид ей было лет тридцать, не более.

— Светлана Фёдоровна Ганичева, — представилась она. — Валерий Николаевич хочет поговорить с вами. Вечером после ужина сможете зайти к нам?

Я пожал плечами, надо, так зайду. Светлана Фёдоровна, помолчав немного, вдруг спросила:

— Валера, как же вы пишете? Ведь у вас такая сложная работа.

— А я включаю автопилот, — переваривая новость, не думая, брякнул я. — Достая ручку, блокнот и начинаю писать.

В тот момент я думал о другом. Я никак не ожидал, что у Валерия Николаевича Ганичева такая молодая и красивая жена. И не сразу сообразил, как же мне себя с ней вести. И допустил промах. Светлана Фёдоровна удивлённо вскинула глаза, она не приняла мою шутку.

— То есть как на автопилоте? — она прищурила глаза.

— Да я так пошутил...

Шутки Светлана Фёдоровна понимала и принимала. Но не от всех.

* * *

Вечером все мои друзья пошли на танцы. Я же поднялся в номер к Ганичевым и с волнением постучал в дверь. Встретил меня Валерий Николаевич. Светлана Фёдоровна украшала стол. На тумбочке я заметил красивый букет цветов, на столе зелень, фрукты, кувшин с вином. На диване разглядел свою недавно вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» книгу «Почтовый круг», а рядом «Литературную газету» со статьёй Шугаева.

Одета Светлана Фёдоровна была в белую юбку, светлую кофточку, на руке — изумрудный перстень, на шее поверх блузки красивые зелёные бусы. Всё продумано, всё в тон. «Должно быть, всё не из магазина, а из художественного салона», — мелькнуло у меня в голове.

Я просидел в номере Ганичевых допоздна, рассказывая о своей работе, о Распутине, Шугаеве. Вспомнили мы Василия Быкова и Астафьева. Валерий Николаевич рассказал, как он начинал свой путь в журналистике, и привёл в пример опубликованную им критическую статью в «Комсомолке» «Следствие ведут кунаки», за которую его сняли с редакторства. Тон разговора задавал Ганичев, но Светлана Фёдоровна, как опытный лоцман, направляла его в нужное русло. Мне уже приходилось иметь дело с женами писателей, но такого внимания, доброжелательства и участия к себе, я ещё не встречал.

На другой день ранним утром мы встретились с Ганичевым на берегу. Выяснилось, что совсем недавно Валерий Николаевич попал в автомобильную аварию и у него была раздроблена рука. Каждый день по утрам он приходил на пустынный в это время пляж и заплывал в море. Я составил ему компанию.

Вечером после споров и разговором в конференц-зале мы собирались у входа в Дом творчества. Толя Пшеничный приносил гитару, и мы вместе с отдыхающими пели «В нашу гавань заходили корабли». По нашей просьбе на бис Толя виртуозно исполнял незнакомую многим, но, как говорил он, модную в Европе песню «Эммануэль». Мы ему верили, так как Толя работал советником посольства в Бельгии. Но чаще всего почему-то пели песню Остапа Бендера из фильма «Двенадцать стульев», которую исполнял Арчил Гомиашвили:

*Где среди пампасов бегают бизоны,
Где над баобабамы закаты, словно кровь,
Жил пират угрюмый в дебрях Амазонки,
Жил пират, не верящий в любовь.*

Но любовь, обыкновенная, курортная, прохаживалась по аллеям, выискивая свои новые жертвы. И находила! Когда Пицунду накрывала тёмная южная ночь, наша писательская компания разделялась: одни шли на танцплощадку к отдыхающим в Доме творчества «шахтёркам» с Донбасса, а мы с Юрием Лопусовым, Олегом Пашенко, Андреем Скалоном и Валерой Исаевым поднимались в комнату

к Ганичевым и там уже под руководством Светланы Фёдоровны, разогретые южным солнцем и абхазским вином, чуть ли не до утра пели комсомольские песни:

*Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе непокой —
Мы сурового времени дети...*

* * *

Большинство экскурсионных выездов из Москвы были организованы Валерием Николаевичем Ганичевым. Я не погрешу, но истинным вдохновителем этих вылазок, их идеологом, была, конечно же, Светлана Фёдоровна.

Почему-то больше других мне запомнилось поездка в Орёл и Белгород. Орёл — понятно; тот писательский пленум прошёл сразу же после расстрела Белого дома. Встал вопрос: как жить дальше писательскому сообществу. Валерий Николаевич решил собрать пленум в литературной столице России. В поезде мы ехали вместе с замечательным русским поэтом Николаем Старшиновым, Он расспрашивал меня про наше осадное сидение в Белом доме, что видели и как там всё происходило. Кто-то из соседей осторожно стал расспрашивать его о Юлии Друниной.

Я тут же вспомнил, что присутствовал у неё на семинаре, который проходил летом 1974 года в Иркутске. Мне она запомнилась красивой и молодой в чёрном строгом костюме и белой кофточке. И тогда я отметил её густые золотистые волосы. Ещё сказал, что часть лица у Друниной показалась мне как бы замороженной.

— Это у неё от ранения осколком в шею, — сказал Старшинов. — Замечательная была женщина!

И я прочёл посвящённое войне стихотворение Юлии Друниной:

*Я ушла из дома в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привычный сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые
От прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем Россия,
Не смогла сыскать.*

На посиделках в нашем купе оказалась Светлана Фёдоровна. Она сидела, слушала наш разговор, затем тихо прочитала неизвестное мне на тот момент последнее стихотворение Друниной:

*Ухожу, нету сил. Лишь издали
(Всё ж крещёная!) помолюсь
За таких вот, как вы, — за избранных
Удержать над обрывом Русь.
Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!*

Я слушал Светлану Фёдоровну и почему-то вспоминал октябрьские дни де-

вяносто третьего года. Сразу же после расстрела Белого дома я, раздавленный и побитый депутат Верховного Совета, пришёл к Ганичевым домой, и они на несколько дней укрыли меня в своей квартире. Тогда вечером Валерий Николаевич принёс мне ручку, пачку чистой бумаги и сказал:

— Не теряй время даром. Пиши, что видел, прямо сейчас. Дальше многое забудется. Иди по свежим впечатлениям.

Я заперся в дальней комнате и начал писать повесть, взяв в эпиграф первые строки стихов, которые вынес из расстрелянного Белого дома:

*Плачь, милая, плачь!
Ты своего не узнаешь лика,
Вот что сделал с тобой
всенародно любимый палач,
пьяный владыка.*

Поездка в Белгород почему-то напомнила мне наши давние встречи в Пицунде. Там такой же тёплой весной мы с Серёжей Котьяло, с которым познакомились во время осады Белого дома, тёмным вечером наломали у белгородских частников веток сирени и принесли их Светлане Фёдоровне, Марине и Гале Бушуевой, которая приехала на пленум с детьми из Николаева. Тёплыми вечерами мы вместе с Мариной, Галей и поэтессой из Архангельска Леной Кузьминой, как и в Пицунде, все дни напевали песню на стихи Николая Рубцова «Синенький платочек»:

*О том, какие это были дни.
О том, какие это были ночи!
Издалека, как синенький платочек,
Всю жизнь со мной прощаются они.
О том, какие это были дни.
О том, какие это были ночи!*

* * *

Но вернемся к вечерам абхазским. Поэты — народ особенный. Скажи им доброе слово, они будут помнить его всю свою жизнь. Там, в Пицунде, мы то и дело устраивали поэтические вечера. Зрителей и слушателей хватало, Дом творчества был заполнен отдыхающими, они с удовольствием ходили на наши поэтические вечера. Мы выступали по кругу, один за другим. Вёл вечера обычно Миша Кизилов, поскольку тогда нас называли птенцами гнезда Кизилова. Ему, как говорится, были и карты в руки. Ганичевы и приглашённые абхазские гости, поэты и журналисты, усаживались среди зрителей. Наверное, со стороны мы тогда напоминали выпущенных из вольер уже не щенков, но ещё и не взрослых лаек. Это сравнение мне пришло в голову, когда я вспомнил, что на семинаре Андрей Скалон утверждал, что миссия писателя, как и у сторожевой собаки, следить за окружающим пространством и предупреждать хозяев о надвигающейся опасности.

Обычно первым со своими стихами выходил Толя Пшеничный:

*— Что бы я без друзей
Значил и что б я мог? —
Был бы я, как музей,
Где на двери — замок.*

*Был бы я, как закат —
Не согревал собой.
Был бы деньгой богат,
Был бы я нищ судьбой!..*

* * *

*...Пусть сияют, завлекая,
Чужедальные края,
Там, где матушка родная,
Там и родина твоя!..*

Зрителям наши вечерние встречи были интересны тем, что прямо перед глазами открывались не только новые для них имена, но и поэтическая панорама молодой России. Тут же на смену вставал очередной пиит, краснодарец Юра Гречко. Он делал ответный ход или, как он выражался, озвучивал ответ Чемберлену, хорошо зная, что Пшеничный приехал в Пицунду из-за «бугра»:

*Вот и опять я одинок, молод и нищ.
В тамбур пустой молча приткнусь, где втихаря
месяц блеснёт, словно он достаёт из голенищ
тёплый на вид, чуть с желтизной нож блатаря.*

Миша Андреев читал свои лирические строки о своей далёкой томской родине:

*Далеко от города,
Там, где больше холода,
Где клюют на старицах утром чебаки,
Милая Подгорная!
Ты немного гордая,
Потому что пишутся с детства там стихи...*

Но особой любовью зрителей пользовались выступления поэта из Волгограда Миши Зайцева. Миша был добр, доверчив и прост. Но это с первого взгляда. У него была чуткая и ранимая душа. Каким-то неуловимым чувством слушатели сразу же распознавали его открытость и несомненный поэтический талант.

*Мир предельно прост,
Близки душе родные
Стада небесных звёзд,
В полях — стада земные.*

*Вечерний свет потух.
По медленному склону
Ведёт стада пастух
К открытому загону.*

*В ночи стада лежат,
Сны видят золотые.
Все вперемешку спят —
Небесные, земные.*

Тогда мы только начинали. Олег Пашенко ещё работал над своей первой повестью «Родичи». Потом он напишет «Спасательный круг», «Жильцы», «Колька Медный, его благородие»... Чуть позже, в феврале 1991 года, создаст и возглавит знаменитую на сегодня большеформатную «Красноярскую газету», где будет печатать всех, кто печётся о России и родной земле. В то время Валера Исаев писал роман «Открытие». До этого у него уже была издана книга стихов «Радуги — речи», а чуть позже появятся неожиданные «Березицкие брехни». Андрей Скалон среди нас со своей книгой «Живые деньги» был уже классиком. Серёжа Алексеев позже напишет романы «Сокровища Валькирии», «Рой», «Волчья хватка», а Слава Рыбас будет говорить со своими читателями словами «Столыпина», «Сталина» «Генерала Кутепова». Юра Сергеев приехал в Пицунду уже со своим романом «Самородок». Чуть позже он напишет «Княжий остров». Миша Кизиллов подарил нам каждому своего «Капитана» и «Службу «С»». Юрий Гречко — «Паром через реку». Миша Андреев, который на морском песке показывал нам тогда только входящие в моду приёмы каратэ, напишет стихи, которые будут распевать во всех уголках нашей родины группа «Иванушки интернешнл» — «Тополиный пух, жара, июль». А Расторгуев запоёт «Отчего так в России берёзы шумят». А Юра Лопусов почти на всех участников семинара напишет свои пародии. Через год в роман-газете трехмиллионным тиражом будут напечатаны мои повести под общим названием «Отцовский штурвал».

Особенно радовались проходящему в Доме творчества семинару молодых писателей отдыхающие от угольной пыли и дымящих терриконов донецкие «шахтёрки» и «горнячки», откуда-то с неба неожиданным подарком упало столько интересных и весёлых пиитов. Воздух был насыщен теплом, запахом сосен, тихим шумом близкого прибоя. По вечерам в тёмных кустах кому-то подмигивали непривычные для сибирского глаза светлячки. Казалось, сама природа решила с лихвой возвратить то, чего я был лишён, находясь среди холода и хляби на маленьких северных аэродромах, где моя жизнь текла под монотонный рёв моторов в тесной, напичканной приборами кабине самолёта. Вот оно, счастье! Только не ленись, потрогай рукой, улыбнись ему — и тебе улыбнутся ответно!

По вечерам Юрий Александрович Лопусов, изучая окружающий пейзаж и любуясь красивыми вечерними нарядами гуляющих женщин, не выдержав, выдал проходящей мимо «шахтёрке» экспромт:

*Мадам!
Ваш пышный бюст, как денег хруст.
Не проходите мимо, леди.
Мой сейф сердечный ныне пуст,
А вакуум для сейфа вреден.*

Молодая женщина на секунду задержала шаг, остановилась, поправила причёску и с улыбкой ответила:

*На руке своей мягкой рисую
Тонким пальцем узоры любви.
Я так долго ждала поцелуя,
Ты не бойся, смелей подходи.*

*И узнаешь ласк моих бездну,
Моих взглядов, улыбок, страстей.
Как пришла сюда, так и исчезну —
Не бывать никогда мне твоей!*

— А вы тут на заседаниях стонете, что интерес к поэзии пропадает! — воскликнул Лопусов, обращаясь к стоящим рядом поэтам. — Учитесь, соловьи, у женщин Донбасса!

Миша Зайцев, перед тем как нам всем разъехаться, подарил мне свою книгу:

*Ты не спеши, мой друг Валера!
Возьми в пример себе Мольера,
Читай «Тартюф», «Брак поневоле»,
Летай, твори, как ветер в поле...*

Тогда я ещё не писал пьесы, но Миша после наших разговоров почему-то вдруг написал мне эти строки.

Там же, в номере у Ганичевых, мы услышали в исполнении Светланы Фёдоровны песню про город Николаев. Выяснилось, что она была родом из основанного Григорием Потёмкиным этого знаменитого города корабелов.

*Над лиманом парус белый
И акации в снегу.
Вижу город корабелов
На высоком берегу...*

А ещё мы пели старую, известную мне со школьных времён песню «Глобус». Особенно нам нравился припев:

*Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Потому что мир без песен тесен.*

Там же, в Доме творчества, мы увидели Виктора Шкловского, которого привезли на коляске к морю. Виктор Борисович как-то сказал, что любовь — это пьеса с короткими актами и длинными антрактами. Самое трудное — научиться вести себя в антракте.

Вот так, на ходу общаясь со сверстниками, мы учились не только правильно вести себя в антракте, но и набираться друг у друга опыта, делясь новыми сюжетами и планами на будущее. Каким оно будет, мы не знали. Но верили, у каждого оно будет своим, большим и не взятым у кого-то в аренду. После встреч в Пицунде Ганичевы взяли нас как бы под свою опеку. Мы стали часто бывать у них дома, если случалось, когда я из своего Иркутска попадал в Москву, то Светлана Фёдоровна обязательно доставала билеты на спектакль или новую постановку. Ганичевы по своей природе были, есть и остаются просветителями. То, что им было доступно, они старались показать и поделиться с другими. Когда мы после Пицунды прилетели в Москву, Валерий Николаевич заказал машину, на другой приехал Валера Исаев, и мы отправлялись в путешествие по Москве. Когда подъехали к Новодевичьему, наш добровольный экскурсовод, доктор исторических наук Валерий Николаевич Ганичев, начал свою миссию:

— Монастырь основан в честь взятия Смоленска, — точно читая студентам

лекцию, стал рассказывать он. — Сюда была пострижена в монахини царевна Ирина. Здесь похоронена царевна Софья и генерал Брусилов...

Зашли во двор, постояли у могилы генерала Брусилова, на минуту заглянули в собор, нашли нишу, под которой покоились останки властолюбивой царевны, затем пошли на кладбище. Чистые, посыпанные песком аллеи, тесно, вплотную друг к другу, как на последней поверке, стоят пышные, ухоженные надгробия.

У могилы Шукшина сидела старушка и смотрела на них, и мы почему-то подумали, что, наверное, это его мать, но постеснялись спросить. Светлана Фёдоровна положила на могилу цветы, и мы пошли дальше.

«Даром любви священным только избранные правят» — на одном из надгробий прочитал я и подтолкнул Пашенко, показал глазами на надпись.

— Василий Макарович Шукшин, как-то сказал: главное не приобрести в этой жизни, не найти, а не растерять, поскольку мы рождаемся полным лукошком, — помолчав сказал Олег.

Ганичев глянул на Пашенко, хмыкнул:

— Пять баллов сибиряку. Поставим прямо в зачётку.

— Господь сказал: живите, как дети! — согласившись с ним, добавила Светлана Фёдоровна.

После осмотра Новодевичьего поехали в Донской монастырь. Вырвавшись из стада спешащих, рычащих, как борзые перед охотой, машин, мы проскочили мост через Москву-реку и свернули налево к монастырю, у стены вышли из машины и вслед за Светланой Фёдоровной двинулись к входу. Миновали его — и неожиданно шумящий город остался за спиной. Вокруг нас трава по пояс, птички поют, на куполе и по карнизам вороны. В этой огороженной стенами заброшенности и тишине не ощущалось время. Там и сям, вперемежку с молодыми и зелеными топорщились наполовину высохшие старые деревья. Под ними грелись на солнышке белые головки одуванчиков. И совсем не верилось, что рядом бежит, торопится куда-то огромный город.

— Сейчас в храме филиал музея архитектуры Щусева, — сказала Светлана Фёдоровна. — Пытаются сохранить то, что осталось.

По пути к храму мы свернули к заброшенному кладбищу. Сквозь траву выглядывали холодные серые плиты, стёртые временем, солнцем и дождями, потрепавшиеся мраморные кресты, тёмно-серые монолитные в виде гробов памятники — маленький скорбный уголок давно ушедшей жизни.

— Здесь похоронен Чаадаев, — тихо сказала Светлана Фёдоровна. — Царь Николай считал его сумасшедшим.

— Если бы не стены, наверное, давно бы сравняли бульдозером и залили асфальтом, — заметил я. — Кажется, Карамзин сказал: «Не уважаешь себя, чего ждать, чтобы тебя уважали другие».

По широким полуразбитым каменным ступенькам мы поднялись в храм, осмотрели выставку. И тут мы увидели вмурованные в кирпичную стену белые рельефы, куски порталов и резных стен.

— Всё, что осталось от храма Христа Спасителя. Был построен на народные деньги в честь избавления России от Наполеона. Более пятнадцати миллионов рублей золотом. Сейчас на его месте бассейн «Москва», — рассказывал Ганичев. — Какие-то куски мрамора использовали для облицовки стен метрополитена, иконостас купила жена американского президента Элеонора Рузвельт. Что можно было продать, за бесценок продали, что невозможно было вывезти, — взорвали.

Эти горельефы с изображением библейских сюжетов и сцен из русской жизни остались как укор всем нам.

— В честь кого был основан этот монастырь? — спросил Пашенко.

— Донской? В честь избавления Москвы от крымского хана Казы-Гирея. Монастырь этот мужской, а Новодевичий — женский. Мне рассказывали: раньше Донской монастырь звонит, точно в гости приглашает, ну а Новодевичий гудел в ответ: как отслужим, так приедем.

— У нас тоже был монастырь, Иннокентьевский, — сказал я. — В начальной школе, которая когда-то была основана при монастыре как филиал духовной семинарии, я учился четыре года. Говорят, и он так же перезванивался с женским Знаменским. Был знаменит на всю Сибирь. В нём церковному пению, чтению и письменной грамоте училась моя бабушка Матрена Даниловна. А её отец, мой прадед Данила Андреевич Ножнин, окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию и позже служил в Минусинском Градо-Вознесенском соборе.

— Вот как! Надо тебе обязательно съездить туда и поклониться его могиле, — сказала Светлана Фёдоровна. — Вот что, давайте съездим в Архангельское, — неожиданно предложила она. — Место удивительное, и недалеко от города. Лес рядом. Хоть воздухом подышим.

В отличие от Донского монастыря Архангельское было прибрано, вылизано, трава подстрижена, деревья ухожены.

— Раньше имение принадлежало Голицыным, потом князьям Юсуповым, — рассказывал Валерий Николаевич. — Во дворце картины Ван Дейка, декорация Гонзаго. В парке — памятник Пушкину. Говорят, он любил бывать здесь.

В специальных тапочках, которые натянули на туфли, мы шли из одного зала в другой. Жёлтые, под слоновую кость колонны овального зала, мраморные античные скульптуры, голубые вазы, напомнившие купола афганских мечетей, древнеегипетские барельефы, зеркальный паркет столовой... нет, это было чудо!

Вечером мы пошли в Знаменскую церковь слушать хор Воронина, древние распевы, канты. Как сказала Светлана Фёдоровна, попасть туда почти невозможно. Но не для Ганичевых.

Ансамбль состоял всего из четырёх человек: один бас, два баритона и тенор. Ещё одно чудо, которое подарили нам Ганичевы в тот день. Что-то древнее, строгое и печальное наплыло на нас, я сидел тогда оцепеневший, боясь пошевелиться и вздохнуть. Гулкие своды церкви, уносящиеся куда-то ввысь, в пространство, в вечность: голоса певцов, тишина зала — разве мог я мечтать об этой неожиданной награде? Повезло, что именно нам выпал день, который запомнился на всю жизнь.

*Господу Богу помолимся
Древнюю быль возвестим.
Мне в Соловках её сказывал
Инок отец Питирим.*

Воронин, красивый, высокий, пел, будто читал молитву. И было непривычно, страшно и хорошо одновременно — аж до мурашек по телу.

Песню про Кудеяра-атамана я слышал давно, у себя дома на патефоне в исполнении Шаляпина. Но что патефон по сравнению с живым голосом!

Музыка должна идти от сердца к сердцу, а не через механический посредник — радио или магнитофон, говорила со сцены ведущая, и я соглашался: да, всё должно быть именно так.

После концерта Светлана Фёдоровна пригласила нас к себе. Ганичевы жили в Безбожном переулке. Наглаженные, чисто выбритые, мы явились к назначенному часу. И там мы впервые увидели Марину Ганичеву, дочь Светланы Фёдоровны. Поскольку ожидалась гости, она решила помочь матери, принесла из кухни огромный пирог. Тогда нам показалось, что в большую комнату Ганичевых заглянуло солнце. У Марины была мягкая улыбка, внимательные, как и у Светланы Фёдоровны, глаза. Красивая, скромненькая, чем-то похожая на отца, она, смущённая, проплыла мимо нас. И сколько мы её ни уговаривали, так и не присела к нам за стол. Друзья-писатели переглянулись. Позже, когда мы вышли от Ганичевых, Саша Герасименко только и говорил о Марине.

— Забыл спросить, замужем она или нет? — вопрошал он.

— А ты вернись и узнай, — посоветовал Исаев.

— Да замужем! Недавно сыграли свадьбу, — сказал Миша Кизилев.

— Хороша Маша, да не наша, — вздохнул Герасименко.

Позже, уже в конце восьмидесятых, мы узнали, что Марина перешла работать редактором в издательство «Молодая гвардия». В этом качестве она побывала в писательском Доме творчества в той же Пицунде, где вновь собрали молодых и, несомненно, самых талантливых на тот момент писателей и поэтов. Там на вечерней прогулке у кромки моря у Марины с Олегом Пашенко родилась идея подготовить художественно-публицистический сборник авторов нашего поколения. То есть своеобразный отчёт о сделанном и планах на будущее. Вернувшись в Москву, Марина согласовала эту инициативу с главным редактором издательства. Затем позвонила в Красноярск Пашенко: «Олег, будешь составителем. Сам и предисловие напишешь, — сказала она. — Решение в издательстве принято».

И полетели, пошли на берега Енисея папки с рукописями очерков, рассказов, поэм... Олег даже придумал иллюстрировать сборник репродукциями картин художников послевоенной поросли. «Пусть украшают ряды словесные!» — решил он. Отдельные очерки и рассказы он в Овсянке читал Виктору Астафьеву вслух.

— И чего ты берёшь псковского златоуста? — поинтересовался Астафьев.

— Кого-кого? — не понял Пашенко.

— Курбатова, он же критик. Ты выпускай книгу, а он пусть критикует. Или хвалит.

Высказывание Астафьева не было спонтанным. Он ничего не говорил, чтобы только говорить.

— Кому был бы интересен Белинский, если бы не было Гоголя! — как-то находясь у меня в Добролёте, воскликнул он. — Писатель пашет, критики обсасывают. И зачастую говорят и думают за нас, разбираясь во всём точнее и лучше, чем мы сами.

Об этих словах Астафьева я вспомнил недавно, ещё раз посмотрев фильм кинорежиссёра Сергея Мирошниченко «Река жизни». В нём критик Валентин Курбатов буквально не закрывает рта, говорит и за Валентина Распутина, и за людей, проживающих на берегах Ангары. И везде навязывал своё представление о том, что происходит сейчас в России и на берегах умирающей сибирской реки. Сегодня сваливать всё на Мирошниченко — он, мол, придумал такой режиссёрский ход — не к лицу, тебя, как и Сапронова, пригласили для съёмок не статистами. Плохо, когда река выходит из берегов, ещё хуже, когда из берегов выходит человек.

— Каждый должен делать своё дело, — подытожил Астафьев. — Не надо тянуть всех под одно одеяло.

— Ну, а как же вы? — спросил Пашенко

— Я... — Астафьев задумался — Вот, возьми мой рассказ «Кончина». Им и закончи сборник. Молодым в назидание.

На том и порешили. Сборник назвали «Молю прощения». А предисловие Олег озаглавил «Сказать сердцем». Надо добавить, что основная тяжесть в работе над изданием книги легла на Марину Ганичеву. Вот так она собрала нас под одну обложку, выпустив тот, теперь уже далёкий, но такой родной и любимый нами сборник. Мы уже давно не молодые, а он остаётся в своём возрасте: весёлый, искренний и нужный всем нам.

В последние годы Марина стала главным редактором детского журнала о русской истории и культуре «О, русская земля» и вместе с главным редактором «Новой книги России» Сергеем Ивановичем Котьяло будут проводить международный конкурс для детей «Гренадеры, вперёд!» Так незаметно она переняла эстафету в жизни писателей России от Светланы Фёдоровны и будет делать всё, чтобы мы, как и раньше, держались вместе и чтобы не потух огонёк русской словесности. Многие помнят, что те люди, на которых упал глаз Светланы Фёдоровны, никогда не уходили из поля её зрения. Она была на премьере моего документального фильма «Иркутские мальчишки», на организованном Сергеем Ивановичем Котьяло кинофестивале «Бородинская осень», и вместе с Михаилом Ивановичем Ножкиным поделилась своими впечатлениями об увиденном. Как всегда, говорила точно, эмоционально и объективно. А после, прочитав мой рассказ «Кинбурский волк», — а действие рассказа проходило на её родине, на Кинбурской косе, — она деликатно возразила Марине, которая посчитала, что это взгляд сибиряка, который не совсем точно понимает, что происходит сегодня на Украине.

В наш последний вечер мы сидели с ней после награждения победителей конкурса «Гренадеры, вперёд!». Сидели у самовара, вспоминали Пицунду, наши многочисленные поездки по России.

— Соединить в рассказе историю, сегодняшние настроения и психологию молодой женщины — задача не из простых, — сказала Светлана Фёдоровна. — Я считаю, что ты с ней справился.

Как много значили для меня её слова! Чем-то они напомнили мне слова Миши Зайцева, которые он написал, уезжая из Пицунды.

Хотелось бы ещё добавить, что Светлана Фёдоровна очень любила певицу Татьяну Петрову и в завершение вечера просила её исполнить песню:

*Вы, деньки, мои голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики...*

Вскоре её не стало. Вместе с нею ушло что-то доброе и сокровенное, которое не только объединяло, но и согревало всех нас.

На панихиде Патриарх всея Руси Кирилл скажет о Светлане Фёдоровне и о её муже Валерии Николаевиче проникновенные слова:

Верность Творцу Светлана пронесла от младенчества-детства рядом с матерью Анастасией Алексеевной, воспитавшей троих детей без помощи мужа Фёдора (простого стропальщика николаевского судостроительного завода, арестованного в горьком 1937-м — в год рождения дочери), — через испытание атеизмом советских лет, высоким общественным положением любимого мужа, многолетним преподаванием в Высшей комсомольской школе на кафедре педагогики до, наконец, возрождения церковной жизни в России. К вере и крещению

в восьмидесятых годах XX века привела она и Валерия Николаевича. Вместе с ним на рубеже двух веков она подошла к осознанию святости победоносного адмирала Фёдора Ушакова, над исследованием жизни и деяний которого Ганичев трудился в течение тридцати лет в архивах Москвы, Ленинграда и греческого острова Корфу, от книги к книге всё глубже проникая в глубинную суть души праведного воина. А распахнутой души Светланы Фёдоровны хватало на всех...

Совсем недавно узнав, что Миши Зайцева уже нет в живых, я вновь перелистал его книгу. Я знал, что Светлана Фёдоровна любила его стихи, считая их точными, образными и светлыми. И натолкнулся на его прощальные строки:

*Вдруг под небушком высоким,
Близким-близким и далёким,
В путь последний соберусь.*

*Что ж, бывает горькой правда:
В путь последний — ну и ладно!
В путь последний — ну и пусть.*

*Только б дети жили справно,
Улыбались внуки славно,
Стих мой пели наизусть.*

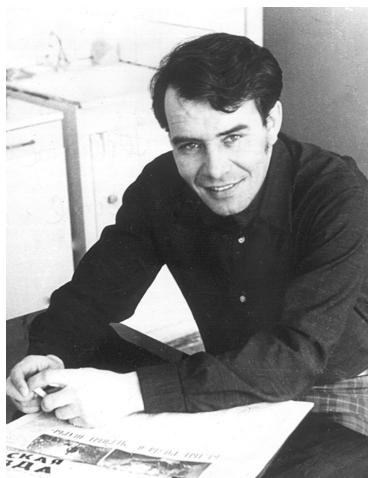
*Ах, друзья, союз наш редок!
Сдвинем чарки напоследок
И отбросим разом грусть.*

Апрель 2017 год

*К 75-летию со дня рождения выдающегося сибирского
учёного-фольклориста В.П. Зиновьева*

ВАЛЕРИЙ ЗИНОВЬЕВ

«Соловей кукушку подговаривал...»

Сказки, мифы, песни Восточной Сибири

*В некотором царстве,
в некотором государстве*

Всякая новая встреча с книгой, содержащей в себе фольклорные записи, — это праздник для всех, кто любит русский народный язык и русскую народную мысль.

Ну что, казалось бы, для современного человека, всё на свете знающего и едва ли не обо всём по-научному судящего, ну что ему эти сказки с их наивными и, на теперешний взгляд, устаревшими представлениями о добре и зле, о правде и

ЗИНОВЬЕВ Валерий Петрович (1942–1983) родился и вырос в г. Нерчинске Читинской обл. В 1969 г. закончил филологический факультет Иркутского государственного университета. Преподавал там же (1971–1979) и в Иркутском государственном педагогическом институте (1980–1983). С 1966 г. ежегодно выезжал в фольклорные экспедиции по Иркутской и Читинской обл. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы». Автор книг: «Жанровые особенности быличек», «Русские сказки Забайкалья», «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», «Русские песни Восточной Сибири».

кривде, с допотопными фигурами Змея Горыныча, Бабы Яги и Ивана-царевича, с упрощенной моралью и пресно-фантастическими историями. Когда-то это представлялось, наверное, и хитро, и умно, и свежо, и поучительно, но с тех пор всё сметалось на земле людей, всё сместилось и сдвинулось: зло с успехом выдаёт себя за добро, Змей Горыныч переряжается в Ивана-царевича, а повседневная жизнь на каждом шагу преподносит такие нравственные задачи, в которых не разобраться и с самым высшим образованием. Сказка как бы поникла перед всевозможными чудесами и сложностями нынешней жизни и должна лишь вызывать снисходительную усмешку просвещённого человека.

Должна? Если человек не превратился полностью в свою противоположность, не потерял душу — нет, не должна.

Мы раздвигаем глубинные границы материального, физического мира, а нравственность наша в своих основаниях остаётся неизменной, и основания эти заложены давным-давно, нам остаётся лишь следовать им. Человек, чтобы доказать себе, что в течение веков он преуспел в духовной мысли, говорит теперь столь мудрёно и с такими огородами, что в его построениях сам чёрт ногу сломит, однако если удаётся, набравшись терпения и умения, добраться до смысла, то оказывается, что этот смысл прост и живёт в народе с незапамятных времён. Вот почему маститый учёный, преодолев внешнюю, формальную учёность, нередко к концу жизни начинает размышлять теми же самыми понятиями, что и безграмотная деревенская старуха. Язык может быть иной, но суть размышлений та же, и это возвращение «блудного сына» в человековедческую материнскую мысль тем замечательней и примечательней, что оно наступает после искусительного опыта. В конце концов, мысли, как и любому делу, важен результат: то, как ей внимают и как её понимают.

«Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

И урок немалый, высказанный поэтически и просто в надежде на столь же поэтическую и бесхитростную душу, способную по-детски чувствовать и полниться, забыв про просвещённый ум, и от чудесных приключений, и от обыкновенных бытовых историй с настежь раскрытым «уроком», и от всего образного, являющегося едва ли не главным чудом, строя сказыванья, и от умилительно-чистой, нетребовательной морали. Сказки создавались и сказывались не только для детей, но взрослый человек, внимая и отдаваясь сказке, чувствовал себя ребёнком — не в возрасте ребёнка, а в степени его впечатлительности и отзывчивости.

Представьте себе, как совсем ещё в недавние времена, когда телевидение повсеместно не успело овладеть людьми беспощадным сладким гнётом, где-нибудь в деревне, где это заведено, собираются люди вечером на сказку. Сходятся в избе у умелого, памятливого рассказчика — тут и ребятишки, и старики, и мужики с бабами, отработавшие трудный страдный день и ждущие такого же дня завтра. Располагаются в тесной избе на лавках, на полу, в ожидании переговоров о делах. Быть может, потрескивая смольём, горит печь; быть может, светит уже «лампочка Ильича», это не так уж и важно. Рассказчик по принятому обычаю пробует отговориться: мол, на десять рядов всё уже знаете, нового ничего не вспомнил, будет неинтересно. Его и не понукают, он начнёт сам, как это было и на прошлой, и на позапрошлой неделе, не для того они, оторвавшись от дел, здесь собрались, чтобы уйти без сказки. И он начинает.

Возможно, он выбирает действительно знакомую старую сказку, которую сказывал этим людям не раз. Никто не перебьёт его, не потребует нового за-

чина. Они входят в сказку с тем же простодушием, с каким встретились с ней когда-то впервые. Голос рассказчика меняется, становится невучим и многоголосым, он принадлежит уже не хозяину избы, такому же, как они, мужику, а хозяину сказки, вернее, он принадлежит самой сказке, созвавшей их всех для единого и счастливого откровения.

Кто и когда сложил эту сказку, как она звучит теперь, кто и кому поведал её впервые? Давайте не будем сейчас вспоминать о кочующих сюжетах, переходящих от народа к народу. Кто укоренил её в нашем народе («фу-фу, русским духом пахнет»), как изменилась она с той далёкой и тёмной поры, какими словами звучала в самом начале? Он, тот, кто рассказывает её сейчас, услышал её от бабушки, а она, в свою очередь, тоже от бабушки — и сколько же поколений людей знали эту чудесную, красивую выдумку, пользовались её образами и переживали за её героев, сколько она принесла за свой век людям невидимого добра?

Они слушают её то вздыхая, то коротко восклицая, когда не выдержать, чтоб ахом или охом не отозваться на необыкновенные события, живой душой полностью отдаваясь сказке и не мешая ей. Но главное чудо не в том, что происходит в сказке, а в том, что происходит с ними. В их сердца незаметно, как капля по капле, с каждым словом входит любовь; любовь друг к другу, к своей земле и своей работе, чувство тесной и вечной связи со всеми, кто жил на этой земле раньше. Они словно бы ощущают их присутствие, их пришедший в знакомую сказку дух, потому и натянулся, изменился и задрожал голос рассказчика, вспоминающего теперь уже для всех, для нынешних и прежних слушателей.

Из фольклорных жанров только старинная песня способна, быть может, в ещё большей степени к подобному родственному соединению людей. В песне отказывающееся от временных преград общинно-духовное чувство подводит человека так близко к полному озарению своей тайны и сути, что он едва ли не обмирает от этого проникновения.

Фольклор более и полнее, чем что-либо другое, выявляет народную душу. Изустно передававшиеся из поколения в поколение песни, сказки, былины, плачи и верования, не говоря уж о малых формах, несут в себе от самых корней духовную историю и духовную жизнь народа. Он выпевал, выплакивал и высказывал свою судьбу, предсказывал и загадывал её,ставлял надежды, исполнения которых он заслужил, и тут же принимался иронизировать над собой: нет, не дожидаться ему никогда их исполнения. Он словно бы знал наперёд свою долгую мученическую долю в мире и передал её с тоской и болью, но без надрыва и отчаяния, защищаясь верой и веря, веря, веря.

Не мыслители провидят грядущие пути своего народа, а сам народ, мыслителям остаётся отыскать в его высказанной многоголосой душе эти откровения и распознать их образный язык.

В сказке хорошо видно, как устроенная язычески душа русского человека, мало изменившаяся в христианстве, поклоняется матушке-земле, наделяет живой и чудесной силой всё, что его окружает. Первая церковь для него — это природа, здесь его вера не заказана, и здесь его чувство не натянуто. Пришедшие издревле к нам сказки, точно так же, как и песни, удивительно природны, естественны настолько, что трудно представить, чтобы они кем-то сочинялись и выправлялись, кажется, раз и навсегда они даны родной землёй вместе с языком, как тот волшебный клубок, который, разматываясь, должен привести к желанной цели.

Многие надежды не сбылись, но одна сбылась наверняка: за долгие века развилась и расцвела душа русского человека, до конца исполнилась болью и радостью, и это тоже, надо полагать, доставляет ей страдания.

Об устном народном творчестве в целом нужно сказать, что оно явилось и до сих пор является поддержкой и опорой нашему языку. Теперь, когда по многим причинам язык мельчает и пустеет русским словом, теперь в особенности фольклорные записи для нас ещё и ту имеют огромную ценность, что они передают живую народную речь. В своих ранних, да и не только в ранних, не обработанных литературно записях фольклор — это заповедник языка. Прочитайте оттуда любую сказку, былину, вспомните песню и послушайте после того с кафедр, трибун: так мы говорили и так говорим. Нынче и разговорная речь немало подпорчена пустым, чужим или дурным словом. Массовая культура, массовая пропаганда, массовая мысль делают своё дело неумолимо.

Было время: без сказки не воспитывались дети (устно звучащая, живая сказка — совсем не то, что сказка из книжки), с нею жили и с нею старились взрослые. Ведь если наши бабушки и дедушки рассказывали сказки, значит, они с ними не расставались с детства, набираясь от них и мудрости, и поэзии, и любви. Было время: без песни не обходились ни общинная работа, ни застолье, ни посиделки. В последний путь проводжали с причетом, в котором слышались не только боль от горькой утраты близкого, но и поклонение всему своему роду-племени. Приступая к страде, разговаривали с землёй, просили её о помощи, а потом благодарили за щедрость. Ребёнка усыпляли колыбельной, от которой и у матери отмякало после трудного дня и успокаивалось, принимая с благодарностью судьбу, сердце. И радостные, и безрадостные события сопровождались обрядами. Народ не расставался с поэзией во всём круговороте жизни. И песенники, сказители, мастера меткого слова ценились в своём мире, пользовались уважением, как люди особенные, выделенные Богом для общей отрады.

Но... уходит традиционный фольклор, оставляя о себе воспоминания лишь в записях. Уже в прошлом былина; похоже, мы свидетели последнего поколения, dopeвающего (не по радио) народную песню и досказывающего устную сказку. Остатётся лишь присловье, без которого, к счастью, русский человек, кажется, не может существовать.

Прощаясь с фольклором, мы низко кланяемся ему за всё то доброе и светлое, что он принёс издавека и поселил в наших душах. Там, в глубинах этих душ, вопреки всесильным и магнитным и электрическим полям нынешней эпохи, — возделанное живой поэзией поле не самых худших чувств, заказанных человеку.

В этой книге собраны позднейшие записи пришедших в Сибирь и родившихся в Сибири сказок. Тем она и интересна, тем и ценна эта книга, что показывает жизнь сказки в одном небольшом районе, как теперь говорят, локальном регионе, вместе с жизнью и современным состоянием там народного языка.

Какое же всё-таки это удивительное богатство — сказка в русском языке и русский язык в сказке!

Валентин РАСПУТИН

Из цикла «Русские сказки забайкалья»

Почему стариков уважать стали

Жил царь. Решил он изжить стариков в своем государстве: страшны, слабы, толку от них нету никакого. Велел собрать всех старых и перевешать. Собрали и перевешали.

Потом стал этот царь замечать, что в его государстве умных не стало. Решил учесть, которых пока есть. Велел приказ объявить, чтобы пришли все подданные к его двору не босы, не обуты. Вот повалили подданные: кто в порванном носке, кто в порванном чулке!.. Царь недоволен. Повторят свой приказ.

А здесь же жил один парень. У него отец тоже был уже старичок. Парню стало жалко отца, он его не стал царю выдавать, а спрятал на заднем дворе, кормил, поил. Вот задумался парень над царской-то задачей. Пришёл к отцу, поесть принёс. Отец спрашивает:

— Что, сын, грустный такой?

— Да вот так и так... Велел царь прийти к его двору не босым и не обутым.

Старик подумал и говорит:

— Ты, сынок, возьми старые сапоги, оторви подошвы вместе со стельками и иди к царю так.

Послушался сын, сделал, как отец велел. Идёт к царю в сапогах без подошв. Царь увидел: идёт парень в сапогах. Остановил:

— Ты что, смеёшься? Приказа не слышал?

— Нет, ваше величество. Как велели, так и пришёл.

Поднял ногу — царь увидел, что следы-то у него голые:

— Молодец! Верно решил мою задачу.

Теперь объявляет царь другую задачу: чтобы подданные пришли к нему с самым красивым цветком на голове. Такой цветок нужен, краше которого бы не было на свете.

Вот этот парень снова призадумался: какой же цветок найти? Приходит домой, снова к отцу. Объясняет ему задачу, какую царь задал. И старик говорит:

— Самый милый цветок — это колос пшеницы. Без пшеницы мы жить не можем.

И давай про пшеницу ему рассказывать.

Этот парень взял два колоса, воткнул в шапку и пошёл к царю. А там кто с гвоздикой, кто с розой — в общем, свои любимые цветы принесли. Царь увидел парня, поздравил.

— Молодец! Ты снова мою загадку отгадал. Кто тебя научил? Откуда ты взял такую премудрость?

Он говорит:

— Если я скажу, вы меня велите казнить.

— Нет. Я тебя помилую. Потому что ты верно решил мои задачи.

Парень и говорит:

— Я послушался ваш приказ и своего старого отца спрятал на заднем дворе. И он мне все отгадки подсказал.

Тогда этот царь повелел:

— Издайте приказ: беречь и уважать стариков, ибо мы от них берём мудрость.

*Записано от А.Н. Бояркина в с. Курумдюкан
Газимурозаводского р-на Читинской обл.*

Совет старика

В одном государстве несколько лет подряд не было урожая. Царь думал, думал и решил население убавить, перебить, кого не жалко. И дал приказ всех стариков в стране уничтожить, чтобы зря хлеб не ели: увозить их в лес и там бросать. Это чтобы хоть молодых-то поддержать.

Теперь жил в этом государстве мужик, у него отец старик был. Сын отца посадил на санки и повёз в лес. Привёз, оставил старика на санках, а сам повернулся и пошёл домой. Старик ему:

— Иван!

— Но чё?

— Чё же ты санки-то оставляешь?

— А зачем они мне?

— Как же зачем. А ты состаришься, тебя на чём в лес повезут?

Мужика-то как дёрнуло: «Паря, придёт время, и меня так же увезут!» Забирает этого деда, дожидат ночи и назад его везёт. Привёз домой и в погреб посадил: нельзя же на виду его держать.

А есть совсем нечего. Мужик своему отцу приносит в погреб кипяток, тот его спрашивает:

— Чё же ты, сын, совсем не кормишь меня?

— Да хлеба, говорит, нету.

— А ты, паря, сбросай-ка с крыши стару солому и перемолоти. Вот тебе и зерно. Потом соломы к зерну добавь — вот тебе и мука.

— Да кака же мука со старой соломы?

Но всё-таки пошёл. Верно, намолотил зерна, с соломой перемолол — ржаная мука получилась. Стал жить справно.

Вот позвал к себе мужика царь и спрашивает:

— Где ты хлеб берёшь?

Тот и рассказал всё: как отца спрятал, как старик ему посоветовал солому перемолотить. Царь подумал, подумал и отменил приказ стариков в лес отвозить. Велел по всем деревням старую солому молотить, и так перебились до урожая.

*Записано от Н.И. Литвинцева в с. Знаменка
Нерчинского р-на Читинской обл.*

Цыган и чёрт

Ехал цыган. Заезжат в одну деревню, стучит в дом — никто не отвечает. Он в другой дом стучит — никто не отвечает. Чё тако? Всю деревню обошёл, никого в избах нету.

На краю деревни маленька избушка стояла, цыган в неё зашёл. Видит: на печке старик со старухой сидят, от страха дрожат, скукурились. Цыган спрашивает:

— Вы чё на печке сидите? Где народ?

Они ему отвечают:

— Наповадилися к нам чёрт и всех людей сожрал. Теперь наша очередь. Велел поправляться, а то больно сухи да стары. Скоро ись прилетит. Тебя тоже съест.

И точно. В этот момент в аккурат чёрт залетат. Увидал цыгана и говорит:

— Я тебя съем!

— Погоди, — отвечает цыган. — Давай-ка лучше поспоримся: кто кого победит, тот того и съест.

— Ладно, — согласился чёрт.

Вот начали спорить. Чёрт забирает камень в лапу и давай давить изо всей силы. Давил, давил — камень в песок измял.

Цыган виду не подаёт, держится так это. Тут у бабки на печке миска с творогом стояла. Он забирает в кулак этот творог и давай тоже жать. Жиманул — вода сквозь пальцы побежала, сыворотка.

— Вот как, паря, надо давить, — говорит. — А то у тебя кого? — песок. Надо, чтобы сок выгнать.

Чёрт молчит, давай уже оглядываться. Потом говорит:

— Знаешь чё, давай ты будешь мой старший брат, а я — младший.

— Давай.

Вышли из избы и пошли вместе по дороге. Идут, идут, видят: пасутся быки. Чёрт подскочил к одному, за хвост схватил и шкуру с него сдёрнул, с быка-то. Шкуру сдернул, кишки выкинул, мясо разделал. Говорит цыгану:

— Ташии, брат, полную шкуру воды из колодца!

Цыган шкуру забрал, пошёл к колодцу, взял лопату и давай сруб окапывать. А чёрт ждал, ждал его, не дождался. Побежал к цыгану. Тот колодец окапывает.

— Ты чё делаешь?

— Колодец выкапываю. Маленько подкопаю, сгребу и весь тебе принесу!

— Да ты чё, паря, нам куды столь воды-то?

Взял шкуру, опустил в колодец, полную воды набрал и унёс к костру. Костёр уже прогорел.

— Вали, — говорит цыгану, — по дрова.

Тот пошёл, верёвку взял с собой. Пришёл в лес и давай лесины обвязывать. Чёрт ждал, ждал, не стерпел, опять бежит, ревёт:

— Тебя за смертью отправлять! Кого ты там делаешь?

— Лес обвязываю сейчас тебе весь его и припру!

— Не надо! Ты чё?

Сам одну сухостоину выворотил и уташил. Цыган следом пришёл. Поели, чаю попили. Чёрт быка почти что один умял. Посидели.

Цыган говорит:

— Пошли ко мне в гости?

— Пошли.

Идут. К костру подходят, а навстречу ребятишки бегут, кричат:

*Папка идэ,
Чёрта ведэ —
Мы его съедэ!*

Чёрт испугался и удрал. Дескать, с цыганом свяжешься — проку не будет!

*Записано от А.Н. Судаковой в с. Андронниково
Нерчинского р-на Читинской обл.*

Как мужик богача проучил

Шёл мужик, и пристигла его ночь. Попросился ночевать в богатый дом — его пустили. Прохожий зашёл в дом и говорит:

— Дайте воды попить.

Хозяин поднёс ковшик, а сам спрашивает:

— Что это?

— Дак вода.

А тот ему:

— Нет, это благодать.

— Ну благодать дак благодать.

Вот сидит кошка. Хозяин на неё показывает и спрашивает:

— А это что?

— Кошка.

— Нет, это чистота.

Печка топилась. Хозяин опеть спрашивает:

— Что это?

— Это огонь.

— Неправильно. Это красота.

И посмеялся над мужиком. Вот переночевали. Чаю попили, потом хозяин пошёл колоть чушку. Закололи, соломы натаскали и стали палить. Прохожий поймал кошку, привязал берестечко к хвосту, незаметно поджёг и отпустил. Она кинулась на крышу. А сам хозяину говорит:

Чистота красоту

Понесла на высоту.

Не поспеет благодать —

Тебе и дома не видать!

Богатый ничё сообразить не может. Потом видит — дым валит. Давай воду таскать, тушить. Когда затушили, пришлось хозяину сознаться, что прохожий не глупей его оказался.

Записано от М.Т. Батуриной в пос. Дарасун

Карымского р-на Читинской обл.

Природа науку одолела

Жил раньше шут Балакирев. Он жил при царе — шутил там у него. А у царя был кот учёный, грамотный — документы подписывал за царя, И вот заспорили царь с шутом. Царь показывал на кота и говорит:

— Видишь, наука уже природу одолевает!

А шут говорит:

— Нет! Природу никто не может одолеть!

Вот заспорили. Но шут говорит:

— Я тебе докажу на деле.

Так прошло, может, несколько время. Вот шут поймал мышь обнаковенну. Связал её на ниточку и приходит. Приходит к царю, царь сидит в кабинете. Вот шут выжидает сидит. Кот у царя на столе. Вот тепериче царь коту подкладывает:

— На, Вася, подписывай.

То-олько кот забирает, ручку в чернилку, а шут взял да мышь-то отпустил по столу. Но, кот, чё же, увидел — кинулся, опрокинул чернилку, документы все залил чернилами и всё же эту мышь поймал. Царь соскочил:

— Ты чё это наделал?!

— Дак что, вы же говорили, что наука одолевает природу. А видите — природа науку одолела.

Видел как!

Записано от Г.В. Пешкова в г. Нерчинске Читинской обл.

Вставал поутру-вечеру

Я вставал поутру-вечеру, на босу ногу топор надевал, топорищем подпоясывался. Не путём-дорогой шёл — подле лыка гору драл. Увидал на утке озеро. Шиб его — перешиб, шиб — недошиб, потом попал, да мимо. Утка всколыхнулась, озеро улетело. Я на поскотину прихожу, а там корова хозяйку пасёт. Я говорю:

— Тётенька, дайте мне, пожалуйста, полтора молока парного стакана!

Она послала меня к бабушке. А бабушка живёт недалеко — среди неба в непокрытой улице, на гладком месте, как на бороне кверху зубами. Я пришёл, а бабку печка топит. Я спросил — она как выхватит из полена печку, да за мной, я полетел, а на дворе-то собака. Я выхватил из оглобель сани да кое-как тем и оборонился.

Записано от Д.Р. Лониакова

Из сборника «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири»

Леший

В Кангиле была свадьба. Вот мать готовит к свадьбе-то, а ребятишки, известно, под руки лезут: того дай, другого... Вот она сгоряча-то и взревела на девочку:

— Да чтоб тебя леший унёс в неворотимую сторону!

Да, видно, не в час и сказала.

А леший-то как тут и был.

Девочка выбежала из-за стола и побежала, а сама ревёт:

— Дяденька, дождидай! Дяденька, дождидай!

Теперича баба-то учухала (опомнилась), да и побежала за ней... И народ-то смотрит: что же это девчонка бежит. Ну, как вихрем несёт! Не могут догнать. И на конях, и всяко. Кое-как догнали. Теперь, как догнали её, смотрят: у неё полный подол ернишных шишек.

— Это, говорит, мне дедушка набросал, шишки-то.

Записано от И.С. Рязанцевой в с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл.

* * *

В Петров день это было. Петров день бывает летом. Она пошла.

— Ну,— гыт,— старик. Я пойду по земляничку.

Она взяла внученьку и пошла по земляницу. А он, старик-то, говорит:

— А-а, поведи тебя лешай!

И увёл. Все грязи, все прошла. Её уж потом на пятый или на шестой день на конях догнали. Все прошла на свете. Вот! С девочкой, с внучкой. И вышла она в Боты. В Актагучах была, а вышла в Боты. Это уж к Сретенску.

Лешай водил. А она говорила потом, что нигде не оцарапнулась. Шла, никого не знала. Как серавно ветром, гыт, несло. Так и девочка с ей ходила, внучка, она её за руку водила.

Записано от М.П. Рюмкиной в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл.

* * *

...Вот стряпалися. Ну, они дети да дети! (И сейчас бывает... ну, этого-то сейчас нет...) Они хватают есть-то. Она и говорит:

— Да чтоб вас леший унёс!

И их с того слова... (то ли момент какой подходит, или ково ли?) и — раз! — в окошко! Как их свистнуло туды ветром! Они — за окошко. Да знать, где поймали? В Тайне. В Чорон убежали, вот где их поймали.

Они бегут, прискакивают. На конях бежали за имя. Поймали, Это же сами матери... Они говорят:

— Какой-то дяденька с нами бежит.

Но мать же сказала это — и всё!

*Записано от А.И.Полоротовой в с. Бура
Газимурозаводского р-на Читинской обл.*

* * *

А у нас опять Кешу-то, парняшку уж большого, водил. Он пошёл в воскресенье рубить прутья, делать колошу — рыбу ловить. А мать-то:

— Тебя чё лешай таскат! Ты бы наелся да пошёл потом. Утащить тебя не может!

Мамы-то всяки были... И вот он ушёл, и ушёл, и ушёл. Ой ушёл не туды, а в хребет. И в хребте жил там. С дяденькой там ходил. Красну ягоду ели да грибочки жарили, да всяку штуку.

Его искали-искали — весь мир! До Актагучей доходили, станица вся искала!

Потом этот Кешенька (он его бросил), он сидит на валежине и не знает, куда идти. А дядя-то родной его говорит:

— Я поеду искать Кешку. Чё-то я видел во сне интересно.

Иван, отец-то, говорит:

— Седлай коня да и вали.

Он поехал. Поехал в лес-то, видит: Кеша сидит на валежине. Он подъехал и на него крестик надел.

— А ты кого, — говорит, — дядя ищешь?

— Да тебя, Кеша, садись, поедем. А мы тебя потеряли.

— Э-э, я вчера ушёл, седни уж вы ищите!

Вот как оно было!

— А ты с кем ходил?

— С дядей. Мы питались с ем.

Он его кормил. Ране ить вот старухи все говорили, что без благословесь крыночку не поставишь, а то уташшит.

*Записано от Е.Е. Рюмкиной в с. Бурукан
Газимурозаводского р-на Читинской обл.*

Домовой

Арсюха Достовалов рассказывал. Я не знаю, он верил, нет ли, всё ругался в Бога-то, а сам кого-то шептал ходил.

Вот он пошёл в лес, сделал избушку у солонца. И вот паря, когда сделал, всё, на мху — тепло... А ёкак раз у скалы.

Вот через несколько дней пошёл, солонец посмотрел: хорошо едят! «Но, седи пойдё». Пошёл пораньше, сяд. Понюхал табак. Сиж, гыт. Вот тебе двенадцать часов по времю-то, вот тебе час. (А я, гыт, у домового не попросился.) Но, сиж. Во втором часу-то как зашумело, как загудело, будто скала на меня валится! Выскочил сразу оттуда — стоит скала. И по верху вроде человек какой-то бежит, ревет. Но, я посидел — меня спёрло, боле туда не полез.

Вроде я же и срубил, гыт, её, избушку-то, а не попросился — и вот как!.. И пошёл домой, не стал сидеть: побоялся. А потом пошёл. Пришёл, попросился — и с тех пор сидел и убивал коз этих. Вот, гыт, обязательно надо проситься у домового. Это, гыт, ты, паря, запомни навсегда!

Записано от П.А.Достовалова в г. Нерчинске Читинской обл.

* * *

Я ещё девчонка была, а помню. Как-то в память всё позапало. Лошадка у нас тогда была. Наповадила к нам в стайку кто-то ходить да косичку заплетать. Вот как-то однажды дед пошёл в сарай — у лошади опять заплетены косички. Он про себя говорит: «Наверное, домовый». А смотрит: старичок сидит. Он и говорит:

— Сидишь?

А тот сжался, малюхонький такой стал, да так тихонечко прокряхтел. А сам косу-то плетёт.

Мать моя частенько тоже поговаривала, мол, уйдёт куда-то, вернётся — а в избе-то уж всё прибрано.

...Маленький, говорит, такой старичок, седенький.

Записано от А.С. Милюхиной в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл.

* * *

Раньше в Бодайбо наши ходили. И там приискатели, охотники ли, зимовьё построили.

Вот этот Стренчев и рассказывал. Прихожу, гыт, остановился ночевать в этом зимовье. Сходил воды принёс, затопил печку. Но, прежде всего, попросился, что, хозяин, пусти меня ночевать! — это как обычай. Сварил чай, попил, покурил... И вот, сколь уж время было — не знаю... Подул ветер, зашумело всё и — зале-тат... Дверь распахнулась, залетат...

— Ага, у тебя человек! Давить будем!

А этот говорит:

— Нет, не будешь. Он у меня выпросился,— это хозяин-то, домовый.

И вот они сцепились. Возились, возились — хозяин всё-таки того выбросил. И тот засвистел, ветер зашумел... Я, гыт, уж но в себе, думаю: «Ежели бы не попросился, то значит всё — отработал бы!»

Он видеть-то их не видел, а только слышал возню-то их, разговор.

Записано от Ф.И. Дутова в г. Нерчинске Читинской обл.

Банник

Это тоже Прасковья Михайловна рассказывала. Пошла, говорит, одна девка ворожить на Святках. Поставила зеркало, колечко опустила в стакан с водой, си-

дит. А её парень знал, что она собирается ворожить, и в эту избу пришёл ране её, залез на печку, лежит. И вот девка пришла, сидит. Вдруг западня поднимается, из неё появляется чёрт (а она не видит) и спрашивает её:

— Девка, что на свете три косы?

Она испугалась, молчит, не шевелится. А парень не растерялся, с печки говорит:

— У речки коса, у девки коса да литовка — коса.

Тот снова спрашивает:

— А что на свете три дуги?

Парень опять же:

— В печке дуга, в упряжи дуга и радуга-дуга.

— А что на свете три матери?

— Мать — родительница, мать-сыра земля да Мать — Пресвята Богородица.

Только сказал: «Мать Пресвята Богородица»-то, сразу чёрт исчез, западня захлопнулась. Девка ни жива ни мертва.

А если бы не парень, то он, чёрт-то, девку задавил бы. Она же испугалась. Не может ничё сказать.

Записано от А.И. Носковой в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл.

Колдун

А это отец мне рассказывал.

Раньше же груза на конях возили, подряжались зимой. Вот с грузом в одной деревне остановились. Смотрим: свадьба бежит, семь возков. А с нами был Загвоздкин, он знал кое-что. Вот мы ему:

— Давай, Спиридоныч, сделай над свадьбой, чтобы кони в разные стороны разбежались.

А он не молился, не крестился... Встал, повернулся туда-сюда — кони разбежались, удержать их не могут. А в последнем возке ехали жених с невестой и дружка. Вот он поднимается с кошевки, дружка, высокий, с белой бородой. Идёт к нам. К одному подошёл:

— Не этот.

К другому:

— Нет, не этот.

К саням (а Загвоздкин за санями) подходит:

— Жаль твоих детей малых да жизнь твою молодую, а то на карачках всю жизнь ползал бы!

*Записано от И.С. Пушкарева в с. Кибасово
Шилкинского р-на Читинской обл.*

* * *

Я вот вам какой случай могу рассказать. Вот раньше, говорят, что были такие случаи. Но только я по слухам же, я же не испытывала, не видала, что вот эти свадьбы — портили, надсмеивались над свадьбами.

Но и вот, у нас мать рассказывала. Значит, брат её, наш дядя, служил в Чите. Ехала свадьба. Тогда ить па лошадях, да по несколько пар едут! Но и вот так же заспорили казаки: кто говорит, что можно свадьбу испортить, кто говорит, что нет. А какой-то, значит, один казак выискался и спросил у командира:

— Разрешите мне?

А он говорит:

— Если не во вред, то пожалуйста.

— Нет, не во вред.

— Но, пожалуйста, подшути.

Подшутить над свадьбой! Но и вот, гыт, вдруг все повозки остановились, все поезжаны (поезжаны раньше называли), вышли из повозок и давай все подходить к невесте и целовать невесту! Начали целовать невесту!

Но и вот командир засмеялся и говорит:

— Но, хватит, отпусти их!

Но и вот. Оне сели и поехали.

А вот правда оно это было, нет ли?

*Записано от А.В. Корниловой в с. Верхняя Куэнга
Сретенского р-на Читинской обл.*

* * *

И мне папа рассказывал... Говорит, приехали на конях с грузом мужики и остановились на Шилке. Зашли к кому-то ночевать. А хозяин:

— Дак у вас чё там?

— Да груз: пшеница... А караулит-то кто?

— Чё караулить? Никого нет. А кто возьмёт, так без меня никуда не уйдёт.

Но, а были воришки-то. Водились. Пришёл один, значит, мешок на плечо-то заворотил с пшеницей, вроде: «упру». И давай ходить кругом саней. До утра и проходил в зимнюю ночь. И сбросить не может, и уйти не может. «Но, — думат, — знаткой извозчик, видать!»

Он приходит утром-то, хозяин-то, тот ему:

— Извините, — гыт, — меня! В жизни больше этим делом не займусь!

— Но, положь. Иди да запомни.

Вот как?...

Записано от П.А. Достовалова в г. Нерчинске Читинской обл.

Покойник

Дружили парень с девкой. У неё родители были богаты, а у него бедны. Девкины родители не соглашались, чтобы они сошлись.

Вот парень с девкой и договорились, что она за него убегом пойдёт.

Девка ишо днём узелок собрала и вынесла на улицу, в поленнице спрятала. Вот сидит, дожидается ночи.

Пришла ночь. Эта девка слышит: кони остановились и захрапели. Она шубёнку накинула, вышла тихонько на улицу, узелок взяла, за ворота выскочила. Там её в сани посадил парень — а всё темно — и только копать полетела! Вот кони бегут! Темно, снег пошёл. Парень на неё доху накинул, а сам спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она отвечает:

— Я с тобой ничего не боюсь.

Дальше едут. Он опять спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она:

— Я с тобой ничего не боюсь.

А самой так жутко вроде стало. У неё в узелке Библия была. Она узелок растянула, Библию вытащила и за пазуху спрятала. Едут дальше. Он снова:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

— Я с тобой ничего не боюсь.

Тут кони остановились, и она увидела, что приехали на кладбище. И поняла, что это не жених, а мертвец из могилы её увёз.

Вот он подошёл к пустой могиле и стал показывать, как в неё входить надо. А девка не растерялась. Быстро сдёрнула шубёнку, разорвала Библию, сунула половинки в рукава и накрыла шубой могилу. Сама побежала. Там часовня была, она заскочила в неё и перекрестила дверь за собой. До света дождалась. Потом ушла домой. Родителям всё рассказали, они тогда согласились выдать её за бедного парня. Он же ночью приезжал, а она уже с мертвецом-то уехала.

*Записано от Л.П. Мосоловой в с. Верхние Ключи
Нерчинского р-на Читинской обл.*

Предзнаменования

Рассказываю со слов мамы...

В их деревне два старичка пришли к купцу, у него детей не было, а жена была в положении. Старички были оборванные, а богатые не любят таких. Попросились они ночевать, их покормили у порога мало-мало, и просидели они весь день.

Потом приехал купец богатый из города. Они его приняли, напекли, настряпали: богатый богатого хорошо угощает. Стариков уложили в анбаре, а купца на кровати, простыни белые расстелили, одеяла...

Жена стала рожать ночью. Привезли бабушку или медика. Родила она. Купец, который в гости-то приехал, стоит на крыльце и курит. И слышит, старики в анбаре разговаривают: нарекли имя мальчику и сказали, что проживет он двадцать лет, женится, а во время свадьбы утонуть ему в колодце. Купец зашёл в избу, а хозяевам ничего не сказал, решил проверить, правда ли это. Уехал он на завтра днём.

Стали крестить и крёстным отцом взяли купца. Прожили двадцать лет. Пригласили купца на свадьбу. Он молчит, не говорит, что дальше будет. Поехали венчаться, домой приехали, за столы сели. Купец вышел, замкнул колодец. Пришло время парню к колодцу идти, свадьба сидит. Вышел он, а колодец закрыт, и он на колодце умер.

И купец потом признал этих стариков за святых, потому что Господь имя нарекает, и всегда нарекается, сколько лет человеку прожить.

*Записано от Е.Г. Мясниковой в с. Фирсово
Сретенского р-на Читинской обл.*

Из сборника «Русские песни Восточной Сибири»

1. Баю-баю-баюшки.

— Где были? — У бабушки.

— Чего ели? — Кашку.

— Чего пили? — Бражку.

Кашка слатенька,

Бабушка добренька:

Напоила молочком,

Проводила голичком.

— А голик где? — На столбе лежит.

— А столб-то где? — В огне сгорел.

— А огонь-то где? — Водой залили.

— А вода-то где? — Быки выпили.

— А быки-то где? — На гору ушли.

— А гора-то где? — Черви выточили.

— А черви-то где? — В ерник уползли.

— А ерник-то где? — Девки выломали.

— А девки-то где? — Замуж ушли.

— А мужья-то где? — На войну ушли.

— А война-то где? — Война кончилась.

2. Соловей кукушку подговаривал:

— Полетим, кукушка, во зелёный сад,

Там совьём, кукушка, тёпло гнёздышко,

Выведем, кукушка, два детёныша:

Тебе — кокуёнка, а мне — соловья,

Тебе — для утехи, а мне — для себя,

Тебе — коковати, а мне — распевать.

Паренёк девчонку подговаривал:

— Поедем, девчонка, в Казань-город жить.

Казань — город славный, при горе стоит,

К нему близко речка с мёдом протекла,

Близко — ручеёчек сладкой водочки!

— Врёшь ты, врёшь, мальчишка, врёшь, обманывашь.

Я сама, девчонка, в Казане жила.

Казань — город славный, при горе стоит,

К нему близко речка с кровью протекла,

Близко — ручеёчек с горячими слезьми.

3. Росла, цвела черёмушка в зелёньком саду,

Не так тонка, как высока, листом широка.

Нельзя, нельзя черёмушку неспелую брать,

Нельзя, нельзя девчоночку несватану брать,

Несватану, невенчану, незаобручену.

Среди дворца стоит крыльцо возлюбленной,

С того крыльца ведут молодца с красной девицей.
Один ведёт за рученьку, второй — за другу,
Третьей стоит — сердце болит: любил, да не взял!

4. Не огонь горит, не смола кипит,
Не смола кипит — кровь горячая,
Кровь горячая, молодецкая.
Молодой моряк корабли снастит,
Корабли снастит, переснашивает
На двенадцати тонких парусах,
На шестнадцати белых полотнах.
Марья Павловна под окном сидит,
Полотно ткала ало шёлково,
Ало шёлково, полушёлково.
По краям клала круги золотом,
По углам — кони быстрые,
На серёдке — птицы райские.
Под окном сказал добрый молодец,
Сказал: — Бог в помощь, Марья Павловна!
Марья Павловна испугалась —
Круги золотом раскатились,
Кони быстрые разбежались,
Птицы райские разлетелись.

5. Калина-малина в поле расцвела,
Эх, у родимой у маменьки дочь была одна.
Ой, отдала меня мамонька в замуж далеко,
Ой, не велела мне мамонька частой гостьей быть,
Ах, велела мне мамонька со свекровкой жить.
Прожила я годик, прожила я два,
А на третьем годике да зажурилась я,
Ко родимой маменьке запросилась я.
Эй, попросить мне конников — знаю, не дадут,
А пойти мне пешею — знаю, не дойду.
Ой, сделаюсь я пташечкою, спорхну, полечу,
Прилечу я к маменьке во зелёный сад,
Эх, сяду я на веточку, буду куковать.
В это время мамонька вышла воду брать:
— Что это за пташечка жалобно поёт,
Не моя ли доченька горьки слёзы льёт,
Не моя ли доченька голос подаёт?

6. Во субботу, в день ненастный,
Нельзя в поле работать,
Ни боронить, ни пахать.
Пойдёмте, девки, пойдёмте, бабы,
Во зелёный сад гулять.
Во зелёном садочке

Соловей-пташечка поёт.
Прощайте, девки, прощайте, бабы!
Угоняют нас от вас
На те горы на крутые,
На проклятый на Кавказ.

7. Ой, вы поля, вы поля, да вы широки поля,
Как на вас, на полях, урожая нема,
Только есть урожай — да кучерява да верба,
А под этой вербой солдат ранен лежит.
Он убит не убит — весь изранен лежит:
Голова у него да вся порубленная,
Ой, бела грудь у него вся израненная,
А в ногах у него конь вороный стоит.
— Уж ты конь, ты мой конь, конь, товарищ ты мой,
Побеги-ка, мой конь, во Россию домой,
Ты скажи-ка, мой конь, что женат на другой,
Что женила меня пуля быстрая,
А венчала меня сабля вострая,
А жена-то моя — гробовая доска,
Принимала меня мать-сырая земля.

8. Все мелки пташки пели — чуть слышен голосок.
Два храбрые героя спускались во лесок.
Из леса выходили, просились ночевать:
— Любезная хозяйка, пусти нас ночевать!
Хозяйка отвечает: — Живу очень бедно,
Я печку не топила, гостей я не ждала.
Я печку не топила, гостей я не ждала,
Я мужа проводила и сына отдала!
Герои отвечали: — Не надо ничего,
Мы рано на рассвете опять в поход пойдём.
Хозяйка пожалела — пустила ночевать.
Один герой, вошедши, садился ко столу,
Один герой, вошедши, садился ко столу,
Другой герой, вошедши, стал речи говорить:
— Признай, признай, хозяйка, ты мужа своего,
Ещё признай, хозяйка, ты сына своего!
— Я мужа признавала по ласковым словам,
А сына я признала по голубым глазам.

Талант душевный

Слово о Валерии Зиновьеве

Трудно поверить в то, что прошло почти двадцать пять лет со времени ухода из жизни Валерия Петровича Зиновьева. Уход этот был воспринят всеми, кто его знал, как горькая несправедливость судьбы. «Ушёл товарищ, каких среди нас очень немного, — написал в прощальном слове В.Г. Распутин, — друг, понимавший дружбу в её истинном смысле; педагог, прежде всего учивший духовной надёжности и доброте, человек, так много сделавший, несмотря на молодость, во имя утверждения всех этих понятий, и делавший это без усилий, каждодневным своим житием и счастливым характером».

Ушел учёный, не успевший осуществить многого из задуманного. Подготовленные им книги вышли в свет уже без него. Но за немногие годы, отпущенные судьбой, В.П. Зиновьев сумел занять собственное место в сибирской фольклористике, продолжив традицию, связанную в нашем городе с именами известных учёных (достаточно назвать М.К. Азадовского и Г.С. Виноградова, стоявших у её истоков). Как и его предшественники, Валерий Петрович преподавал в иркутских вузах: в 1971–1979 годах — на филологическом факультете Иркутского государственного университета, где он ещё со студенческих лет работал под руководством Н.О. Шаракшиновой; в 1980–1983 годах — на кафедре литературы в Педагогическом институте, куда он был приглашён Е.И. Шастиной. За эти годы состоялись десятки фольклорных экспедиций. Наверное, многим запомнилось, насколько неутомим был Валерий Петрович в полевой работе, как ждал он этих поездок, — любые кабинетные занятия он всегда был готов отложить ради очередной экспедиции.

В результате был собран ценнейший фольклорный материал, оформившийся в картотеку, насчитывающую свыше пяти тысяч текстов разных жанров, значительная часть которых была перенесена с магнитных лент. Из картотеки выросли известные сборники, но ими она далеко не исчерпана и хранит ещё немало неизданных материалов по народной культуре Восточной Сибири.

Более 400 сибирских быличек составили книгу «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» (Новосибирск, 1987). В восприятии В.П. Зиновьева эти фантастические рассказы являлись прежде всего художественными текстами, отражением «поэтических воззрений» его земляков на природу и деревенский быт.

Итогом многолетней собирательской работы стал сборник «Русские сказки Забайкалья» (Иркутск, 1983; 2-е изд. доп. — Иркутск, 1989), представивший новую сибирскую сказочную традицию. В отличие от основательно изученных ленской или тункинской, эта традиция была совершенно неизвестна науке. Валерию Петровичу удалось собрать около двухсот текстов забайкальских сказок, сохранивших не только многие традиционные сюжеты, но и своеобразную эпическую стилистику, что свидетельствует о подлинной сказительской культуре исполнителей, имеющей древние корни.

Последней работой учёного стала книга «Русские песни Восточной Сибири», которую удалось издать лишь недавно. Из почти двух с половиной тысяч записанных текстов было отобрано для публикации более трёхсот. Традиционный песенный репертуар сибирского села представлен в сборнике во всем его многооб-

разии: от колыбельных до казачьих походных, от старинных обрядовых песен до поздних баллад и романсов.

Но не только исследовательский интерес заставлял Валерия Петровича вновь и вновь выезжать в забайкальские и приангарские сёла. Он был на редкость цельным человеком, посвятившим жизнь делу, в котором для него соединились творческое призвание и остро осознававшийся им долг перед своим малым отечеством (родился и вырос он в Нерчинске Читинской области). «Здесь, по сёлам Предамурья, и были собраны сказки, которые не одну сотню лет незримым ручейком вливались в единый полноводный поток русской народной словесности, — написал он во вступительном очерке к «Русским сказкам Забайкалья». — Я читаю эти сказки с ощущением судьбы моей родины, неповторимости её красот и запахов...»

Валерий Петрович Зиновьев навсегда запомнился всем, кто его знал, той энергией добра, которую он отдавал с безоглядной щедростью. Отдавал близким: его дети вспоминают о «совершенно волшебном детстве», подаренном им отцом. Отдавал студентам (среди тех, кто считает себя его учениками, в нашем городе — не только фольклористы, но и режиссёры, педагоги, журналисты). Отдавал людям, случайные встречи с которыми во время экспедиций нередко перерастали в многолетнюю дружбу. «И вот я думаю, что же за человек был мой отец, если сейчас ходишь по его следам — и тебя везде как родную, как внучку воспринимают? — вспоминала Инга Валерьевна Зиновьева уже о своих фольклорных поездках. — В некоторых домах я видела на комодѣ фотографии внуков, детей и — папину фотографию. Как он умел за короткий срок стать для них родным человеком?.. Это же талант душевный нужно иметь, чтобы так люди тебя запомнили...»

*Наталья НОВИКОВА,
преподаватель
Иркутского государственного университета*

Вернисаж

85-летие Иркутского отделения Союза художников России

ТАТЬЯНА ЛАРЁВА

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ЧЛЕН СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РОССИИ,
ЧЛЕН АССОЦИАЦИИ ИСКУССТВОВЕДОВ

Прибайкальские художники прошлого и нынешнего веков

Юбилей Иркутского отделения Союза художников и 80-летняя история Иркутской области теснейшим образом переплетены и взаимосвязаны. Художественная жизнь нашего края — это явление уникальное, сформировавшееся в определённых географических, исторических и политических условиях и сыгравшее значительную роль в культуре России. В иркутском художественном мире проявилась деятельность отдельных личностей и целых коллективов, сформировались творческие династии. Причём каждое поколение вносило свой вклад, приумножая мировую духовную сокровищницу. Изучение культурного наследия даёт нам понимание того, что и прежде бывали события, разрушающие привычные основы, и что были и есть времена счастливые для творчества. Сюжеты, запечатлённые в произведениях изобразительного искусства, наглядно показывают, какие бурные страсти и высокие стремления волновали общество, питали его нравственное

чувство, а самое главное, что личность каждого художника была прочными узами связана со своим отечеством и пропитана бесконечной любовью к величественной природе и к людям нашей огромной, древней, суровой и прекрасной земли.

Иркутская область представляет собой огромную территорию, расположенную на юге Восточной Сибири, примыкающую к самому глубокому и чистому озеру в мире — Байкалу. Её административный центр — старинный сибирский город Иркутск. Удобное географическое положение области на путях в Бурятию, Монголию и Китай, в бассейн Амура и к берегам Тихого океана, во Вьетнам и Корею, а также через бассейн Лены в Якутию, на север и восток Сибири сыграло положительную роль в формировании богатейшей художественной культуры. Здесь теснейшим образом переплетаются различные верования. Православие мирно соседствует с языческими шаманскими обрядами, буддизмом и ламаизмом, имеющими свои эстетические идеалы и образно-символический язык. Местное искусство всегда было открыто для многих влияний, но стойко сохраняло собственную самобытность.

Именно в Иркутской области возникло такое уникальное явление, как молодые сибирские города со своей собственной сформировавшейся культурой и художественным обликом, с особым контингентом населения, где было много высокообразованной творческой интеллигенции из разных стран, осевшей здесь во время промышленного освоения Сибири и строительства Байкало-Амурской магистрали. Иногда города строились в глубине тайги, иногда — на месте уже имеющихся поселений. Среди них Ангарск, Братск, Байкальск, Шелехов, Усть-Илимск, Усолье-Сибирское, Саянск, Железногорск-Илимский.

В Прибайкалье, как часто называют наш край, было и есть немало любителей изобразительного искусства, меценатов и коллекционеров, профессионально подготовленной творческой интеллигенции. Местные художники и исследователи всегда поддерживали дружественные отношения с коллегами из других городов, проводя совместные выставки, съезды и конференции, сообща стремились определить пути своего развития. Роль Иркутска в этой связи наиболее значительна. Именно здесь было сосредоточено управление художественной деятельностью огромного региона, границы которого в зависимости от времени то сужались, то расширялись до включения Красноярска, Новосибирска, Читы, Тывы и Бурятии. Именно иркутяне стали инициаторами создания «Иркутского землячества» в Москве и Петербурге.

Датой рождения Иркутской городской организации Союза художников является май 1932 года, когда давнее стремление сибирских художников к объединению совпало с государственной политикой. На основании постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», принятого 23 апреля 1932 г., в Иркутске была создана инициативная группа по созданию единого творческого союза и избрано правление. Первым шагом в работе Иркутского городского союза стала подготовка к созданию Восточно-Сибирского Краевого Союза Советских художников (ВСКРССХ). С 10 по 24 апреля 1933 г. в Иркутске проводилась краевая конференция художников Восточной Сибири. Главной задачей конференции было объединение творческих коллективов художников в единый союз, утверждение его устава и программы, проведение первой краевой художественной выставки. Программа Союза вырабатывалась в полном соответствии с общегосударственным планом народного хозяйства и социально-культурного строительства. Творческий союз решал важные просветительские задачи: ос-

воение культурного наследия края, организация экспедиций для изучения жизни народов Севера и Бурятии, обучение детей искусству, чтение лекций и проведение передвижных выставок в отдалённые районы области.

Творческая атмосфера 1930-х гг. была отмечена новизной общественных задач. Это был период всплеска художественных поисков во всех областях искусства. У членов Союза художников возросло ощущение собственной роли в ходе исторического развития, явилась возможность высказать своё мнение о происходящем. Художники отображали в своих произведениях революционное движение, пафос трудовых побед. Нередко художники обращались к отечественной и особенно к сибирской истории, показывая взаимодействие русской культуры с культурой национальных меньшинств. Время выдвинуло на арену культурной жизни наиболее активных деятелей искусств. Среди них К.И. Померанцев (1884–1945), который был не только живописцем, рисовальщиком, скульптором, но и председателем Иркутского общества художников, хранителем художественного музея, архитектором, исследователем, занимавшимся древнерусским и монгольским искусством.

Н.А. Андреев (1889–1939) — незаурядная личность, оставившая яркий след в искусстве Сибири. Сейчас о творчестве этого одарённого живописца мы можем судить по картинам, которые находятся в Иркутском областном художественном музее: «На Крайнем Севере» (1922), «Жилище Томаксита» (1925), «Сосновый лес» (1926), «Собаки Севера» (1935), «Лесорубы» (1937), «Партизаны» (1938). Становление художественного образования связано с именем И.Л. Копылова (1883–1941), а среди его учеников можно назвать Н.В. Шабалина, М.И. Дубинского, В.П. Томиловского, В.П. Жибинова, И.А. Бойко, С.К. Гвоздева и многих других иркутских художников.

После отъезда И.Л. Копылова в Ленинград процесс художественного обучения взял на себя председатель ВСКРССХа А.И. Вологдин. Будучи директором изопедтехникума, А.И. Вологдин проблеме художественного образования и воспитания сибиряков видел широко, в том числе и как поднятие культурного уровня многочисленных народностей Сибири. Он неоднократно подчёркивал, что среда, окружающая человека, его жизненное пространство оказывают на эстетическое чувство личности огромное воздействие.

В этот период крепнут взаимосвязи между Союзом художников и учебными заведениями. Студенты и зрелые профессионалы организуют совместные выставки, участвуют в оформлении массовых праздников на улицах и площадях города, в постановке спектаклей в иркутских театрах, способствуют развитию такого нового направления в искусстве, как наглядная агитация.

Н.В. Шабалин (1901–1980), прибывший в Иркутск с парадным шествием войск 5-й Армии, возглавлял армейскую самодеятельность. Под его руководством было поставлено несколько спектаклей, оформление которых выполнялось с помощью изостудии при политотделе.

В конце 30-х годов художники участвовали в семи краевых, трёх тематических городских и десяти персональных выставках. В 1937 г. в связи с реорганизацией Восточно-Сибирской области был образован Иркутский областной Союз советских художников. С этого момента складывается традиция проведения ежегодных областных выставок, обычно это были весенние или осенние смотры.

В момент, когда члены иркутской творческой организации готовились к республиканской выставке «Наша Родина», мирный ход жизни был прерван войной.

Уже 8 августа 1941 г. состоялось заседание правления ИОССХа, посвящённое перестройке работы в военное время. Война заставила переориентировать всю творческую деятельность, сосредоточив главное внимание на наиболее оперативных видах искусства. Художники участвовали в оформлении ряда предприятий, таких как завод имени Куйбышева, слюдяная и чаеразвесочная фабрики, железнодорожный вокзал и аэропорт, госпиталь, военно-инженерное училище и другие. Они иллюстрировали местные газеты и журналы, ставили спектакли в иркутских театрах, организовывали выставки. При творческой организации существовал оргкомитет, задачей которого было обеспечение помощи художникам и семьям художников, ушедших на фронт. Искусство оказывало большое патриотическое воздействие на местных жителей, пробуждая в них национальное самосознание, вселяя веру в победу. Художники раскрывали в своих произведениях правду жизни; показывали великое горе, что принесла война, героизм советских воинов, трудовые подвиги сибиряков в тылу. Искусство, посвященное героическому подвигу нашего народа, даёт возможность нынешним и будущим поколениям почувствовать атмосферу суровых военных лет.

Следует отметить, что победоносный 1945 год стал наиболее ярким в художественной жизни Иркутской области. В Иркутском художественном музее открылась областная выставка, посвященная Дню Победы. Важное место на ней занимали плакаты мастерской «Окон ТАСС». Прошёл ряд передвижных и персональных выставок театрального художника В.Н. Лебедева, живописцев С.К. Гвоздева, В.П. Томиловского, Б.И. Лебединского и других. В целом годы Великой Отечественной войны стали тяжёлым испытанием для сибиряков. Война унесла многие жизни талантливых иркутских художников; среди них: Г.И. Бабилов, И.А. Бойко, М.Т. Брыкин, К.Е. Голых, В.Н. Груздев, Н.М. Грузинцев, Н. Гурулёв, А.П. Джук, Г.П. Загоскин, Л.Н. Залётов, Ф. Колчанов, Ломоносов, С.Г. Маличенко, В.Д. Маньков, Н.А. Матвеев, С.А. Подымахин, А.А. Потапов, А.К. Пятёрников, В.И. Рязанцев, А. Соколов, П.С. Суворов, П.Ф. Строев, П.С. Фефёров, П.Д. Хороших, Б. Шантуров, В.Д. Шевелёв. Умерли в тылу М.И. Дубинский (1941), Н.В. Лодейщиков (1943), А.С. Жарков (1948), К.И. Померанцев (1945).

После окончания войны художественная жизнь входила в мирное русло. К 1947 г. численный состав союза увеличился за счёт демобилизованных фронтовиков. Сохранилось и основное деятельное ядро союза, состоявшее из художников, работавших в условиях военного времени. Органично влилась сюда и молодёжь, выпускники художественного училища. Духовная атмосфера послевоенных лет была проникнута радостью и гордостью за победу. Стоскававшиеся по творчеству художники спешили наверстать упущенное время. Искусство сибиряков стало занимать ведущие позиции в республиканских и всесоюзных выставках. Иркутяне своими работами открывали новый край и новых мастеров. В столичных художественных центрах с интересом следили за становлением сибирского искусства, отмечая его явные достижения. Художественная культура воспринималась составной частью общего экономического плана восстановления и развития народного хозяйства. А планы эти были действительно грандиозными. Предусматривалось сооружение Ангарстроя, Байкало-Амурской магистрали, магистрали «Тайшет — Братск — Витим», строительство новых сибирских городов, развитие промышленности. Многие художники стремились в гущу событий — туда, где разворачивалось бурное строительство, и в сельскохозяйственные районы области.

В разных областях художественной деятельности наметились тенденции к

критическому переосмыслению исторического прошлого. В искусство вошло новое поколение художников со своим острым, бескомпромиссным взглядом на мир. Зазвучали проблемы бедственного положения деревни. Сибирские писатели и художники начали осознавать ответственность за всё, что случилось с крестьянством, за нравственное состояние общества. Основное направление в искусстве 60-х гг. получило название *суровый стиль*. В общих чертах это направление выражалось в стремлении художников обращаться к темам современности, изображая жизненную реальность со всей прямоотой и откровенностью. К 60-м гг. художники Сибири стали играть значительную роль в деятельности Союза художников СССР и РСФСР. Их творчество вносило свежую струю в общее русло развития современного искусства. В это время получает всесоюзное признание искусство таких иркутских художников, как А.И. Алексеев, А.И. Вычугжанин, Г.В. Богданов, Е.А. Конев, В.Ф. Ольховик, А.Д. Фатьянов.

До 1964 г. в стране существовала практика проведения только областных, республиканских и всесоюзных выставок. Такой огромный регион как Сибирь зачастую не имел возможности представить своё искусство в полном объёме. Общие устремления творчества сибирских мастеров, единые условия культурной и хозяйственной жизни, совместные организационные структуры позволили вести разговор об определённой самостоятельности. Поэтому было принято решение о разделении Российской Федерации на десять художественных зон, имеющих своё представительство в правлении Союза художников РСФСР. Крупнейшим из них стала зона Сибири. Объединение по территориальному принципу позволило сплотить периферийные силы, оказать им материальную поддержку. Регулярно, раз в пять лет, стали проводиться зональные (региональные) выставки. Председателем зонального выставкома был избран иркутянин В.С. Рогаль, впоследствии его сменил А.И. Алексеев, а ещё позже — А.М. Муравьёв.

После художников-шестидесятников, открывших новые темы в искусстве, пришли художники 70-х гг., придавшие новую смысловую и стилистическую направленность художественным произведениям. Пришло новое поколение — плеяда талантливых художников пополнила иркутскую организацию, и среди них: Е.А. Конев, А.И. Вычугжанин, А.Ф. Рубцов, А.Г. Костовский, В.А. Кузьмин, Е.С. Симонов, И.Е. Юшков, А.Г. Юшкова, В.В. Тетенькин, И.И. Несынов, В.Г. Смагин, Н.Е. Житков, А.М. Муравьёв, Н.П. Домашенко, Г.Н. Курочкина-Домашенко, Н.П. Башарин, Г.В. Шихалев, Г.К. Неупокоев, С.Н. Гарашук, В.И. Чертков, В.М. Бушков, В.В. Демьяненко, В.А. Адов, Л.А. Имшенецкая, В.Ф. Жемерикин. Молодые художники имели возможность совершенствовать своё мастерство на всесоюзных и всероссийских творческих дачах. Зачастую потоками руководили сложившиеся, зрелые мастера из столичных городов страны. Совместное обсуждение общих творческих проблем и методов работы в неформальной обстановке, организация круглых столов и выставок давали положительные результаты. Сибирские художники, обладая творческой индивидуальностью, входили в единое российское творческое пространство.

В конце 70-х — начале 80-х гг. наблюдается активность во всех видах деятельности, что объясняется большим вниманием государства к изобразительному искусству и лучшей отлаженностью общего механизма взаимосвязей центра и периферии. В это время иркутские художники занимали ведущие посты в структуре управления Союза художников РСФСР и СССР, а также возглавляли работу художников сибирского региона.

Ведущие позиции в искусстве этого времени занимает тематическая картина, пейзаж и портрет. Создают свои этапные произведения А.Г. Костовский, В.А. Кузьмин, Е.С. Симонов, И.Е. Юшков, А.Г. Юшкова, А.И. Вычугжанин, В.В. Тетенькин, Е.А. Конев, А.Ф. Рубцов, И.И. Несынов, В.Г. Смагин.

Организованные группы художников выезжают в творческие командировки на крупномасштабные всесоюзные стройки, на БАМ. Сорок восемь художников в составе нескольких бригад побывали в Усть-Куте и Звёздном, Нии-Грузинской и Магистральном, Улькане и Кунерме, Гранитном, Даване и Северомуйске.

Особый интерес представляют журналистские и художественные сводки Н.А. Опанасенко (1936–2013). Графика, как один из самых мобильных видов искусства, оказывается наиболее востребованной. Руководитель графической секции А.М. Муравьёв со своим коллективом, куда входили Н.П. Башарин, А.С. Шипицын, А.И. Шелтунов, Л.Б. Гимов, создали произведения, сконцентрировавшие в себе напряжённую атмосферу стройки, где подспудно оказались затронутыми проблемы экологические и нравственные. В декоративно-прикладном искусстве в области классической обработки стекла, в витраже и керамике создаются произведения Б.Т. Бычковым, Л.Н. Назаровой, С.П. Назаровым, Н.А. Рубцовой, В.В. Лозинским. 70–80-е гг. — это период стабильности и уверенности в завтрашнем дне, время больших творческих накоплений, результатом чего явились крупные исследования в области истории и искусствоведения, масштабные выставки, творческое формирование талантливых мастеров изобразительного искусства.

Перестройка грянула как шок, как взрыв, который рушил все привычные устои, когда низвергались идеалы и отменялись духовные ценности, менялись критерии оценок и художественные ориентиры. Не случайно общество постперестроечного периода характеризуют как общество, страдающее посттравматическим синдромом. Со второй половины 80-х гг. в связи с изменениями в политике государства меняются и направления в искусстве. Кризис идеологии нивелировал тематическую направленность в творчестве. Разрушение советской государственной системы, начиная с 1985 г., определённым образом сказалось на духовной жизни общества, а августовские события 1991 г. стали конечным рубежом исторического этапа. Художники в период перестройки потеряли социальную защищённость. Общая депрессия сказалась не только на творчестве, она реально оборвала жизнь нескольких талантливых художников. Среди них Г.В. Анциферов, С.Н. Гарашук, В.В. Демьяненко, Г.Е. Новикова, В.Ф. Жемерикин, Л.И. Имшенецкая, В.И. Югатов, Б.В. Десяткин, С.А. Корнев, А.Е. Шпирко, Ю.Б. Митькин, Н.Т. Лебедева, В.И. Лапин. Деятельность многих учреждений культуры продолжалась, но существенно видоизменялась, как и вся государственная система со сложившимися взаимосвязями и общей организацией.

В течение первых десятилетий нового века в творческой среде сибиряков заметно нарастание позитивных тенденций. И сегодня совершенно правомерно Иркутск называют городом художников, а Прибайкалье — территорией творчества. Об этом свидетельствует обилие выставок, карнавалов, театральных и музыкальных фестивалей, межрегиональных и международных художественных проектов. Нарядные росписи храмов, красота убранства многих общественных и частных архитектурных сооружений, где уютно расположились витражи и мозаики, появление новой монументальной и станковой скульптуры — всё это стало приметам нового времени.

Сейчас основным объединением художников является Иркутское региональное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» (ИРО ВТОО «СХР»). Оно стало правопреемником Иркутской организации Союза художников СССР, затем РСФСР и было зарегистрировано 17 июля 2000 г. До настоящего времени ВТОО «СХР» с центром в Москве остаётся одним из самых масштабных, самых массовых творческих объединений художников в нашей стране и в зарубежье. С 1995 г. ВТОО «СХР» является членом Международной ассоциации изобразительных искусств ЮНЕСКО, ежегодно участвует в конференциях и ассамблеях этой организации и одновременно входит в число членов Международной конфедерации Союзов художников. Члены Иркутской организации Союза художников России также являются членами Ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО, что указано в членском билете.

Основное направление деятельности Иркутского регионального отделения Союза художников России — создание необходимых условий для творчества профессиональных художников, входящих в её состав, содействие созданию правовых гарантий, сохранение творческих мастерских, популяризация творческого наследия, решение экономических и социальных проблем художников. Союз всячески способствует культурной, творческой, выставочной и просветительской работе, проводит образовательные и стажировочные мероприятия. Имея филиалы в крупных городах Иркутской области, Союз направляет и организует творческую деятельность всего региона. Стали развиваться все виды изобразительного искусства: монументальная и станковая живопись; книжная, станковая, промышленная, компьютерная и прикладная графика; художественное проектирование, дизайн, монументальная и станковая скульптура, иконопись, храмовое искусство, сценография и искусствоведение. Богатство природных материалов способствует бурному развитию декоративно-прикладного искусства: керамики, камнерезного, ювелирного дела, резьбы по дереву и кости, обработке кожи и металла, стеклоделию. Наличие в регионе крупных профессиональных театров дало толчок для интереснейшей сценографии. Открывшиеся возможности свободных международных связей привнесли в творчество сибирских художников столь популярные в современном мире новые формы и направления творчества. Значительный подъём следует отметить в области искусствознания и художественной критики. К изучению изобразительного искусства обращались и обращаются многие иркутские историки, искусствоведы и культурологи. Среди них А.Д. Фатьянов, Т.Г. Бусаргина, Е.С. Зубрий, Т.А. Крючкова, Я.Ю. Лисицина, Е.А. Алёшина, Л.Н. Малкина, Ю.П. Лыхин, С.Е. Шемякина, Р.М. Лобацкая, Н.С. Сысоева, Т.П. Огородникова, Л.Н. Снытко, Э.В. Змановских. Причём сейчас художественными критиками чаще всего становятся сами художники. Их яркие профессиональные выступления на встречах и открытиях выставок, доклады на конференциях, интервью на радио и телевидении носят оценочный характер и отражают проблемы и тенденции современного изобразительного искусства. Нередко художники сами берутся за перо, пишут интересные статьи и монографии, защищают кандидатские диссертации. Важное место среди изданий занимает систематический выпуск каталогов. В них содержатся сведения о коллекции или выставке, указывается количество участников и произведений по видам и жанрам искусства, как правило, — с краткой аннотацией. Вводные статьи и предисловия характеризуют художественную ситуацию, время и цель создания экспозиции, показывают деятельность коллектива или творчество отдельного мастера. Всего, начиная с 1930-х гг. и до сегодняшнего

дня, было издано около двух тысяч каталогов. Полное и подробное представление о деятельности ИРО ВТОО «СХР», начиная с 2010 г., дают «Информационные сборники» — своеобразная форма творческого отчёта о деятельности союза.

Художники и искусствоведы постоянно проводят огромную работу по популяризации изобразительного искусства, организуя персональные и тематические выставки, которые в большинстве случаев сопровождаются насыщенными культурными программами, включающими встречи со зрителями, мастер-классы и работу со СМИ. Большой общественный резонанс вызвал цикл телевизионных передач «Из мастерской художника», «Эскиз к портрету» (ГТРК «Иркутск»). Он представляет собой авторский проект Евгения Турунова, Романа Рютина, режиссёра Марии Аристовой и продюсера Е. Чеботарёвой. Сюжеты были основаны на творчестве и деятельности ведущих иркутских живописцев, графиков и коллекционеров. В рамках проекта удалось создать фильмы, посвященные 80-летию юбилею ИРО ВТОО «СХР», фильмы об Анатолии Костовском, Александре Шипицыне, Александре Муравьёве, Аркадии Лодянове и Наталье Лодяновой, Александре Москвитине, Олеге Ушакове, Андрее Рубцове. Фильм «Меценаты» рассказывал о деятельности Елены Зубриной, Дмитрия Баймашева, Виктора Бронштейна. В 2013 г. был снят цикл документальных фильмов о Виталии Смагине, Анатолии Алексееве, Раисе Бардиной-Шпирко, Владимире Соколове, Владимире Кузьмине, Сергее Элояне, Евгении Турунове. В 2016 г. вышли фильмы об Иркутском художественном училище им. И.Л. Копылова Анатолии Погребном, в 2017 г. — о Юрии Квасове.

В становлении творческих кадров велика роль художественного образования. В Иркутске и Иркутской области сформировалась многоступенчатая (многоуровневая) система: от детской художественной школы до высших учебных заведений. Преподавателями специальных дисциплин чаще всего являются члены Союза, сами творчески работающие художники, активно участвующие в выставках и творческих проектах. Художники, получившие образование в Иркутске, дополнили творческие организации многих городов страны и союзных республик, особенно соседней Бурятии. Принцип обучения направлен здесь не только на привитие профессионального мастерства, но и на воспитание личности художника, человека творческого, созидающего. Особенности иркутской школы складывались на основании многих школ: Парижской академии Родольфо Жюлиана (Жюльена), Санкт-Петербургского ордена Трудового Красного Знамени государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица, Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Московского текстильного института, Московского полиграфического института, Высшей художественной школы Паллас в Тарту (Эстония), Таллиннского государственного художественного института, Львовского государственного художественного института прикладного и декоративного искусства, Харьковского государственного художественного института, Одесского художественного института, Красноярского государственного художественного института и др. Полученное в Иркутске первоначальное художественное образование служило прочной базой, фундаментом для дальнейшего совершенствования, иммунитетом против различных влияний. Приобретенные знания иркутские художники умели адаптировать. Усвоенное новое, ценное, пропущенное через себя они возвращали переплавленным в индивидуальное творчество. Благодаря этому шло обогащение традиции и дальнейшее развитие искусства.

Иркутское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Союз художников России» поддерживает научные и творческие контакты с музеями и галереями региона, способствует комплектованию коллекций. Так, многие работы подарены художниками Иркутскому областному художественному музею им. В.П. Сукачёва, Музею истории города Иркутска, Ангарской, Братской и Саянской картинным галереям, Усть-Ордынскому национальному музею, областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского, художественным школам и многим другим учреждениям города и области. Продолжая добрые традиции сибирских меценатов, новые коллекционеры Прибайкалья формируют собственные частные коллекции и открывают галереи. С одной стороны, они выполняют просветительскую миссию, с другой — выступают меценатами по отношению к художникам. Среди них почётные члены Союза художников: Д.З. Баймашев, В.В. Бронштейн, Л.Д. Ермонтович, Д.А. Салацкая, А.А. Дедюхин. Плодотворное партнёрство Союза с Л.Б. Тен, председателем фонда, и С.Ю. Теном, членом попечительского совета Благотворительного фонда имени Юрия Тена, позволило с большим успехом провести благотворительные аукционы. Средства, полученные от продажи работ иркутских художников, были направлены на приобретение медицинского оборудования и препаратов для детских больниц. Структурным подразделением ИРО ВТОО «СХР» является галерея современного искусства «Дом художника», которая действует в соответствии с Уставом ВТОО «СХР» и законодательством РФ. Её основная работа направлена на пропаганду творчества иркутских художников, активизацию художественной жизни, повышение интереса к современному изобразительному искусству и реализацию произведений. В настоящее время работу галереи осуществляет директор Н.П. Куклина на основании плана, утверждённого правлением. Ежегодно предоставляется материальная помощь пенсионерам-инвалидам и участникам Великой Отечественной войны, что позволяет успешно решать вопрос социальной поддержки членов творческого коллектива. Одним из важных видов деятельности союза является работа с молодёжью, в чём проявляется забота о будущем нашей культуры. Молодёжное объединение МХ проводит системную работу, поддерживая большое число студентов и молодых художников, преподавателей художественного училища и высших учебных заведений. Уже стали традиционными престижные межрегиональные молодёжные выставки «Аз. Арт. Сибирь», «Молодая Сибирь», «Аз ЕСМБ». Ежегодно в Иркутске проходят тематические и молодёжные областные выставки, конкурсы учебных и дипломных работ. При активном участии художников и студентов прошли такие социально ориентированные и благотворительные акции, как «Город глазами молодёжи» и «Мостик», включающий в себя проведение мастер-классов в детских домах Иркутска.

На общем фоне развития художественной жизни Иркутской области можно наблюдать возникновение творческих объединений, что непосредственно связано с развитием новых направлений в искусстве. В 2000 г. в Иркутске было создано объединение женщин-художниц, выпускниц художественного училища, «М*АРТ». Кроме большого количества выставочных проектов, объединение ведёт большую общественную работу: это благотворительные акции в городских и областных больницах и детских домах, участие в аукционах для сбора средств нуждающимся, проведение мастер-классов. «М*АРТ» активно развивает международное сотрудничество, которое выражается в совместных выставках и фестивалях с корейскими, китайскими и монгольскими художниками. Диапазон творче-

ских направлений, видов и жанров, в которых работают художницы, достаточно широк. Сейчас в состав объединения входят Н.С. Сысоева, Н.П. Балакина и Р.Г. Присяжникова, Л.Н. Назарова, М.Г. Марцинечко, Н.А. Довнич, Ю.В. Гальченко, М.Е. Синишина, А.А. Мартынова, Я.Ю. Лисицина, В.И. Кондратьева. Среди женских объединений активно заявляет о себе группа художниц «Дама ПИК». Их участницы: М.А. Быкова, Е.Г. Илькова, Н.В. Малышева, Е.В. Сергейчук, Т.В. Анисимова, А.Ю. Буддо, С.А. Гуськова, А.Д. Ченских, Н.В. Пологрудова, А.В. Халипова. Художниц объединяют единые творческие устремления и жажда экспериментов. В 2003 г. в филиале Музея истории города Иркутска состоялась презентация творческого объединения «Явления». Пять молодых художников — Ольга Кузьмина, Наталья Довнич, Андрей Поляница, Наталья Вертлиб и Владислав Урбаханов — вместе учились в Иркутском художественном училище. После его окончания поступили на художественный факультет ИрГТУ, на кафедру монументально-декоративной живописи, возглавляемую В.Г. Смагиным. С 2003 г. в Иркутске существует объединение «52-я параллель», в которое входят художники, искусствоведы, фотографы и программисты. Основные направления деятельности: современная живопись, скульптура, графика, компьютерная графика, фотография, выставки-акции, перформансы, онлайн-проекты. Выпускники Иркутского педагогического университета объединились в группу «Красный квадрат». Под руководством Оксаны Рыбчинской сформировалось объединение художников декоративно-прикладного искусства с ежегодным отчётным выставочным проектом «Арт-кукла». Объединение художников-керамистов регулярно проводит тематические выставки и пленэры на Байкале. Творческое объединение «Контрапункт», созданное Ю. Ружниковой и Т. Муравьёвым, организовало несколько выставок и благотворительный аукцион в помощь реконструкции Харлампиевского храма. Художники нередко выступают с концептуальными проектами и выставками-акциями. Так, Владимир Соколов — автор пяти выставок «КульТУР!А!». В составе участников модельеры, фотографы, архитекторы, художники и дизайнеры. В Союзе художников есть несколько поколений мастеров, которые связаны не только профессией, но и семейными узами. В связи с этим был задуман проект «Семейный альбом», в концепции которого лежит творчество семейных династий. Вся эта яркая полифония творческой жизни органично вписывается в общекультурный фон и находит поддержку в профессиональной среде Иркутской организации Союза художников России.

То, что Иркутская область расположена на стыке Европы и Азии, ориентирует Союз на укрепление и развитие международных связей с творческими союзами и учебными заведениями художественных специальностей Китая, Кореи, Монголии и других стран. Подписаны соглашения о сотрудничестве между вузами Иркутска и Китая, осуществлён крупный издательский проект «Современные художники России и Сибири». Прошли международные выставки и фестивали искусств в Республике Корея и в Китае в городах Пекин, Тейджон, Тэгу и Харбин. В марте 2012 г. прошли Дни культуры Иркутской области в Пекине. Стала традиционной выставка, ориентированная на сохранение и развитие культурного наследия коренных этносов народов Прибайкалья «Восточное пространство». Творческое объединение художников-керамистов под руководством Татьяны Ерошенко с целью создания музея современной керамики в нашем регионе уже несколько лет проводит всероссийские симпозиумы и пленэры «Байкал-КераМИСТИКА» на Ольхоне. Знаковыми творческими проектами стали выставки «Енисей — Ангара:

великие реки сибирского искусства» и «Ангара — Енисей: великие реки сибирского искусства», «Светлое Христово воскресенье», «Педсовет», «Художник и мастерская», «Земля у Байкала», посвященная 80-летию Иркутской области и 85-летию Иркутской городской организации Союза художников в Москве. Подобные смотры позволяют полно и многогранно рассказать о самобытном творчестве современных художников Иркутской области, определить, что нового внесло наше время, что удалось сохранить из прошлого, а что приобрести и открыть заново, тем самым дополнив и обогатив художественную культуру Сибири.

Несмотря на высокий проходной ценз, ежегодно иркутская творческая организация пополняется новыми членами. Сейчас она насчитывает 156 художников разных возрастных категорий и специальностей. Многие из них обеспечены творческими мастерскими. Деятельность Союза в основном организует Правление, которое избирается общим собранием и контролируется ревизионной комиссией. Многие достижения наших мастеров отмечены правительством России, Иркутской области и города, орденами и медалями, премиями и почётными грамотами. Регулярно художники удостоиваются почётных званий и премий Губернатора Иркутской области. Членам организации на конкурсной основе предоставляются субсидии министерства культуры и архивов Иркутской области и Управления культуры комитета по социальной политике и культуре города Иркутска на наиболее значимые государственные проекты и издательскую деятельность.

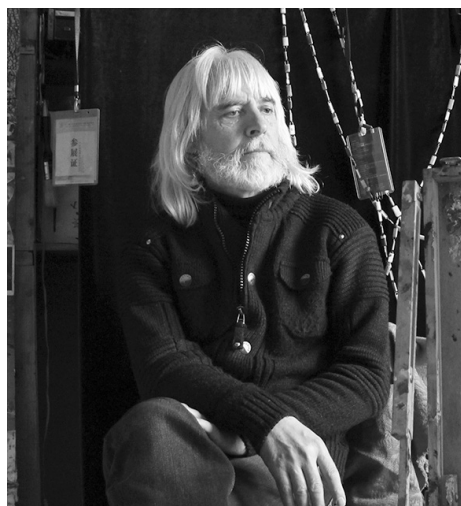
Современное изобразительное искусство в нашем быстро развивающемся мире предъявляет новые требования к творчеству, его форма и содержание определяются общественным мнением и общественным заказом представителей различных слоёв самого общества. Открываются новые частные музеи и галереи современного искусства, развивается культурный туризм, возникают новые виды и направления, в том числе связанные с виртуальной реальностью. Современные художники относятся к категории людей с оригинальными, нестандартными мыслями и идеями, являются выразителями своего времени. В этой связи роль Иркутского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» не теряет своей значимости, оно гарантирует условия для творчества, способствует формированию профессиональных ресурсов и помогает сохранить в искусстве устойчивые позитивные, жизнеутверждающие начала.

К 60-летию со дня рождения художника Юрия Карнаухова

ЛЮБОВЬ СУХАРЕВСКАЯ

Музыка живописи

От редакции: Юрий Карнаухов родился в 1957 г. в Иркутске. Окончил Иркутское художественное училище в 1986 г. Участвовал в городских, областных, региональных и всероссийских выставках. Член Союза художников России с 2005 г. Работы автора находятся в собрании Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва, а также в частных коллекциях Европы, Америки и Азии.

Юрий Карнаухов

В творчестве Юрия Карнаухова живописный портрет занимает значительное место. Художника привлекают разнообразные грани человеческого характера. Он стремится путём долгих встреч и бесед с человеком раскрыть его индивидуальность, уловить само «вещество существования» портретируемого.

Пейзаж вобрал в себя ценнейшее качество Юрия Карнаухова — способность найти красоту не только в эффектном, исключительном, но и в самом скромном и будничном. Продолжая традиции русского реалистичного пейзажа, живописец про-

являет большой интерес к передаче изменчивых состояний природы.

Основой творческого метода Карнаухова является постоянная тщательная работа над этюдами с натуры, что способствует раскрытию колористического дарования. Особенно ярко это проявляется в натюрморте. В композициях, отмеченных музыкальным звучанием цвета и разнообразием мотивов, природа и обыденная жизнь вещей раскрываются во всей многогранности и красоте.

Увидеть в прозаическом, обыденном мотиве подлинную поэзию и суметь донести её до зрителя — способность, которой наделен не каждый художник. Юрий Карнаухов владеет этим даром в полной мере, независимо от выбранного жанра. Удивительная духовная слаженность, пристальное внимание к жизни во всех её проявлениях и особая живописная музыкальность делают картины Юрия Карнаухова приятными и внимательными собеседниками в вечном диалоге художника и зрителя.

Галерей много не бывает, а если и бывает, то нашему городу до этого ещё далеко. Вероятно, поэтому так радовались иркутяне — художники и любители изобразительного искусства — открытию ещё одной арт-галереи. Тем более, что по логике всё к тому и шло: большой друг художников, иркутский меценат и предприниматель Виктор Бронштейн вот уже не первый год проводил на площади у мебельного магазина выставки местных живописцев и графиков, а теперь вся эта площадь переоборудована полностью для показа произведений искусства. Теперь в экспозиционных залах можно ещё более удобно развешивать полотна в рамах, они снабжены подсветкой, позволяющей рассматривать живопись без искажений и бликов.

Первой выставкой, которой выпало встретить гостей новорождённой галереи, стала выставка иркутского живописца Юрия Карнаухова. Поэтому поздравления в этот день принимали они оба — художник и галерист.

Кстати, на открытие галереи собралось много гостей. Устроителя поздравляли, ему говорили прочувствованные, добрые, благодарные слова. Как никто другой, наверное, понимает радость Виктора Бронштейна его коллега — хозяйка арт-галереи «ДиаS» Диана Салацкая:

— Я уверена, теперь, с открытием этой галереи, наши художники будут жить ещё лучше, у них будет больше возможностей для продвижения, а выставки здесь наверняка будут проходить регулярно. Поздравляю Юрия Карнаухова с персональной выставкой, а Виктора Владимировича и всех нас — с открытием ещё одной культурной площадки.

Председатель Иркутского регионального отделения Союза художников России Наталья Сысоева выступила от имени всего правления:

— Наши поздравления — Юрию Карнаухову. Выставка огромная, ясная, светлая, это пейзажи и портреты. Чем гордится Иркутск — своей школой живописи, и вот мы видим одного из самых ярких и талантливых её представителей. И мы безумно рады, что в городе открылась ещё одна выставочная галерея, совершенно замечательно оборудованная.

Юрия Карнаухова называют представителем «романтического реализма», на него оказали влияние мастера Возрождения — Тициан, Веласкес, Эль Греко, а ещё — русские классики Валентин Серов, Михаил Врубель, Павел Корин, Константин Коровин.

Его, карнауховские, пейзажи — это не стремление к эффектной натуре, а попытки увидеть возвышенное, приподнятое в простом и обыденном. Надо сказать, такие попытки ему блестяще удаются, и его опушки, поляны, городская архитектура — всё это дышит просветлённым воздухом сибирского простора. И даже в натюрмортах, являющих собой как бы фрагменты пейзажей, — скажем, букет багульника, ветки цветущей черёмухи или калины — царит то же настроение, настроение приподнятости, просветлённости.

Выразительны портреты Карнаухова, и первым в этом ряду хотелось бы поставить его автопортрет. Художнику повезло — у него красивое лицо с выразительными глазами, благородный профиль, абсолютно побелевшие волосы... Но не это главное, главное, что в его взгляде — печать извечного творческого поиска и печаль понимания, те качества, которые художник сумел распознать и передать.

Его портреты («Ярослав», «Анюта», «Катя») сопоставимы по уровню с портретами кисти Валентина Серова, а в портрете «Саша», и особенно в чертах

«Мужчины с сигаретой», можно увидеть перекличку с врубелевским Демоном... Таким образом он вписывает себя в контекст отечественного изобразительного искусства. И даже незамысловатый натюрморт «Яблоки с ножом», «Натюрморт с грушами» у него способны поразить зрителя так, будто мы стоим на грани открытия незнакомого мира.

Выставка Юрия Карнаухова только начала работать. Она ждёт своих посетителей, которые непременно станут если не единомышленниками художника, во что я не верю, то уж во всяком случае, — друзьями, близкими по духу, созвучными по отношению к жизни.

Байкальские вести. 2011. 21 апр.

Сумочка к ребру

«Хлестали поэтические мысли...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

СТЕПАН ПРАВДОРУБСКИЙ

Дорогие друзья! Решил я в этом номере побаловать вас стихотворными пародиями на прозаические работы Алексея Клочковского. С них мы и начнем, а затем плавно перейдём к другим не менее занимательным «шедеврам». Читайте и улыбайтесь.

* * *

*...Легкость летнего утра охватила его, когда он вышел из подъезда.
Каникулы, каникулы! — радостно телепатировал Олег самому себе.*

Алексей Клочковский. Роман «Любить и верить»

Телепат

Телепатирую себе:
Меня заждались на вечерке.
Играет кто-то на трубе.
Морзянку слышу я на зорьке.

Моё второе Я, молчи.
Не шли мне больше телеграммы.
И утром ранним не кричи.
Я телепацию в Инстаргамме.

*...Здесь глазам Олега стало сладко, будто вкус и зрение перепутались,
встретившись с микеланджеловской роскошью и сложностью переплетения
цвета клубничной розовизны к шоколадной насыщенности и моховой зелени.*

Алексей Клочковский. Роман «Любить и верить»

Розовизина

Цвета клубничной розовизины
Текли, переливаясь, к шоколадке.
От этой стилистической стряпни
Накрыл себя зелёновой тетрадкой.

И вкус, и зреньё спутались совсем
Где Микеланджело, а где да Винчи?
Шикарный роман подарил я всем.
Награду мне вручить пора бы нынче.

*Не гляди же ты в моё окошко.
Не могу писать под взглядом шалым.
Я спущу тебе монет лукошко,
Чтобы утро пахло перегаром.*

Татьяна Ясникова

Утро

Не могу писать я насухую,	Пусть иные нюхают котлеты.
Не могу писать под взглядом шалым.	Мил кому-то запах будуара.
Открывай бутылку четвертную —	Нюхают пускай цветочки летом.
Утро пусть пропахнет перегаром.	Мне милее запах перегара.

*Глубокий сон нарушил подоконник.
В него хлестал апреля первый дождь.
И я, чуть опершись на подлокотник,
Взгляд с кресла обронил в полночь.*

Валерий Кириченко

Глубокий сон

Глубокий сон нарушил подоконник.
Он грохотал, пришибленный дождём.
И я, чуть опершись о подлокотник,
Роняя взгляды, отползал ужом.

Хлестали поэтические мысли.
Я плодотворно рифмы вам дарил.
Хоть дождь с полночью на пере повисли,
Их тазом я рифмованным накрыл.

*Я ребро свое давно утратил
Но один по-прежнему живу.
Отзовись же Ева, Бога ради,
Слышишь... я тебя зову!
Ты под щебет птиц с букетом маков
Гибкой и прекрасной покажись!
Одному и в рае мне не сладко,
Без греха и жизнь моя не жизнь!*

Юрий Коньков

Приходи

Знаю, Ева, в огороде ты с лопатой.	Я один по-прежнему скучаю,
Я же с тортиком один стою в раю.	На луну мне хочется завывать.
Не зачли ребро натуроплатой,	Приходи, мы вместе выпьем чаю
Ведь в кустах пригрели мы змею.	И зачнём, как в юности, грешить.

*Мир наполню мудростью высокой.
Словом, сердцем, мыслью не солгу.
Напишу подсказанные строки
Так, как предугадывать могу.*

Людмила Белякова

Предскажу

Напишу подсказки и шпаргалки.
Никому об этом ни гу-гу.
Знают только вороны и галки —
Дождик я предсказывать могу.

Мир наполню мудростью не сразу,
Слово вещее для внуков сберегу.
Рифмы уберу в сундук от глазу.
Предскажу вам вкусное рагу.

*Двадцать первому не дам опечатки —
Раскачиваю я эпохи маятник...
На стене времени оставлю отпечатки.
В Шимановске
Вознесется
Памятник!*

Вячеслав Липин

В двадцать первый вошёл с очепятками,
Рифмы пачкая грязной пяткою.
Руки-ноги не мыл намеренно,
Чтобы след свой оставить во времени.

И когда остановится маятник,
Все увидят в Шимановске памятник.
Не кому-нибудь, мне — атлету,
Гениальнейшему поэту.

*Шумный дождь, как из ведра пролился.
Я из грязи вылезти стремился,
Но внезапно в переходный миг:
— Тах! — удар лопатой застиг.
Рассекли надвое, путь прервя,
Точно как дождевого червя;
Половина так и замерла,
А вторая — всё ж вперед ушла.
С той поры она в потёмках рыщет,
И никто не спросит, что же ищет.*

Вячеслав Липин

Червяк

Меня удар лопатой застиг.
Бац — и реальность я постиг.
Теперь не я, а два червя.
Так жизнь мою в пути прервя
(Какая рифма! Браво, я),

Ползу, верней всего, на свалку.
А, может, просто на рыбалку.
Не спрашивайте, что ищу.
Когда найду, вам сообщу.
Пока же рифмами блещу.

*Над балконом шелестел листвою старый клён.
А под клёном горевал в ночи юный Бог.
Он прекрасен был и был прекрасно влюблён,
Так как он один лишь только мог.*

Светлана Горбачева-Баженова

Елей

Прекрасно жил, прекрасно кушал.
Глаза прекрасны, прекрасны уши.
Он был прекрасен, тот юный Бог.
Сбегу от Вас я, не чуя ног.

Прекрасны строки — сплошной елей.
Но в каждом слове липучий клей.

*Откинув локон, щекоотящий шею,
Ты взор бездонный посылаешь вглубь.
А за окном Шопен и тёмная аллея...
И лампа на столе, и голос: «Не забудь...*

Светлана Горбачева-Баженова

Под крик Шопена

Откинув локон, щекоотящий шею,
Мелькали смыслы мысленно в ночи.
Ты написала, как я не умею,
Под крик Шопена: «Право, замолчи!»

ВЛАДИМИР СКИФ

На берегах Мёртвого моря

*...С удивленьем — Вертинского слышу напев.
Отчего он так грустен у Мёртвого моря?
Я под пальмой пожухлой, устало присев,
Ощущаю еврейское вечное горе...*

Виктор Бронштейн

Я в Израиле жарком под пальмой сидел,
Ощущая еврейское вечное горе,
Хотя думать о нём я совсем не хотел,
Как любой новый русский у Мёртвого моря.

Я лежал на песке, отдыхал, не страдал,
Бриз морской оведал мой загар на просторе.
Было так хорошо! Я закат наблюдал
И девиц новомодных, не знающих горя.

И отбросил я к чёрту еврейскую грусть,
Ведь я всё же поэт, олигарх — и не слабый!
У меня есть и бизнес, и матушка-Русь,
И своя галерея, и русские бабы.

Деньги есть у меня. Знаю: не пропаду.
Позабуду еврейское вечное горе.
Но в еврейскую общую нашу дуду
Буду изредка плакать — у Мёртвого моря.

Рифмованные подарки

*Подари-ка, кукушка, мне рифму на «ку»...
...Подари-ка, лягушка, мне рифму на «ква»...*

*Когда поэт читает стихи,
он похож на одинокого волка...*

Екатерина Лангольф

Подарила корова мне рифму на «му»,
и я, только родившись, с пелёнок —
то втихушку молчу, как Герасим с Муму,
то порою мычу, как телёнок.

Подарила кукушка мне рифму на «ку»,
мол, хотела ты рифму такую...
И теперь я в чащобе сижу на суку,
целый день — без обеда — кукую.

Подарила лягушка мне рифму на «ква»,
чтобы в рифму я квакала мудро,
а кукушка ревнует, мол, я же сперва
в лес звала тебя каждое утро.

Я сказала кукушке с лягушкой: — Да ну!
Не хочу вас оспаривать долго.
И взяла позвала, чтобы выть на луну,
молодого, душевного волка.

Ковылянье с незнакомкой

*Ковыляет дней моих упряжка,
Уступив дорогу лихачам.
По ночам вздыхается мне тяжело,
Часто мне не спится по ночам...*

*...С этой женщиной я не знаком! —
А она и не знает об этом...*

Антон Шмигун

Ковыляет дней моих упряжка,
Рядом с нею я иду пешком.
И не помню — отчего мне тяжело?
Будто пыльным стукнули мешком.

Так бы ковыляли мы с упряжкой
По несчастной жизни, по судьбе.
Видим: рядом женщина-бедняжка
Тоже ковыляет по тропе.

Сутки ковыляли мы по лугу...
Я решил — знакомиться пора:

Может быть, понравимся друг другу,
Сварим с нею суп из топора.

Может до любви доковыляем,
Надо ковыляющих любить.
Или вдруг возьмём наkostenьяем
Мы друг другу — тоже может быть.

А пока спокойно ковыляем
С незнакомкой мы через года,
И пока друг друга мы не знаем,
Да и не узнаем никогда.

Забавная история

*Холодный луч безмолвного светила
Скользил по краю прожитого дня,
Когда меня о чём-то ты спросила
Не слыша и не слушая меня.*

*И я солгал. И я не мог иначе —
Забавный шут с улыбкой палача...*

Виктор Балыков

Я помню, как ты долго уходила,
Была моя и, вроде, не моя.
Холодный луч безмолвного светила
Скользил, и ты скользила, как змея.

Не думая, о чём-то ты спросила,
Не слыша и не слушая меня,
Поскольку очень вдумчиво скользила
В холодном свете умершего дня.

Неужто ты и вправду уходила?
И верил, вроде, и не верил я.
Зачем тогда мозги ты мне крутила?
И, вправду, — подколотная змея.

Но ты скользила, то есть ускользала,
Я это понял, но не понимал.
Ведь перед этим что-то ты сказала,
А, может, что-то я тебе сказал.

Скользила ты, скользил твой нежный голос,
Светилась радость у тебя в лице.
Я мстерь задумал... Чтоб ты укололась,
Насыпал острых кнопок на крыльце.

Ты извивалась, хохоча и плача,
А я молчал, не звал к тебе врача.
Я отомстил, ведь я не мог иначе —
Забавный шут с улыбкой палача.

В доме с кошками

*Дом писателей? Конечно,
Знаю, знаю этот дом.
Вон он, видишь, друг сердечный,
Морды львиные на нём.*

*А повыше этих кошек
Лица каменных девчат.
Видишь, вон повдоль окошек
Ихни головы торчат...*

*...И без нас добра такого
Понапишут — будь здоров,
В доме этого Петрова.
Кстати, кто такой Петров?*

Александр Кобелев

Сашка Кобелев я, братцы,
Из Нукутска прибыл днесь
И надумал разобраться,
Я с писателями здесь.

Кто такие? Что скрывают?
И кого и как зовут?
Почему в дому со львами,
А не с кошками живут?

Кто писателей содержит?
Почему они ворчат?
И зачем под крышей держат
Лица каменных девчат?

Неужели не хватает
Девочек им вполне живых?

Или жись у их крутая,
Или жизни нет у их?

Я приехал из Нукутска,
К Скифу стукнул в кабинет.
Он и сам не из Иркутска,
В Куйтуне рождён поэт.

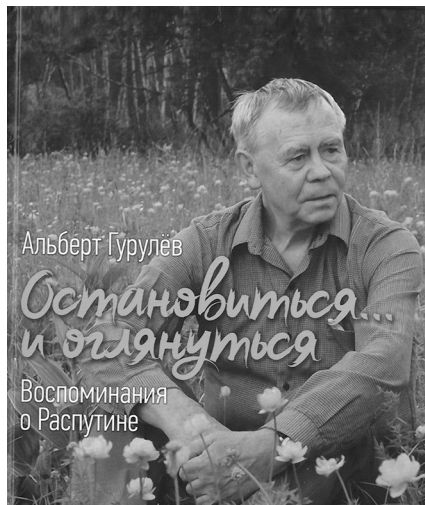
Я представился, мол, Сашка.
Мол, нигде подобных нет.
Не какая там букашка —
Сашка Кобелев! Поэт!

Скиф сказал, не попрекая,
Но с великою тоской:
— Сашка Кобелев... не знаю...
Кстати, Кобель, — кто такой?

Гурулёв, А.С.

Остановиться... и оглянуться. Воспоминания о Распутине / А.С. Гурулёв — Иркутск: Издательский центр «Сибирь», 2017. — 192с.

Книга воспоминаний Альберта Гурулёва «Остановиться... и оглянуться» охватывает более шестидесяти лет дружбы с Валентином Распутиным. Автор открывает читателю, можно сказать, неизвестные страницы из жизни знаменитого писателя.

Предваряет книгу вступление Василия Козлова «Встречи неизбежные», в котором он пишет: «Воспоминания Альберта Гурулёва посвящены обыденной, бытовой стороне: каким был Валентин Распутин в близком кругу, в товариществе, а если быть более точным, каким видел его Альберт Семёнович. И это личное наиболее ценно ещё и потому, что Альберт Гурулёв, может быть, последний и единственный близкий друг Валентина Рас-

путина. Они дружили со студенческой юности, а если эта дружба длилась многие десятилетия, значит, ей сопутствовало обоюдное тяготение».

Книга выходит в год восьмидесятилетия со дня рождения Валентина Григорьевича Распутина и будет интересна широкому кругу читателей.

Анашкин, Э.

В.Г. Распутин. Документальная повесть о дружбе с писателем / Э. Анашкин. — М.: Российский писатель, 2017. — 145 с. — (Современная русская литература).

В своей новой книге известный прозаик и публицист Эдуард Анашкин делится воспоминаниями о многолетней дружбе с выдающимся русским писателем В.Г. Распутиным, о жизненных событиях, связавших их, о влиянии слова Распутина на мировоззрение и творчество автора.

Байборodin, А.Г.

Деревенский бунт: рассказы, повести / Анатолий Байборodin. — М.: Вече, 2017. — 496 с. — (Сибириада).

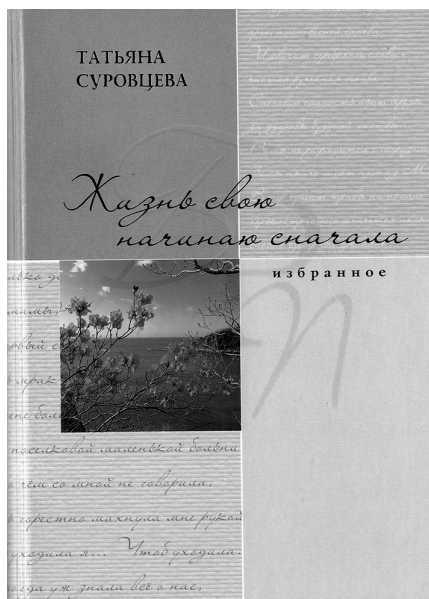

Книги известного сибирского писателя выходили в Иркутске и в Москве, рассказы и повести печатались в периодике и в сборниках за пределами нашей страны. Читателю не трудно заметить, что Анатолий Байборodin родом из деревни и воспитывался в стихии народного языка и быта. Он вырос в смешанной русско-бурятской деревне. И как люди в ней дружили и роднились, так роднились и языки. Тут не нарочитость, не приём, а вошедшее в плоть и кровь автора и его героев языковое бытование. Повести и рассказы писателя в основном о родной ему земле, и написаны они с сердечной любовью к землякам, к бывшему деревенскому укладу, к забайкальской лесостепной, речной и озёрной природе, с искренним переживанием о судьбе родной земли, родного народа.

Суровцева, Т.Н.

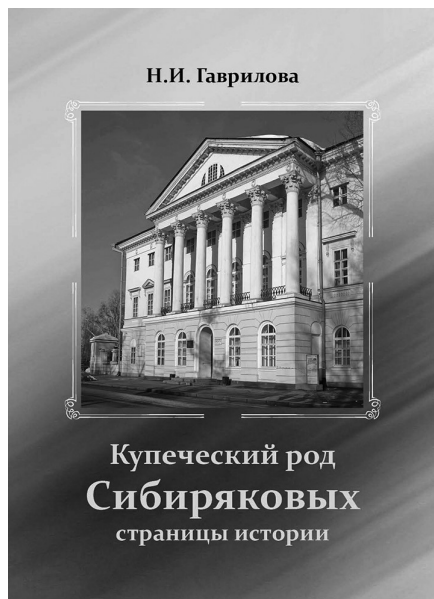
Жизнь свою начинаю сначала: избранное / Т.Н. Суровцева. — СПб.: Маматов, 2016. — 222 с. — (Биб-ка российской поэзии).

«Трещина мира проходит через сердце поэта» — любила повторять Татьяна Суровцева. Так можно сказать и об её творчестве. Точность поэтического слова, высокая нота и душевность стихов сделали имя поэтессы известным и любимым читателями. В последней прижизненной книге Татьяны Суровцевой собраны её лучшие поэтические произведения. Книга вышла в серии «Библиотека российской поэзии».

Гаврилова, Н.И.

Купеческий род Сибиряковых: страницы истории / Н.И. Гаврилова. — Иркутск: Оттиск, 2017. — 152 с.

Книга является первой попыткой представить историю известной иркутской купеческой династии Сибиряковых, насчитывающей на протяжении XVIII — начала XX в. шесть поколений. Рассмотрены родословная Сибиряковых, основные направления и динамика их предпринимательской деятельности, роль в становлении иркутского общества и сфера городского самоуправления, общественная, благотворительная и культурная деятельность, судьбы нисходящих поколений.

Особое внимание уделено представителям шестого поколения династии второй половины XIX — начала XX в., чья благотворительная, исследовательская, общественная деятельность получила признание не только в России, но и за рубежом.

Ряд материалов публикуется впервые.

Книга адресована студентам социально-гуманитарных специальностей, учёным и краоведам, а также всем, кто интересуется историей Сибири XVIII — начала XX в.

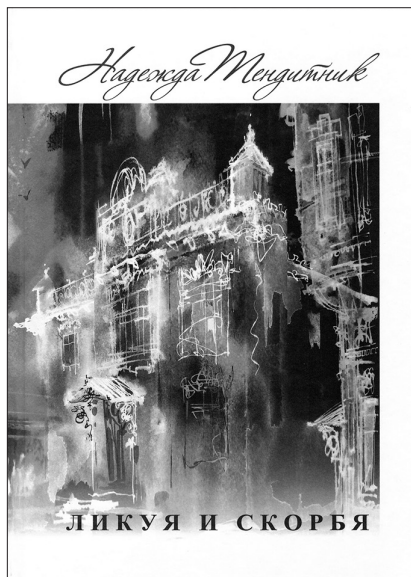
Тендитник, Н.С.

Ликуя и скорбя: статьи, рец., публ. / Н.С. Тендитник; сост.-ред. В.А. Семенова. — Иркутск: [б.и.], 2017 (Тип. «Репроцентр А1»). — 384 с.

В книгу известного сибирского литературоведа и критика Н.С. Тендитник (1922–2003) вошли очерки и статьи разных лет, прежде публиковавшиеся только в периодике, преимущественно в 1990–2003 гг. О многообразии интересов профессора высшей школы и члена Союза писателей России свидетельствуют пять разделов: статьи о малоизвестных в советское время произведениях из русской классики и Русского Зарубежья; самый большой — о творчестве иркутских прозаиков и поэтов на переломе эпох (В. Распутин, А. Зверев, Д. Сергеев, К. Балков, С. Китайский, А. Горбунов, историк литературы Сибири В. Трушкин и др.); рецензии на книги именитых современников, не только сибиряков (А. Скалон, Ю. Кузнецов, А. Преловский, В. Астафьев и В. Курбатов); театральные рецензии и отзывы на кинофильмы; публицистика. Во вступительной

статье В. Семеновой даны обзор творчества и краткая биография учёного и литератора. Выделены книги о В. Распутине и А. Вампилове — как наиболее основательные исследования в литературном наследии. Издание полезно не только филологам, но и всем, кто причисляет себя к кругу любителей русской словесности.

Приурочено к 95-летию со дня рождения Н.С. Тендитник.

Незаурядностью и самобытностью, как и все предыдущие книги, отличается впервые издаваемый двухтомник Владимира Скифа. В ярких зарисовках стихов-портретов известный сибирский поэт создал подлинную галерею, где в одном ряду находятся и известные исторические личности, и малоизвестные, или вообще почти никому не знакомые, но оттого не менее интересные люди. И каждому автором дана оценка. Владимир Скиф не только отлично их знает и помнит историю, не просто глубоко и тонко чувствует течение жизни, дар его — погрузить человека в свой мир. Увлечь так, чтобы читателю захотелось познакомиться ближе с ожившими образами в представленных стихотворных полотнах — ушедшими и здравствующими.

В первом томе опубликованы стихи-портреты святых и праведников, великих русских поэтов Золотого и Серебряного века, портреты наших современников — поэтов и прозаиков.

Второй том включает в себя стихи-портреты исторических личностей как России, так и зарубежья, портреты русских и французских художников, композиторов, артистов, музыкантов, мыслителей.

Скиф, В.П.

Дерево с листьями имён: Стихи-портреты в 2 т. Т. 1. — Иркутск: [б.и.], 2017 (Тип. «Принт Лайн»). — 368 с.: ил. Ю. Селивёрстова

Скиф, В.П.

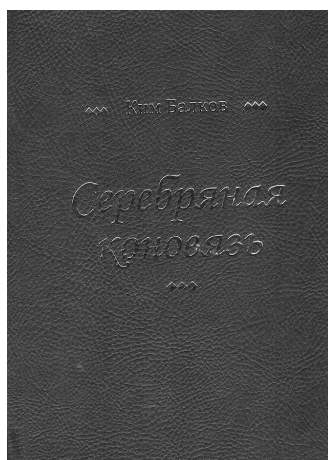
Дерево с листьями имён: Стихи-портреты в 2 т. Т. 2. — Иркутск: [б.и.], 2017 (Тип. «Принт Лайн»). — 350 с.: ил. Ю. Селивёрстова

Балков, К.Н.

Серебряная коновязь: повести и рассказы / К.Н. Балков. — Иркутск: [б.и.], 2017 (Тип. «Репроцентр А1»). — 648 с.

В новую книгу известного сибирского писателя Кима Николаевича Балкова вошли повести и рассказы, написанные в последние пять лет. Они о Байкале и о степных раздольях, о людях, живущих на этой земле, — потерявших многое из того, что имели прежде, но не утративших душевной открытости миру, любви к отчине, уважения к тем, кто жил раньше. Многие из них своими помыслами устремлены в иные пространства, и это помогает им оставаться самими собой.

Повести и рассказы были опубликованы на страницах российских журналов и тепло встречены читателями.

Мирошников, А.Г.

Песни менестреля: стихи /А. Мирошников. — Иркутск: [б.и.], 2017 (Тип. «Форвард»). — 95 с.

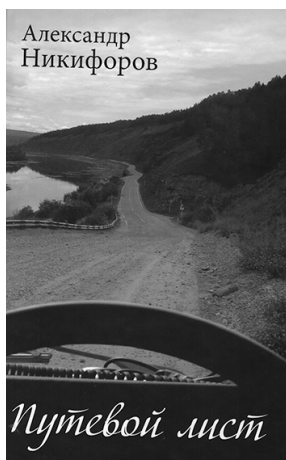
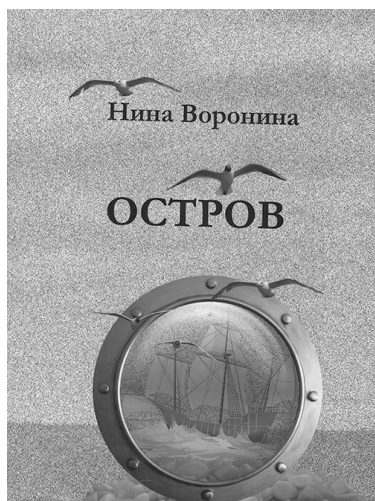
«Песни менестреля» — третий сборник поэта Андрея Мирошникова, содержит стихи, написанные в период с 1995 по 1997 год. В стихах отпечаталось время — безнадёжность и разброд настоящего разбавлены тревогой о будущем, и, как выход из этой беспросветности, определяются любовь и творчество, в которых лирический герой поэта искал себя...

Воронина, Н.

Остров: повести и рассказы / Н. Воронина. — Иркутск: [б.и.], 2017 (Тип. «Форвард»). — 185 с.

Действие книги происходит в 60–80-е годы XX века. Это время не отмечено большими историческими событиями. Но именно обыденная будничная реальность интересна автору, поскольку, чтобы раскрыть, рассмотреть в ней глубину и сложность человеческих взаимоотношений, характеров, проявлений, нужно иметь особое духовное «зрение».

Главные герои повестей и рассказов — девочка Леся, её родные и близкие. Основное действие происходит в доме, где живёт девочка. Семья, любимые люди, их место в жизни ребёнка, взросление и поиск себя, одиночество, предательство, прощение — эти данности человеческой жизни проходят красной линией через всё повествование.

Никифоров, А.

Путевой лист: стихи разных лет/А. Никифоров. — Иркутск: [б.и.], 2017 (Тип. «Форвард»). — 63 с.

Новая книга поэта Александра Никифорова включает в себя стихи, которые отображают реальную жизнь человека труда. Автор сам всю жизнь «крутил баранку» на Крайнем Севере, и это не могло не отразиться и на его характере и на творчестве. В путевом листе, в движении по городам и весям обозначен маршрут становления его характера, душевного опыта, его, если хотите, судьбы.

В книге бьётся живое сердце, много испытавшее и готовое поделиться с читателем своими чувствами. В «Путевой лист» автор включил стихи, которые, по его мнению, прошли испытание временем, показывая этим и требовательность к своему поэтическому сочинительству, и уважение к читателю.

Поздравления

Иркутское региональное отделение Союза писателей России и редакция журнала «Сибирь» поздравляют поэта Александра Обухова, ставшего лауреатом 12-й Московской научно-практической конференции «Рубцовские чтения – 2017» и 2-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей – 2017».

Иркутское региональное отделение Союза писателей России и редакция журнала «Сибирь» поздравляют лауреатов VIII международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

В номинации «Публицистика»:

А.С. Гурулёв — «Серебряный Витязь» за книгу «Остановиться... и оглянуться. Воспоминания о Распутине»;

В.В. Бронштейн — «Серебряный Витязь» за книги «Маятник бизнеса. Между орденом и тюрьмой», «Лабиринты судьбы. Между душой и бизнесом».

В номинации «Проза»:

А.С. Донских — Золотой диплом за книгу «Родовая земля»;

Ю.Д. Коренев — Диплом за книгу «Проект 38. На разломе судьбы».

В номинации «Поэзия»:

В.В. Козлов — «Бронзовый Витязь» за книгу «Гончарный круг»;

Ю.И. Баранов — Диплом за книгу «Град небесный».

В номинации «Литература для детей и юношества»:

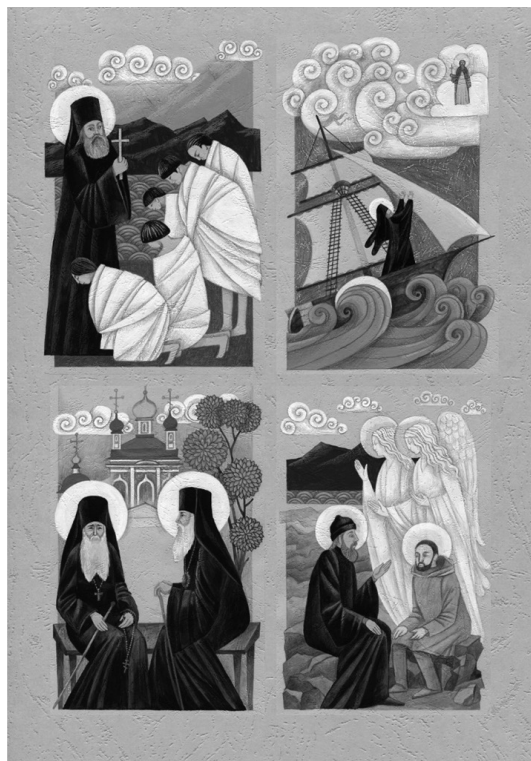
М. Соловьёв — «Золотой витязь» за книгу «Час собаки»;

Е. Хохряков — Диплом за книгу «Девочка по имени Кошмар».

Горнему — горнее

О ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ «РУССКИЙ АПОСТОЛ АМЕРИКИ»

Редакция журнала «Сибирь» поздравляет создателей выше упомянутого фильма с завершением многолетней работы над кинопроизведением, с успешной его экранизацией и с грядущими заслуженными наградами.

*Житие Святителя Иннокентия.
Художник Марина Синишина*

Вначале напомним то, о чём вычитал на сайте Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма: «В преддверии 220-летия со дня рождения и 40-летия со дня канонизации святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, Государственная телерадиокомпания «Иркутск» выпустила полнометражный документальный фильм «Русский апостол Америки» при поддержке Губернского собрания общественности Иркутской области. Над созданием фильма работали автор и режиссёр Мария Филатова, операторы Роман Васехин и Роман Рютин, монтажёр Ирина Попова, дизайнер Дмитрий Халматов, звукорежиссёр Игорь Губарев. В качестве редактора выступил заслуженный работник культуры РФ журналист Александр Голованов. В общей сложности двенадцать лет понадобилось для того, чтобы тщательно изучить архивы,

осмыслить и обработать уникальные материалы, собранные вместе с продюсером фильма, настоятелем Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма г. Иркутска протоиереем Евгением Старцевым во время нескольких экспедиций по местам служения св. Иннокентия в России и на Аляске. Участие в съёмках приняли потомки первых крещённых в Православии алеутов, православные священнослужители-американцы, Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион (Капрал), митрополит Иркутский и Ангарский Вадим (Лазебный)».

Каюсь, перед просмотром одолевали сомнения и опасения, что вместо фильма увижу нечто подобное затянутой телевизионной передаче; но опасения оказались напрасными: я увидел полноценный фильм, в повествовательной основе которого обширные и редкостные материалы о социальном и хозяйственном ос-

Форт Росс. США

воени России Аляски, о православном просвещении народов Русской Америки, а перво-на-перво, о великом апостольском служении на Аляске святителя Иннокентия Московского, уроженца земли Иркутской. Как, опять же, вычитал в сообщении о сем кинопроизведении, «над фильмом «Русский апостол Америки» режиссёр Мария Филатова работала

двадцать лет. Книги, архивы, поиск. В России объездила все края, связанные со служением Иннокентия Вениаминова: от Камчатки до Москвы. Заключительная экспедиция — в Соединённые Штаты: Нью-Йорк, Сан-Франциско и, конечно, Аляска...»

Для Божественной литургии — божественно благолепные храмы, ангельское пение, апостольский обряд, ибо горнему — горнее; вот и в фильме «Русский апостол Америки» высокое обрело и высокое художественное воплощение. А высокое в фильме — православное просвещение русскими миссионерами индейцев и креолов, ради спасения душ вчерашних идолопоклонников — потому высоко воплотилось, что создали фильма — люди православно просвещённые, а не какие-то случайные кинодокументалисты, пусть и дотошные, даровитые, мастеровитые. Сила фильма — в православности и русскости, а посему, хотя и видишь Америку, но — Русскую Америку, и хочется воскликнуть вслед за Пушкиным: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», словно создатели фильма, опять же, вспоминая великого поэта, молитвенно вопрошали: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» А посему, думаю, протоиерей Евгений Старцев не только участвовал в фильме в разных ипостасях, но и духовно окормлял — вдохновлял создателей фильма на высокое воплощение высокого смысла русского миссионерства — Христа ради спасение душ вчерашних язычников, что на идольских капищах

Часовня Святой Троицы в Форт Росс. США

Храм в Сан-Франциско. США

служивает, ибо перед нами истинное явление российской кинодокументалистики, высоко духовное и высоко художественное.

бесам жряху. Миссионерский подвиг русичей на Аляске — великая страница в истории Русской Православной Церкви, и, Бог даст, будут и другие страницы, ибо Православие на Аляске живо и по сей день, и русский дух не выветрился на океанских ветрах.

Когда журнал «Сибирь» увидит свет, думаю, фильм «Русский апостол Америки» удостоится премии Губернатора Иркутской области, что, без малейшего сомнения, за-

*Анатолий Байбородин,
главный редактор журнала «Сибирь»*